RECUEIL

d'études, dédiées à la mémoire

de

N. P. KONDAKOV

Archéologie.

Histoire de l'art. Etudes byzantines

»SEMINARIUM KONDAKOVIANUM«

PRAGUE 1926

СБОРНИКЪ

СТАТЕЙ, ПОСВЯЩЕННЫХЪ

ПАМЯТИ

Н. П. КОНДАКОВА

АРХЕОЛОГІЯ. ИСТОРІЯ ИСКУССТВА.

ВИЗАНТИНОВѢДѢНІЕ.

»SEMINARIUM KONDAKOVIANUM«

ПРАГА 1926

Сканирование и обработка
Bewerr

ИЗЪ ИСТОРІИ ФИБУЛЫ НА КАВКАЗѢ

Особое мѣсто среди археологическихъ мелочей занимаетъ фибула — родоначальница современной брошки и, такъ называемой у насъ, англійской булавки. Возникши еще въ бронзовую эпоху, приблизительно около второй половины II тысячелѣтія до Р. Х.,[1] она просуществовала почти три тысячи лѣтъ. За этотъ долгій періодъ фибула совершила весьма сложную и разнообразную эволюцію, запечатлѣвъ на себѣ вкусы разнообразныхъ эпохъ и народовъ, особенности ихъ одеждъ и состояніе техники. Долговѣчность фибулы объясняется ея удобствомъ, какъ застежки для скрѣпленія всякаго рода накидной и запахивающейся одежды, мужской и женской, а равно и тѣмъ, что, будучи очень замѣтной, бросающейся въ глаза, деталью костюма, она служила въ то же время и украшеніемъ. Совмѣщеніе этихъ двухъ особенностей — практической (какъ застежка) и эстетической (какъ украшеніе) характеризуетъ фибулу, какъ таковую, въ отличіе отъ современныхъ брошки и англійской булавки, у которыхъ эти функціи раздѣлены. Будучи характерной для эпохи и народности, фибула является для археолога тѣмъ же, чѣмъ для палеонтолога служитъ „руководящее ископаемое". Понятно поэтому и то вниманіе, которое было ей удѣлено въ наукѣ о древностяхъ.

Въ настоящее время исторія фибулы на Западѣ можетъ считаться достаточно выясненной.[2] Если идетъ еще споръ о мѣстѣ ея первоначальнаго возникновенія,[3] объ исходномъ типѣ,[4] или еще расходятся мнѣнія о происхожденіи латенскихъ[5] и нѣкоторыхъ другихъ формъ,[6] то, во всякомъ случаѣ, основныя линіи ея хронологическаго развитія уже достаточно ясны, и едва ли найдется нѣсколько типовъ, возрастъ которыхъ нельзя было бы, хоть приблизительно, указать.

Не то — у насъ, на востокѣ Европы. Хотя уже опубликованъ значительный матеріалъ, и многіе изъ русскихъ и иностранныхъ археологовъ попутно удѣляли свое вниманіе тѣмъ или инымъ формамъ, найденнымъ на территоріи бывшей Россійской Имперіи, все же, въ общемъ, картина появленія и дальнѣйшаго существованія и эволюціи фибулы на востокѣ Европы, остается неясной. Только фибулы, бывшія въ употребленіи у славянскихъ племенъ, подверглись детальному изученію.[7] Поэтому кажется

---

1) J. Déchelette: Manuel d'archéologie, II, 1e partie, Paris, 1924, стр. 326 и слѣд.

2) Литература о фибулѣ весьма обширна. Основными работами являются: O. Tischler: Über die Formen der Gewandnadeln. Beiträge zur Anthropologie und Urgeschichte Bayerns. München. 1881. S. 47. Grempler: Zur Geschichte der Fibel. Correspondenz-Blatt der deutschen Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte. 1891. O. Montelius: Evolution de la fibule en Italie. Civilisation primitive en Italie, t. I, 1895. Его же: Die älter. Kulturperioden. St. 1903. Его же: Vorklassiche Chronologie in Italien. St. 1912 Его же: La Grèce préclassique. I. St. 1924. D. Viollier: Essai sur les fibules de l'âge du fer trouvées en Suisse. Anzeiger für Schweiz. Alterthumskunde. 1907. O. Almgren: Studien über Nordeuropäische Fibelformen. St. 1897. 2-е изданіе Leipzig 1923. J. Déchelette: Manuel d'archéologie, II, 1e partie, Paris, 1924, p. 326; 2e partie, P. 1913, p. 845; 3e partie, P. 1914, p. 1245. Подробный указатель см. въ Dictionaire des antiquités grecques et romaines de M. Saglio слово Fibula (S. Reinach) и у Pauly: Real-Encyclopädie der class. Alterthumswissenschaft, Neue Bearbeitung, Stuttgart, 1918, Suppl. III то же слово.

3) Ekholm Gunnar: Pechierafibel und nordische Urfibel. Wiener praehistorische Zeitschrift. 1924. XI. 29.

4) J. Déchelette: Manuel d'archéologie, II, 1e partie. P. 1924, p. 331.

5) Тамъ же: 3e partie, P. 19 4, p. 1245.

6) O. Almgren: Studien über Nordeuropäische Fibelformen. L. 1923.

7) L. Niederle: Život starých Slovanů. Díl. 1, svaz. 2. Praha. 1913, стр. 530 и слѣд.

своевременной и умѣстной, хотя бы и краткая, но систематическая сводка русскаго матеріала.

Настоящій очеркъ представляетъ одну главу задуманнаго общаго обзора по исторіи фибулы въ Россіи. Конечно, этотъ обзоръ не можетъ претендовать на то, чтобы дать вполнѣ удовлетворительные отвѣты на всѣ вопросы, связанные съ исторіей фибулы на востокѣ Европы, уже хотя бы потому, что и самъ матеріалъ въ настоящее время недоступенъ и русскія археологическія изданія въ библіотекахъ западной Европы — явленіе достаточно случайное и рѣдкое. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторые выводы изъ разсмотрѣнія имѣющагося матеріала могутъ быть сдѣланы и, если даже окажутся неудачными, все же, быть можетъ, будутъ полезны для другихъ изслѣдователей на пути къ болѣе точному и вѣрному рѣшенію вопросовъ, связанныхъ съ опредѣленіемъ времени и народности нашихъ древностей.

*

Исторія фибулы въ Россіи начинается на Кавказѣ. Именно здѣсь найдены наиболѣе древнія, а въ Осетіи, въ частности, и наиболѣе примитивныя ея формы.

Къ сожалѣнію, кавказскія древности, какъ отдѣлъ русской археологіи, и до сихъ поръ находятся, въ общемъ, въ томъ же положеніи, о которомъ еще 40 лѣтъ тому назадъ писалъ покойный академикъ Н. П. Кондаковъ.[1] Не только добытые до сихъ поръ матеріалы не даютъ сколько-нибудь полной картины прошлаго Кавказа, но и важнѣйшіе вопросы его хронологіи остаются темными или только едва намѣчены. И это — несмотря на то, что кавказскія древнія вещи вполнѣ доступны для обозрѣнія и изученія. Не только у насъ на родинѣ, въ музеяхъ Петербурга, Москвы и Тифлиса, но и на Западѣ — въ Вѣнѣ, Берлинѣ, Парижѣ и Ліонѣ, имѣются, и при томъ въ большомъ количествѣ, предметы, добытыя изъ могильниковъ Кавказа.

Не было также недостатка и въ интересѣ къ прошлому этого края. Скорѣе наоборотъ, Кавказъ всегда, еще начиная съ классическихъ временъ, приковывалъ къ себѣ вниманіе всякаго рода изслѣдователей.[2] Долго и упорно держалось мнѣніе, полагавшее здѣсь начало нашей цивилизаціи[3], и даже населяющая Европу раса получила названіе кавказской.[4] Открытіе же въ 1869 г. кобанскаго могильника въ Осетіи привлекло къ нему особенно острое вниманіе ученаго міра, сдѣлавъ его столь же популярнымъ, какъ знаменитый некрополь Галльштатта.

Достаточно назвать имена: R. Virchow'a[5], E. Chantre'a[6], F. Bayern'a[7] и J. de Mor-

---

[1]) Гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ: Русскія древности, вып. III, СПБ. 1890, стр. 97.

[2]) П. К. Усларъ: Древнѣйшія извѣстія о Кавказѣ. Записки кавказскаго отд. географ. Общ. XII. 1881. В. В. Латышевъ: Scythica et Caucasica. Извѣстія древнихъ писателей греческихъ и латинскихъ о Скиѳіи и Кавказѣ. СПБ. 1893 (I т.) и 1906 (II т.).

[3]) Д. Н. Анучинъ: Доисторическая археологія Кавказа. Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія, часть CCXXXI, отд. 2. стр. 228.

[4]) Терминъ „кавказская раса (varietas caucasia)" введенъ для обозначенія бѣлой расы І. Ф. Блуменбахомъ.

[5]) R. Virchow: Das Gräberfeld von Koban im Lande der Osseten. Berlin 1883. Его же: Über die kulturgeschichtliche Stellung des Kaukasus unter besonderes Berücksichtigung der ornamentierten Bronzegürtel aus transkaukasischen Gräbern. Abhandl. d. Königl. Akademie der Wissensch. zu Berlin 1895. Его же: Kaukasische Praehistorie. Verhandl. der Berl. Anthropol. Gesellschaft. 1881.

[6]) E. Chantre: Recherches anthropologiques dans le Caucase. Paris (4 vol.). 1885—87. Его же: La nécropole de Koban en Ossetie (Caucase). Matériaux pour l'histoire primitive de l'homme. Toulouse. 1882. Его же: Recherches paleoethniques dans la Russie meriodinale et specialement au Caucase et en Crimée. Lyon 1881.

[7]) F. Bayern: Contribution à l'archéologie du Caucase. Lyon. 1882. Его же: Bemerkungen und Ansichten über den Kaukasus und seine vorhistorische Verhältnisse. Verhandlungen der Anthropol. Gesellschaft zu Berlin. 1882.

gan'a[1] на Западѣ или акад. Н. П. Кондакова[2], проф. В. Б. Антоновича[3], графовъ А. С. и П. С. Уваровыхъ[4], Вс. Миллера[5] въ Россіи, чтобы убѣдиться, что въ научномъ изслѣдованіи кавказскихъ древностей приняли участіе наиболѣе крупные и авторитетные археологи того времени. Почти всѣ перечисленные ученые, а кромѣ нихъ и рядъ другихъ русскихъ археологовъ (К. И. Ольшевскій, Г. Д. Филимоновъ и др.) лично посѣтили дикія ущелья Осетіи и Закавказья и производили тамъ раскопки.

Значительна и литература о древнемъ Кавказѣ[6], — имѣются такія капитальныя изданія, какъ многотомные „Матеріалы по археологіи Кавказа"[7], выходившіе подъ редакціей гр. П. С. Уваровой или богато иллюстрированныя изданія Император. Археолог. Комиссіи[8]. Тѣмъ не менѣе, повторяемъ, даже главнѣйшіе вопросы, связанные съ древностями Кавказа, еще ждутъ своего разрѣшенія. Наилучшей иллюстраціей къ сказанному можетъ служить тотъ длинный рядъ цифръ, что получился при попыткѣ опредѣленія времени упомянутаго могильника Кобани. Имѣется столько же датъ, сколько и изслѣдователей:

J. de Morgan . . XXX—XXV вѣка до Р. Хр.[9]	M. Hörnes . . . . X вѣкъ до Р. Хр.[14]
В. А. Городцовъ . . . XV вѣкъ до Р. Хр.[10]	Гр. А. С. и П. С. Уваровы VIII вѣкъ до Р. Хр.[15]
E. Chantre . . . . . XV—V вѣка до Р. Хр.[11]	S. Reinach . . . . VI вѣкъ до Р. Хр.[16]
O. Montelius . . . . . XIII вѣкъ до Р. Хр.[12]	O. Tischler . . . . . . I вѣкъ до Р. Хр.[17]
R. Virchow . . . . . XI—X вѣка до Р. Хр.[13]	Н. П. Кондаковъ перв. (II—III) в. послѣ Р. Хр.[18]

Причину такого положенія нужно искать прежде всего въ томъ, что почти весь имѣющійся въ распоряженіи археологіи кавказскій матеріалъ прошелъ предварительно

[1]) J. de Morgan: Mission scientifique au Caucase (2 vol.). Paris. 1889.

[2]) Гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ: Русскія древности, вып. III. СПБ. 1890.

[3]) В. Б. Антоновичъ: Дневникъ раскопокъ, веденныхъ на Кавказѣ въ 1879 г. Протоколы подготовительнаго Комитета V-го археолог. съѣзда въ Тифлисѣ. М. 1882.

[4]) Гр. А. С. Уваровъ: Къ какому заключенію о бронзовомъ періодѣ приводятъ свѣдѣнія о находкахъ бронзовыхъ предметовъ на Кавказѣ. Труды V археолог. съѣзда въ Тифлисѣ. М. 1881. Гр. П. С. Уварова: Могильники сѣв. Кавказа. Матеріалы по археологіи Кавказа, вып. VIII. М. 1900.

[5]) В. Ѳ. Миллеръ: Терская область. Матеріалы по археологіи Кавказа, вып. I. М. 1888.

[6]) Вообще литература о Кавказѣ очень обширна, но мало доступна, т. к. чрезвычайно разбросана по разнымъ изданіямъ. До 1874 г. она собрана у М. Міансарова: Bibliographia caucasica et transcaucasica, СПБ. 1874. Дальнѣйшая, въ значительной мѣрѣ, указана въ статьѣ В. М.: Кавказскій край, въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона, СПБ., 1894, т. XIII-а, стр. 848. Болѣе новыя работы, спеціально по археологіи, отчасти приведены у В. А. Городцова: Бытовая археологія, М. 1910, стр. 312 и у J. Déchelette: Manuel d'archéologie, II, 1e partie, Paris. 1924, p. 66.

[7]) С. А. Жебелевъ: Введеніе въ археологію, ч. I, П-дъ, 1923, стр. 121, дано краткое содержаніе выпусковъ.

[8]) Тамъ же, стр. 112, краткій очеркъ издательской дѣятельности Комиссіи.

[9]) J. de Morgan: L'humanité préhistorique. P. 1921, p. 135, повторяетъ свое прежнее мнѣніе (Mission au Caucase, 1889).

[10]) В. А. Городцовъ: Бытовая археологія, М. 1910, стр. 284.

[11]) E. Chantre: Rech. anthrop. dans le Caucase, t. II, 1886, p. 217.

[12]) O. Montelius: Die Bronzezeit im Orient und in Griechenland. Archiv für Anthropologie. Zeitschrift für Naturgeschichte und Urgeschichte des Menschen. Brunswick. 1892, s. 16.

[13]) R. Vichrow: Das Gräberfeld von Koban. Berlin. 1883, s. 124.

[14]) M. Hörnes: Urgeschichte der bildenden Kunst in Europa. Wien. 1915, s. 430.

[15]) Гр. П. С. Уварова: Могильники сѣв. Кавказа. Матеріалы по археологіи Кавказа, вып. VIII, М. 1900, стр. 361.

[16]) S. Reinach: La représentation du galop dans l'art ancien et moderne. Revue archéologique, t. XXXVII, P. 1900, p. 251.

[17]) Матеріалы по археологіи Кавказа, вып. I, стр. 114.

[18]) Гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ: Русскія древности, вып. III, СПБ. 1890, стр. 109 и слѣд.

черезъ руки скупщиковъ древностей или былъ пріобрѣтенъ за плату у мѣстныхъ жителей, сдѣлавшихъ изъ грабежа древнихъ могилъ весьма доходный промыселъ. Нѣтъ почти ни одного дневника или отчета, въ которомъ не говорилось бы о подобномъ ограбленіи, о систематическомъ или массовомъ разрушеніи мѣстными жителями памятниковъ древности. Поэтому-то почти всѣ кавказскія собранія и въ музеяхъ и у частныхъ лицъ представляютъ смѣсь случайно добытыхъ вещей изъ разныхъ могилъ и разныхъ эпохъ.

Однако, не малую роль въ столь печальномъ положеніи сыграла и малоопытность и даже неосторожность нѣкоторыхъ изслѣдователей, а часто и недостаточная продуманность производившихся здѣсь работъ. Кто бывалъ на Кавказѣ, знаетъ, какія трудности для археолога представляетъ разработка его почвъ. Благодаря особенностямъ горнаго рельефа, массѣ проточныхъ и талыхъ водъ, происходятъ постоянные оползни, перемѣщенія и обвалы верхнихъ слоевъ, отражающіеся и на положеніи и на сохранности заключенныхъ въ нихъ остатковъ старины. Очень часто весенніе потоки уносятъ на большое разстояніе различные предметы, вымытые изъ древнихъ и современныхъ могилъ, перемѣшивая ихъ. Если къ этому прибавить постоянныя, благодаря недостатку годной для культуры земли, запахиванія древнихъ кладбищъ и использованіе ихъ, по той же причинѣ, для помѣщенія новыхъ покойниковъ[1], то станетъ яснымъ, какая требуется осторожность и бдительность при подобной работѣ, когда легко встрѣтить на одномъ горизонтѣ или даже въ одной могилѣ погребенія разныхъ, часто раздѣленныхъ значительнымъ промежуткомъ времени, эпохъ и народностей.

Наиболѣе разительный примѣръ неосторожныхъ работъ даютъ раскопки у Суаргама,[2] когда въ теченіе одной только недѣли было вскрыто 36 могилъ-катакомбъ, расположенныхъ при томъ въ нѣсколько этажей, на глубинѣ отъ 2 до 12 аршинъ. Въ результатѣ изслѣдователь соединилъ весь добытый могильный инвентарь въ одно цѣлое и пріурочилъ его къ VII—VIII в. в. по Р. Х. на томъ только основаніи, что среди груды добытыхъ имъ предметовъ оказалось нѣсколько византійскихъ и сассанидскихъ монетъ. Остальныя 150 катакомбъ разворочены мѣстными жителями.

Сравнительно небольшое число научно-поставленныхъ раскопокъ и вещей, невызывающихъ сомнѣнія ни въ отношеніи ихъ мѣстонахожденія, ни по расположенію въ могилахъ, не могутъ сами по себѣ разсѣять глубокаго тумана, окутывающаго далекое прошлое Кавказа, и дать вполнѣ надежныя вѣхи для его хронологіи. Тѣмъ болѣе, что и до сихъ поръ остаются не опубликованными дневники нѣкоторыхъ раскопокъ.[3] Чисто археологическимъ путемъ, т. е. сравненіемъ типовъ могильныхъ предметовъ и другихъ признаковъ различныхъ некрополей Кавказа, возможнымъ оказалось установить лишь общее, въ настоящее время общепризнанное, положеніе, что одни могильники, какъ, напримѣръ, нижніе слои Кобани, болѣе древни, чѣмъ другіе, какъ Камунта, Голіатъ и т. д.

Гораздо больше, чѣмъ указанные факты относительной хронологіи, дало сравнительное изученіе Кавказскихъ древнихъ вещей съ предметами другихъ европейскихъ и азіатскихъ могильниковъ и находокъ. Конечно, аналогіи въ культурѣ двухъ народовъ еще не могутъ служить свидѣтельствомъ одновременности послѣднихъ, не говорятъ еще о сосуществованіи ихъ въ одномъ, хотя бы и продолжительномъ, періодѣ времени. Но, правильно примѣненный, сравнительный методъ въ значительной степени способ-

---

[1]) Матеріалы по археологіи Кавказа, в. VIII, стр. 4—7 и 95.

[2]) Матеріалы по археологіи Кавказа, в. VIII, стр. 111 и сл.

[3]) Какъ, напримѣръ, записки К. И. Ольшевскаго, хранившіяся въ частной библіотекѣ гр. А. С. Уварова, см. объ этомъ Мат. по арх. К-за, в. VIII, стр. 9.

ствовалъ установленію генезиса нѣкоторыхъ кавказскихъ формъ и выясненію исторіи взаимоотношеній древняго искусства Кавказа съ искусствомъ сосѣднихъ странъ. Примѣромъ чему можетъ служить разработка вопроса о бронзовыхъ обивкахъ нѣкоторыхъ кавказскихъ поясовъ.[1]

Наконецъ, обслѣдованіе предметовъ несомнѣнно привознаго происхожденія, обнаруживаемыхъ въ могилахъ и кладахъ Кавказа, открываетъ еще одинъ путь къ болѣе точной и опредѣленной фиксаціи этихъ памятниковъ. Разсѣянные по ущельямъ и горнымъ долинамъ, свидѣтели былыхъ торговыхъ и иныхъ связей, эти предметы ввоза являются наиболѣе надежными руководителями въ вопросахъ хронологіи. При этомъ, конечно, слѣдуетъ строго различать собственно чужеземныя вещи, которыя появились готовыми путемъ торговли, отъ тѣхъ мѣстныхъ, что сдѣланы въ подражаніе привозному образцу. При сужденіи о времени, къ которому могутъ быть отнесены тѣ или иныя погребенія и клады, заключающіе вмѣстѣ съ другими и указанныя привозныя вещи, всегда необходимо принимать въ расчетъ время, прошедшее между изготовленіемъ этихъ предметовъ на мѣстѣ, прибытіемъ ихъ на Кавказъ и положеніемъ въ могилу или кладъ. Архаичность ихъ типа, что относится также и къ подражательнымъ вещамъ, не можетъ еще служить доказательствомъ глубокой древности тѣхъ памятниковъ (могилъ, кладовъ), гдѣ онѣ обнаружены. Такимъ именно путемъ, на основѣ изслѣдованія бусъ, подвѣсокъ и амулетовъ, завезенныхъ греками, были установлены даты для нѣкоторыхъ могильниковъ Кавказа.[2] Таковъ матеріалъ и такъ шло его изученіе.

Кавказскія древности, пожалуй какъ никакой другой отдѣлъ отечественной археологіи, находятся въ тѣснѣйшей зависимости отъ состоянія нашихъ знаній прошлаго прилегающихъ странъ. Въ трехъ направленіяхъ прослѣживаются культурныя взаимодѣйствія древняго Кавказа. Но въ то время, какъ восточныя вліянія Сибири[3] и центральной Азіи[4] могутъ быть пока только констатированы и, за отсутствіемъ достаточнаго количества изысканій, не даютъ еще возможности опредѣленныхъ выводовъ и датировокъ,[5] воздѣйствія съ запада, со стороны Азовскаго и Чернаго морей, и съ юга изъ Малой Азіи уже, какъ отмѣчено выше, могутъ дать отправные пункты при изученіи кавказскаго матеріала. Пышный расцвѣтъ въ концѣ XIX и началѣ XX в. в. археологіи восточнаго Средиземноморья и странъ Передней Азіи обогатилъ науку обильнымъ и новымъ матеріаломъ.[6] Усовершенствовались, утончились и уточнились и самые методы археологическаго изслѣдованія. При свѣтѣ добытыхъ такимъ путемъ новыхъ данныхъ иначе рисуются и кавказскія древности. И если въ этомъ отношеніи имѣютъ большое значеніе новыя изслѣдованія по исторіи античнаго міра вообще,[7] то работы въ области скиѳологіи,[8] открытія и изысканія въ М. Азіи, все болѣе и болѣе выясняющія между-

[1]) Б. В. Фармаковскій: Архаическій періодъ въ Россіи. Матеріалы по археологіи Россіи № 34, П-дъ 1914, стр. 37. Тамъ же указана литература вопроса.

[2]) В. Ѳ. Миллеръ: Терская область. Матеріалы по археологіи Кавказа, в. I, М. 1888, стр. 98, 113.

[3]) Вс. Ѳ. Миллеръ: Терская область. Мат. по арх. К-за, в. I, стр. 107. Гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ: Русскія древности, вып. III, стр. 41, 67, 68, 108.

[4]) Гр. И Толстой и Н. Кондаковъ указ. соч. стр. 66, 120. Л. Нидерле: Человѣчество въ доисторическія времена. Пер. подъ ред. Д. Н. Анучина, М. 1897, стр. 330.

[5]) O. M. Dalton: The Treasure of the Oxus. London. 1905. В. А. Городцовъ: Бытовая археологія. М. 1910, стр. 193 и 196. Тамъ же приведена соотвѣт. рус. литер. Ellis H. Minns: Scythians and Greeks. Cambridge. 1913, стр. 241 и 254.

[6]) С. А. Жебелевъ: Введеніе въ археологію, ч. I, П—дъ, 1923, стр. 54.

[7]) А. Михаэлисъ: Художественно-археологическія открытія за сто лѣтъ, подъ ред. В. К. Мальмберга, М. 1913; также у С. А. Жебелева въ I ч., стр. 32 и сл., 58 и сл.

[8]) E. H. Minns указанное сочиненіе.

народную роль и значеніе тѣхъ самостоятельныхъ культуръ, что называютъ теперь аллородійскими,[1] ставятъ на очередь вопросъ о пересмотрѣ всего кавказскаго матеріала.

*

Настоящій очеркъ касается лишь одного маленькаго отдѣла древнихъ кавказскихъ вещей — фибулъ, и то не всѣхъ, а только древнѣйшихъ фибулъ сѣв. Кавказа. Исходя

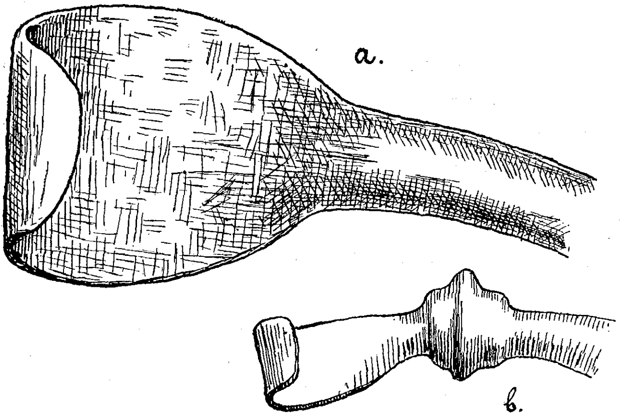


Рис. 1.
а) Пріемникъ дуговой фибулы изъ казбекскаго клада въ нат. величину. с) Пріемникъ такой же фибулы съ бортикомъ изъ Кобани.

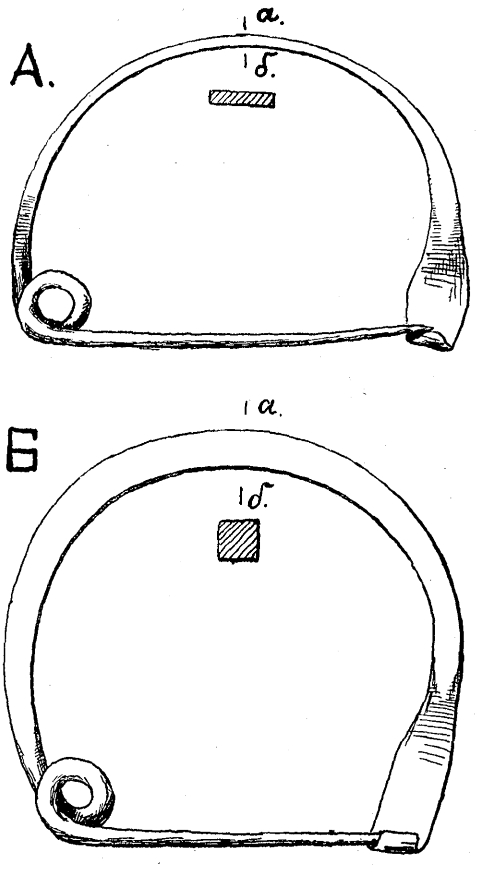


Рис. 2
Поперечный разрѣзъ *(а—б)* дуговыхъ фибулъ съ плоской *(А)* и съ квадратной *(Б)* дужкой.

изъ ихъ конструкціи, всѣ эти фибулы могутъ быть сведены въ три серіи или ряда въ зависимости отъ наличія, формы и взаимоотношенія ихъ основныхъ частей. Такимъ образомъ можно различать фибулы: 1) собственно дуговыя, 2) шарнирныя и 3) зооморфныя. Матеріаломъ для всѣхъ трехъ категорій служила бронза и только 1 экземпляръ дуговой формы изъ Архона сдѣланъ изъ желѣза (Мат. по арх. К-за, в. VIII, стр. 334).

Дуговыя фибулы представляются цѣльнолитыми, всѣ ихъ части составляютъ только видоизмѣненія одного и того же цѣльнаго куска бронзоваго отрѣзка, одинъ конецъ котораго, путемъ сплющиванія и загиба, превращенъ въ пріемникъ для иглы, остальная часть, изогнутая на подобіе дуги, переходитъ при помощи завитка пружины въ иглу.

Размѣры фибулъ этой серіи колеблятся отъ самыхъ маленькихъ, имѣющихъ 2 см. въ вышину и 2,5 см. въ ширину, до крупныхъ экземпляровъ въ 22,3 см. шириной (рис. 1[а]). Наиболѣе простые экземпляры (табл. II. рис. 1 и 2) имѣютъ нѣсколько пониженную (уплощенную) дужку, у которой ширина, т. е. разстояніе отъ пріемника иглы до спирали, превышаетъ вышину арки. Пріемникъ у нихъ узкій, еще недостаточно выдѣлившійся изъ тѣла фибулы. Но у большинства и арка высокая и вполнѣ ясно развитой иглодержатель (табл. II рис. 3—12).

[1]) М. И. Ростовцевъ: Эллинство и иранство на югѣ Россіи. П—дъ. 1918, также M. Rostovtzeff: Iranians and Greeks in South Russia, Oxford. 1922.

Дуга этихъ фибулъ въ поперечномъ разрѣзѣ даетъ чаще всего кругъ или овалъ, рѣже квадратъ, или дѣлается плоской (рис. 2.) Въ послѣднихъ двухъ случаяхъ изгибъ производится или на грань или на ребро (рис. 3.). Иногда средняя часть дужки дѣлалась вздутой — утолщалась (табл. III, рис. 19).

Пружина всегда образована однимъ спиральнымъ завиткомъ проволоки, переходящей въ иглу.

По формѣ пріемника и дуги фибулы разсматриваемаго ряда можно подраздѣлить на три типа:

I — съ узкимъ пріемникомъ и слегка пониженной дугой,
II — съ широкимъ пріемникомъ и высокой дугой,
III — съ широкимъ пріемникомъ и утолщенной (вздутой) дугой (піявковидныя).

Многія изъ фибулъ этой серіи совершенно лишены всякихъ украшеній. Но тамъ, гдѣ таковыя имѣются, можно замѣтить въ общемъ четыре пріема орнаментаціи.

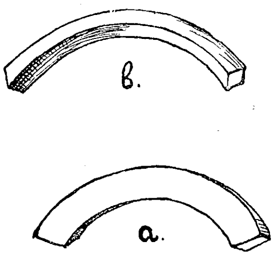


Рис. 3.
Изгибъ дуги *a)* на грань и *b)* на ребро.

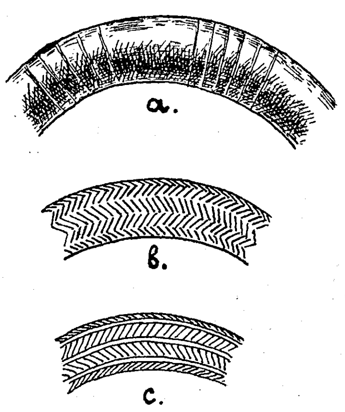


Рис. 4.
Украшенія дуги *a)* кольцами, *b)* и *c)* „ёлочкой".

Первый сводится къ небольшому измѣненію толщины дуги или въ серединѣ или только по краямъ. Иногда это дѣлается съ помощью продольныхъ реберъ (табл. II, рис. 6), отчего дуга пріобрѣтаетъ грубый, массивный видъ. Чаще дуга покрывается, особенно у концовъ, толстыми кольцевидными валиками (табл. II, рис. 4), особыми бортиками (рис. 1^{b}) и крестообразными утолщеніями (табл. II, рис. 5). У нѣкоторыхъ фибулъ поверхность дуги оживлена бусовидными выпуклинами (табл. II, рис. 9—12), иногда тонко раздѣланными (табл. II, рис. 12).

Второй способъ украшенія состоитъ въ нанесеніи на дугу насѣчкой или гравировкой довольно простого геометрическаго орнамента въ видѣ „елочекъ" (рис. $4^{b,c}$) или въ видѣ размѣщенныхъ группами колецъ (рис. 4^{a}). Сюда же можно отнести украшеніе граненой поверхности дуги группами точекъ, расположенныхъ треугольниками (табл. III, рис. 14), и выведенную пунктиромъ на пріемникѣ свастику.[1]

Очень часто украшались дуговыя фибулы винтообразной завивкой всей поверхности дуги (табл. III, рис. 23), рѣже винтообразной накладкой изъ отдѣльной проволоки (табл. III, рис. 24).

Наконецъ, присоединяли къ фибулѣ, въ цѣляхъ ея украшенія, различныя добавочныя части въ видѣ цѣпочекъ, привѣсокъ и головокъ животныхъ (таб. II, рис. 11, т. III, р. 20—22).

Распредѣленіе этого несложнаго запаса орнаментальныхъ мотивовъ по типамъ дуговой фибулы видно изъ слѣдующей таблицы:

¹) Гр. П. С. Уварова: Могильники сѣв. Кавказа. Мат. по арх. Кавказа, вып. VIII, стр. 141.

Типы	Пріемы украшенія								
	Измѣненіе толщины дуги		Геометрич. орнаментъ.			Винтъ		Добавочныя части	
I.	—	—	+	—	—	—	+	+	—
II.	+	⊕	+	⊕	⊕	⊕	+	+	+
III.	+	—	+	—	—	—	—	—	+
виды украшеній	валики и бортики	бусы	ёлочка	кольца	точки	завивка дуги	накладная проволока	привѣски	головки животныхъ

Геометрическій мотивъ „ёлочки“ встрѣчается у всѣхъ трехъ типовъ, но другіе элементы распредѣляются между ними неодинаково. Изъ нихъ четыре — бусовидный, кольцевой, точечный и завивка дуги — свойственны только второму.

Нѣкоторые экземпляры описываемыхъ формъ сохранили слѣды древнихъ поломокъ и тогда же произведенныхъ починокъ.[1] Такая починка производилась особымъ наплывомъ металла, или же путемъ механическаго соединенія отломавшейся части съ цѣлымъ.[2] Въ послѣднемъ случаѣ обѣ части сломанной фибулы сцѣплялись то маленькой накладной муфтой, крѣпко ихъ сжимавшей, то кольцами спирали.

Дуговыя фибулы найдены въ большомъ количествѣ. Извѣстны и случайныя находки отдѣльныхъ экземпляровъ, и значительныя скопленія ихъ въ кладахъ, и, наконецъ, встрѣчены онѣ въ огромномъ числѣ въ могилахъ, иногда до 8 штукъ у одного костяка.[3] Сомнѣваться, поэтому, въ массовой мѣстной ихъ фабрикаціи не приходится. Но зато, всѣ вопросы, связанные съ происхожденіемъ этой фибулы на Кавказѣ, остаются до сихъ поръ открытыми. О томъ, когда появилась фибула въ обиходѣ кавказскаго населенія, каковъ генезисъ ея формы, когда началась мѣстная ея выработка — обо всемъ этомъ въ научной литературѣ высказывались самыя разнообразныя мнѣнія. Обычно пріурочиваніе къ опредѣленному времени появленія фибулы на Кавказѣ стоитъ въ зависимости отъ взглядовъ автора на древность кобанскаго некрополя, гдѣ подобныя фибулы были обнаружены въ наибольшемъ количествѣ, и бронзы котораго въ свое время больше всего привлекли къ себѣ вниманіе. Какъ уже было указано выше, мнѣнія изслѣдователей о времени существованія прославленнаго могильника рѣзко разошлись. Въ одномъ сходятся всѣ, непосредственно работавшіе на Кавказѣ или лично осматривавшіе мѣста раскопокъ: какъ Кобань, такъ и другіе некрополи, заключаютъ въ себѣ могилы разной древности — во-первыхъ, а во-вторыхъ — нижніе слои кобанскаго могильника являются наиболѣе древними. Въ этихъ-то нижнихъ, признаваемыхъ за самые древніе, слояхъ Кобани встрѣчены погребенія, содержащія дуговыя фибулы и при томъ уже въ большомъ количествѣ.

Еще первые изслѣдователи кобанскаго некрополя E. Chantre[4] и R. Vichrow[5] искали для его фибулъ аналогій на западѣ и проводили параллели съ формами Италіи и средней Европы. Впослѣдствіи вернулся къ этому Dr Wilke[6], сопоставляя ихъ съ

[1]) Матер. по арх. Кавказа, в. VIII, стр. 55.

[2]) 1 экземпляръ въ Москов. Истор. Музеѣ.

[3]) Матеріалы по арх. Кавказа, в. VIII, стр. 54.

[4]) E. Chantre: Recherches anthropologiques dans le Caucase. L. 1885, t. II, p. 67.

[5]) R. Virchow: Das Gräberfeld von Koban. Berlin, 1883. S. 26.

[6]) Dr Wilke: Archäologische Parallelen aus dem Kaukasus und den unteren Donauländer. Zeitschrift für Ethnologie. Berlin, 1904. S. 40.

одной фибулой, найденной въ Венгріи. А между тѣмъ, наибольшее родство можно установить лишь съ древними типами Греціи.

Какъ показываютъ таблицы O. Montelius'a[1], развитіе италійскихъ формъ въ отношеніи пріемника шло въ сторону увеличенія его ширины за счетъ высоты, что привело въ концѣ концовъ къ превращенію пріемника въ длинную трубкообразную лодочку, какъ это видно на рис. 5 А. Въ Греціи[2] пріемникъ, наоборотъ, съ самаго начала остается высокимъ и, увеличиваясь со временемъ въ ширину, превращается въ пластинку (рис. 5 Б), покрывавшуюся разнообразнымъ орнаментомъ, очень часто свастикой. Кавказскія фибулы даютъ послѣдній типъ развитія (рис. 5 В). Пріемникъ у ихъ остается все время высокимъ и широкимъ, принимая иногда ту же подтреугольную форму (табл. III, рис. 23), что и у греческихъ[3], хотя и не достигаетъ той ширины, но зато также украшается иногда изображеніемъ свастики[4].

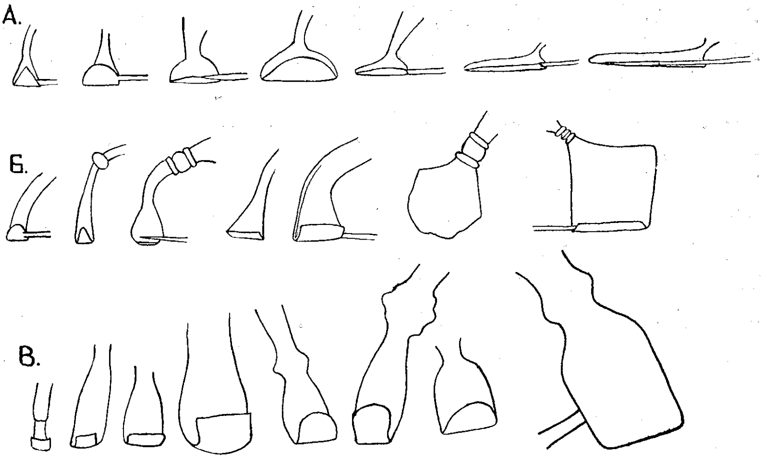


Рис. 5.
Развитіе пріемника у дуговыхъ фибулъ *А)* Италіи, *Б)* Греціи, *В)* Кавказа.

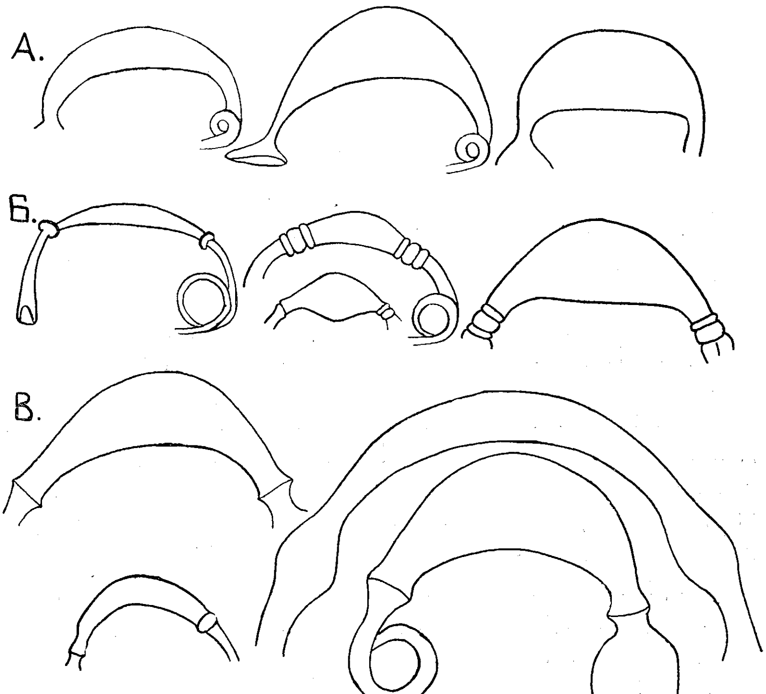


Рис. 6. Профиля дужекъ у фибулъ *А)* Италіи, *Б)* Греціи, *В)* Кавказа.

Дуга греческихъ фибулъ очень рано утолщается (вздувается) по серединѣ, придавая имъ пьявковидную форму[5], что наблюдается и у кавказскихъ (табл. III, рис. 19). Столь обычное у греческихъ формъ помѣщеніе у краевъ дуги вздутій и утолщеній[6] (валиковъ, бортиковъ и т. п.) имѣется и у описываемыхъ кав-

[1]) O. Montelius: Die älteren Kulturperioden im Orient und in Europa. I. Die Methode. St. 1903. S. 45, fig. 140—150.

[2]) O. Montelius: La Grèce préclassique. I. St. 1924, pl. 18—24; также указанное выше сочиненіе, стр. 52, рис. 177—181 и стр. 53, рис. 182—188.

[3]) O. Montelius: указ. соч. табл. 19, рис. 1 и 6.

[4]) Матеріалы по археологіи Кавказа, вып. VIII, стр. 141.

[5]) O. Montelius: Указ. соч.

[6]) Тамъ же.

казскихъ фибулъ (рис. 6, Б и В). Наконецъ, и орнаментація дуги помощью бусовидныхъ украшеній свойственна тѣмъ и другимъ (рис. 7, № 4 и 5 ср. табл. II, рис 9—12).

Такимъ образомъ, сходство древне-греческихъ и древне-кавказскихъ дуговыхъ фибулъ простирается не только на ихъ общую конструкцію, но идетъ значительно глубже, охватывая формы пріемника, дуги и пріемы орнаментаціи. Но въ то же время кавказскія формы вполнѣ сохраняютъ свой особый мѣстный характеръ, выражающійся въ своеобразныхъ пропорціяхъ отдѣльныхъ частей, въ отношеніяхъ ихъ другъ къ другу и въ часто преувеличенно-варварскихъ размѣрахъ, обусловленныхъ, вѣроятно, той одеждой горцевъ изъ сукна, войлока или мѣховыхъ шкуръ, которая нуждалась въ грузной и массивной застежкѣ. Иначе говоря, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ мѣстнымъ варварскимъ воспроизведеніемъ привозныхъ образцовъ. Въ пользу того, что дуговая

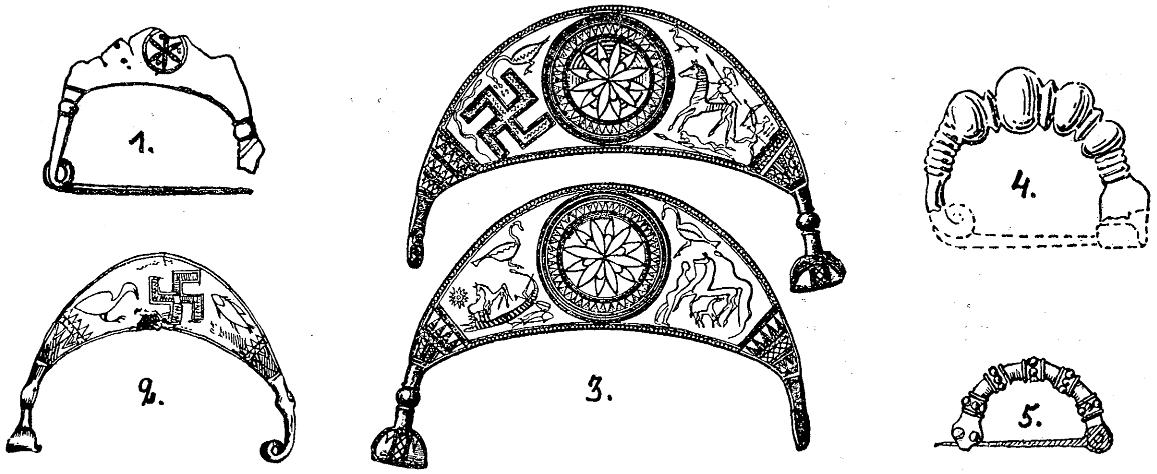
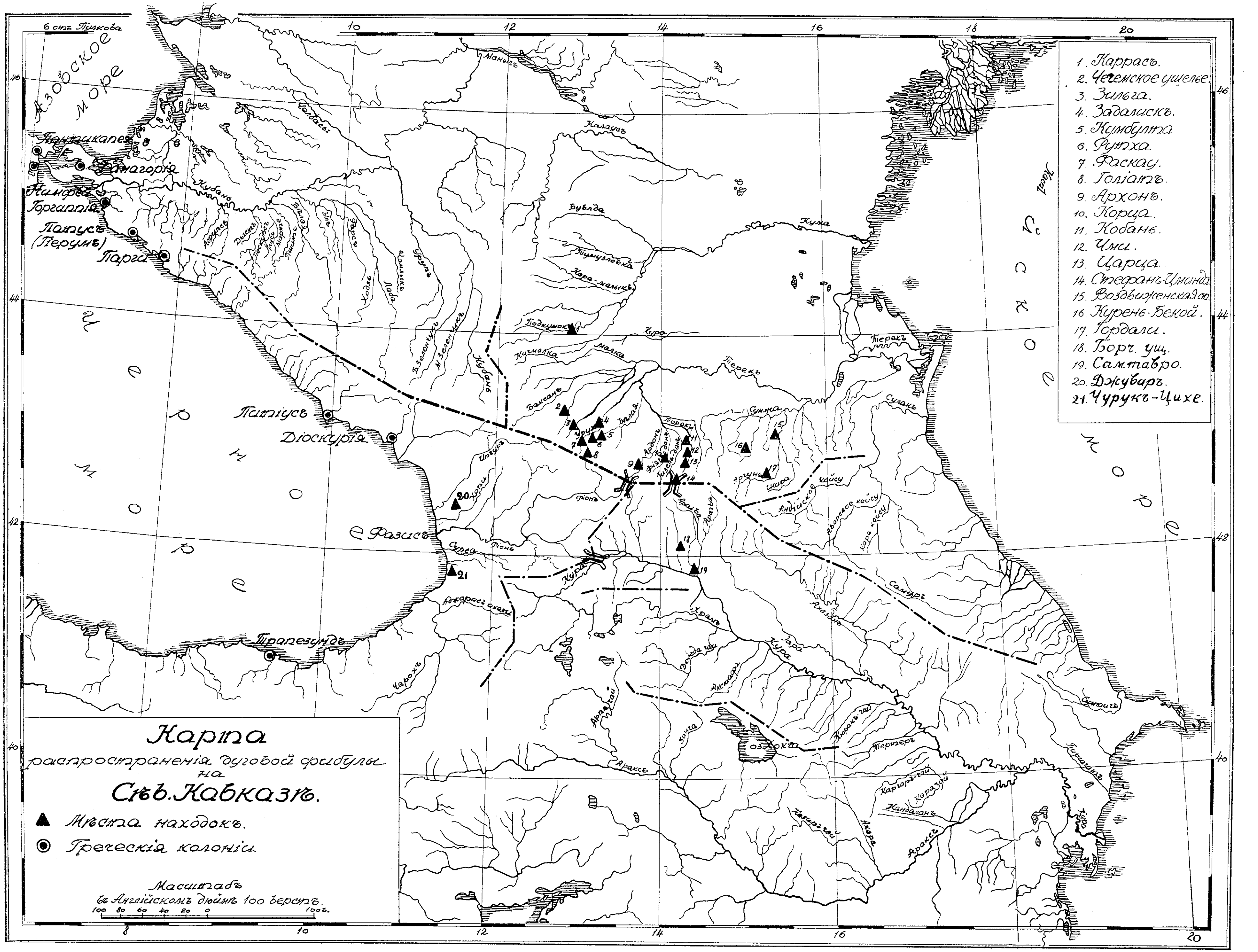


Рис. 7.
Греческія фибулы (по O. Montelius'у): 1. Беотія, 2. Θивы, 3. Θисбы, 4. Врокастро, 5. Аркадія.

фибула, какъ таковая, т. е. какъ извѣстное усовершенствованіе въ одеждѣ, является для Кавказа позаимствованіемъ, говорятъ еще и слѣдующія обстоятельства. Всѣ три, выдѣленные выше, типы этой фибулы встрѣчаются одновременно въ однѣхъ и тѣхъ же могилахъ, и именно въ древнѣйшихъ нижнихъ слояхъ Кобани[1]. Поэтому нельзя говорить о какой-либо мѣстной эволюціи этой формы, о смѣнѣ во времени ея типовъ. Во-вторыхъ, дуговая фибула на Кавказѣ, несмотря на очень долгое существованіе, о чемъ рѣчь будетъ ниже, не дала никакихъ производныхъ формъ, а была сразу замѣщена сравнительно сложными и поздними западно-европейскими типами[2]. Наконецъ, ей такъ и не удалось вытѣснить особой булавки съ отверстіемъ, служившей для той же цѣли скалыванія одеждъ и представляющей, несомнѣнно, болѣе примитивную форму застежки. Подобныя булавки находятся одновременно съ дуговой фибулой и обнаруживаютъ значительное разнообразіе формъ[3].

Географическое распространеніе находокъ дуговыхъ фибулъ, какъ кажется, указываетъ и тѣ пути, которыми фибула проникла на Кавказъ. Массовыя находки сдѣланы на сѣв. Кавказѣ, тогда какъ къ югу отъ главнаго хребта ихъ извѣстно мало, и въ большинствѣ случаевъ это — единичные случайно-найденные экземпляры. Область распространенія дуговой фибулы на сѣв. Кавказѣ охватываетъ значительный раіонъ

[1]) Матеріалы по археологіи Кавказа, вып. VIII, табл. XXXI, рис. 5—8 и табл. XXXII, рис. 1—9.
[2]) Тамъ же, стр. 193.
[3]) Тамъ же, стр. 10 и табл. XXII, рис. 3—6; XXVIII, рис. 5; XXIX, рис. 2, 4.


Карта
распространенія дуговой фибулы
на
Сѣв. Кавказѣ.
▲ Мѣста находокъ.
◉ Греческія колоніи
Масштабъ
въ Англійскомъ дюймѣ 100 верстъ.
1. Каррасъ.
2. Чегемское ущелье.
3. Зилъга.
4. Задалискъ.
5. Кумбулта
6. Рутха
7. Фаскау.
8. Голіатъ.
9. Архонъ.
10. Корца.
11. Кобанъ.
12. Чми.
13. Царца
14. Стефанъ-Цминда
15. Воздвиженская ст.
16. Куренъ-Бекой.
17. Гордали.
18. Борч. ущ.
19. Самтавро.
20. Джуваръ.
21. Чурукъ-Цихе.
Азовское море
Черное море
Каспійское море
Пантикапея
Фанагорія
Нимфея
Горгиппія
Питіусъ
Діоскурія
Фазисъ
Трапезундъ
6 отъ Пулкова

въ предѣлахъ Нальчикскаго, Владикавказскаго, Аргунскаго и Грозненскаго округовъ Терской области, отъ г. Пятигорска (с. Каррасъ[1]) на сѣверѣ, до станціи Казбекъ[2] военно-грузинской дороги на югѣ. Начиная съ Чегемскаго ущелья[3] въ Кабардѣ, тянется непрерывный рядъ находокъ по Тереку и его притокамъ, проникая далеко вглубь горныхъ долинъ-ущелій Осетіи и далѣе на востокъ въ Чечнѣ. По направленію съ запада находки извѣстны изъ долины р. Уруха въ Дигоріи (Задалискъ[4], Кумбулта[5], Рутха[6], Фаскау[7], Голіатъ[8]), по р. Ардону въ Нардскомъ ущельѣ (Архонъ[9]), въ Куртатіи по Фіагъ-дону и его притокамъ (Корца[10]), по Тереку и прилегающимъ къ нему ущельямъ въ Тагауріи (Кобань[11], Чми[12], Стефанъ-Цминда[13]). Далѣе на востокъ — въ Чечнѣ по р. Аргуну (ст. Воздвиженская[14]) и въ Ичкеріи по р. Гумсу (Куренъ-Бекой[15]), въ Аксаевскомъ ущельѣ (Гордали[15]).

Къ югу отъ Кавказскаго хребта дуговыя фибулы извѣстны изъ немногихъ мѣстъ и въ небольшомъ количествѣ: въ Гуріи у Чурукъ-Цихе[16], въ Самтавро[17] подъ Мцхетомъ, у Шайтанъ-Тага,[17] у Мусціери.[17]

Нанесенныя на карту (рис. 8), эти находки даютъ тѣ самыя пути, которыми обычно проникали сюда предметы греческой торговли. Одинъ изъ этихъ путей отмѣченъ въ частности, В. Ѳ. Миллеромъ для бусъ и подвѣсокъ, находимыхъ съ одной стороны въ могильникахъ Кабарды, Осетіи и Чечни, а съ другой на мѣстахъ греческихъ колоній с.-в. части Причерноморья.[18] Наиболѣе удобная и доступная дорога въ эти отдаленныя и замкнутыя мѣстности шла, по его мнѣнію, вверхъ по Кубани и далѣе по притокамъ Кумы и Терека. Но не исключена возможность проникновенія сюда греческихъ товаровъ и другимъ, болѣе короткимъ путемъ черезъ перевалы, около которыхъ особенно густо сосредоточены мѣста находокъ (см. карту).

Колонизація греками черноморскихъ побережій, какъ извѣстно, началась въ VIII ст. до Р. Х.[19] Въ то время появляются ихъ рыбачьи поселенія и небольшія факторіи на южномъ, анатолійскомъ берегу. Въ слѣдующемъ VII ст. тамъ уже существуютъ значительные торговые города (Синопъ, Трапезундъ и др.) и въ то же время начинается заселеніе сѣв. Причерноморья, главнымъ образомъ въ устьяхъ его большихъ рѣкъ. Въ VI в. и здѣсь также выростаютъ торговые и промышленные центры, поставлявшіе свои и чужія издѣлія на сосѣдній варварскій рынокъ. Для Кубани и прилегающаго къ ней сѣв. Кавказа имѣли наибольшее значеніе и оказывали на нихъ наибольшее вліяніе два города Фанагорія и Пантикапей. Точная дата ихъ основанія не-

1) Москов. Истор. Музей, залъ 5.
2) Матеріалы по археологіи Кавказа, вып. VIII, стр. 141.
3) То же, вып. I, стр. 86, табл. XXIV, рис. 31.
4) То же, вып. VIII, стр. 193.
5) Тамъ же, стр. 218.
6) Тамъ же, стр. 246.
7) Тамъ же, стр. 273.
8) Тамъ же, стр. 289.
9) Тамъ же, стр. 335.
10) Тамъ же, стр. 178.
11) Тамъ же, стр. 54.
12) Тамъ же, стр. 115.
13) Тамъ же, стр. 141.
14) То же, вып. I, стр. 101.
15) Тамъ же, стр. та же.
16) Dr. Wilke: Archäologische Parallelen aus dem Kaukasus und den unteren Donauländer. Zeitschrift für Ethnologie. Berlin, 1904, стр. 40.
17) Тамъ же.
18) В. Ѳ. Миллеръ: Терская область. Мат. по арх. Кавказа, в. I, стр. 97, 98, 113.
19) E. Minns: Scythians and Greeks. Cambrige. 1913, стр. 439.

извѣстна, но, вѣроятно, это произошло нѣсколько позже, чѣмъ была основана Ольвія возникшая въ половинѣ VII ст. до Р. Х.[1]

Если можно думать, что именно эти колоніи были главными поставщиками греческихъ издѣлій и всякаго рода вліяній, то все же не слѣдуетъ недооцѣнивать значенія и греческихъ колоній сухумско-батумскаго побережья (Діоскурія, по Фазису и т. п.).

Наиболѣе древніе предметы греческаго архаическаго искусства, извѣстные изъ Ольвіи и могилъ Кіевской и Подольской губ., относятся къ VII в. до Р. Х., т. е. къ началу греческой колонизаціи на сѣв. Причерноморьи.[2] Поэтому и проникновеніе въ далекія, малодоступныя ущелья Кавказа греческихъ предметовъ, а въ томъ числѣ и фибулъ, послужившихъ прототипомъ кавказскимъ формамъ, едва ли можно относить ко времени ранѣе появленія указанныхъ колоній и городовъ, а начало мѣстнаго производства, принимая во вниманіе отчужденность и бытовой консерватизмъ горныхъ народовъ, могло начаться еще позднѣе, вѣроятно, еще на столѣтіе ближе къ нашей эрѣ. По крайней мѣрѣ, всѣ тѣ немногія, болѣе или менѣе достовѣрныя, свидѣтельства, что имѣются въ настоящее время, говорятъ о значительно болѣе позднемъ существованіи дуговой фибулы на Кавказѣ. Сюда, прежде всего, относится, такъ называемый, Казбекскій кладъ.

Въ 1877 г. Г. Д. Филимоновъ на военно-грузинской дорогѣ, около станціи Казбекъ, при проведеніи пробной траншеи нашелъ „твердую металлическую массу скученныхъ вещей, сложенныхъ въ серебряную чашу, перевязанную цѣпочками, мѣдный горшокъ, тоже наполненный вещами и еще два мѣдныхъ кувшина, плотно прилегающихъ другъ къ другу и обмотанныхъ цѣпями“.[3]

Находка, какъ она описана Г. Д. Филимоновымъ, и судя по полному совпаденію нѣкоторыхъ ея фибулъ съ фибулами изъ трехъ смежныхъ, нетронутыхъ грабителями могилъ, открытыхъ позднѣе на томъ же мѣстѣ,[4] не вызываетъ сомнѣнія ни въ древнемъ происхожденіи самаго клада, ни въ томъ, что кладъ этотъ не былъ потревоженъ во время своего долгаго пребыванія въ землѣ. Вещи клада разнаго происхожденія и разнаго времени. Вѣроятно, это — собраніе вещей, пріобрѣтенныхъ какимъ-нибудь древнимъ торговцемъ и имъ же зарытыхъ въ безопасномъ мѣстѣ, свидѣтельствующее, однако, объ ихъ одновременномъ сосуществованіи. Среди вещей для нашихъ цѣлей наибольшій интересъ имѣютъ 22 дуговыхъ фибулы, два мѣдныхъ кувшина и серебряная чаша.

Дуговыя фибулы (9 больш. размѣра, 6 средн. и 6 мал.) принадлежатъ ко второму изъ описанныхъ выше типовъ. Оба мѣдныхъ кувшина сильно испорчены и представляютъ бутылко-образныя фляги съ узкимъ высокимъ горломъ, заканчивающимся раструбомъ (рис. 9). Бока сосудовъ нѣсколько вдавлены и были украшены съ одной стороны впадиной и кругомъ, а съ другой звѣриными изображеніями, сохранившимися въ видѣ двухъ небольшихъ обломковъ. Обломокъ украшенія перваго сосуда (рис. 10, a) даетъ изображеніе рыбы, трехъ оконечностей ногъ однокопытнаго животнаго и нѣсколько пересѣкающихся пунктирныхъ линій между ними. На второмъ (рис. 10, b) изображена высокая грудь, часть туловища и двѣ ноги тоже однокопытнаго животнаго, тѣло котораго покрыто правильно расположенными линіями и завитками, выполненными пунктиромъ. Гр. П. С. Уварова ставитъ эти оба рисунка въ связь съ изображеніями на одномъ кобан-

[1]) Тамъ же, стр. 569.

[2]) Б. В. Фармаковскій: Архаическій періодъ въ Россіи. Матер. по арх. Россіи, № 34, П-дъ, 1914, стр. 17, 19.

[3]) Г. Д. Филимоновъ: О доисторической культурѣ въ Осетіи. Протоколы засѣданій комиссіи по устройству антроп. выставки Имп. Общ. Люб. Ест. Антр. и Этн., № 20, М. 1878, стр. 41. Также, Мат. по арх. К-за, в. VIII, стр. 139.

[4]) Матеріалы по арх. Кавказа, в. VIII, стр. 152 и ср. рис. 145, 149 съ табл. LXVIII, 3.

скомъ топорѢ[1] изъ собранія R. Virchow'a и на обломкахъ бронзовыхъ поясныхъ пластинокъ[2] того же происхожденія въ Эрмитажѣ и Москов. Истор. музеѣ. Однако, трудно согласиться съ подобнымъ сопоставленіемъ. На кобанскомъ топорѣ совсѣмъ нѣтъ звѣриныхъ изображеній, а лишь человѣческая фигура и двѣ змѣи. А на поясахъ Эрмитажа и Истор. музея, хотя и представлены звѣри, но иного вида, чѣмъ здѣсь. Точно также нѣтъ сходства ни въ композиціи, ни въ мотивахъ, ни въ трактовкѣ фигуръ. Вообще говоря, весь стиль вещей, на которыя указываетъ гр. П. С. Уварова, иной, чѣмъ то, что имѣется на казбекскихъ фрагментахъ. Въ частности, истолкованіе рисунка на второмъ кувшинѣ, какъ изображенія какого то фантастическаго и при томъ крылатаго звѣря[3], тоже вызываетъ сомнѣніе. Съ подобнымъ предположеніемъ возможно было бы согласиться только въ томъ случаѣ, если считать за крыло покрытую пунктирными параллельными линіями часть туловища животнаго, а точечную линію впереди его принять за начало шеи. Однако, для подобнаго утвержденія нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній. При детальномъ сличеніи обоихъ фрагментовъ ясно видно, что древній мастеръ не пользовался пунктиромъ для обозначенія границы тѣла изображаемыхъ имъ звѣрей. И концы ногъ, и рыбы на первомъ обломкѣ, и туловище, включая и покрытую точечными линіями его часть, на второмъ, всѣ обведены сплошнымъ контуромъ, непрерывной линіей. Точечныя же линіи на обоихъ рисункахъ служатъ, видимо, для изображенія предметовъ, постороннихъ для тѣла животнаго (пунктиръ на первомъ рисункѣ) или отчасти для подчеркиванія анатомическихъ деталей (трактовка плеча на второмъ), подобно штриховкѣ на рыбахъ. Подобные пріемы можно указать на нѣкоторыхъ вещахъ греческой работы. Такъ на извѣстной вазѣ Fauvel'я въ Луврѣ[4] находится изображеніе лошади съ длинной, свѣшивающейся спереди уздой, выведенной точечной линіей (рис. 11). Такъ же обозначена узда на горлышкѣ одной вазы изъ Аѳинъ и на стѣнкѣ другой изъ Эгины[5]. Во всѣхъ указанныхъ случаяхъ пунктиромъ изображены и разные другіе, постороннія для животнаго, предметы. Условная орна-

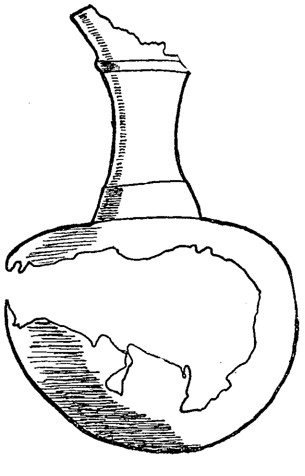


Рис. 9.
Профиль мѣднаго кувшина (1/5) изъ казбекскаго клада.

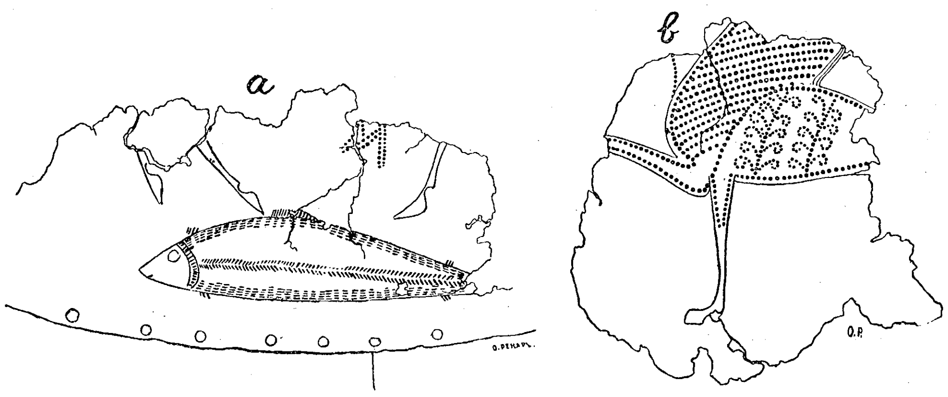


Рис. 10.
Изображенія на бокахъ казбекскихъ кувшиновъ (Гр. П. С. Уварова).

1) Матеріалы по арх. Кавказа, в. VIII, стр. 20, рис. 23—25.
2) Тамъ же, стр. 36, рис. 39—40 и стр. 37, рис. 41.
3) Матеріалы по арх. Кавказа, в. VIII, стр. 141.
4) E. Pottier: Catalogue des vases antiques. 1e partie, Paris, 1896, p. 235, N. 514.
5) H. Schaal: Griechische Vasen. F./M. 1923, стр. 17, рис. 4 и табл. 1 рис. c.

ментика на самомъ тѣлѣ животнаго второго казбекскаго сосуда находитъ аналогію въ такихъ же условныхъ покровахъ или уборахъ на лошадяхъ въ эпоху геометрическаго и ранне-аттическаго стиля[1], а пунктирные завитки на тѣлѣ того же животнаго аналогичны подобнымъ волютнымъ завиткамъ кипрской вазы Британскаго музея[2] и одной амфоры изъ Мелоса[3]. Сама форма животнаго съ подтянутымъ животомъ и крутой грудью такая же, какъ и у лошади, изображенной на беотійскихъ фибулахъ (рис. 12)[4]. Правая нога животнаго высоко поднята — поза, въ которой изображалась лошадь и въ грческомъ искусствѣ до поздняго времени, какъ это видно на одной мѣдной монетѣ Каркинита[5]. Поэтому однокопытныя животныя разсматриваемыхъ сосудовъ, всего вѣроятнѣе, могутъ быть истолкованы, какъ изображенія именно лошадей: скачущей на первомъ рисункѣ и покрытой условно изображенной попоной съ остаткомъ длинной, свободно висящей, узды (точечная линія впереди, вверху) на второмъ. Рыбы, какъ орнаментальный мотивъ, весьма обычное украшеніе на греческихъ вещахъ и часто встрѣчаются въ комбинаціи съ изображеніемъ лошади[6]. Запасъ наблюдаемыхъ на казбекскихъ фрагментахъ орнаментальныхъ формъ, такимъ образомъ, совершено совпадаетъ съ тѣмъ, что имѣется въ орнаментикѣ архаическихъ греческихъ сосудовъ. Неудовлетворительное состояніе самихъ обломковъ не даетъ возможности войти въ болѣе детальное разсмотрѣніе обѣихъ композицій, но, если даже между послѣдними чувствуется разница во времени возникновенія, то во всякомъ случаѣ, ихъ греческое происхожденіе несомнѣнно, а то, что обѣ онѣ помѣщены на тождественныхъ сосудахъ, показываетъ, что онѣ выполнялись далеко отъ культурнаго центра, въ глуши, гдѣ какъ это обыкновенно бываетъ, одновременно живутъ отзвуки и моды различныхъ эпохъ. Трактовка рыбъ, съ экспрессіей переданное движеніе первой лошади и смѣлый, твердый рисунокъ второй, какъ будто, указываютъ на время, когда чисто геометрическая абстракція ранняго греческаго искусства отошла уже въ прошлое, а потому сосуды эти могутъ быть отнесены къ самому концу VII или даже началу VI в. в. до Р. Х., т. е. ко времени, когда уже существовали греческія колоніи въ с.-в. углу Чернаго моря и когда еще указанные мотивы и образы были распро-

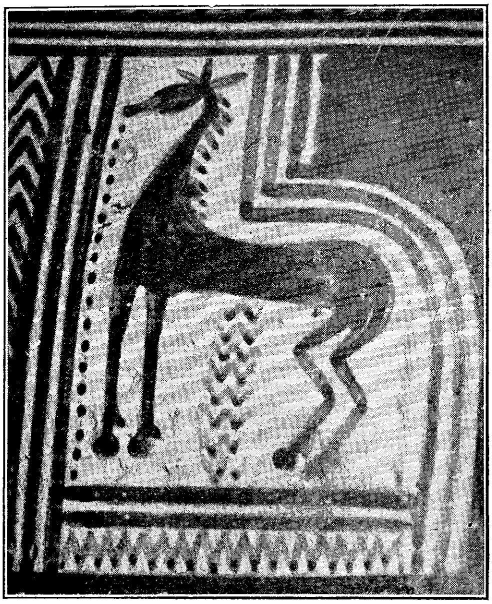


Рис. 11.
Деталь луврской вазы, добытой Fauvel'емъ

1) M. Hörnes: Urgeschichte der bildenden Kunst in Europa, Wien, 1915, S. 10, Fig. 1 und 6; также у Б. В. Фармаковскаго: Архаич. періодъ въ Россіи. Мат. по арх. Россіи, № 34. П-дъ 1914.

2) Corpus vasorum antiquorum. Great Britain. British Museum by A. H. Smith. L. 1925, fas 1. Br. Mus. II C. b. pl. 7, fig. 4.

3) Perrot et Chipiez: Histoire de l'art. t. IX, p. 475, fig. 236; t. X, p. 40, fig. 27; t. III, p. 746—747, figure 537.

4) A. Furtwängler: Bronzi antici provenienti dalla Grecia. Kleine Schriften, I, München, 1912, S. 433—445, Taf. 13. O. Montelius: Die älteren Kulturperioden. I. Die Methode, St. 1903, S. 53, abb. 183.

5) Гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ: Русскія древности, в. II. СПБ. 1882, стр. 16, рис. 12.

6) A. Furtwängler указан. соч. Pericle Ducati: Storia della ceramica greca. Fir. 1922, стр. 55, рисунокъ 44.

странены въ самой метрополіи[1]. Форма казбекскихъ кувшиновъ не греческая, варварская, вызванная, очевидно, мѣстными потребностями. Вѣроятно, это были фляги, подвѣшивавшіяся къ поясу и въ такомъ видѣ носившіяся горцами. Наличіе греческой орнаментаціи заставляетъ отнести ихъ къ разряду тѣхъ специфическихъ предметовъ, которые или вырабатывались на внѣшній рынокъ ремесленниками греческихъ городковъ Причерноморья, или если и изготовлялись мѣстными мастерами, то по моделямъ, вышедшимъ оттуда. Подобное соединеніе чужого орнамента и мѣстной формы можно

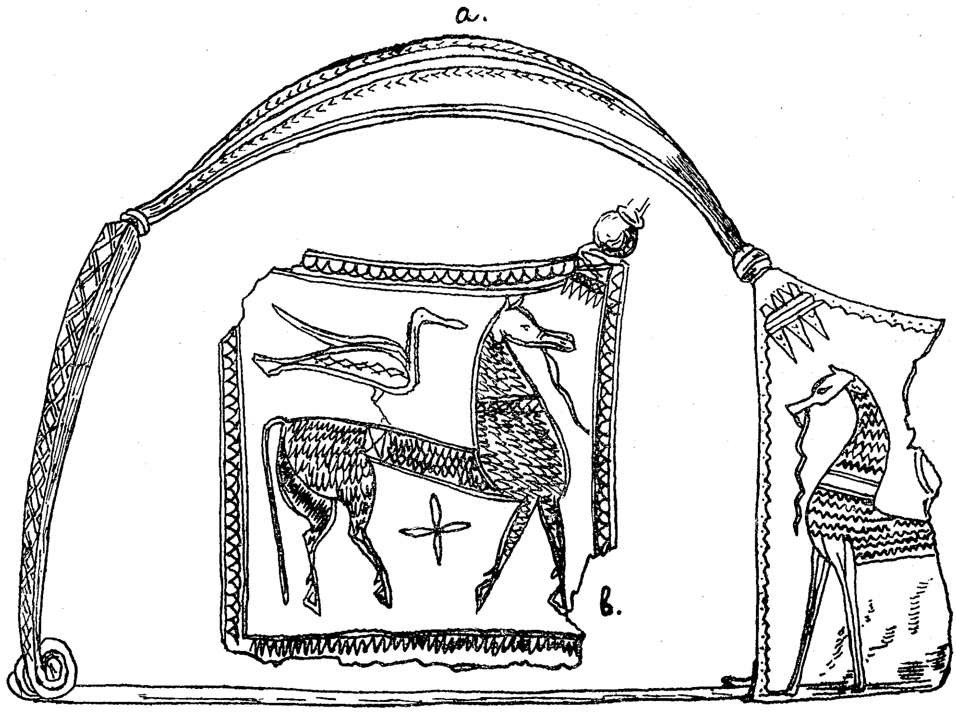


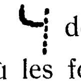
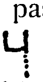
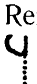
Рис. 12.
Фибулы изъ Беотіи (по Furtwängler'у-а, Montelius'у-b)

видѣть на греко-финикійскихъ сосудахъ изъ Кипра и Сиріи, весьма близкихъ по формѣ къ казбекскимъ флягамъ, но глиняныхъ и съ ручкой, которые выдѣлывались вплоть до VI ст. до Р. X.[2]

Если оба разсмотрѣнные сосуда свидѣтельствуютъ о древнихъ сношеніяхъ, существовавшихъ между греческими колонистами и жителями горныхъ долинъ Кавказа, то серебряная чаша казбекскаго клада позволяетъ уже ближе подойти къ вопросу о времени его образованія. Сравнительно небольшая по размѣрамъ (18 см. діам. и 5,5 см. выс.), со слегка развалистымъ бортомъ, чаша казбекскаго клада (табл. I, рис. 1) украшена по низу сложнымъ рельефнымъ орнаментомъ и снабжена надписью изъ пяти знаковъ. Опубликована она была нѣсколько разъ, но точное и детальное ея изображеніе, въ натуральную величину, было дано лишь спустя 30 съ лишнимъ лѣтъ послѣ находки

[1]) S. Reinach: La représentation du galop dans l'art ancien et moderne. Revue archéologique t. XXXVI. P. 1900, p. 226 et t. XXXVII. P. 1900, p. 245. Perrot et Chipiez: Histoire de l'art. t. X. Paris, 1914, p. M. Hörnes: 202. Urgeschichte der bild. Kunst. Wien, 1915, S. 442. Pericle Ducati: Storia della ceramica greca. F. 1922, p. 85.

[2]) C. L. Wooley: La Phénicie et les peuples égéens. Syria, t. II. Paris, 1921, p. 184; pl. XIX, fig. 19—22, pl. XX, fig. 33—39, ср. Мат. по арх. К-за, в. VIII, стр. 140, рис. 120.

клада.[1] Свѣдѣнія, сообщаемыя разными авторами или очень кратки или, иногда, сбивчивы и неточны, какъ и приводимые ими рисунки.[2] Наибольшее вниманіе было до сихъ поръ удѣлено надписи. По мнѣнію K. Schlottmann'a пять нацарапанныхъ на борту чаши знаковъ являются персидско-арамейской надписью.[3] Нѣмецкій ученый прочелъ въ ней слово „Каббира“ (des Kabbîr), которое, по его мнѣнію, не имѣетъ отношенія къ финикійскимъ кабирамъ, но не является и знакомъ мастера (Fabrikanten), хотя и должно пониматься, какъ собственное имя (Personenname). Если это справедливо, то надпись можно принять, какъ имя собственника сосуда. Нѣкоторые считаютъ эту надпись все же финикійской.[4] Иного мнѣнія держится J.-B. Chabot. Въ отвѣтъ на наше обращеніе по вопросу о надписи на казбекской чашѣ, уважаемый французскій ученый пишетъ: »L'inscription dont vous m'avez envoyé la photorgaphie ne présente aucune difficulté de lecture; les lettres sont en hébreu: ודכיר; mais je n'en voudrais pas garantir l'authenticité au point de vue paléographique, je ne connais pas d'inscription où la forme du י = se rencontre simultanément avec les formes courbes  des autres lettres. On peut répondre à cela qu'il a pu avoir une époque de transition où les formes plus anciennes et plus modernes se trouvaient mélangées. C'est possible. Ce qu'est plus grave c'est que ces lettres ne donnent pas de sens, à moins d'y voir un nom propre inconnu, et c'est encore possible. Je croirais plus volontiers que le graveur à voulu reproduire une formule qui se trouve à la fin de plusieurs inscriptions araméennes où on lit ודכיר »et commemoratus sit«. Mais il l'a gravée avec des types de l'ancien araméen. Or, à l'époque où ces types étaient employés, on n'écrivait pas ודכיר, mais ודכיר. — Remarquez encore que la première lettre à la tête ainsi  (anguleuse), et la seconde ainsi  (arrondie). Cette hésitation trahit une certaine inexpérience du graveur. Conclusion: Sans pouvoir affirmer absolument la fausseté de l'inscription, il y a de très fortes raisons d'en suspecter l'authenticité (8-XII, 1925. Paris)«. Во всякомъ случаѣ, наличіе этой надписи указываетъ опредѣленно область, откуда чаша могла попасть на Кавказъ, будетъ ли это Сирія вообще или Финикія въ частности. Иначе обстоитъ дѣло съ вопросомъ о времени, къ которому чашу можно отнести. По мнѣнію однихъ[5] она немногимъ старше V ст. до Р. Х., другіе[6] опредѣленно за такую границу принимаютъ IV в., а, послѣдній писавшій объ этой чашѣ, Я. И. Смирновъ относитъ ее ко времени ахеменидской Персіи,[7] иными словами, отводитъ для нее длинный періодъ, около двухъ съ половиной вѣковъ, если считать отъ воцаренія Кира до гибели послѣдняго ахеменида Дарія III Кодомана. Самую надпись онъ считаетъ непригодной для цѣлей хронологіи.[8] Между тѣмъ, форма и орнаментація чаши, какъ будто, говорятъ о нѣсколько болѣе позднемъ времени.

---

[1]) Я. И. Смирновъ: Восточное серебро. Изд. Имп. Арх. Ком. СПБ. 1909, табл. III, рис. 13.

[2]) Д. Н. Анучинъ: Доисторическая археологія Кавказа. Журналъ Мин. Нар. Просв., ч. CCXXXI, отд. 2, стр. 211 и сл. Въ украшеніи чаши указаны раковина и двуглавый драконъ. G. Perrot et Ch. Chipiez: Histoire de l'art. P. 1885. t. III, p. 791. Приведенъ неточный рисунокъ (f. 554) съ деталями, отсутствующими на оригиналѣ. Гр. И. Толстой и Н. Кондаковъ: Русскія древности, в. III. СПБ. 1890, стр. 125. Надпись указана на днѣ сосуда. Гр. П. С. Уварова: Могильники сѣв. Кавказа. Мат. по арх. К— за, в. VIII, стр. 140. Неясный рисунокъ и очень бѣглое описаніе. В. А. Городцовъ: Бытовая археологія. М. 1910, стр. 340. Надпись показана на другомъ, мѣдномъ, сосудѣ того же клада.

[3]) K. Schlottmann: Zur semitischen Epigraphik. Zeitschrift der deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Leipzig. 1879, S. 252.

[4]) Д. Н. Анучинъ: указ. соч. стр. 213.

[5]) Perrot et Chipiez: указан. соч. т. III, стр. 791.

[6]) Д. Н. Анучинъ: указ. соч., на стр. 213 приводится мнѣніе В. Ѳ. Миллера.

[7]) Я. И. Смирновъ: указ. соч. предисловіе, стр. 7.

[8]) Тамъ-же, стр. 6.

Украшеніе казбекской чаши (табл. I, рис. 1) состоитъ изъ срединнаго углубленія и расположенныхъ по кругу, 6-ти заостренно-овальныхъ выпуклинъ, чередующихся съ тѣмъ же числомъ сложныхъ комбинацій изъ пальметокъ, S-образныхъ завитковъ и птичьихъ головокъ. Если смотрѣть снизу, то орнаментъ представится въ такомъ видѣ: 6 овальныхъ выпуклинъ расположены острыми концами къ центру сосуда; между ними 6 паръ S-видныхъ завитковъ, изогнутыхъ въ противоположныя стороны и оканчивающихся, каждый, двумя гусиными головками. Со стороны центральнаго углубленія надъ каждой парой птичьихъ головокъ, смотрящихъ въ противоположныя стороны, расположена 7-ми лепестная, заключенная въ кругъ, пальметка такъ, что ея сердцевина приходится какъ разъ между птичьими головами. Другая, 5-лепестная, пальметка помѣщена внутри между „гуськами" и обращена сердцевиной къ первой. Вторая пальметка расположена уже на боковой стѣнкѣ сосуда. Надъ ней, на одномъ уровнѣ со второй парой птичьихъ головъ, загнутыхъ внутрь, помѣщенъ условный схематическій цвѣтокъ изъ трехъ маленькихъ овальныхъ, сильно заостренныхъ, выпуклинъ-лепестковъ, изъ которыхъ оба боковые обращены острыми концами кнаружи, а всѣ три подходятъ вплотную къ гладкому борту сосуда.

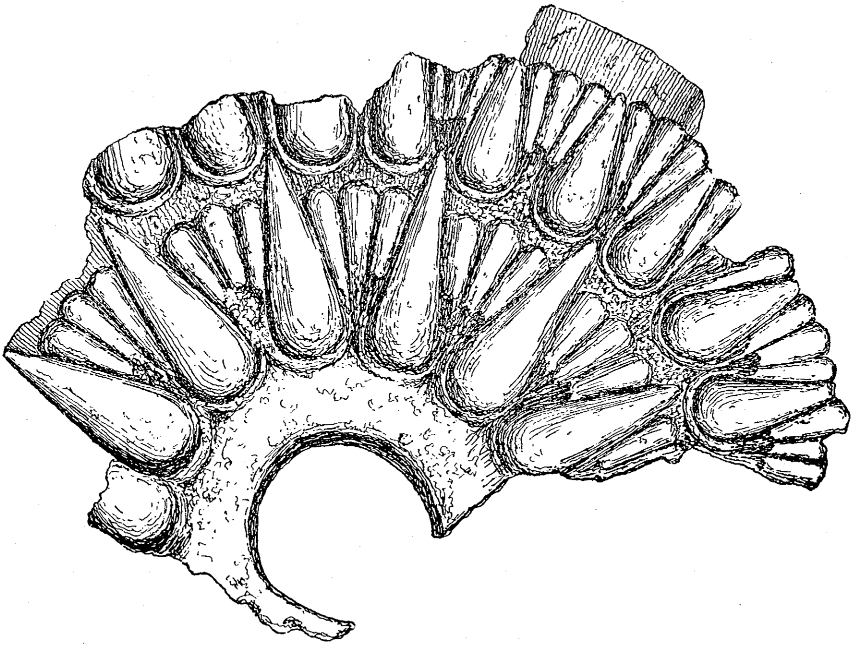


Рис. 13.
Обломокъ серебр. сосуда изъ Нимфея (по E. Minns'у).

Всѣ мотивы этой сложной композиціи могутъ быть указаны въ греческой орнаментикѣ. Не только двойныя и вписанныя пальметки,[1] S-образные завитки[2] или стилизованные трехлепестные цвѣты лотоса,[3] но и птичьи головки,[4] всѣ они въ томъ видѣ, какъ они имѣются на казбекской чашѣ, являются обычными украшеніями на греческихъ вазахъ и въ архитектурѣ.[5] Также и овально-заостренныя выпуклины казбекской чаши находятъ аналогіи въ украшеніи на обломкѣ серебряной чаши изъ Нимфея (рис. 13)[6]

[1]) E. Pottier: Vases antiques du Louvre. 3e série. Paris 1923, pl. 104, G 104; также у O. Montelius'a: Die ält. Kulturperioden. I. стр. 95, 97, 101.

[2]) E. Pottier указ. соч. pl. 137, G 342; pl. 149, G 492; также O. Montelius указ. соч. стр. 95, рис. 410.

[3]) Perrot et Chipiez: Histoire de l'art, t. IX, p. 462, fig. 227; также O. Montelius указ. соч. стр. 102, рис. 461, стр. 107.

[4]) Corpus vasorum antiquorum. France. Musée du Louvre par E. Pottier, fas. 1, Louvre II De, pl. 1, № 7; pl. 4. № 3. Н. Романченко: Раскопки въ окрестностяхъ Евпаторіи. Изв. Имп. Арх. Ком., вып. 25, стр. 185, рис. 30. Изображеніе обломка отъ ручки сосуда въ видѣ рельефной птичьей головки съ длинной шеей (гус. или утин.).

[5]) B. Pharmakovsky: Olbia 1901—1908. Fouilles et trouvailles. Изв. Имп. Арх. Ком., вып. 33. СПБ. 1909, стр. 116, рис. 16.

[6]) E. Minns: Scythians and Greeks, стр. 203, рис. 114 (взято изъ Отч. Им. Арх. Ком. за 1877) и стр. 265.

и въ изображаемыхъ на греческихъ сосудахъ лотосовыхъ почкахъ.[1] Какъ и на греческихъ вазахъ, вся композиція чаши въ цѣломъ построена на симметричномъ чередованіи двухъ главныхъ элементовъ — пальметки и лотосовой почки. Но пальметка на казбекскомъ сосудѣ только болѣе усложнена присоединеніемъ къ ней другихъ мотивовъ, оставаясь, однако, средоточіемъ и замкомъ этой новой комбинаціи. Основные элементы (лотосовая почка и усложненная пальметка) на фризѣ казбекской чаши не связаны другъ съ другомъ. Они окончательно потеряли ту зависимость въ видѣ усиковъ и побѣговъ, которая выдавала ихъ генетическую связь съ орнаментомъ Ассиріи и Египта[2] и которая также иногда совсѣмъ исчезала на болѣе позднихъ греческихъ вазахъ.[3]

Если, такимъ образомъ, по составу и по построенію все украшеніе казбекской чаши исполнено въ обычномъ греческомъ синтаксисѣ, то, однако, по манерѣ исполненія, трактовкѣ и компановкѣ нѣкоторыхъ деталей сосудъ этотъ не можетъ быть признанъ за произведеніе греческихъ мастерскихъ. Его вписанная, равнолепестная пальметка носитъ вѣерообразный восточный характеръ кафельныхъ украшеній нимрудскаго дворца[4]. Преувеличенныхъ размѣровъ лотосовыя почки и жирные S-образные завитки рѣзко выступаютъ на первый планъ и сообщаютъ всему сосуду несвойственный чисто греческимъ работамъ тяжеловѣсный и грузный характеръ. Размѣщены, даже нагромождены, всѣ элементы чисто механически, что говоритъ объ использованіи мастеромъ бывшаго у него подъ руками запаса готовыхъ формъ и образовъ, смыслъ которыхъ былъ ему чуждъ и непонятенъ. Такимъ мастеромъ, судя по семитической надписи, могъ быть рѣзчикъ какой-нибудь сирійской мастерской, но уже эллинистическаго времени.

Эллинистическій характеръ казбекской чаши выступаетъ яснѣе при сопоставленіи ея съ двумя серебряными фіалами изъ Лувра. Первый (табл. I, рис. 3) извлеченъ J. Morgan'омъ[5] изъ одной могилы ахеменидскаго времени въ Сузахъ. Онъ даетъ образецъ персидскаго стиля названной эпохи, еще свободнаго отъ всякихъ греческихъ вліяній. Персидскій рѣзчикъ находится всецѣло подъ властью и воздѣйствіемъ идей и мотивовъ дворца Саргона и другихъ ассирійскихъ памятниковъ. Очень простая композиція украшенія сосуда слагается изъ 40-лепестной центральной розетки и такого же числа радіально-расходящихся, на нѣкоторомъ отъ нея разстояніи, узкихъ и длинныхъ листьевъ. Подходя къ борту сосуда, листья эти заостряются, отчего получается 40 правильныхъ треугольниковъ, бѣгущихъ по его нижнему краю. Время сосуда опредѣляется вполнѣ точно серебряными монетами, вынутыми изъ той же могилы. На монетахъ имѣется имя сатрапа Мелькарта изъ Арада въ Финикіи, который жилъ въ эпоху Артаксеркса III Охуса (359—338 до Р. Хр.)[6].

Второй серебрянный сосудъ изъ Лувра, значительно большихъ размѣровъ (табл. I, рис. 2), пріобрѣтенъ путемъ покупки. Въ каталогѣ музея (Ao 3094) онъ значится происходящимъ изъ окрестностей Эрзерума. Болѣе грубый по исполненію, онъ уже носитъ на себѣ явные признаки греческаго вліянія. На немъ имѣются какъ разъ тѣ элементы, что и на казбекской чашѣ. Какъ и на ахеменидскомъ сосудѣ изъ Сузъ, на фіалѣ изъ

[1]) E. Pottier: Vases antiques du Louvre. 3e partie. P. 1923, pl. 155, G 535; также O. Montelius: Die ält. Kulturperioden. I. стр. 107; также Н. Э. Радловъ: Два черепка съ о. Березани, Изв. Имп. Арх. Ком., вып. 37, СПБ. 1910, стр. 81, табл. IV.

[2]) O. Montelius, указ. соч., стр. 105, рис. 478—480.

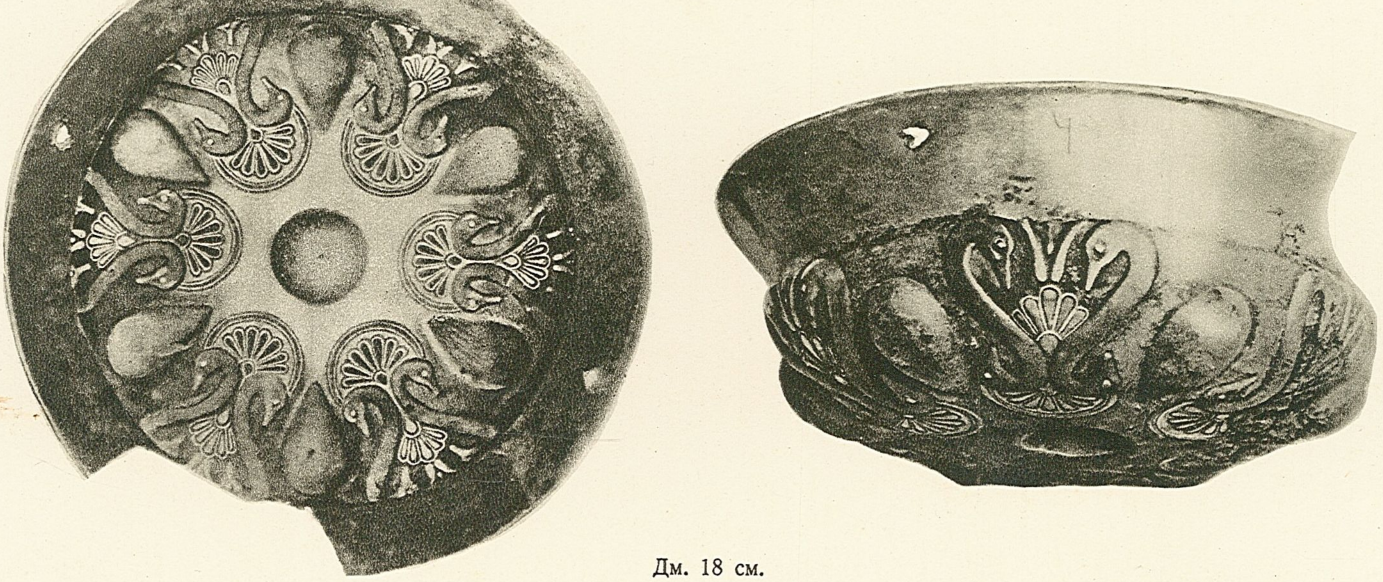
[3]) Тамъ же стр. 95, рис. 410; стр. 97, рис. 422 и 423.

[4]) Тамъ же, стр. 105, рис. 480.

[5]) Délégation en Perse. Mémoires publiés sous la direction de M. J. de Morgan, t. VIII. Recherches archéologiques. 3e partie. Paris. 1905. p. 43.

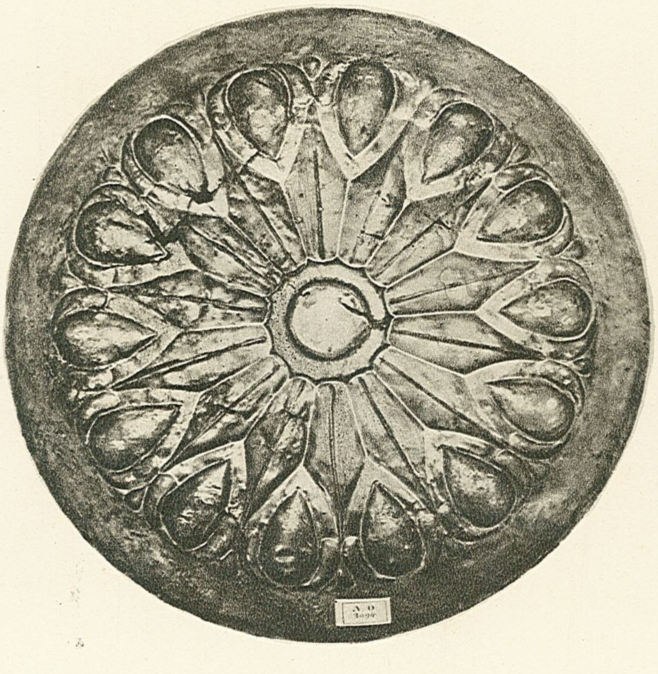
[6]) J. de Morgan: Histoire et travaux de la délégation en Perse. Paris. 1905, p. 125 и указан. выше соч. стр. 57.

1



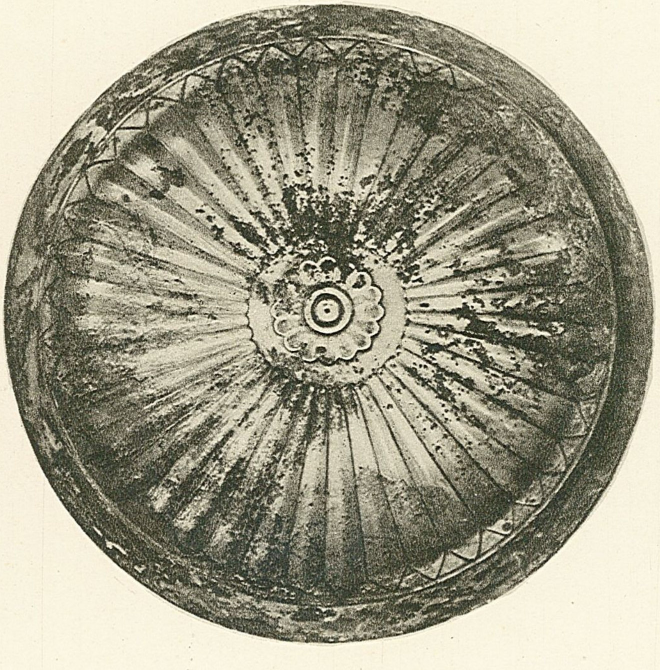
Дм. 18 см.

2



Дм. 30,7 см.

3



Дм. 18,4 см.

Таб. I.

Эрзерума отъ центральнаго круглаго украшенія расходятся по радіусамъ листья, заостряющіеся къ краю. Но, вмѣсто прежнихъ изящныхъ треугольниковъ, у борта сосуда помѣщены овально-заостренныя выпуклины казбекской чаши, сплющившія и вдавившія концы листьевъ. Получившіяся отъ этого пустоты заполнены греческимъ условнымъ цвѣткомъ лотоса изъ трехъ выпуклинъ лепестковъ, аналогичныхъ казбекскимъ. Если сосудъ изъ Сузъ не можетъ быть старше половины IV в. до Р. Х., то эрзерумскій фіалъ долженъ быть отнесенъ еще ближе, хотя все еще въ предѣлахъ ахеменидской эпохи, а казбекская чаша принадлежить уже послѣ-ахеменидскому времени, самому концу IV или началу III в. до Р. Х. Во всякомъ случаѣ, появленіе ея на Кавказѣ и особенно въ составѣ казбекскаго клада совмѣстно съ дуговыми фибулами не могло случиться ранѣе половины III в. до Р. Х. Къ этому же времени можно отнести и казбекскій могильникъ, гдѣ найдены однотипныя фибулы.

Бытовала дуговая фибула на сѣв. Кавказѣ и въ слѣдующемъ столѣтіи. Въ 1877 г. Г. Д. Филимоновъ раскопалъ въ верхнихъ слояхъ кобанскаго некрополя нетронутую грабителями могилу, давшую нѣсколько подобныхъ фибулъ[1]. Изъ той же могилы былъ добытъ бронзовый сосудъ съ ручкой въ формѣ арбалета. У основанія ручки на стѣнкѣ сосуда находится рельефное римскаго времени[2] погрудное изображеніе бородатаго мужчины въ шлемѣ. На основаніи чего гр. П. С. Уварова отнесла и этотъ сосудъ и все погребеніе къ II ст. до Р. Хр.[3]

Прослѣдить употребленіе дуговой фибулы на сѣв. Кавказѣ можно до очень поздняго времени. Способствовали тому и природа края и особыя условія жизни его обитателей. Извѣстная еще древнимъ малодоступность Кавказскаго хребта не могла не служить препятствіемъ для проникновенія къ населяющимъ его народамъ всякаго рода вліяній извнѣ. Отдаленность и трудность кружного пути вдоль его рѣкъ ограничивали правильный притокъ новыхъ вещей и новыхъ ихъ типовъ. А суровыя условія жизни въ горныхъ ущельяхъ вырабатывали у ихъ обитателей отчужденность характера и замкнутость быта, которыя наблюдаются и теперь повсюду у горцевъ и затрудняютъ усвоеніе всего чужеземнаго. Но, съ другой стороны, тотъ же мѣстный консерватизмъ сообщалъ устойчивость формамъ и пріобрѣтеніямъ, вошедшимъ уже въ жизненный обиходъ. Вѣками сохранялось и воспроизводилось разъ усвоенное, переходя столѣтіями отъ поколѣнія къ поколѣнію. Въ этомъ отношеніи и дуговая фибула не составляетъ исключенія. Ея существованіе можно прослѣдить до IV—V в. в. послѣ Р. Хр., какъ о томъ свидѣтельствуютъ находки подобной фибулы въ могилахъ изъ Задалиска[4], Голіата[5] и Фаскау[6] совмѣстно съ вещами указаннаго времени.

*

Значительно бѣднѣе представлена вторая серія древнихъ фибулъ сѣв. Кавказа (табл. IV р. 25—30). Какъ общій характерный признакъ этой группы можно указать отдѣльную выдѣлку дужки и иглы. Та и другая сдѣланы изъ отдѣльныхъ кусковъ бронзовой проволоки. Одинъ конецъ дуги превращенъ въ пріемникъ для иглы, а вокругъ другого, заканчивающагося утолщеніемъ, накинута однимъ или нѣсколькими оборотами свободно вращающаяся игла. Такимъ образомъ, у этой формы совсѣмъ отсутствуетъ пружина.

---

1) Матеріалы по археологіи Кавказа, вып. VIII, стр. 85.
2) Тамъ же, стр. 85, рис. 81.
3) Тамъ же, стр. 86.
4) Матеріалы по археологіи Кавказа, вып. VIII, стр. 193 и 194.
5) Тамъ же, стр. 289.
6) Тамъ же, стр. 280.

Дуга фибулъ этой серіи въ поперечномъ сѣченіи бываетъ или почти круглой (табл. IV рис. 25), или четырехгранной, изогнутой на ребро (табл. IV рис. 26), или совершенно плоской (табл. IV рис. 28—30).

Въ послѣднемъ случаѣ фибула получаетъ луновидную форму.

Орнаментика, покрывающая круглыя и четырехгранныя дужки, какъ и сама форма ихъ, въ общемъ тѣ же, что и у дуговыхъ фибулъ. Круглая дужка украшалась бортиками, слѣды которыхъ сохранились на экземплярахъ изъ Тифлиской губ. (табл. IV рис. 25), или несла на себѣ звѣриныя головки, какъ на фибулѣ изъ Кумбулты (таб. IV рис. 27). Четырехгранная или оставалась совсѣмъ безъ украшенія[1] или на ней помѣщался орнаментъ въ видѣ глазковъ, маленькихъ круглыхъ выемокъ съ выпуклымъ, рельефнымъ кольцомъ по серединѣ, какъ на фибулѣ изъ н. Рутхи (табл. IV рис. 26), — мотивъ, отсутствующій на дуговыхъ фибулахъ. Иная орнаментація у луновидныхъ дужекъ. Онѣ покрывались болѣе или менѣе рѣзко выштампованными выпуклинами (табл. IV, рис. 28), кружками (табл. IV, рис. 29) и фигурами свастики, насѣченными черточками (табл. IV, рис. 29). Иногда на концахъ дужки помѣщаются звѣриныя головки (табл. IV рис. 30).

Среди фибулъ разсматриваемаго ряда можно выдѣлить, по крайней мѣрѣ, три типа: 1) съ круглой или граненой дугой, иногда покрытой несложнымъ орнаментомъ, 2) съ подобной дугой и звѣриными украшеніями и 3) съ плоской дугой луновидной формы. Первые два типа, и по формѣ дуги и по орнаментикѣ, непосредственно примыкаютъ къ обыкновеннымъ дуговымъ фибуламъ. По отношенію къ послѣднимъ они представляютъ только нѣкоторое усложненіе въ способѣ скрѣпленія иглы съ дугой (шарниръ вмѣсто пружины), а потому, вѣроятно, они моложе дуговыхъ по времени возникновенія и должны были появиться въ обиходѣ лишь послѣ того, какъ дуговая фибула окончательно укоренилась и явилась потребность въ ея видоизмѣненіи, или появились новые образцы, которымъ стали подражать и съ которыхъ перенесли на старую дуговую форму новое пріобрѣтеніе — шарниръ.

Непосредственныхъ данныхъ для сужденія о возрастѣ шарнирно-дуговыхъ фибулъ не имѣется, т. к. ни одинъ изъ опубликованныхъ экземпляровъ не можетъ быть пріуроченъ къ какому-нибудь погребенію, а встрѣчающееся въ нѣкоторыхъ дневникахъ выраженіе „плоскія фибулы"[2] весьма неопредѣленно и двусмысленно. Большинство же извѣстныхъ фибулъ этого ряда происхожденія случайнаго или пріобрѣтены покупкой у мѣстныхъ жителей. Развившись на основѣ дуговыхъ, онѣ, вѣроятно, были въ ходу параллельно съ послѣдними, однако большой роли не играли, судя по незначительному количеству экземпляровъ, поступившихъ въ различныя собранія и коллекціи. Вѣроятно существовали онѣ такъ же, какъ и дуговыя, до очень поздняго времени, по крайней мѣрѣ, на двухъ изъ нихъ (изъ н. Рутхи и Камунты) примѣненъ тотъ способъ украшенія глазками, о которомъ сказано выше и который имѣется на двухъ, происходящихъ изъ той же мѣстности, позднихъ римскихъ провинціальныхъ фибулахъ[3] не древнѣе III в. послѣ Р. Х.,[4] хотя сама орнаментація глазками и болѣе ранняго происхожденія.[5]

Больше указаній для уясненія происхожденія своей формы и мотивовъ своей декораціи даютъ фибулы третьяго, луновиднаго типа. Едва ли можно ставить ихъ въ связь съ луновидными фибулами Галльштатта,[6] скорѣе тѣ и другія происхожденія греческаго. При сопоставленіи кавказскихъ экземпляровъ съ нѣкоторыми фибулами изъ

[1]) E. Chantre: Rech. anthropologiques dans le Caucase. T. III, Paris-Lyon. 1887, atlas, pl. XV, fig. 16.
[2]) Матеріалы по арх. Кавказа, в. VIII, стр. 205 и 206.
[3]) Тамъ же, табл. CIV, рис. 7 и 8.
[4]) O. Almgren: Studien über Nordeuropäische Fibelformen, Leipzig, 1923, Taf. VIII, Fig. 190 und S. 89.
[5]) Тамъ же, Taf. III, Fig. 57—61, S. 29.
[6]) Л. Нидерле. Человѣчество въ доисторическія времена. Переводъ подъ ред. Д. Н. Анучина. М. 1897, стр. 376, рис. 257.

Ѳивъ и другихъ мѣстъ Беотіи (рис. 7, [1-3]) съ очевидностью выступаетъ подражательный характеръ первыхъ. Неумѣло и упрощенно, съ присущей подобнаго рода варварскимъ работамъ грубостью и безпомощностью, копируетъ и повторяетъ кавказскій мастеръ тѣ же кружки, свастики и звѣздные лучи (табл. IV, рис. 28—29), которые находятся и на греческихъ оригиналахъ. Иногда же, усвоивъ лишь новую форму, примѣняютъ къ ней привычныя звѣриныя украшенія (табл. IV, рис. 30). Точно отнести къ какому-нибудь опредѣленному времени появленіе на сѣв. Кавказѣ луновидной формы пока еще не представляется возможнымъ. Но, можетъ быть, она, вмѣстѣ съ шарниромъ, пришла одновременно съ манерой украшенія дуговой фибулы бусинами, которая примѣнялась въ Греціи къ шарнирнымъ формамъ, какъ это видно на экземплярѣ изъ Аркадіи (рис. 7, [5])

Область распространенія шарнирныхъ фибулъ невелика. На сѣв. Кавказѣ онѣ извѣстны изъ Терской области: въ Кабардѣ изъ Алагирскаго ущелья близъ пос. Иналъ[1] (луновидная), въ Осетіи изъ Кумбулты[2] (шарн.-дуговая), Царцы (ш.-дуг.)[3] Камунты[4] (луновид. и шарн.-дуг.), Нижней Рутхи[5] (ш.-дуг.); далѣе къ югу изъ Тифлиской губерніи: около с.с. Ворнакъ, Привольный Ахнетъ, Ягданъ и Машуръ (ш.-дуг.).[6] Встрѣчается эта форма и въ русской Арменіи (ш.-дуг.).[7]

*

Такъ же бѣдно, какъ и шарнирный рядъ, представлена на сѣв. Кавказѣ и зооморфная серія фибулъ. Конструктивной ея особенностью является превращеніе дужки въ фигуру какого-либо животнаго, чѣмъ эти фибулы отличаются отъ фибулъ первыхъ двухъ серій, носящихъ иногда на себѣ звѣриныя украшенія, но сохраняющихъ всегда свою дугу.

Собственно звѣриная фибула извѣстна пока только одна (табл. IV, рис. 31). Хранится она въ Эрмитажѣ и, хотя обозначена происходящей изъ Сванетіи, но на самомъ дѣлѣ, мѣсто ея находки точно неизвѣстно[8]. Животное, замѣняющее собою дужку этой фибулы, вполнѣ тождественно со звѣриными изображеніями на кобанскихъ поясныхъ пряжкахъ[9] и топорахъ[10]. Остальныя детали фибулы также повторяютъ формы дуговыхъ фибулъ того же могильника. Поэтому и по времени она можетъ быть отнесена къ нимъ.

Особую группу составляютъ фибулы, дуга которыхъ даетъ нѣсколько колѣнчато-округлыхъ изгибовъ, напоминающихъ фигуру извивающейся змѣи (табл. IV, рис. 32—34). Нѣкоторыя изъ нихъ снабжены цѣпочками съ бубенцами и колокольцами съ желѣзными языками, другія украшены насѣчками и выпуклыми поперечными поясками (табл. VI, рис. 32—34).

Сходные по формамъ экземпляры извѣстны также изъ Галльштатта[11], но провести въ данномъ случаѣ какую-либо зависимость между обоими типами затруднительно, тѣмъ болѣе, что галльштаттскіе экземпляры по формѣ своего пріемника (лодочкой) тѣсно примыкаютъ къ итальянскимъ фибуламъ[12].

---

¹) Отчетъ Имп. Арх. Ком. за 1893, стр. 33, рис. 19.
²) Мат. по арх. Кавказа, в. VIII, стр. 218.
³) Тамъ же, стр. 128.
⁴) Тамъ же, стр. 304 и 305.
⁵) Тамъ же, стр. 246.
⁶) Отчетъ Имп. Арх. Ком. за 1894, стр. 15.
⁷) J. de Morgan. L'humanité préhistorique. P. 1921, p. 141, fig. 66, № 32.
⁸) Матеріалы по археологіи Кавказа, вып. VIII, стр. 355.
⁹) Тамъ же, табл. XIX, рис. 1, 2, 3; табл. XX. рис. 1, 4.
¹⁰) Тамъ же, табл. VIII, рис. 1.
¹¹) Л. Нидерле: Человѣчество въ доисторическія времена. Пер. подъ ред. Д. Н. Анучина. М. 1897, стр. 375, рис. 255.
¹²) O. Montelius: Die ält. Kulturperioden. I, стр. 47, рис. 160—170.

Описываемый типъ въ нашей, какъ впрочемъ и въ западно-европейской[1], литературѣ называется обыкновенно змѣевиднымъ, причемъ этотъ терминъ примѣняется также и къ тѣмъ итальянскимъ формамъ[2], у которыхъ дуга образуетъ въ разныхъ мѣстахъ нѣсколько спиральныхъ завитковъ, отчего она, дѣйствительно, слегка напоминаетъ свивающуюся кольцами змѣю. Трудно согласиться съ подобнымъ расширеннымъ употребленіемъ этого наименованія, т. к. здѣсь имѣется не только двѣ разныя формы (плоскіе изгибы одной и пружинныя спирали другой), но и вызваны къ жизни эти формы разными причинами. Появленіе змѣевидной итальянской фибулы легко находитъ себѣ объясненіе въ стремленіи мастера къ техническому усовершенствованію застежки путемъ размѣщенія спиралей въ разныхъ мѣстахъ дуги въ цѣляхъ усиленія упругаго дѣйствія пружины. Сходство со змѣей здѣсь — явленіе случайное, непреднамѣренное. Наоборотъ, въ случаѣ съ кавказскими фибулами, а вѣроятно и съ галльштаттскими, приданіе дугѣ змѣиной формы не можетъ быть объяснено какимъ-либо чисто механическимъ приспособленіемъ, а съ другой стороны и не могло оно имѣть значенія только декораціи. Уже съ самаго начала появленія фибулы на Кавказѣ, т. е. со времени могилъ нижняго горизонта кобанскаго некрополя, изображенія змѣй были очень распространены на различныхъ предметахъ. Такъ, онѣ имѣются и на топорахъ[3], и на поясныхъ бляхахъ[4], и на особыхъ пряжкахъ[5] изъ разныхъ мѣстъ Осетіи. Причемъ змѣя изображается всегда условно, художникъ не стремится къ реалистическому ея воспроизведенію, а придаетъ изображаемому особый, символическій смыслъ. За это говоритъ всегда примѣняемый, одинъ и тотъ же, пріемъ: голова змѣи изображается въ видѣ стрѣлы, чѣмъ подчеркивается смертоностность и быстрота ея дѣйствія, проявляемого при нападеніи и при защитѣ, образъ же реальной змѣи, видимо, не интересуетъ художника. Изображенія змѣй на кавказскихъ вещахъ вышли, вѣроятно, изъ того же круга примитивно-религіозныхъ идей, что и египетскій урей, и мѣдный змій іудеевъ, и филактеріи, и многіе другіе символы апотропеическаго значенія. Въ миѳологіи первобытныхъ народовъ змѣя является не только олицетвореніемъ зла, но ей приписываются и разныя благодѣтельныя свойства. Пряжки (рис. 14) и фибулы, какъ постоянно носимыя на себѣ предметы, могли легко сдѣлаться весьма удобными амулетами для отвращенія пагубныхъ вліяній и злыхъ силъ. Остроконечная стрѣловидная голова змѣи, вполнѣ возможная на пряжкѣ, не могла, однако, дѣлаться на фибулѣ по чисто практическимъ соображеніямъ, т. к. мѣшала бы ея непосредственному назначенію, колола бы руки и рвала одежду. Разсматриваемыя фибулы, поэтому можно назвать змѣиными[6], въ отличіе отъ вышеуказанныхъ змѣевидныхъ, и причислить ихъ къ зооморфному ряду. Считать эту форму заимствованной нѣтъ основаній, т. к. культъ змѣи существовалъ въ разныя времена и у разныхъ народовъ, а потому различныя его проявленія и пережитки, сходные по формамъ, могли имѣть мѣсто въ разныхъ странахъ.

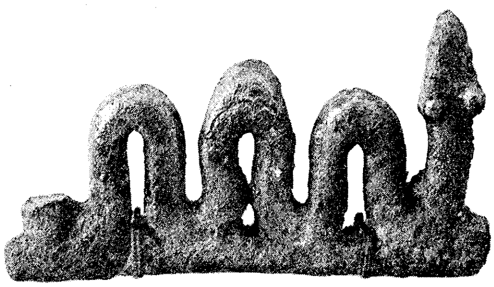


Рис. 14.
Змѣиная пряжка изъ Кумбульты
(Гр. П. С. Уварова)

1) Schlangenfibel, la fibule serpentine и т. п.
2) O. Montelius: Die älter. Kulturperioden. I, стр. 47, рис. 160—170.
3) Матеріалы по археологіи Кавказа, вып. VIII, табл. III, рис. 1, 2, 3.
4) Тамъ же, табл. XIX, рис. 4.
5) Тамъ же, табл. LXXXVIII, рис. 1.
6) По аналогіи — звѣриный стиль, звѣриный орнаментъ.

Змѣиныя фибулы извѣстны изъ двухъ мѣстъ въ Осетіи: Чми[1] и Кобань[2]. Въ послѣдней онѣ происходятъ изъ верхнихъ слоевъ могильника, а одинъ экземпляръ извлеченъ Г. Д. Филимоновымъ, вмѣстѣ съ дуговыми фибулами изъ упомянутой уже выше могилы съ сосудомъ римскаго времени II ст. до Р. Хр.

*

Если расположить хронологически тѣ немногія, содержащія фибулы, погребенія и находки, которыя можно приноровить къ какой-нибудь, болѣе или менѣе точной, датѣ, то получится слѣдующая таблица:

Типы	Мѣсто находки					
	Нижніе слои Кобани	Казбек. кладъ и Могильн.	Верхніе слои Кобани	Нижняя[3]) Рутха и Камунта ?	За-далискъ	Голіатъ и Фаскау
А. Дуговыя фибулы.						
1. Съ узкимъ пріемникомъ:						
а) гладкія или съ геометрическимъ орнаментомъ	+	—	+	—	—	—
б) съ накладной проволокой .	—	—	+	—	—	—
2. Съ широкимъ пріемникомъ:						
а) гладкія, съ геометрическимъ орнаментомъ или съ нарѣзнымъ винтомъ	+	+	+	+	+	+
б) съ бусовидными украшен. .	—	+	—	—	—	—
3. Піявковидныя	+	—	—	—	—	—
Б. Шарнирныя.						
1. Шарнирно-дуговыя	—	—	—	+	—	—
2. Луновидныя	—	—	—	+	—	—
В. Зооморфныя.						
1. Звѣриныя	+	—	—	—	—	—
2. Змѣиныя	—	—	+	—	—	—
Время:	VI—V до Р. Х.	III до Р. Х.	II до Р. Х.	III по Р. Х.	IV по Р. Х.	V по Р. Х.

Изъ этой сводки видно, что первое время существуютъ всѣ три основные типа дуговой фибулы, но еще не примѣняется украшеніе помощью бусъ и накладной про-

[1]) Матеріалы по археологіи Кавказа, вып. VIII, стр. 115.

[2]) Тамъ же, стр. 80, 84.

[3]) Подробнаго описанія погребеній изъ н. Рутхи не имѣется. Изъ того же, что опубликовано (Гр. П. С. Уваровой и В. Долбежевымъ) нельзя составить яснаго представленія ни о составѣ погребальнаго инвентаря, ни объ отношеніи опубликованныхъ вещей другъ къ другу (Мат. по арх. К—за, в. VIII, стр. 246 и сл.; W. J. Dolbeschew: Ausgrabungen auf den Gräberfelden von Kumbulte in Digorien. Mitteilungen der anthropologischen Gesellschaft in Wien. XXI, 1891, S. 60). Неясно происхожденіе и шарнирныхъ фибулъ изъ Камунты. Поэтому включеніе этой рубрики въ таблицу имѣетъ лишь весьма условное значеніе.

волоки. Одновременно существуетъ и звѣриная форма. Въ дальнѣйшемъ послѣдняя какъ и піявковидный типъ, совершенно исчезаетъ. Фибулы съ узкимъ пріемникомъ въ болѣе позднее время начинаютъ украшаться накладной проволокой и подвѣсками,[1] подобно второму типу, при этомъ сильно уменьшаются въ размѣрахъ.[2] Дуговая фибула съ широкимъ пріемникомъ выдѣлывается непрерывно и до очень поздняго времени. За время ея долгаго существованія появляются, вь разные моменты, остальные типы, не игравшіе, очевидно, большой роли въ обиходѣ населенія.

А. Калитинскій.

Прага 1925.

CONCLUSIONS

I. Les fibules antiques du Caucase septentrional forment 3 séries: 1) fibules à arc simple, 2) fibules à charnière, 3) fibules zoomorphiques.

II. On distingue parmi les fibules à arc simple 3 types: 1) fibules dont le porte-agrafe est étroit et l'arc surbaissé, 2) porte-agrafe large, arc rehaussé, 3) porte-agrafe large, arc renflé (fibules à sangsue). Parmi les fibules à charnières — 2 types: 1) fibules à arc et charnière, 2) fibules à croissant. Parmi les zoomorphiques: 1) fibules en forme d'animal, 2) fibules en forme de serpent (mais non »serpentine«).

III. L'analyse de la forme et la décoration ornementale des susdites fibules démontrent leur origine grecque.

IV. L'apparition des fibules au Caucase septentrional ne peut être placé avant le commencement de la colonisation grecque aux côtes caucasiennes de la Mer Noire, c'est à dire les VII—VI s.s. avant J. Chr.

V. Par conséquence la fabrication locale des fibules ne peut être antérieure aux VI—V s.s. avant J. Chr.

VI. L'existence de la fibule à arc au Caucase pendant le III s. avant J. Chr. est démontrée par le vase d'argent du trésor de Kasbek, fabriqué en Syrie à l'époque hellénistique, qui fut accompagné par des pareilles fibules.

VII. La même fibule existe aussi au II s. av. J. Chr.; dans un tombeau de la nécropole de Koban cette forme est accompagnée par un vase de bronze romain.

VIII. Les traces de la fabrication de cette forme peuvent être suivies jusqu'aux tombeaux des IV—V s.s. après J. Chr. (Zadalisk, Goliath, Faskaou).

IX. L'apparition de la fibule à charnière ne peut être datée précisément mais sa décoration ornementale correspond quelquefois à celle de la fibule dite romaine-provinciale (Routkha).

X. La fibule en forme de serpent porte un caractère apotropéique; cette forme fut découverte dans un tombeau du II s. av. J. Chr. (Koban; v. VII).

A. Kalitinsky.

---

[1]) Мат. по арх. Кавказа, в. VIII, стр. 80.

[2]) Тамъ же.

СПИСОКЪ ФИБУЛЪ, ИЗОБРАЖЕННЫХЪ НА ТАБЛИЦАХЪ

ДУГОВЫЯ:

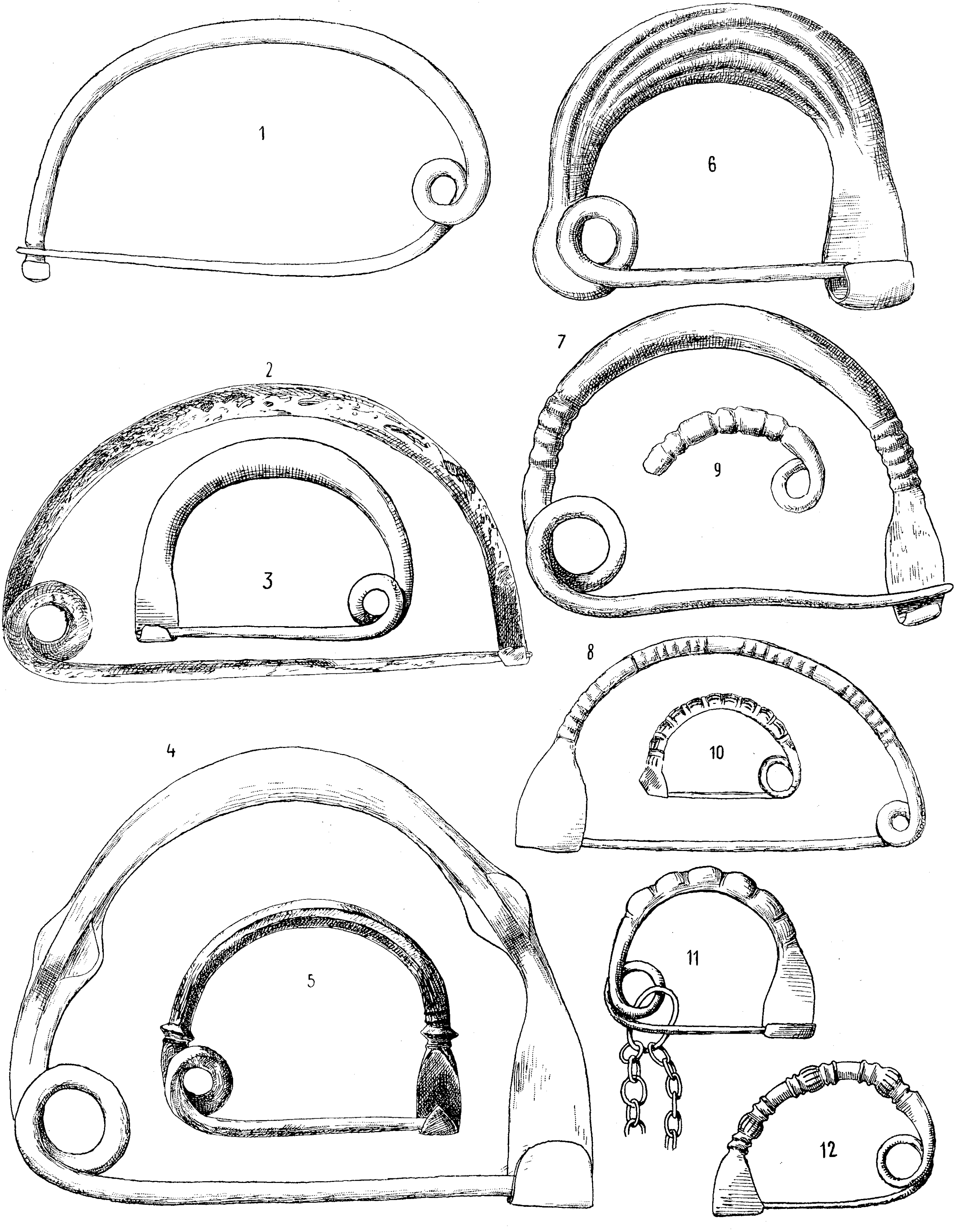
1. Бронзовая фибула. $^1/_1$. Самтаврскій могильникъ. Тифлисскій музей. E. Chantre, Rech. anthrop., II, atlas, pl. XLIX, fig. 8.
2. Бронзовая фибула. $^1/_1$. Кобань. Собраніе гр. А. С. Уварова. Мат. по арх. Кавказа, в. VIII, табл. XXXI, рис. 5.
3. Бронзовая фибула. Кобань. Собраніе Москов. Истор. музея.
4. Бронзовая фибула $^1/_1$. Кобань. E. Chantre, Rech. anthrop., II, atlas, pl. XXIIbis, fig. 5.
5. Бронзовая фибула. Кумбулта. Собраніе гр. П. С. Уваровой. Мат. по арх. Кавказа, в. VIII, табл. LXXXVIII, рис. 7.
6. Бронзовая фибула. Чегемскій могильникъ. Собраніе И. Урусбіева. Мат. по арх. Кавказа, в. I, табл. XXIV, рис. 31.
7. Бронзовая фибула. Кобань. Musée de Saint-Germain. E. Chantre, Rech. anthrop., II, atlas, pl. XXI, fig. 4.
8. Бронзовая фибула. Корца. Собраніе гр. П. С. Уваровой. Мат. по арх. Кавказа, в. VIII, рис. 7.
9. Бронзовая фибула. Чми. Собраніе гр. П. С. Уваровой. Мат. по арх. Кавказа, в. VIII, табл. LV, рис. 13.
10. Бронзовая фибула. Казбекскій могильникъ. Собраніе Москов. Истор. музея.
11. Бронзовая фибула. Казбекскій могильникъ. Собраніе Москов. Истор. музея.
12. Бронзовая фибула. Казбекскій могильникъ. Мат. по арх. Кавказа, в. VIII, стр. 154, рис. 145.
13. Бронзовая фибула. Кобань. Собраніе гр. А. С. Уварова. Мат. по арх. Кавказа, в. VIII, табл. XXX, рис. 2.
14. Бронзовая фибула. Казбекскій могильникъ. Собраніе Москов. Истор. музея.
15. Бронзовая фибула. $^2/_3$. Казбекскій могильникъ. E. Chantre, Rech. anthrop., II, atlas, pl. LVI, fig. 6.
16. Бронзовая фибула. Кавказъ, мѣсто находки неизвѣстно. Собраніе Румянцевскаго музея.
17. Бронзовая фибула. Казбекскій могильникъ. Собраніе Московскаго Историч. музея E. Chantre, Rech. anthrop., II, atlas, pl. LVI, fig. 1.
18. Бронзовая фибула. $^1/_3$. Бойси-Ирзо Терск. области. Отчетъ Имп. Арх. Ком. за 1902 г., стр. 57.
19. Бронзовая фибула. $^2/_3$. Кобань. Собраніе гр. П. С. Уваровой. Мат. по арх. Кавказа, в. VIII, табл. XXXII, рис. 7.
20. Бронзовая фибула. Кавказъ, мѣсто находки неизвѣстно. Собраніе Москов. Румянцевскаго музея.
21. Бронзовая фибула. Чегема. Мат. по арх. Кавказа, в. I. табл. XXI, рис. 5.
22. Бронзовая фибула. Кобань. Musée de S. Germain. E. Chantre, Rech. anthrop., II, atlas, pl. XXII, fig. 4.
23. Бронзовая фибула. Кобань. Собраніе гр. А. С. Уварова. Мат. по арх. Кавказа, в. VIII, табл. XXXI, рис. 8.
24. Бронзовая фибула. Кобань. Собраніе Эрмитажа. Мат. по арх. Кавказа, в. VIII, стр. 80.

ШАРНИРНЫЯ:

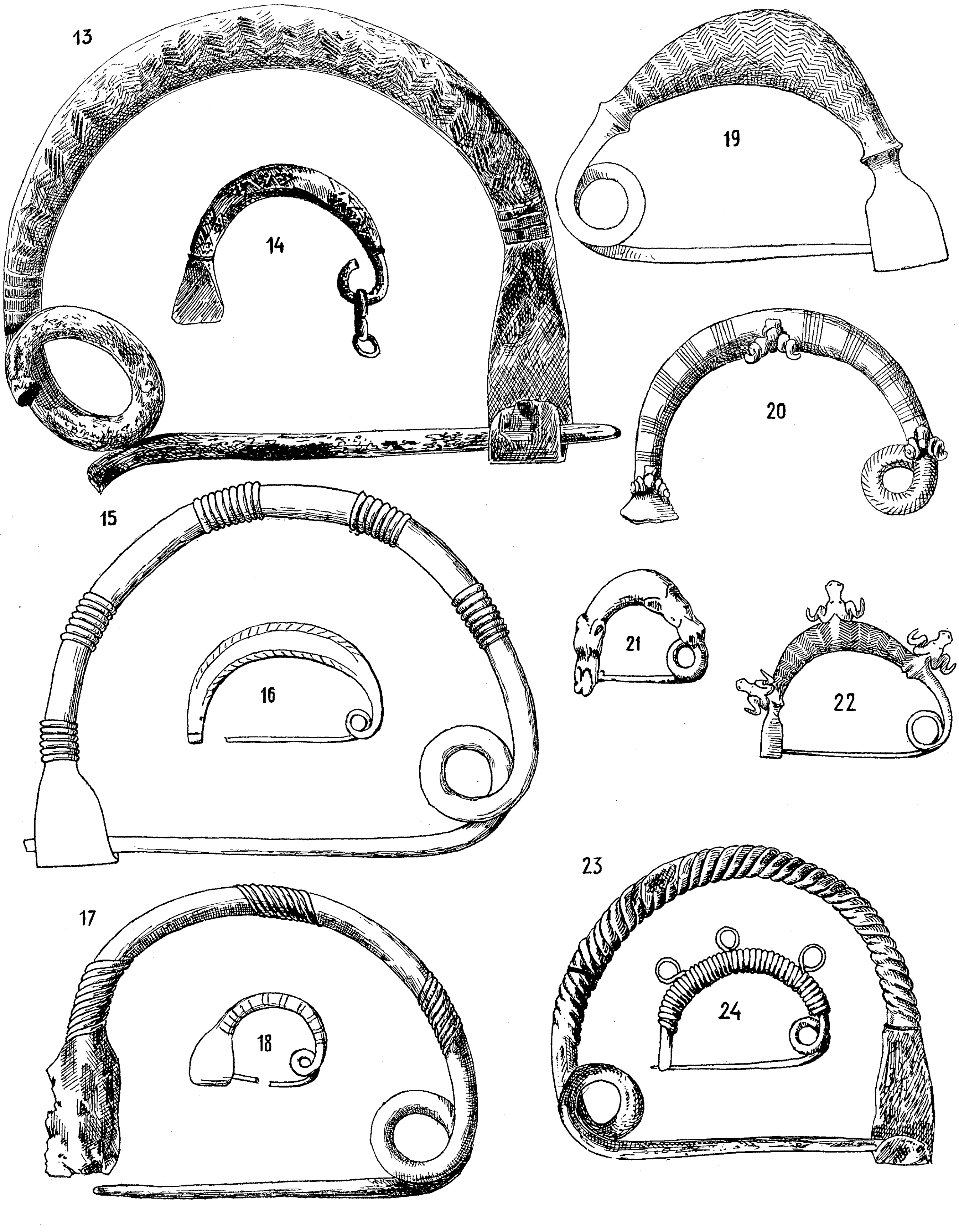
25. Бронзовая фибула. Тифлисская губ. Собраніе Москов. Истор. музея. Отчетъ Имп. Арх. Ком. за 1894 г., стр. 15.
26. Бронзовая фибула. Нижняя Рутха. Собраніе гр. П. С. Уваровой. Мат. по арх. Кавказа, в. VIII, табл. CIV, рис. 3.
27. Бронзовая фибула. Кумбулта. Собраніе Москов. Истор. музея. Мат. по арх. Кавказа, в. VIII, табл. XCII, рис. 1.
28. Бронзовая фибула. Камунта. Собраніе Эрмитажа. Мат. по арх. Кавказа, в. VIII, табл. CXXII, рис. 12.
29. Бронзовая фибула. Алагир. ущ. Терской области. Отчетъ Имп. Арх. Ком. за 1893 г., стр. 33.
30. Бронзовая фибула. Камунта. Собраніе Эрмитажа. Мат. по арх. Кавказа, в. VIII, табл. CXXII, рис. 11.

ЗООМОРФНЫЯ:

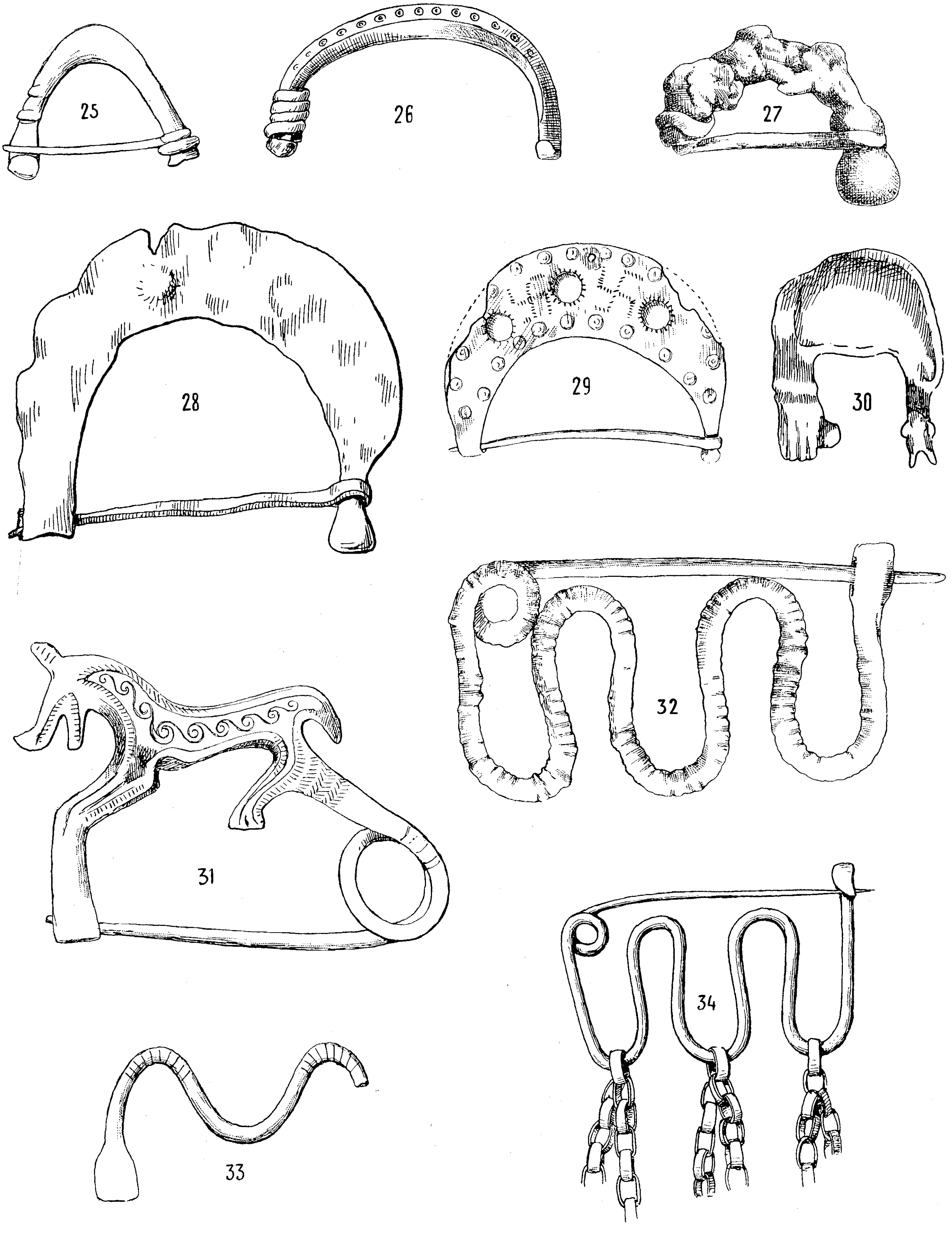
31. Бронзовая фибула. Кавказъ, мѣсто находки неизвѣстно. Собраніе Эрмитажа. Мат. по арх. Кавказа, в. VIII, стр. 354.
32. Бронзовая фибула. Кобань. E. Chantre, Rech. anthrop., II, atlas, pl. XXIIbis, fig. 7.
33. Бронзовая фибула. Кавказъ, мѣсто находки неизвѣстно. Собраніе Москов. Румянцевскаго музея.
34. Бронзовая фибула. Кобань. Собраніе гр. А. С. Уварова. Мат. по арх. Кавказа, в. VIII, табл. XXXVI, рис. 1.



Таб. II.



Таб. III.



Таб. IV.

САСАНИДО-ЕГИПЕТСКАЯ ТКАНЬ ИЗЪ АНТИНОИ

Въ 1907 году, въ одномъ изъ погребенiй некрополя Антинои, Gayet нашелъ два куска ткани съ узорами, изображающими сражающихся воиновъ. Оба куска были выставлены въ 1908 году въ музеѣ Guimet въ Парижѣ. Одинъ изъ кусковъ, болѣе сохранившiйся, былъ впервые изданъ въ Catalogue de l'Exposition temporaire au Musée Guimet[1]. Въ каталогѣ, составленномъ Gayet, въ краткомъ описанiи ткани говорится[2]: «Jambières de laine brodée ayant fait partie d'un costume d'homme. Tout en haut, dans des nuages figurant les trois cieux des systèmes cosmogoniques, pharaonique et alexandrins, trois têtes apparaissent, qui semblent celles de divinités, présidant à un combat entre deux archers, dont l'un tient son cheval en bride. Au bas, un cavalier attaque, à coup de flèche, une amazone. Devant lui, un autre cavalier sonne du cor, tout en entraînant un prisonnier nègre, qu'il tient en laisse par une lanière passée à son cou. Au-dessous de cette scène, un chef est assis sur un trône byzantin, à gros coussin. Il tient à deux mains son épée, et porte sur la tête une couronne, qu'on retrouve au temps des rois mérovingiens».

Къ сожалѣнiю, Gayet, какъ всегда, не даетъ никакихъ указанiй на обстоятельства и условiя находки. Оба куска настолько велики (приблизительно 40×60 см.), что не могли служить узорными нашивками на коптской туникѣ. Сохранившiйся на одномъ кускѣ продольный шовъ даетъ возможность предположить, что передъ нами — остатки большого куска узорной ткани, изъ которой была сшита одежда. Ткань исполнена такъ называемой гобеленовой техникой, свойственной преимущественно тканямъ Древняго и Средневѣковаго Египта.[3]

Узоръ составленъ изъ шерстяныхъ нитей девяти цвѣтовъ: желтаго, розоваго, краснаго, фiолетоваго, темно-зеленаго, голубого, синяго, бѣлаго и чернаго.

Ткань сильно пострадала отъ времени и повреждена во многихъ мѣстахъ настолько, что первоначальный рисунокъ трудно различимъ. Края сильно истлѣли и окрасились въ темно-коричневый тонъ, сильно измѣнившiй первоначальные цвѣта ткани. Въ настоящее время едва ли возможно установить, какого размѣра была вся ткань, и были ли эти два куска узорными нашивками на одноцвѣтной ткани одежды или же остатками одного большого куска узорной ткани. Болѣе сохранившiйся кусокъ (рис. 2) въ настоящее время находится въ Лiонскомъ Музеѣ Тканей, а другой, съ сильно поврежденными краями и серединой, въ Musée Guimet въ Парижѣ (рис. 1). Сопоставляя оба куска, можно до нѣкоторой степени возстановить первоначальный рисунокъ ткани, изображающiй несомнѣнно войну, но не совсѣмъ отвѣчающiй поспѣшному описанiю Gayet.

Нижняя часть ткани занята орнаментальнымъ узоромъ, состоящимъ изъ рядовъ звѣздъ, круговъ и сердецъ на синемъ фонѣ и узкой розовой каймы внизу, съ сѣтчатымъ узоромъ изъ бѣлыхъ квадратиковъ и сердецъ. Эта орнаментальная часть ткани отдѣляется отъ верхняго узора узкой, вогнутой внизъ розовой полоской съ бѣлымъ зигзагомъ.

Выше этой кривой линiи изображена сидящая фронтально на тронѣ и опирающаяся на мечъ фигура, поза, костюмъ и манера рисунка которой не оставляютъ со-

---

¹) Annales du Musée Guimet, Bibl. de vulgarisation, XXVIII, pl. 12. Paris, 1908.

²) Тамъ же, стр. 103.

³) Fl. Petrie: Les Arts et Métiers de l'Ancienne Égypte. Paris, 1915. Стр. 171—172.

мнѣнія въ ея сасанидскомъ происхожденіи. Точно въ такой же позѣ изображенъ Хозрой I Аношарванъ на сасанидскомъ блюдѣ Національной библіотеки[1] и Ормуздъ на блюдѣ Британскаго музея;[2] — аналогичныя же фигуры можно указать на пермскомъ блюдѣ,[3] на рѣзномъ камнѣ изъ Самарканда[4] и на сасанидскомъ рельефѣ.[5]

Рис. 1.
Ткань изъ Антинои (Musée Guimet, Парижъ). Рис. Н. В.

Въ иллюстрированной Исторіи Сасанидскихъ Царей, которой пользовался Гамза Испаганскій (961), въ подобной же позѣ, опираясь на мечъ, были изображены Баграмъ III и Хозрой I.[6]

Одежда царя состоитъ изъ краснаго кафтана, голубыхъ узкихъ штановъ и фіолетоваго оплечія. Бѣлые квадратики на оплечіи и на кафтанѣ по всей вѣроятности схематически передаютъ узорную ткань одежды. Сочетаніе краснаго кафтана съ голубыми штанами упоминается Гамзой Испаганскимъ въ описаніяхъ костюма Нарзе, Гормидза, Шапура и Хозроя II Парвиза.[7] Плотно облегающій тѣло кафтанъ съ узкими рукавами — обычная одежда сасанидскихъ царей, — переданъ нѣсколько схематично, безъ разрѣза спереди. Матерчатое оплечіе (напоминающее монгольскій аламъ) мы знаемъ только на двухъ поздне-сасанидскихъ блюдахъ изъ Эрмитажа.[8] Узкіе обтянутые штаны сравнительно рѣдки на изображеніяхъ сасанидскихъ царей, чаще можно видѣть широкіе шаровары, складчатые, вѣроятно изъ тонкаго шелка.

[1]) Я. Смирновъ: Восточное серебро, Петербургъ 1909, рис. 51. M. Dieulafoy. L'Art Antique de la Perse. V, pl. XXII. F. Sarre. Die Kunst des a ten Persien. Berlin. 1922. Рис. 144.

[2]) Смирновъ: Вост. сер., рис. 39.

[3]) Смирновъ: Вост. сер., рис. 306.

[4]) Смирновъ: Вост. сер., XXIV, рис. 5.

[5]) F. Sarre и E. Herzfeld. Iranische Felsreliefs. Berlin 1910, рис. 101 (по Flandin). По мнѣнію Sarre и Herzfeld'а на этомъ рельефѣ изображенъ одинъ изъ Хозроевъ. Rawlinson приписываетъ подобный фронтальный типъ изображеній Хозрою I. Chosroes „is the only Sassanian monarch who represents himself upon his coins as facing to the spectator, and leaning both hands upon his straight sword, with its point between his feet". G. Rawlinson. The seventh Great Orient Monarchy. London. 1876. Примѣчаніе на стр. 611—612.

[6]) См. Hamsae Ispahanensis, annalium libri X. Ed. M. E. Gottwald. Petr.-Lips. 1848. II, стр. 37 и 42.

[7]) Ibid., томъ II, стр. 37—45.

[8]) Смирновъ: Вост. сер., рис. 63 и 64.

Рис. 2. ТКАНЬ ИЗЪ АНТИНОИ.
(LYON. MUSÉE DES TISSUS.)

Сасанидская корона, имѣвшая особую форму у каждаго царя и позволяющая поэтому болѣе точно опредѣлять изображенія сасанидскихъ царей, — въ настоящемъ случаѣ замѣнена круглой красной шапкой съ вертикальной желтой полосой и такой же опушкой. Подобной формы шапки обычны на арсакидскихъ монетахъ. Въ сасанидское время такую шапку можно найти только на монетахъ Ардашира I-го и на изображеніяхъ сасанидскихъ вельможъ. Двѣ пары красныхъ лентъ — знакъ царскаго достоинства сасанидовъ, развѣваются надъ плечами. Можетъ быть указанъ аналогичный случай замѣны царской короны подобной же шапкой на сирійскомъ или александрійскомъ подражаніи сасанидской ткани, изображающей Баграма V Гора на охотѣ.[1]

Упрощенный рисунокъ ткани не позволяетъ особенно полагаться на черты лица и искать портретнаго сходства съ изображеніями царей на сасанидскихъ монетахъ: все же можетъ быть замѣчено нѣкоторое сходство съ Хозроемъ I на блюдѣ Національной Библіотеки, которое если и не доказываетъ ихъ тождество, то все же и не опровергаетъ его.

Рис. 3.
Рѣзной камень изъ блюда Національной библіотеки въ Парижѣ (Смирновъ).

Тронъ съ большой круглой розовой подушкой, украшенной драгоцѣнными камнями, по своей формѣ больше похожъ на византійскіе престолы, чѣмъ на сасанидскій тронъ, изображенный на блюдѣ Національной Библіотеки (см. рис. 3) и на блюдахъ изъ Эрмитажа.[2]

Выше сидящаго царя по бѣлому фону размѣщено нѣсколько сражающихся другъ съ другомъ фигуръ. Слѣва изображенъ скачущій всадникъ, уцѣлѣвшій только на кускѣ въ музеѣ Guimet; переднія ноги лошади того же всадника сохранились на отдѣльномъ кускѣ ліонской ткани, при монтированіи помѣщенномъ ошибочно справа. Всадникъ въ красномъ подпоясанномъ кафтанѣ и черныхъ шароварахъ, въ высокой шапкѣ, съ очень характернымъ профилемъ и черной заостренной бородой, стрѣляетъ изъ лука, обернувшись всѣмъ тѣломъ назадъ. Подобное положеніе фигуры очень распространено въ сасанидскомъ искусствѣ,[3] и обусловливается особымъ способомъ стрѣльбы изъ лука на всемъ скаку, обернувшись назадъ — извѣстный тактическій пріемъ кочевниковъ.[4]

Подъ лошадью внизу изображена бѣгущая собака, съ повернутой назадъ головой.

Правѣе всадника — плохо сохранившаяся фигура пѣшаго воина, повернутая вправо и повидимому прикрывающаяся круглымъ щитомъ отъ нападенія другого всадника. Верхняя часть тѣла обнажена, на бедрахъ двуцвѣтный передникъ зеленый и голубой, отъ котораго черезъ плечо проходитъ узкій ремень или перевязь; ноги не сохранились. На ткани изъ Musée Guimet отъ этой фигуры уцѣлѣла только одна голова.

Еще правѣе надъ сидящимъ царемъ изображенъ на черной лошади скачущій вправо всадникъ; обернувшись назадъ, онъ стрѣляетъ изъ лука въ пѣшаго воина. На всадникѣ — желтый подпоясанный кафтанъ съ боковыми разрѣзами, узкіе красные

---

[1]) Falke. Kunstgeschichte der Seidenweberei. Berlin, 1913, рис. 89.

[2]) Сасанидскій тронъ, по изображенію на блюдахъ, представляетъ широкое сидѣніе, напоминающее скорѣе ложе, чѣмъ кресло, съ тремя плоскими подушками, положенными другъ на друга съ одной стороны, опираясь на которыя сидитъ или полулежитъ царь. — Смирновъ. Вост. Сер., рис. 51, 66, 306. — Краткое описаніе сасанидскаго трона ср. у Tabari. — Th. Nöldeke. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden. Leyden. 1879. Стр. 367.

[3]) Смирновъ. Вост. Сер., рис. 61. — Sarre. Die Kunst des alten Persien, рис. 152.

[4]) Иностранцевъ. Отрывки Военнаго Трактата изъ Сасанидской Книги Установленій. Зап. Вост. Отд. Имп. Археолог. Общ., томъ XVII, стр. 249.

штаны и развѣвающійся сзади плащъ или сагій. Голова всадника — съ длинными черными волосами, безъ головного убора. Расцвѣтка коня въ черный, желтый и голубой — обычная декоративная условность на восточныхъ и сасанидскихъ тканяхъ.[1]

Далѣе изображена черная фигура негра, одѣтаго лишь въ желто-голубой передникъ съ большимъ мечемъ на плечевой перевязи и повязкой вокругъ типичной круглой коротковолосой головы, сохранившей даже въ упрощенномъ рисункѣ ткани характерныя черты негрской расы.

Скачущій вправо всадникъ, уцѣлѣвшій въ очень неполномъ видѣ на Ліонской ткани, увлекаетъ на арканѣ пойманнаго негра. Отъ всадника осталась только часть головы и рука, держащая по всей вѣроятности прямую трубу, въ которую онъ побѣдоносно трубитъ. Желтый конь съ голубой гривой и хвостомъ по рисунку совершенно аналогиченъ лошади предыдущаго всадника. Вся средняя часть фигуры всадника съ конемъ не сохранилась, въ этомъ мѣстѣ ткань повреждена; находящаяся подъ передними ногами лошади рука указываетъ, что на поврежденномъ мѣстѣ повидимому была еще одна фигура.

Еще правѣе помѣщенъ отдѣльный кусокъ съ передними ногаим лошади и собакой, которая, по аналогіи съ тканью въ музеѣ Guimet, должна была вѣроятно находиться слѣва, а не справа, куда ее по ошибкѣ помѣстили при монтированіи ткани.

Фигуры этого ряда размѣщены не симметрично; изъ 5 фигуръ 4 двигаются вправо, а средняя ось узора, проходящая черезъ фигуру царя, ничѣмъ не отмѣчена.

Надъ этимъ рядомъ находится еще одна группа фигуръ, построенная вполнѣ симметрично. Въ центрѣ, надъ головой сидящаго царя, три пары черныхъ дугъ образуютъ мало понятное сооруженіе, которое Gayet, вѣроятно по сходству съ облаками, считаетъ тремя небесными зонами, а двѣ выглядывающія по сторонамъ головы — черную и бѣлую, и погрудное изображеніе мальчика или юноши наверху — онъ истолковываетъ какъ три небесныя божества. При подобномъ объясненіи остается непонятнымъ, почему одна изъ головъ черная и пронзена стрѣлой? Мнѣ думается, что это сооруженіе, обрѣзанное внизу горизонтальной линіей — линіей земли, и отъ нея поднимающееся кверху, должно изображать не небеса, а гору. Двѣ выглядывающія головы принадлежатъ скорѣе прячущимся побѣжденнымъ воинамъ, чѣмъ богамъ.[2] Только находящаяся надъ ними фигура, замѣтно отличающаяся по рисунку и размѣрамъ, можетъ изображать божество или скорѣе генія, равно принятаго и въ эллинистическомъ и въ сасанидскомъ искусствѣ.[3]

По сторонамъ этой горы симметрично поставлены два стрѣлка изъ лука, стрѣляющіе не другъ въ друга, какъ предполагаетъ Gayet, а въ скрывающихся бѣглецовъ. Оба одѣты въ совершенно одинаковые синіе кафтаны съ бѣлыми, схематично изображенными на нихъ узорами, и въ желтые широкіе узорчатые штаны. На ліонской ткани цвѣта одежды лѣваго стрѣлка измѣнились отъ времени, но на ткани изъ музея Guimet кафтаны обоихъ стрѣлковъ совершенно одинаковы. Лѣвый лучникъ изображенъ почти лицемъ къ зрителю, другой въ профиль, оба безъ шапокъ, съ длинными черными волнистыми волосами, безъ бороды. На правой фигурѣ отъ пояса спускается развѣвающійся красный шарфъ съ желтой каймой. Красные четырехугольники у ихъ ногъ вѣроятно изображаютъ колчанъ, который персидскіе всадники носили на себѣ, а не на сѣдлѣ.[4]

---

1) Примѣръ подобной же условности см. на египетской имитаціи сасанидской ткани, изображающей зеленыхъ крылатыхъ коней, находящейся въ Ліонскомъ Музеѣ Тканей, изданной у Falke. Kunstgesch. d. Seidenweb. рис. 28.

2) По Шахъ-Намэ и Табари побѣжденные всегда искали спасенія въ горахъ, гдѣ они могли легко укрыться отъ преслѣдующей ихъ кавалеріи.

3) Смирновъ. Вост. Сер. рис. 39, 306. Falke, I, рис. 74, 77, 105.

4) Смирновъ. Вост. сер. рис. 57, 59, 60.

Весь рисунокъ въ цѣломъ повидимому долженъ изображать войну, въ которой принимаютъ участіе бѣлые и черные воины. Присутствіе сасанидскаго царя и нѣкоторое стремленіе къ конкретизаціи позволяютъ предполагать скорѣе изображеніе дѣйствительнаго событія сасанидской исторіи, чѣмъ иллюстрацію литературной или миѳологической темы. Принимая историческое толкованіе изображенной войны, и исходя изъ изображенія сасанидскаго царя,— мы можемъ предположить войну персовъ съ черными.

Изъ числа возможныхъ враговъ сасанидской Персіи только два народа могутъ считаться черными — индусы и абиссинцы.[1] О сколько-нибудь крупныхъ войнахъ Персіи съ Индіей мы ничего не знаемъ изъ арабскихъ хроникъ.[2] Вслѣдствіе общихъ политическихъ условій и постоянной вражды, существовавшей между кочевниками и народами Индіи, мало вѣроятна возможность военныхъ дѣйствій кочевниковъ — скифовъ или гунновъ — совмѣстно съ индусами противъ Хозроя.

Болѣе вѣроятно, что изображенные на ткани черные — абиссинцы. Характерный типъ негрской головы, сохранившійся несмотря на упрощенный рисунокъ ткани, утверждаетъ это предположеніе.

О войнѣ Персовъ съ Абиссиніей при Хозроѣ I сохранилось нѣсколько извѣстій у арабскихъ писателей. Это заключительный моментъ извѣстной экспедиціи, предпринятой царемъ Аксума (Абиссиніи), по настоянію Юстиніана, противъ арабовъ Іемена. О началѣ этой войны мы находимъ многочисленныя извѣстія у византійскихъ писателей.[3] Около 525 — 531 года Абиссинскій царь, побуждаемый Юстиніаномъ, отправилъ въ Іеменъ на корабляхъ большой отрядъ эфіоповъ.[4] Абиссинцы безъ большого труда завладѣли Іеменомъ и оставили тамъ отрядъ и намѣстника. Владычество ихъ надъ Іеменомъ продолжалось приблизительно до 570 годовъ, когда персидскій отрядъ, посланный Хозроемъ I, освободилъ арабовъ отъ власти черныхъ. По однимъ извѣстіямъ, экспедиція христіанскаго аксумитскаго царя была вызвана преслѣдованіями христіанъ въ Іеменѣ; по Прокопію — главнымъ образомъ желаніемъ Юстиніана завладѣть морскими путями въ Индію и установить непосредственныя торговыя сношенія съ Индіей и Цейлономъ, главнымъ рынкомъ китайскаго шелка.[5]

Отъ византійскихъ писателей мы почти ничего не знаемъ о неудачномъ концѣ предпринятаго завоеванія, зато арабскіе источники сохранили въ нѣсколькихъ мало отличающихся варіантахъ разсказъ объ изгнаніи персами эфіоповъ изъ Южной Аравіи при Хозроѣ I Аношарванѣ.

Хроника Табари (839—923) передаетъ два разсказа: одинъ по Ибнъ Исхаку (768), другой по Хишаму (820).[6] Нѣсколько подробнѣй разсказъ Масуди (943)[7] и Тха Алиби (1034).[8] Сокращенный разсказъ о томъ же событіи находимъ у Гамзы Испаганскаго (961).[9] Совсѣмъ короткое замѣчаніе объ экспедиціи персовъ находится въ хроникѣ Беладори.[10]

---

¹) И тѣхъ и другихъ персы одинаково считали черными. См. Nöldeke — Tabari, стр. 222.

²) G. Rawlinson, стр. 426, сомнѣвается въ возможности крупной войны между Хозроемъ I и Индіей.

³) См. Malalas. Patrol. Migne. XCVII, стр. 669. Procopius Caes. de Bello persico I, 20. Ch. Diehl. Justinien et la civilisation bysantine au VI siècle. Paris 1901. стр. 395. Dillmann. Zur Geschichte des Axumitischen Reichs. Abhandl. der Akad. d. Wissensch. zu Berlin. 1880. стр. 27. Mordtmann. Die himjarisch äthiopischen Kriege. Zd. D. M. G. 1881. XXXV, стр. 693. тамъ-же W. Fell. Die Christenverfolgung in Südarabien und die himjarisch äthiopischen Kriege nach abessinischer Überlieferung, стр. 1—75. Критическій обзоръ византійскихъ извѣстій объ аксумито-гимьяритской войнѣ приведенъ у Dillmann'а.

⁴) Въ абиссинскихъ источникахъ говорится о 15.000 негровъ. См. W. Fell, стр. 70.

⁵) Procopius. De Bello Pers. I — 20.

⁶) Nöldeke — Tabari. Стр. 219 — 227.

⁷) Maçoudi. Les prairies d'or. Texte et trad. C. Barbier de Meynard. Paris 1864. III. Стр. 162—166.

⁸) Изданіе и переводъ H. Zotenberg. Paris 1900. стр. 616.

⁹) Hamza Ispahanensis. II. стр. 42.

¹⁰) Изд. de Goeje. Переводъ Rescher. Leipzig 1917. стр. 105.

Извѣстія арабскихъ писателей объ изгнаніи эфіоповъ изъ Іемена могутъ быть сведены къ слѣдующему: Арабы Іемена, притѣсняемые черными завоевателями, отправили посла по имени Саифъ къ Хозрою Аношарвану, съ просьбой освободить ихъ отъ владычества черныхъ. Хозрой послалъ 800 узниковъ изъ тюрьмы подъ предводительствомъ Вахриза, на 8 корабляхъ въ Іеменъ. По дорогѣ два корабля съ людьми погибли, а остальные прибыли и высадились въ Іеменѣ. Саифъ собралъ сколько могъ арабовъ и коней, и соединенныя силы арабовъ и персовъ выступили противъ эфіоповъ. Навстрѣчу маленькому отряду персовъ вышелъ вождь абиссинцевъ Масрукъ съ большимъ войскомъ изъ эфіоповъ и арабовъ. Въ происшедшемъ сраженіи Вахризъ мѣтко пущенной стрѣлой попалъ въ лобъ Масруку. Смерть вождя привела въ смятеніе эфіопское войско, и персы безъ большого труда разбили и прогнали своихъ враговъ.

Подробности и мелкія детали нѣсколько отличаютъ разсказы другъ отъ друга. Въ разсказѣ Хишама добавляется, что особенно сильное впечатлѣніе на эфіоповъ произвели персидскіе стрѣлки, и приводится интересная подробность, что каждый персидскій всадникъ послѣ побѣды велъ за собой 50 связанныхъ плѣнниковъ — абиссинцевъ, гиміяритовъ и бедуиновъ.[1] Въ разсказѣ Тха-Алиби, Вахризъ убиваетъ Масрука отравленной стрѣлой.[2]

Это событіе по мнѣнію Nöldeke должно было произойти между 562—572 годами, въ концѣ царствованія Хозроя I Аношарвана.[3] Большинство дошедшихъ до насъ сасанидскихъ памятниковъ, особенно сасанидскіе рельефы на скалахъ и сасанидская серебряная посуда, посвящено изображенію подвиговъ и побѣдъ царя на войнѣ или охотѣ. На обычай персовъ изображать на стѣнахъ исключительно сцены войны или охоты жаловался еще Амміанъ Марцеллинъ. Табари сообщаетъ, что Баграмъ V Горъ приказалъ написать на стѣнѣ своего покоя извѣстную сцену, въ которой онъ былъ изображенъ пронзающимъ на охотѣ одной стрѣлой льва и онагра.[4] Въ Шахъ Намэ говорится, что охотничьи подвиги Баграма Гора были нарисованы тушью на шелкѣ и отправлены къ царю Іездегерду I.[5]

По всей вѣроятности и изображеніе на ткани войны персовъ съ эфіопами относится къ ряду такихъ торжественныхъ побѣдныхъ изображеній, сдѣланныхъ по приказанію царя или по установившемуся обыкновенію отмѣчать такимъ образомъ царскія дѣянія.

Въ какомъ именно видѣ было запечатлѣно это событіе впервые, можно только предполагать. Возможно, что это была фреска или же настѣнная завѣса, съ которой впослѣдствіи былъ сдѣланъ узоръ для ткани. Возможность такой зависимости устанавливается тѣмъ, что и изображеніе на стѣнѣ извѣстнаго подвига Баграма Гора дошло до насъ только въ видѣ ткани.[6]

Не связанная съ общей картиной войны поза спокойно сидящаго царя можетъ быть объяснена обычаемъ нѣкоторыхъ персидскихъ царей смотрѣть на битву, сидя на высокомъ мѣстѣ, и не принимать въ ней непосредственнаго участія. Тотъ же Хозрой I Аношарванъ, по словамъ Прокопія, смотрѣлъ на осаду Петры, сидя на высокомъ холмѣ.[7] Въ данномъ случаѣ это объясненіе мало подходитъ, такъ какъ Хозрой I не принималъ непосредственнаго участія въ Іеменской экспедиціи и на мѣстѣ боя не былъ.

Подобное соединеніе двухъ мотивовъ, двухъ сценъ въ одну картину — нисколько не противорѣчитъ правиламъ композиціи сасанидскихъ художниковъ. На одномъ и томъ

---

[1]) Nöldeke — Tabari. Стр. 233—234.
[2]) Изд. Zotenberg 1900. стр. 617.
[3]) Nöldeke — Tabari, стр. 224.
[4]) Nöldeke — Tabari, Стр. 90.
[5]) Mohl, Firdousi. Le livre des rois. V. Стр. 511.
[6]) Falke т. I, рис. 89.
[7]) Procop. II, 17.

же рельефѣ въ Такъ-и-Бостанѣ Хозрой II изображенъ дважды — спокойно ѣдущимъ и скачущимъ на конѣ съ лукомъ въ рукахъ.[1] Тамъ же на другомъ рельефѣ изображеніе Хозроя II на лодкѣ повторяется дважды.[2]

Рисунокъ ткани представляетъ сложную композицію, въ которой двѣ разныя сцены: торжественно сидящій на тронѣ царь и сражающіеся и побѣждающіе по волѣ его персы, — соединены въ одну картину, прославляющую царствованіе Хозроя.

Изображеніе Хозроя сидящимъ на тронѣ не слѣдуетъ понимать въ буквальномъ смыслѣ присутствія на мѣстѣ битвы. Художникъ, изображающій сцену битвы во славу Хозроя, не могъ обойтись безъ изображенія самого царя, и помѣстилъ его, согласно принципу своего времени, впереди, на самомъ видномъ мѣстѣ, не заботясь о связи съ остальными фигурами. Также какъ и на сасанидскихъ рельефахъ, фигура царя крупнѣе остальныхъ, размѣщенныхъ по сторонамъ и выше, что нисколько не умаляетъ первенствующаго значенія царскаго изображенія. На рельефѣ Шапура надъ царемъ высѣчено еще два ряда воиновъ и данниковъ.[3] На сценахъ охоты Хозроя II въ Такъ-и-Бостанѣ, надъ Хозроемъ II изображено стадо кабановъ и свита.[4]

Положеніе главной фигуры царя внизу могло имѣть значеніе въ настѣнныхъ фрескахъ и рельефахъ, гдѣ нижнія фигуры были лучше видны, чѣмъ верхнія.

Главный моментъ сраженія — поразившій абиссинскаго царя выстрѣлъ Вахриза, на ткани не изображенъ: ни одну изъ сохранившихся фигуръ мы не имѣемъ достаточнаго основанія считать изображеніемъ вождя персовъ или абиссинцевъ. Пронзенная стрѣлой голова негра врядъ-ли можетъ изображать убитаго Масрука, ввиду ея второстепеннаго положенія на заднемъ планѣ, рядомъ съ другой головой.

Повидимому на ткани представленъ заключительный моментъ битвы и преслѣдованіе черныхъ. Первая группа — всадникъ и негръ, соотвѣтственно съ текстомъ арабскихъ хроникъ, можетъ быть принята за изображеніе персидскаго всадника, уводящаго плѣннаго абиссинца и трубящаго въ знакъ побѣды.[5] Средній всадникъ, стрѣляющій въ бѣлаго воина, можетъ быть истолкованъ какъ персъ, а его бѣлый спѣшенный противникъ, по аналогіи одеждъ, какъ служащій въ войскѣ Масрука арабъ.[6] Самый лѣвый всадникъ, отличающійся отъ персовъ своей высокой шапкой, можетъ быть принятъ за гиміярита или бедуина изъ войска Масрука. Верхняя группа изъ двухъ спѣшенныхъ стрѣлковъ, какъ уже упомянуто выше, по всей вѣроятности должна изображать преслѣдованіе прячущихся въ горахъ бѣглецовъ, гиміяритовъ и эфіоповъ. Пораженная стрѣлой голова негра соотвѣтствуетъ тексту Табари, гдѣ говорится, что Вахризъ приказалъ избивать только черныхъ.[7]

Неполное совпаденіе разсказовъ арабскихъ историковъ и изображенія на ткани можетъ объясняться тѣмъ, что составитель, измѣнивъ первоначальный источникъ и отбросивъ нѣкоторыя подробности, обратилъ его въ картину прославленія Хозроя, въ которой остальные персонажи имѣютъ лишь второстепенное значеніе.

Есть и другая причина, за счетъ которой можетъ быть отнесено многое изъ того,

---

1) Sarre. Die Kunst des alt. Pers., рис. 87.

2) Тамъ же, рис. 88. Орбели пишетъ объ одномъ неизвѣстномъ мнѣ Сасанидскомъ блюдѣ Эрмитажа: „интереснѣйшее блюдо съ возсѣдающимъ на престолѣ Хозроемъ I Ануширваномъ въ кругу приближенныхъ, быть можетъ въ моментъ объявленія завѣщанія, созерцающимъ мчащагося на охотѣ наслѣдника.“ Сасанидское Искусство. Журн. „Востокъ“ IV 1924, стр. 143 — повидимому тоже изображеніе двухъ сценъ на одномъ блюдѣ.

3) Sarre u. Herzfeld, Iran. Felsr., рис. 109.

4) Sarre. Die Kunst d. alt. Pers., Рис. 86, 87, 88.

5) Nöldeke-Tabari, стр. 234.

6) Nöldeke-Tabari, стр. 234.

7) Nöldeke-Tabari, стр. 234.

что кажется въ ткани непонятнымъ: стиль и манера обоихъ кусковъ указываютъ на ихъ связь съ поздне-египетскими тканями. Техника гобелена, столь типичная для тканей Египта, пока не имѣетъ примѣровъ въ сасанидскихъ тканяхъ. Нельзя утверждать, что она была совершенно неизвѣстна персамъ, но изъ дошедшихъ до насъ главнымъ образомъ шелковыхъ сасанидскихъ тканей, ни одна не исполнена техникой гобелена.

Общій характеръ фигуръ, съ наклонностью къ легкому комизму и забавности — самой характерной чертой поздне-эллинистическаго стиля египетскихъ тканей, связанный въ эллинистическомъ искусствѣ повидимому съ цирковыми и театральными зрѣлищами, и претендующій на особую граціозность и условную красивость позъ — несомнѣнно можетъ быть наблюдаемъ въ разсматриваемой нами ткани. Эта черта, особенно замѣтная въ фигурахъ животныхъ, съ преувеличенно большими головами и подчеркнутой условной стремительностью движенія, проявляется и въ изображеніяхъ лошадей на ткани, особенно верхней правой лошади. Скачущая собака съ повернутой назадъ головой часто встрѣчается на такъ называемыхъ коптскихъ тканяхъ[1], съ тѣми же чертами забавной и преувеличенной живости. Непропорціонально большія головы человѣческихъ фигуръ съ подчеркнуто большими глазами и юношески молодыми лицами — что особенно замѣтно на двухъ верхнихъ фигурахъ стрѣлковъ — могутъ быть также отнесены къ характернымъ чертамъ поздне-египетскаго стиля. Условный изгибъ развѣвающагося сагія средней конной фигуры — непремѣнная принадлежность всадниковъ на александрійскихъ тканяхъ.[2] Измѣненіе широкаго сасанидскаго трона съ тремя подушками въ обычный византійскій — также повидимому можетъ быть объясняемо передѣлкой египетскаго ткача.

Это родство по стилю съ тканями поздне-эллинистическаго или ранне-средневѣковаго Египта заставляетъ предполагать, что передъ нами не подлинная сасанидская ткань, а имитація, сдѣланная въ Египтѣ, мѣстной гобеленовой техникой.

Примѣры подобныхъ подражаній не единичны. Ткань съ изображеніемъ крылатыхъ коней, находящаяся въ Ліонскомъ музеѣ тканей,[3] и цѣлый рядъ сирійскихъ и александрійскихъ шелковыхъ тканей, подражающихъ или копирующихъ ткани сасанидской Персіи, составляетъ особую группу въ исторіи средневѣковыхъ тканей.

Сасанидскій прототипъ нашей ткани не могъ быть древнѣе 570 года (приблизительная дата персидскаго похода въ Іеменъ). Съ другой стороны, сасанидская ткань по всей вѣроятности была сдѣлана еще при Хозроѣ I Аноширванѣ, слѣдовательно не позже 578 года. Египетская копія могла быть сдѣлана вскорѣ послѣ появленія сасанидскаго прототипа, возможно попавшаго въ Египетъ во время завоевательныхъ войнъ Хозроя II-го, во всякомъ случаѣ до водворенія арабовъ въ Египтѣ, когда стиль египетскихъ тканей начинаетъ сильно мѣняться. Сравнительно хорошій рисунокъ ткани не позволяетъ считать ее слишкомъ поздней.

Мнѣ кажется, что разсматриваемую ткань слѣдуетъ относить къ концу VI или къ началу VII вѣка.

Н. Толль.

---

[1]) См. Falke, рис. 12, 18, 30, 31. Kendrick, Catalogue of Textiles. Victoria and Albert Museum. I XVI, 150, XVII, 70.

[2]) Falke, рис. 62, 70, 73, 89 и Kendrick, Catalogue of Textiles, I, pl. XVII, рис. 69, 71, 72; II, pl. I, рис. 301, III, pl. XXII, рис. 800, pl. XXVI, рис. 821.

[3]) Falke, рис. 28.

ВИЗАНТІЙСКІЙ ПОДАТНОЙ УСТАВЪ[1]

Трактатъ анонимнаго византійскаго автора о взиманіи податей, которому посвящена настоящая статья, былъ въ 1915 году напечатанъ американскимъ ученымъ Эшбернеромъ (W. Ashburner) въ 35 томѣ «Journal of Hellenic Studies» (стр. 78) по рукописи, находящейся въ библіотекѣ св. Марка въ Венеціи (gr. Fondo antico cod. 173).[2]

Документъ этотъ за истекшія со времени его изданія десять лѣтъ въ наукѣ использованъ не былъ. Между тѣмъ онъ сообщаетъ много цѣнныхъ свѣдѣній по исторіи хозяйства и финансовъ Византійской Имперіи и заслуживаетъ болѣе внимательнаго изученія.

Текстъ въ томъ видѣ, въ какомъ мы его имѣемъ, не указываетъ ни года его составленія, ни императора, при которомъ былъ написанъ, какъ не указываетъ и имени составителя. Такимъ образомъ, прежде всего, мы должны установить, когда приблизительно былъ написанъ нашъ податной уставъ и къ какому времени, слѣдовательно, должно относить сообщаемыя имъ свѣдѣнія.

Кодексъ, находящійся въ Венеціи, представляетъ, согласно Эшбернеру, копію XII вѣка. Значитъ и самый трактатъ былъ написанъ никакъ не позже этого времени. Съ другой стороны, въ немъ говорится о Львѣ VI, какъ объ у ж е у м е р ш е м ъ императорѣ, — „ἀποιχόμενος βασιλεὺς κῦρος λέων“ читаемъ мы въ § 6 устава.[3] Скончался же императоръ Левъ Мудрый въ 912 году. Отсюда слѣдуетъ, что написанъ нашъ уставъ позже 912 года, но раньше конца XII вѣка.

Чтобы установить точнѣе время его возникновенія нужно обратить вниманіе на извѣстныя особенности податной системы, которыя въ немъ раскрываются: въ §§ 12 и 14 упоминается „ἀλληλέγγυον“, т. е. обязательство уплаты податей за покинутые земельные участки, налагавшееся въ Византіи на сосѣдей этихъ участковъ. Однако, порядокъ этотъ, бывшій еще, какъ видно изъ указанныхъ мѣстъ, въ силѣ ко времени составленія нашего устава, былъ отмѣненъ уже въ началѣ царствованія Романа Аргира (1028—1034).[4] А прежде окончательнаго упраздненія способъ взиманія аллиленгія былъ видоизмѣненъ указомъ царя Василія II въ 1002 г., которымъ предписывалось, чтобы подати, неуплаченныя бѣднымъ населеніемъ, насчитывались на богатыхъ, на такъ наз.

---

¹) Болѣе подробное изслѣдованіе объ этомъ уставѣ съ приложеніемъ перевода самого текста написано мною на нѣмецкомъ языкѣ и появится въ »Vierteljahresschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte« подъ заглавіемъ: »Die ländliche Steuergemeinde des Byzantinischen Reiches im X. Jahrhundert. Ihre Struktur und Verwaltung.«

²) Сличеніе текста, изданнаго Э ш б е р н е р о м ъ, съ рукописью, (сдѣланное мною по фотографическимъ снимкамъ съ f. 275—281 указаннаго кодекса) показываетъ, что существенныхъ ошибокъ въ текстѣ Эшбернера допущено очень немного. Поправки, которыя казались мнѣ необходимыми, приведены въ указанной моей нѣмецкой работѣ, при переводѣ текста; исправленія, имѣющія значеніе и для настоящей статьи, ниже отмѣчены.

³) Что рѣчь тутъ идетъ именно о Львѣ VI, а не о какомъ-либо иномъ императорѣ Львѣ, выясняется благодаря тому, что въ томъ же § 6 (я придерживаюсь раздѣленія на параграфы, сдѣланнаго Эшбернеромъ, въ рукописи въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ изложеніе начинается съ прописной буквы) имя императора Льва упоминается съ эпитетомъ „Мудрый“, — прозвище, которымъ византійцы, какъ извѣстно, надѣляли Льва VI: „καὶ ἄχρι τῆς βασιλείας, ὡς λέγεται, τοῦ φιλοσόφου κυροῦ λέοντος.“ А дальше читаемъ: „ὁ δηλωθεὶς ἀποιχόμενος βασιλεὺς κῦρος λέων...“

⁴) C e d r e n u s, II, 486, гдѣ о Романѣ Аргирѣ сказано: „ἐξέκοψε δὲ καὶ τέλεον ἀπερρίζωσε τὸ ἀλληλέγγυον.“ Византійскихъ историковъ цитирую всюду по Боннскому изданію.

„властелей“ („οἱ δύνατοι“).[1] Въ уставѣ же аллиленгій взимается просто съ сосѣдей, т. е. дѣйствуетъ еще старый порядокъ, практиковавшійся до нововведенія 1002 года.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ всѣ основанія отнести нашъ трактатъ къ X вѣку, такъ какъ изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что написанъ онъ былъ позже 912, но раньше 1002 года.

Правильность сдѣланнаго вывода подтверждается и другими данными нашего трактата, которыя способствуютъ и еще болѣе точному опредѣленію времени его возникновенія. Уже то обстоятельство, что Левъ Мудрый названъ „покойнымъ“ императоромъ (ἀποιχόμενος βασιλεύς), тогда какъ по отношенію къ императорамъ болѣе давнихъ временъ употребляется просто выраженіе „умершіе“ (παρὰ τῶν πολὺ προτετελευτηκότων βασιλέων), вызываетъ предположеніе, что Левъ Мудрый умеръ не за очень долго до составленія нашего устава и что авторъ его, быть можетъ, самъ еще помнилъ эпоху царствованія Льва. Однако, такого рода соображеніямъ слишкомъ большого вѣса придавать нельзя, — возможно, что эти выраженія византійскій авторъ варьировалъ и изъ побужденій просто стилистическаго характера. За то весьма важнымъ для вопроса датированія нашего документа представляется то, что именно говорится въ немъ объ императорѣ Львѣ. Такъ наз. „προκατεσπασμένα λογίσιμα“, которыя были даваемы „съ древнихъ временъ и при многихъ умершихъ царяхъ“, послѣдній разъ были пожалованы Львомъ Мудрымъ (т. е. послѣдній разъ передъ составленіемъ нашего устава).[2] „Προκατεσπασμένα λογίσιμα“ представляютъ изъ себя счета, изъятые изъ писцовыхъ книгъ, вслѣдствіе того, что плательщики ихъ, извѣстные монастыри, церкви и богоугодныя заведенія, были разъ навсегда освобождены отъ податной повинности. Изъятіемъ этихъ счетовъ изъ книгъ данные плательщики совершенно устранялись отъ какихъ-либо требованій фиска. Такимъ образомъ, мы здѣсь имѣемъ дѣло просто съ полнымъ освобожденіемъ отъ податныхъ повинностей монастырскихъ и церковныхъ имуществъ.

Освобожденіе монастырей, церквей или богоугодныхъ заведеній отъ уплаты налоговъ въ Византійской Имперіи, какъ извѣстно, было явленіемъ весьма обыкновеннымъ и повседневнымъ, данная же форма освобожденія (προκατεσπασμένα λογίσιμα), какъ видно изъ нашего трактата, была очень распространена. Если же сказано, что послѣдній разъ προκατεσπασμένα λογίσιμα встрѣчаются при Львѣ VI, то необходимо заключить, что нашъ податной уставъ былъ написанъ не очень долго спустя послѣ смерти этого императора, уже при одномъ изъ его преемниковъ; иначе вѣдь пришлось бы допустить, что эти послѣдніе вообще не освобождали въ такой формѣ монастырей и церквей отъ податныхъ повинностей. А это, конечно, является мало вѣроятнымъ.[3] Короткое правленіе Александра (912—913), о которомъ намъ, вообще, немного извѣстно, мы еще можемъ обойти. Но какъ предположить, чтобы Константинъ Порфирородный, сынъ Льва VI, за все свое долголѣтнее царствованіе (913—959) не освобождалъ въ такой формѣ отъ податныхъ повинностей ни монастырей, ни церквей, ни богоугодныхъ заведеній? Это представляется тѣмъ болѣе невѣроятнымъ, что византійскіе историки неоднократно разсказываютъ о благочестіи Константина VII и его ревности о богоугодныхъ заведеніяхъ,[4] а цѣлый рядъ извѣстныхъ намъ хрисовуловъ свидѣ-

[1]) Cedrenus, II, 456; Zonaras, III, 561.

[2]) § 6: „καὶ ἄχρι τῆς βασιλείας, ὡς λέγεται, τοῦ φιλοσόφου κυροῦ λέοντος.“

[3]) Что слова, приведенныя выше о „προκατεσπασμένα λογίσιμα“ нужно понимать не въ томъ смыслѣ, будто бы такая форма освобожденія отъ податей примѣнялась лишь до Льва VI и при его царствованіи была отмѣнена, явствуетъ изъ того, что вполнѣ аналогичный этому порядокъ раскрываетъ, напримѣръ, одна новелла Мануила Комнина, которой даруется монастырю освобожденіе отъ всѣхъ повинностей. Ср. Zachariae von Lingenthal. Jus Graeco-Romanum III, coll. IV, Nov. 61.

[4]) Cedr., II, 326, Theoph. contin., 449.

тельствуютъ о его щедрости по отношенію къ монастырямъ, такъ же какъ и о щедрости его соправителя Романа Лакапина.[1]

Эти доводы позволяютъ высказать предположеніе, что нашъ податной уставъ написанъ былъ при царѣ Константинѣ VII; а слѣдующія соображенія, подтверждая эту догадку, быть можетъ, разрѣшатъ и дальнѣйшее предположеніе, что уставъ этотъ написанъ не только при Константинѣ Порфирородномъ, но и по его порученію.

Въ § 2 устава мы читаемъ: „ὅπως δὲ ὁ ἀκριβὴς μοδισμὸς καὶ ἡ ἀλήθεια τῆς ἐπιβολῆς καὶ ἡ ἀνεπισφαλὴς ἱκάνωσις ἀπὸ τῶν κατατομῶν μᾶλλον εὑρίσκεται ἐν τῇ τοῦ μέτρου διδασκαλίᾳ εἰρήκαμεν."

Знаменательно то, что нашъ авторъ тутъ ссылается на другое свое сочиненіе сходнаго характера, которое онъ называетъ „ἡ τοῦ μέτρου διδασκάλια", подобно тому, какъ нашъ трактатъ можно было бы назвать „ἡ τῆς ἀπαιτήσεως διδασκάλια."[2] Весьма вѣроятно, что въ то время былъ составленъ цѣлый рядъ такихъ трактатовъ, — дидаскалій, — посвященныхъ различнымъ вопросамъ хозяйственной и финансовой администраціи.

Такое предпріятіе, а равно и характеръ его выполненія, насколько мы можемъ судить о немъ по нашему трактату, какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ духу эпохи Константина Порфироднаго. Время царствованія Константина VII отличается необычайно интенсивнымъ научнымъ и литературнымъ творчествомъ и притомъ съ опредѣленно дидактическими цѣлями; оно отмѣчено исключительнымъ интересомъ ко всякаго рода знанію и неутомимымъ собираніемъ матеріала, относящагося къ самымъ различнымъ областямъ жизни какъ прошлаго, такъ и настоящаго. Какъ извѣстно, и самъ Константинъ Порфирородный отличался большой литературной продуктивностью, имъ написанъ цѣлый рядъ книгъ: о церемоніяхъ византійскаго царскаго двора (De ceremoniis aulae byzantinae), объ управленіи государствомъ (De administrando imperio), о ѳемахъ (De thematibus), составлено также жизнеописаніе его дѣда Василія I и мн. др. Въ своей дѣятельности царь не былъ одинокъ, среди своихъ подданныхъ онъ нашелъ много сотрудниковъ и подражателей. Въ это время возникли знаменитыя Житія святыхъ Симеона Метафраста, собрана была коллекція историческихъ отрывковъ въ 53 книгахъ, написано продолженіе хроники Ѳеофана, исторія Іосифа Генесія и др. Наряду с этимъ составленъ былъ рядъ компиляцій, какъ-то: »Geoponica«, »Hippiatrica«, а также произведеній медицинскаго содержанія, „De curatione morborum", „De diaeta" и многое другое.[3]

Не кажется ли болѣе чѣмъ вѣроятнымъ предположеніе, что въ эту эпоху, столь богатую самыми разнообразными литературными трудами, былъ написанъ и рядъ статей, посвященныхъ экономическимъ и финансовымъ вопросамъ. Одной изъ такихъ статей являлся бы, въ такомъ случаѣ, нашъ трактатъ о взиманіи податей, (другой —

---

[1]) Jus Gr.-Rom. III p. XV, XXVIII, а также хрисовулъ, данный Лаврѣ на Аѳонѣ Константиномъ Дукой, который сообщаетъ, что монахи Лавры, заявлявшіе свое право на освобожденіе отъ податныхъ повинностей, доказали это право тѣмъ, что предъявили хрисовулъ Константина Порфироднаго, которымъ имъ эти льготы были обезпечены. Хрисовулъ этотъ еще не напечатанъ. Фотографическій снимокъ съ него находится въ коллекціи École des Hautes Études въ Парижѣ. Благодаря любезности диреткора École des Hautes Études проф. G. Millet и библіотекаря Сорбонны г-жи Rouillard я могъ ознакомиться какъ съ этимъ, такъ и съ рядомъ иныхъ, подобныхъ документовъ. Ср. также Rambaud, L'empire grec au X siècle. Constantin le Porphyrogenète, Paris 1870, p. 43. Ferradou. Des biens des monastères à Byzance. Bordeaux 1896, p. 31.

[2]) Возможно, что отрывкомъ изъ этого сочиненія слѣдуетъ считать первый изъ двухъ маленькихъ текстовъ, находящихся въ рукописи непосредственно передъ нашимъ трактатомъ. Послѣ перечисленія различныхъ мѣръ длины съ указаніемъ ихъ взаимоотношеній, здѣсь указывается, какую величину имѣетъ модій и какъ слѣдуетъ при измѣреніяхъ площади его вычислять.

[3]) Лучшая книга о Константинѣ VII, и его эпохѣ написана болѣе пятидесяти лѣтъ тому назадъ извѣстнымъ фр. ученымъ Рамбо (L'empire grec au Xe siècle. Constantin le Porphyrogénètes. Paris 1870).

упомянутый выше трактатъ о межеваніи). Характеръ этого произведенія несомнѣнно говоритъ въ пользу нашего предположенія. „Компиляціи, составленныя по порученію Константина“, пишетъ Рамбо, „имѣли своимъ заданіемъ подготовить къ дѣятельности военноначальниковъ, пословъ и чиновниковъ“. Эти именно цѣли преслѣдуетъ и нашъ трактатъ: онъ долженъ былъ служить руководствомъ для чиновниковъ завѣдующихъ сборомъ податей и податныхъ инспекторовъ (οἱ διοικηταί, οἱ ἐπόπται).

Справился со своей задачей авторъ нашего устава вполнѣ удовлетворительно. Возможно, что онъ самъ былъ чиновникомъ финансоваго управленія; во всякомъ случаѣ, онъ имѣлъ основательное юридическое образованіе. Изложеніе его отличается сжатостью и ясностью мысли, повторяется онъ рѣдко и неохотно, вообще, все произведеніе построено удачно и умѣло. Нельзя, однако, не замѣтить, что написанъ нашъ уставъ менѣе на основаніи наблюденій, вынесенныхъ изъ служебной практики, чѣмъ на основаніи архивнаго матеріала, особенно же данныхъ писцовыхъ книгъ, найденныхъ авторомъ въ казначейскихъ приказахъ. Отсюда нѣсколько „кабинетный“ характеръ его работы. Сообщаются вещи, которыя въ то время уже актуальнаго значенія не имѣли и потому, собственно говоря, являются лишними. Такъ въ § 11 нашъ авторъ говоритъ о такъ наз. „σταθέντα λογίσιμα“, которыя, однако, въ его время не имѣли болѣе никакой силы и совершенно вышли изъ употребленія, такъ что онъ самъ даже не увѣренъ въ томъ, какъ понимать значеніе этого термина, но, повидимому, онъ нашелъ это выраженіе въ книгахъ и не счелъ себя вправѣ обойти его молчаніемъ. (Рядъ параграфовъ, вообще, исключительнымъ своимъ заданіемъ имѣетъ разъясненіе тѣхъ или иныхъ выраженій, встрѣчаемыхъ въ писцовыхъ книгахъ.) Но и это обстоятельство весьма характерно для византійскаго писателя вообще, въ частности же для писателя той эпохи, къ которой мы отнесли нашъ трактатъ.

О двухъ очень важныхъ сторонахъ византійскаго хозяйства мы преимущественно черпаемъ новыя и цѣнныя свѣдѣнія изъ нашего податного устава. 1. О податномъ обложеніи земельныхъ имуществъ и въ частности крестьянскихъ земель, причемъ особенно подробно трактуется о техникѣ взиманія податей и о различныхъ видахъ льготъ и освобожденій отъ податной повинности, которыя должны быть даваемы при извѣстныхъ условіяхъ плательщикамъ. 2. Объ аграрныхъ отношеніяхъ въ Византіи, въ частности, о крестьянскомъ сельскомъ землевладѣніи. Эти два вопроса мы и постараемся въ дальнѣйшемъ освѣтить при помощи матеріала, даваемаго нашимъ уставомъ, сопоставляя его съ данными другихъ византійскихъ документовъ.

Византійская крестьянская община (τὸ χωρίον) въ совокупности своей представляла изъ себя податное отдѣленіе (ὑποταγή), на которое налагалась одна общая подать (ῥίζα χωρίου), затѣмъ уже распредѣлявшаяся на отдѣльныхъ членовъ общины. Наложеніе подати и распредѣленіе ея (ἐπιβολὴ καὶ τῆς ῥίζης ἱκάνωσις)[1] производилось слѣдующимъ образомъ. Сперва производилось кадастровое измѣреніе всего податного отдѣленія, причемъ величина его площади исчислялась въ „модіяхъ“.[2] Затѣмъ числу модіевъ этой

[1]) Терминъ „ἱκάνωσις“ нерѣдко употребляется въ нашемъ уставѣ; изъ всѣхъ же прочихъ мнѣ извѣстныхъ документовъ онъ встрѣчается только еще въ одномъ изъ отрывковъ, опубликованныхъ Θ. И. Успенскимъ въ его „Византійскихъ Землемѣрахъ“ (Одесса 1888), гдѣ на стр. 36 читаемъ: „Τὴν δὲ λοιπὴν γῆν ὅσην ὑπομείνῃ μετὰ τὴν ἱκάνωσιν τούτους καθὼς ἄνωθεν δεδηλώκαμεν ἴ·α ψηφίζῃς“... Тутъ, какъ и въ нашемъ уставѣ, въ терминѣ ἱκάνωσις, очевидно, выражается то обстоятельство, что при измѣреніи земли принималось во вниманіе и качество почвы; (соотвѣтственно своему качеству земля обычно дѣлилась въ Византійской, какъ и въ Римской имперіи, на три класса, аналогію чему находимъ и въ Московской Руси.)

[2]) Какъ вычислялось количество модіевъ того или иного участка видно изъ напечатаннаго Θ. И. Успенскимъ геометрическаго трактата („Византійскіе землемѣры“ Одесса 1888), въ которомъ сказано (стр. 19): „Данное мѣсто имѣетъ въ вершинѣ 1 веревку („σχοινίον“, то же, что σωκάριον), въ основаніи 1 веревку, всего двѣ веревки, а половина будетъ 1 веревка. Одна сторона имѣетъ 2 веревки, другая тоже 2,

ὑποταγὴ τοῦ χωρίου противопоставлялась сумма требуемой съ нея подати (ῥίζα τοῦ χωρίου), исчисляемая въ номисмахъ, и дѣленіемъ одного числа на другое вычислялось, сколькимъ модіямъ земли соотвѣтствуетъ подать въ одну номисму.[1] Для поясненія авторъ нашего трактата приводитъ слѣдующій примѣръ: ὑποταγὴ τοῦ χωρίου = 1000 модіевъ, ῥίζα τοῦ χωρίου = 100 номисмъ. Слѣдовательно, на каждые 10 модіевъ приходится 1 номисма налога, „потому что тотъ, кто это вычисляетъ, говоритъ $10 \times 100 = 1000$“.[2]

Система эта чрезвычайно ясна и проста и указываетъ на реальное обложеніе земельныхъ имуществъ въ Византійской имперіи. Основная подать обозначается въ нашемъ уставѣ терминомъ „δημόσιος κάνων“ или просто „δημόσιον“, наряду съ этимъ, но рѣже, встрѣчается также терминъ „τέλος“. Оба эти понятія имѣютъ значеніе весьма общаго характера, — первое означаетъ государственный налогъ, а второе просто налогъ, подать отъ „τελεῖν“ — платить, — и представляютъ изъ себя общую сумму, составленную изъ цѣлаго ряда податей, которыя налагались на византійскаго плательщика (подать поземельная, подымная, пастбищная и т. д.). На эту главную и основную подать въ Византіи полагалась еще надбавка въ видѣ четырехъ добавочныхъ статей, именуемыхъ нашимъ уставомъ δικέρατον, ἑξάφολλον, συνήθεια и ἐλατικόν. Тѣ же четыре добавочныя подати указываются и въ новеллѣ царя Алексѣя Комнина,[3] дающей для руководства сборщиковъ податей образцы расчетовъ, которые приходилось дѣлать при взиманіи добавочныхъ статей. Δικέρατον (т. е. два кератія — маленькія серебряныя монеты) и ἑξάφολλον (т. е. шесть фолловъ — мѣдная монета, коихъ на 1 кератій приходилось 12) взимались по указанію нашего устава, „для общественной пользы, для постройки городскихъ стѣнъ“.[4] Ѳеофанъ и Кедринъ сообщаютъ, что дикератъ былъ вве-

---

всего 4 веревки, половина же будетъ 2. Теперь помножь 2 веревки двухъ сторонъ на одну вершины и основанія, сказавъ: дважды одна двѣ, половина двухъ одна. Данное мѣсто будетъ заключать 1 модій земли“. Совершенно аналогичный способъ измѣренія указываетъ и патмосская писцовая книга, напечатанная въ коллекціи Миклошича и Мюллера „Acta et diplomata graeca medii aevi“ т. VI, стр. 4—15. (Ср. Безобразовъ П. В. „Патмосская писцовая книга“. Виз. Врем. т. VII стр. 68 и сл. Вернадскій Г. В. „Byzantské popisy půdy“. Český Časopis Historický, XXIX [1923] стр. 447.) Изъ Патмосской писцовой книги видно, что вписанная въ ней земля измѣрялась обычно веревкой въ 10 оргій, какъ по правилу Ирона и слѣдовало измѣрять пахатную землю, — „τὸ γὰρ σωκάριον τῆς σπορίμου γῆς δέκα ὀργιά; ὀφείλει ἔχειν“... (Metrol. script. reliquiae ed. Hultsch I, p. 189). Находящійся же въ кодексѣ 173 венеціанской библіотеки св. Марка передъ нашимъ податнымъ уставомъ неизданный отрывокъ (ср. выше прим. 2-е на стр. 111) считаетъ при измѣреніи деревень (χωρίων) на модій 288 (квадратныхъ) оргій, откуда слѣдуетъ, что здѣсь на одну веревку (σωκάριον или σχοινόν) приходится 12 оргій, что соотвѣтствуетъ правилу Ирона объ измѣреніи хуторовъ и деревень. (Metrol. script. I, 190: „Πλὴν εἰ βραχύτατοι καὶ πεδινοὶ τόποι μετὰ τοῦ δεκαοργυίου σχοινίου ὀφείλουσι μετρεῖσθαι. οἱ δέ περιορισμοὶ τῶν προαστείων καὶ τῶν χωρίων τῶν ὁλογύρως μετρουμένων μετὰ τοῦ δωδεκαοργυίου σχοινίου διὰ τό εὑρίσκεσθαι ἔσωθεν τῶν περιορισμῶν αὐτῶν πολλάκις ξηροχειμάρρους καὶ ῥύακας καὶ λόχμας καὶ ἀχρήστους τόπους.“) Модій составляетъ нѣсколько меньше $^1/_{12}$ десятины. См. Безобразовъ ук. соч. стр. 106. По вычисленію Гульча (Griechische und römische Metrologie. стр. 617) модій = 839,42 кв. метрамъ.

[1]) Τὸ νόμισμα — золотая монета, на фунтъ (литръ) золота приходилось 72 номисмы. Такимъ обр. по вычисленію В. Г. Васильевскаго, (Матерьялы къ внутренней исторіи Византійскаго государства Ж. М. Н. Пр. 1880 ч. 210) номисма содержала 4,55 гр. золота; по Сабатье („Description générale des monnaies byzantines“ 1,55) 4,49—4,53 гр.; по Гульчу цит. соч. 4,4 гр (въ VII. в.). По расчету И. И. Кауфманна, сообщенному Безобразовымъ (цит. соч. 106) номисма имѣла цѣнность 5,58 рублей. Andréadès „Le montant du budget de l'empire byzantin“. Revue des études grecques XXXIV (1921) говоритъ на стр. 56: „Le nomisma... contenait d'abord 4 52 gr., puis 4,40 gr. d'or; étant donné que la pièce d'or de 20 francs de l'union latine contenait 5,80 gr, le nomisma a valu d'abord 15 fr. 59, ensuite 15 fr. 15“.

[2]) § 2. Слѣдуетъ тутъ читать: ͵α (1000), а не α' (1), какъ напечатано Эшбернеромъ. Совершенно тотъ же принципъ выявляется т. наз. „Пирой“ (Jus Graeco-Rom. т. I.) особенно въ ея гл. XXXVII, § 2, гдѣ величина крестьянскихъ надѣловъ и границы ихъ въ спорныхъ случаяхъ устанавливаются на основаніи того, сколь высока платимая тѣмъ или инымъ крестьяниномъ подать.

[3]) Jus Gr. Rom. III, 385.

[4]) § 26: ὑπὲρ κοινωφελοῦς ὡς λέγεταί τινος αἰτίας καὶ τῶν τῆς πόλεως τείχων περιποιήσεως.

день Львомъ III (717—740) для возведенія стѣнъ, разрушенныхъ землетрясеніемъ.[1] Но, какъ видно, дикератъ былъ перенесенъ и на такія области, которыхъ землетрясеніе не коснулось, а впослѣдствіи примѣнялся еще въ теченіе многихъ столѣтій. Согласно указанной новеллѣ Алексѣя Комнина и эксафоллъ былъ введенъ тѣмъ же Львомъ Исавромъ.

Συνήθεια представляетъ изъ себя взносъ, который плательщики, по установившемуся обычаю (таковъ смыслъ слора „συνήθεια“ — обычное, принятое) обязаны были дѣлать въ пользу завѣдующихъ сборомъ податей, такъ называемыхъ „διοικηταί“. А ἐλατικὸν — „хоженое“ получали помощники сборщиковъ — οἱ ταξεῶται — „за утомленіе ногъ“, какъ объясняетъ новелла царя Алексѣя.[2]

Какъ высоки были эти статьи нашъ уставъ не говоритъ, зато въ новеллѣ царя Алексѣя находимъ объ этомъ самыя подробныя указанія. Такъ на 1 номисму основной подати (δημόσιος κάνων) насчитывалось: дикерата 1 миліаресій, эксафолла $^1/_4$ мил., синиѳіи 1 мил., элатика $^1/_2$ мил., итого $2^3/_4$ миліаресія на одну номисму, что составляетъ почти 23%.[3] Съ возрастаніемъ основной суммы податей повышались и добавочныя статьи, но не вполнѣ равномѣрно, то сильнѣе и обгоняя быстроту возростанія основной суммы, то слабѣе и отставая отъ нея.[4] Во всякомъ случаѣ, добавочныя статьи не мало способствовали увеличенію тягости податной повинности и безъ того уже въ Византіи весьма нелегкой.

Часто случалось, что византійскій крестьянинъ не въ состояніи былъ уплатить требуемыхъ съ него податей; онъ разорялся и, оставивъ свой участокъ, уходилъ изъ родного села. Тогда вступалъ въ силу институтъ „ἐπιβολή“, явленіе чрезвычайно важное для пониманія византійской податной системы:[5] оставленные участки принудительно и съ обязательствомъ уплаты причитающихся съ нихъ податей передавались въ пользованіе владѣльцевъ сосѣднихъ земель. Эти послѣдніе, слѣдовательно, кромѣ своихъ собственныхъ податей, должны были платить еще надбавку въ счетъ покинутыхъ земель своихъ односельчанъ. Такимъ образомъ, создавалась своего рода круговая порука въ уплатѣ налоговъ. Порядокъ этотъ, впрочемъ, едва-ли покажется нелогичнымъ, если припомнить, что въ Византіи на всю податную общину налагалась одна общая подать Институтъ ἐπιβολή происхожденія весьма древняго, — изслѣдованія египетскихъ папирусовъ доказываютъ, что порядокъ этотъ примѣнялся еще въ Египтѣ, особенно при принудительной арендѣ государственныхъ земель, и восходитъ къ временамъ Птоломеевъ.[6] Въ Византіи онъ уже извѣстенъ Ѳеодосіеву кодексу,[7] развитъ же и разработанъ въ

---

¹) Theophanes, I, 634 — 635; Cedrenus, I, 801. — Glykas же приписываетъ Никифору (802 — 810) изобрѣтеніе дикерата (стр. 530).

²) „Καὶ λόγῳ ποδοκοπίου τοῦ ἕλκοντος ἀνθρώπου αὐτοῦ τὸν τελεστὴν πρὸς τὸ δοῦναι τὸ ἀνῆκον τῷ δημοσίῳ“

³) 1 номисма = 12 миліаресіямъ; 1 миліаресій = 2 кератіямъ = 24 фолламъ.

⁴) За недостаткомъ мѣста мы должны тутъ ограничиться этимъ указаніемъ. Новелла Алексѣя Комнина даетъ два образца разсчета: старый и новый; необходимость новаго разсчета была вызвана фактомъ порчи монеты, имѣвшимъ мѣсто въ царствованіе Алексѣя. Для характеристики денежной политики византійскаго правительства нельзя себѣ представить болѣе цѣннаго и интереснаго документа. Превосходно разработанъ онъ былъ В. Г. Васильевскимъ въ его статьѣ „Матеріалы къ внутренней исторіи Византійскаго государства“ (Ж. М. Нар. Пр. 1880. т. 210 стр. 385.) См. также Chalandon, Essai sur le règne d'Alexis Comnène. Paris 1900.

⁵) Изслѣдованіе вопроса объ „ἐπιβολή“ см. у Henri Monnier. Études de droit byzantin. L'ἐπιβολή. Nouvelle revue historique de droit français et étranger XVI (1892), p. 125—164, 330—352, 497—542, 637—672; XVIII (1894), 433—486; XIX (1895), 59—103. Zachariä v. Lingenthal Geschichte des griechisch-römischen Rechtes, 3 Aufl. Berlin 1892. S. 226 ff. O. Seeck, въ энциклопедіи »Pauly-Wissowa« VI, 30 ff.

⁶) Mitteis und Wilcken. Grundzüge und Chrestomatie der Papyrusurkunden, I, 319 ff. Rostowzew M. Studien zur Geschichte des römischen Kolonates. Erstes Beiheft zum Archiv für Papyrusforschungen und verwandte Gebiete. Leipzig u. Berlin. 1910. S. 392 ff.

⁷) Cod. Theod. X, 3, 4.

Юстиніановомъ законодательствѣ,[1] особенно подробно и полно въ 128-ой новеллѣ Юстиніана. Согласно этой новеллѣ повинность ἐπιβολή налагалась на участки, которые были внесены цензомъ въ одинъ кадастръ съ запустѣвшимъ участкомъ, т. е. были отнесены съ нимъ къ одной податной общинѣ, — это такъ наз. ὁμόκηνσα; или же на участки, которые во время ценза принадлежали тому же землевладѣльцу, что и запустѣвшій участокъ, — это такъ наз. ὁμόδουλα. Новелла эта, между прочимъ, показываетъ, что ἐπιβολή примѣнялась не только къ крестьянскимъ, но и къ помѣщичьимъ землямъ. Принципъ ἐπιβολή выявляется и въ извѣстномъ „Крестьянскомъ Законѣ“,[2] гдѣ въ § 18 (по изд. Ferrini) читаемъ: „Если крестьянинъ, не будучи въ состояніи обрабатывать свое поле, оставитъ его и убѣжитъ, то пусть тѣ, что платятъ за него подать, и соберутъ плоды“...[3] Круговой порукой въ уплатѣ податей были, по свидѣтельству хроники Θеофана, связаны плательщики и однимъ изъ постановленій царя Никифора (802—810), приказавшаго, чтобы обѣднѣвшіе снаряжались на войну на счетъ своихъ односельчанъ (παρὰ τῶν ὁμοχόρων), подати же несли бы отвѣчая другъ за друга (καὶ ἀλληλεγγύως τὰ δημόσια).[4] Очевидно, что въ основу этого постановленія легла все та же система ἐπιβολή, но видоизмѣненная и упрощенная. Различія между ὁμόκηνσα и ὁμόδουλα, практиковавшагося при Юстиніанѣ, здѣсь уже не видимъ, надбавка насчитывалась просто на сосѣдей, односельчанъ (ὁμόχωροι). Да и самого термина „ἐπιβολή“ здѣсь не встрѣчаемъ, у Зонары онъ замѣненъ выраженіемъ „ἀλληλέγγυον“, у Θеофана переданъ оборотомъ „ἀλληλεγγύως τὰ δημόσια“. Именно такъ называется податная надбавка за оставленные участки и въ нашемъ трактатѣ, а равно и налагается она также просто на сосѣдей. Говорится объ этомъ въ §§ 5, 12 и 14 устава. По содержанію всѣ три указанныя мѣста весьма между собою сходны: вслѣдствіе нападенія враговъ или какого-либо иного несчастія цѣлый рядъ крестьянъ убѣгаетъ, оставивъ свои надѣлы. Подати ихъ надбавляются на сосѣдей, но тогда и эти готовы сняться съ мѣстъ и уйти. Чтобы воспрепятствовать этому податной инспекторъ освобождаетъ оставленные участки отъ податной повинности. Таковъ смыслъ всѣхъ названныхъ параграфовъ. Выражена же наиболѣе интересующая насъ здѣсь мысль объ обязанности уплаты податей за пустыя земли въ нихъ слѣдующимъ образомъ.

§ 5 „καὶ αὐτῶν μεταναστεῦσαι διὰ τὸ καθέλκεσθαι καὶ ὑπὲρ τῶν ἐξαλιφέντων“.[5]

§ 12 „καὶ τῶν ἐκ γειτόνων καθελκομένων ἀλληλεγγύως ἐπὶ τοῖς ἐκείνων τελέσμασι···“

§ 14 „ἵνα μὴ ἐξαλιφῶσι καὶ οἱ καταλειφθέντες τοῦ χωρίου ἔποικοι ἀλληλέγγυα ἀπαιτούμενοι···“

Отсюда видно, что надбавка за покинутыя земли въ X вѣкѣ (такъ же какъ и въ IX — см. постановленіе Никифора по Θеофану) называлась аллиленгіемъ и налагалась на сосѣдей и односельчанъ. Слѣдовательно система, извѣстная намъ по Юстиніановымъ

---

[1]) Cod. Just. XI, 71, 2; 1, 34, 2. Nov. Just. 128, 8; 166, 168.

[2]) Крестьянскій законъ (νόμος γεωργικός) или Крестьянскіе законы (νόμοι γεωργικοί) — памятникъ, приписываемый законодательной дѣятельности императоровъ-иконоборцевъ Льва и Константина (Такъ по Цахаріэ цит. соч. стр. 250 и Васильевскому. „Законодательство иконоборцевъ“ Ж. М. Н. Пр. 1878 ч. 200 стр. 96 и сл.; иначе: Панченко „Крестьянская собственность въ Византіи. Изв. Русск. Арх. Инст. въ Конст. 1904 и Ashburner »The farmer law«. Journal of Hellenic Studies, XXXII. 1912). Сохранился Кр. Законъ въ многочисленныхъ рукописяхъ и изданъ: Heimbach Приложеніе къ Шестикнижію Арменопула. 1851. А. С. Павловъ при старомъ славянскомъ переводѣ въ 38 т. сборника 2-го отд. Имп. Акад. Наукъ. 1885. Ferrini. Byzantinische Zeitschrift VII (1898). Ashburner, Journal of Hellenic Studies. XXX. 1910. Въ XXXII томѣ того же журнала Эшбернеромъ данъ комментарій и англійскій переводъ закона.

[3]) Въ этомъ смыслѣ объясняютъ значеніе этого мѣста Цахаріэ цит. соч. 254. Г. В. Вернадскій „Замѣтки о крестьянской общинѣ въ Византіи“ (Ученыя Записки, основ. Русской Учебной Коллегіей въ Прагѣ т. I, вып. II. Прага 1924. стр. 9.). Толкованіе Монье цит. соч. стр. 457 (1894), отрицающаго проявленіе здѣсь принципа ἐπιβολή, мнѣ кажется, нужно признать ошибочнымъ.

[4]) Theoph. 755. См. также Zonaras III, 306.

[5]) „καθέλκεσθαι“ тутъ вполнѣ соотвѣтствуетъ русскому „тянуть тягло“.

постановленіямъ къ этому времени потерпѣла существенныя измѣненія и даже наименованіе ея было перемѣнено. Правда, 128-ая новелла Юстиніана объ ἐπιβολή была впослѣдствіи заимствована Царскими книгами,[1] а равно и »Synopsis Major,«[2] и даже Арменопуломъ.[3] Но какъ нельзя изъ этого заключить, что ἐπιβολή имѣла силу еще при Арменопулѣ, т. е. въ XIV вѣкѣ, — извѣстно, что ἐπιβολή—ἀλληλέγγυον былъ отмѣненъ ужъ въ началѣ XI вѣка, — такъ же нельзя въ этомъ видѣть доказательство того, что во время составленія Василикъ и Синопсисъ, т. е. въ IX и X вв. ἐπιβολή примѣнялась въ той формѣ, которая предписана этой новеллой. Сборники, подобные вышеуказаннымъ, могли включать въ составъ своихъ статей и постановленія, не являвшіеся уже болѣе актуальными, съ теченіемъ времени отмѣненные или утратившіе свою первоначальную форму. Мнѣ кажется, слѣдуетъ предположить, что и самый терминъ „ἐπιβολή“ въ смыслѣ надбавки за пустыя земли въ X вѣкѣ совершенно уже вышелъ изъ употребленія и едва ли былъ вполнѣ понятенъ. »Synopsis Major« предпосылаетъ 128-ой новеллѣ Юстиніана въ заголовкѣ вступительное объясненіе термина „ἐπιβολή“. Почему же нѣтъ нигдѣ такого объясненія въ сводѣ Юстиніана? Очевидно потому, что во времена Юстиніана всякому и каждому было ясно, какой вопросъ будетъ обсуждаться въ новеллѣ, озаглавленной „περὶ ἐπιβολῆς“. Въ X в. же дѣло обстояло уже иначе и потому оказалось необходимо вступительное разъясненіе: „ἔστι δὲ ἐπιβολὴ ἐπίδοσι; ἀπόρου κτήσεως πρὸς κληρονόμους ἢ συντελεστὰς καὶ ὁμοχώρους καὶ ὁμοκήνσους.“[4] Въ нашемъ уставѣ слово ἐπιβολή употребляется въ совсѣмъ иномъ смыслѣ, означаетъ наложеніе податей вообще, надбавка же за оставленные участки, какъ уже было указано, называется ἀλληλέγγυον и надбавляется на сосѣдей. Тотъ же порядокъ выявляется и въ разсказѣ Метафраста, повѣствующаго о томъ, какъ послѣ разорительнаго голода въ 922 году подати за покинутые участки взимались съ ближнихъ и сосѣдей (πλησιόχωροι и γείτονες).[5] Измѣненіе системы наложенія ἐπιβολή въ указанномъ смыслѣ и замѣна самого термина понятіемъ ἀλληλέγγυον, какъ мы видѣли, уже совершилось къ началу IX вѣка, ко времени Никифора. Совершилось ли оно именно въ это время или уже ранѣе, въ VIII в., въ періодъ перваго иконоборчества, которое въ столь многихъ отношеніяхъ явилось переломомъ историческаго развитія Византійской имперіи, выяснить трудно, — указанія Крестьянскаго Закона для разрѣшенія этого вопроса слишкомъ неопредѣленны.

При Василіи II аллиленгій вступаетъ въ новую фазу развитія. По постановленію этого царя за захудалые участки бѣдныхъ платить аллиленгій должны были богатые — „властели“.[6] Этой мѣрой Василій преслѣдовалъ двоякія цѣли, съ одной стороны онъ хотѣлъ обезпечить доходъ казны, привлекая къ несенію добавочныхъ повинностей болѣе платежеспособные элементы, съ другой стороны стремился подорвать все возростающую хозяйственную силу властелей и тѣмъ воспрепятствовать ихъ посягательствамъ на крестьянское землевладѣніе. Это постановленіе надо признать важнымъ звеномъ въ цѣпи мѣропріятій, предпринимавшихся царями Македонской династіи въ защиту мелкаго землевладѣнія отъ властелей.[7] Властели, какъ свѣтскіе такъ и ду-

[1]) Basilica LVI, tit VIII (ed. Heimbach).

[2]) Jus Gr. Rom. V, 333.

[3]) Harm. Append. tit III, 30.

[4]) То же объясненіе и у Арменопула.

[5]) См. Zachariä. Geschichte.[3] S. 235. Anm. 461.

[6]) Zonaras III. 561.

[7]) О мѣрахъ царей Македонской династіи въ пользу мелкаго землевладѣнія см. прекрасное изслѣдованіе В. Г. Васильевскаго въ его „Матеріалахъ для внутренней исторіи Византійскаго государства.“ Ж. М. Н. Пр. 1879 г. 202, гдѣ данъ и почти дословный переводъ цѣлаго ряда соотвѣтствующихъ законодательныхъ актовъ (новеллъ). Сами эти новеллы напечатаны въ III т. Jus. Graeco-Romanum (ed. Zachariae von Lingenthal).

ховные, отвѣтили на это мѣропріятіе царя Василія единодушнымъ протестомъ. Василія II это мало смущало, но Романъ Аргиръ (1028—1034), уступая давленію властелей, принужденъ былъ отмѣнить аллиленгій. Кедринъ сообщаетъ, что и Константинъ VIII уже рѣшилъ его упразднить, но смерть помѣшала ему привести въ исполненіе это намѣреніе.

„ἐξέκοψε δὲ (Романъ Аргиръ) καὶ τέλεον ἀπερρίζωσε τὸ ἀλληλέγγυον, ὅπερ ἐμελέτα μὲν ὁ Κωνσταντῖνος ποιῆσαι οὐκ ἔφθασε δέ“ (Cedr. II, 486).

Такимъ образомъ аллиленгій былъ окончательно отмѣненъ и впослѣдствіи, повидимому, уже болѣе не примѣнялся. Властели не хотѣли, а крестьяне не могли его платить. Дѣйствительно обязанность платить подать за чужія запустѣвшія земли тяжкимъ бременемъ ложилась на византійское населеніе и безъ того уже удрученное количествомъ податей и повинностей.[1] Нашъ уставъ нѣсколько разъ указываетъ на то, что послѣ бѣгства части поселянъ и наложенія аллиленгія на ихъ сосѣдей, и эти послѣдніе, первоначально оставшіеся на мѣстахъ, готовы были покинуть свои участки и уйти, такъ какъ очевидно не могли снести тягостей аллиленгія. Тогда, чтобы не потерпѣть еще большаго убытка, правительству приходилось отказываться отъ податей, причитающихся ему съ покинутыхъ земель, давая имъ освобожденіе отъ податной повинности, чѣмъ въ сущности анулировался порядокъ аллиленгія. Такимъ образомъ, уже въ эпоху составленія нашего устава аллиленгій, хотя и имѣлъ юридическую силу, признавался въ теоріи, на практикѣ часто не могъ быть болѣе примѣняемъ. Это обстоятельство лежитъ въ основѣ большой части освобожденій отъ податной повинности, обсуждаемыхъ нашимъ трактатомъ.

Нашъ трактатъ очень ясно описываетъ, въ какихъ случаяхъ и особенно какимъ образомъ, въ какомъ порядкѣ, византійскіе плательщики могли быть освобождаемы отъ податной повинности. По этому вопросу трактатъ даетъ много цѣнныхъ и совершенно новыхъ свѣдѣній, собравъ которыя получаемъ слѣдующую систему. Въ выше указанномъ случаѣ, т. е. въ случаѣ если крестьяне не въ состояніи были платить аллиленгія за оставленныя ихъ сосѣдями земли, правительство было вынуждено, какъ мы видѣли, освобождать пустыя земли отъ лежащихъ на нихъ податей. Для этого посылался въ данное село инспекторъ (ὁ ἐπόπτης), который, ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ, и давалъ въ случаѣ необходимости освобожденіе отъ податей, обозначаемое терминомъ „συμπάθεια“.[2]

Если бѣжавшіе спустя нѣкоторое время возвращались, то немедленно производилась „поправка“ — ὄρθωσις — т. е. ихъ участки вновь облагались податями. Не уплоченные за время ихъ отсутствія налоги, повидимому, не взыскивались. Болѣе того, возвратившимся оказывалось всякое снисхожденіе: принимая во вниманіе ихъ бѣдственное положеніе, податной инспекторъ не налагалъ на нихъ сразу всей подати въ прежнемъ ея размѣрѣ, а для начала, напримѣръ (см. § 14), лишь $^1/_6$ ея; нѣсколько времени спустя слѣдующій инспекторъ надбавлялъ еще половину ея, затѣмъ еще $^1/_3$ и такъ мало-по-малу составлялась прежняя сумма.

Если же бѣжавшіе не возвращались въ теченіе тридцати лѣтъ, то изданное для нихъ освобожденіе отъ податной повинности (συμπάθεια) окончательно закрѣплялось и не могло уже болѣе въ будущемъ быть анулировано — „исправлено“ (ὀρθεῖν, ἐπορθεῖν, ἐπανορθεῖν, ὀρθώσεις ποιεῖν). Такое окончательное, безусловное освобожденіе отъ податей послѣ истекшаго тридцатилѣтняго срока давности называлось κλάσμα, актъ такого освобожденія обозначался словомъ κλασματίζειν, а самые участки, въ пользу которыхъ онъ совершался, κεκλασματισμένα, κλασματικοὶ τόποι или просто κλάσματα[3] (точно такъ же,

---

[1]) См. жалобы на ἐπιβολή у Прокопія (III, 131) и на ἀλληλέγγυον у Θеофана (стр. 755).

[2]) Ducange: συμπάθεια — Venia, absolutio, remissio.

[3]) Ducange: κλάσματα — agrorum species a tributis pensitatoribus immunis.

какъ участки условно освобожденные, часто назывались просто συμπάθειαι). Такіе участки особо огораживались и въ писцовую книгу заносились особо, отдѣльно отъ прочихъ, т. е. выдѣлялись изъ податной общины, къ которой до сихъ поръ принадлежали и въ силу этого относились къ разряду такъ наз. „ἰδιόστατα,“ — „самостоятельныхъ“ участковъ (объ этомъ см. ниже). Послѣ чего такія земли разсматривались какъ государственная собственность и поступали въ полное распоряженіе казны, которая ихъ продавала, сдавала въ аренду или дарила кому хотѣла.

Кромѣ покинутыхъ участковъ (общимъ обозначеніемъ для таковыхъ является терминъ „ὁλόπτωτα“) освобожденіе отъ податей (συμπάθεια) давалось и землямъ, пострадавшимъ отъ пожаровъ, наводненій, землетрясеній и проч. При этомъ различались несчастія, совершенно уничтожившіе данный участокъ и уже непоправимыя, такъ наз. „πτώσεις“, отъ несчастій временнаго характера и поправимыхъ, называемыхъ „διαπτώσεις.“ Въ послѣднемъ случаѣ освобожденіе отъ податей было лишь временное и послѣ устраненій слѣдствій разрушенія, подати налагались снова, производилась „поправка“ — „ὄρθωσις“. Въ первомъ же случаѣ „поправка“ уже, конечно, не имѣла мѣста и участки такіе совершенно выходили изъ тяглаго состоянія.

Наряду съ освобожденіемъ отъ всей податной повинности, каковымъ является συμπάθεια,[1] въ уставѣ встрѣчаются упоминанія и о частичномъ освобожденіи, обозначаемомъ понятіемъ „ἀποκεκινημένα“. Согласно трактату οἱ ἀποκεκινημένοι στίχοι ничто иное, какъ στίχοι (столбцы писцовой книги) μερικῶς συμπαθηθέντες.[2] Терминъ τὰ ἀποκεκινημένα или οἱ ἀποκεκινημένοι (στίχοι) примѣняется въ томъ случаѣ, когда одна часть требуется къ уплатѣ, на другую же часть дается освобожденіе; такъ напр.: изъ трехъ номисмъ двѣ уплачиваются (τελούμενα), а отъ одной плательщикъ освобождается (κλάσμα καὶ συμπάθεια § 12). Даются же такія частичныя освобожденія „вслѣдствіе великой бѣдности плательщиковъ или села, которое платитъ эти подати, вслѣдствіе прошенія этихъ плательщиковъ, благодаря милосердію императора, на основаніи произведеннаго инспекторомъ точнаго разслѣдованія и допущеннаго имъ справедливаго облегченія (δικαίαν ἀνακούφισιν); чтобы плательщики эти ввиду упомянутой ихъ бѣдности не разорились окончательно и не ушли, они освобождаются отъ податной повинности на столько, на сколько это необходимо“ (§ 13).

Κουφισμός — облегченіе, льгота, временное освобожденіе отъ податной повинности, — примѣняется также, какъ и συμπάθεια въ случаѣ оставленія крестьянами своихъ земель, но отъ послѣдней строго отличается. Такъ въ нашемъ трактатѣ говорится, что при извѣстныхъ условіяхъ „ὁ ἐπόπτης ··· οὐ συμπαθεῖ τοὺς στίχους οὐδὲ κλασματίζει ἀλλὰ ποιεῖ κουφισμόν“ (§ 14). Κουφισμός — лишь условное и временное облегченіе и какъ таковое и дается, значитъ, не можетъ, какъ συμπάθεια превращенъ быть въ „κλάσμα“. Прибѣгаютъ къ нему, какъ говоритъ авторъ трактата, въ тѣхъ случаяхъ, когда достовѣрно извѣстно, что хозяева покинутыхъ участковъ живы и извѣстно, гдѣ именно они поселились, такъ что можно предполагать, что они возвратятся, и тогда прежнія подати на нихъ снова налагаются. Смыслъ этого объясненія, мнѣ кажется, таковъ: извѣстно, что ушедшіе крестьяне не поселились на помѣщичьихъ земляхъ. Дѣло въ томъ, что по опредѣленію Юстиніанова кодекса крестьяне, просидѣвшіе 30 лѣтъ на земляхъ помѣщика, прикрѣпляются

[1]) Чтобы подчеркнуть, что освобожденъ отъ повинности весь участокъ или всѣ надѣлы того или иного плательщика или весь его столбецъ-стихъ писцовой книги употребляется выраженіе „ὁλοσυμπάθητος“ (см. § 12).

[2]) § 13. Терминъ „ἀποκεκινημένα“ въ лексиконахъ не приводится. Встрѣчается онъ, какъ и рядъ другихъ сходнаго характера терминовъ нашего устава, въ хрисовулѣ Мануила Комнина отъ 1158 года (Jus Gr.-Rom. III, 450), гдѣ читаемъ: „πάντα γὰρ τὰ παρ' αὐτῶν (sc. μονῶν) κατεχόμενα .. κἂν ἀπὸ κλασμάτων ὦσι, κἂν ἀπὸ συμπαθείων, ἢ ἀποκεκινημένων, ἢ ὁλοπτώτων, ἢ ἀπὸ ταπεινῶν τελουμένων διαρίων, ἢ ἀπὸ ταπεινῶν κλασματισθέντων... ἀδιασείστως καὶ ἀπολυπραγμονήτως κατέχεσθαι παρὰ τῶν ῥηθεισῶν μονῶν ἡ βασιλεία μου βούλεται“...

къ землѣ.[1] Съ этимъ слѣдуетъ согласовать и то обстоятельство, что, какъ выше было указано, покинутыя земли лишь по истеченіи срока въ тридцать лѣтъ окончательно выходили изъ тяглаго состоянія и переходили въ собственность казны.

Таковы въ общихъ чертахъ данныя нашего устава о различнаго рода облегченіяхъ податной повинности, допускаемыхъ византійскимъ правительствомъ въ пользу крестьянъ. Отличны отъ этихъ мѣръ, принимаемыхъ подъ давленіемъ тяжелой необходимости, по своему характеру такъ наз. σολέμνια и λογίσιμα, — льготы, вызванныя личнымъ расположеніемъ и благожелательствомъ императора и даваемыя преимущественно монастырямъ, церквамъ, богоугоднымъ заведеніямъ.

Выше (стр. 110) мы уже видѣли, что такъ наз. „προκατεσπασμένα λογίσιμα“ представляютъ изъ себя ничто иное, какъ освобожденіе отъ податной повинности, а называются такъ потому, что вслѣдствіе дарованнаго ихъ владѣльцамъ полнаго освобожденія отъ всѣхъ повинностей и самые счета ихъ удалялись изъ писцовыхъ книгъ. Тутъ выявляется настоящій смыслъ слова λογίσιμον, а именно — счетъ; большей частью же оно употребляется нашимъ трактатомъ въ болѣе узкомъ, спеціальномъ смыслѣ и означаетъ не просто счетъ, а особый, льготный счетъ, пожалованіе.[2] Таковы упоминаемыя трактатомъ λογίσιμα διαπλάγια или ἐκπεφωνημένα (т. е. именныя) λογίσιμα и ἀνεκφώνητα (т. е. не именныя) λογίσιμα. Говорится о нихъ немного и не совсѣмъ ясно, но очевидно, что эти λογίσιμα, и тѣ и другія, означали для тѣхъ, кому жаловались, льготы въ несеніи податей, а то и полное отъ нихъ освобожденіе. Различаетъ же ихъ авторъ устава по чисто внѣшнимъ признакамъ: въ однихъ (λογ· ἀνεκφώνητα) вписывается лишь имя того, въ чью пользу они выдаются и буквы самой грамоты черныя, въ другихъ (λογ· ἐκπεφωνημένα) указывается также и имя чиновника, черезъ котораго производилось пожалованіе, и буквы такой грамоты красныя. „Σολέμνια“ же суть стипендіи. Пользующіеся ими (въ большинствѣ случаевъ это были монастыри и церкви) не только освобождались отъ всѣхъ требованій казны, но и получали оть нея регулярныя денежныя пособія. Выдавались эти стипендіи монастырямъ обычно не изъ казны, а отсчитывались непосредственно отъ поступающихъ податей, т. е. то или иное село, не будучи вовсе въ зависимомъ отношеніи къ данному монастырю, вмѣсто того, чтобы платить свои подати государству, отдавало ихъ монастырю; или же завѣдующій сборомъ податей (ὁ διοικητής) удѣлялъ монастырю часть изъ собранныхъ имъ въ извѣстномъ податномъ округѣ податей. Въ первомъ случаѣ такая стипендія называлась „λογίσιμον σολέμνιον“ (§ 9), во второмъ „παρεχόμενον σολέμνιον (§ 10). Не отличаются отъ послѣдней, вѣроятно, и упоминаемыя въ § 7 „χειρόσδοτα σολέμνια“. Наконецъ, трактатъ упоминаетъ о томъ случаѣ, когда монастыри или церкви собственныя свои подати получаютъ отъ казны обратно въ видѣ дара. Собственно, мы здѣсь имѣемъ дѣло просто съ освобожденіемъ отъ податныхъ повинностей, да и называется это пожалованіе, хотя оно и причисляется авторомъ устава къ „солемніямъ“ — стипендіямъ, „αὐτουργὰ λογίσιμα·“

Въ заключеніе къ этому обзору различныхъ видовъ освобожденія отъ податной повинности въ Византіи, слѣдуетъ еще замѣтить, что, согласно нашему уставу, за освобожденные участки, въ случаѣ ихъ продажи или передачи въ даръ, хотя податей съ новаго владѣльца и не требовалось, но взималась извѣстная сумма въ уплату за производимыя въ писцовыхъ книгахъ записи, такъ что такой участокъ по выраженію устава „οὐ παντελῶς μένει ἀτέλεστος“. Сборъ этотъ назывался λιβελλικὸν δημόσιον и произ-

[1]) Cod. Just. XI, 48, 23.

[2]) Въ лексиконахъ это слово нигдѣ не находится, да и въ документахъ оно встрѣчается крайне рѣдко. Въ концѣ „типика“, составленнаго Григоріемъ Пакуріаномъ для своего монастыря Петрица въ Болгаріи, гдѣ перечисляются хранящіеся въ архивѣ монастыря писцовыя книги, описи, хрисовулы и др. документы, между прочимъ, перечислены и... „αἱ ὀποδείξεις τοῦ οἰκονόμου περὶ τοῦ δημοσίου τοῦ λιβελλικοῦ, τὸ λογίσιμον πιττάκιον τῶν κτημάτων μοῦ τῆς Μοσυνοπόλεως“ (Виз. Врем. т. XI).

водился въ размѣрѣ $^1/_{12}$ прежней подати, лежавшей на данномъ участкѣ до его освобожденія отъ повинности.[1]

Весьма цѣнныя свѣдѣнія можно почерпать изъ нашего устава также и для аграрной исторіи Византійскаго государства. Благодаря сообщаемому имъ матеріалу получаетъ опредѣленное содержаніе цѣлый рядъ первостепенной важности понятій, относящихся къ аграрному строю Византійской имперіи, употребляемыхъ часто и другими византійскими документами, но не съ такой ясностью, которая бы позволила вполнѣ опредѣленно и конкретно установить присущій этимъ понятіямъ смыслъ. Прежде всего, должно отмѣтить проводимое нашимъ трактатомъ различіе между двумя видами деревень, встрѣчающихся въ Византіи, разнящихся другъ отъ друга формой поселенія. Одинъ изъ нихъ ἡ κτῆσις обнаруживаетъ хуторское поселеніе, — каждый крестьянинъ имѣетъ отдѣльный обособленный участокъ (κτησείδιον), на которомъ находится его дворъ и сконцентрировано все его хозяйство. Другая форма, несомнѣнно болѣе частая и обычная — τὸ χωρίον; здѣсь въ одномъ мѣстѣ, въ близкомъ сосѣдствѣ другъ отъ друга расположены всѣ крестьянскіе дворы, а вокругъ этого центра лежатъ ихъ поля, разграниченныя на многочисленные надѣлы; часто владѣніе одного крестьянина раздроблено на много мелкихъ кусковъ, образующихъ черезполосицу. Наиболѣе точный и вѣрный терминъ для крестьянскаго надѣла въ деревнѣ — ἡ στάσις или ἡ ὑπόστασις; встрѣчаются, однако, наряду съ этимъ и выраженія ὁ τόπος, τὸ τόπιον; если нужно отмѣтить, что рѣчь идетъ о мелкихъ полосахъ, употребляются ἡ μερίς и ἡ κατατομή. Кромѣ земель, подѣленныхъ между отдѣльными хозяевами, существовалъ, какъ это особенно видно изъ другихъ византійскихъ документовъ, въ деревняхъ запасъ нераздѣленной земли, которая, однако, по мѣрѣ надобности могла быть также раздѣляема.

Нѣсколько въ сторонѣ отъ деревни лежатъ выдѣлившіеся изъ нея οἱ ἀγροὶ или τὰ ἀγρίδια и τὰ προάστεια. Очень часто читаемъ въ византійскихъ документахъ, особенно въ новеллахъ ц рей македонской династіи, т. е. какъ разъ въ памятникахъ, по времени очень близкихъ нашему трактату, обороты, вродѣ слѣдующихъ: „χωρία καὶ ἀγροὶ“ или „χωρία καὶ ἀγρίδια“, чаще еще въ видѣ противопоставленія: „χωρία ἢ ἀγρίδια“, „ἐν χωρίοις ἢ ἀγριδίοις“, или, какъ сказано въ одной изъ новеллъ Романа Лакапина, „τῆς ὁμάδος τῶν καλουμένων χωρίων ἢ ἀγριδίων“. Ясно, что слова ἀγρός, ἀγρίδιον здѣсь не значатъ просто „поле“, какъ въ древне-греческомъ. Но каковъ же смыслъ, присущій этимъ понятіямъ?

„'Αγρὸς есть всякій воздѣланный участокъ“, гласитъ опредѣленіе нашего устава (ἀγρὸς γὰρ ἐστι πᾶς κεκαλλωπισμένος χῶρος § 3). Признакъ воздѣланности существененъ и для „ἀγρίδιον“, формой же ἀγρίδοιν подчеркиваются его меньшіе размѣры по сравненію съ „ἀγρός“, къ которому ἀγρίδιον относится такъ же, какъ πολείδιον къ πόλις. Такъ объясняетъ авторъ устава и говоритъ: „ἄλλο ὑπάρχει ἀγρὸς καὶ ἄλλο ἀγρίδιον“. Впрочемъ, повидимому, далеко не всегда уменьшительная форма слова ἀγρίδιον отражается и на сущности самаго предмета. Диминутивная форма здѣсь, какъ и вообще это сплошь и рядомъ бываетъ въ средне-греческомъ языкѣ, часто замѣняетъ слово, отъ котораго происходитъ и даже употребительнѣе послѣдняго. И если ἀγρός, какъ доказываютъ многіе другіе документы, нерѣдко имѣетъ свое первоначальное значеніе поля, пашни, то ἀγρίδιον всегда и исключительно означаетъ опредѣленный родъ землевладѣнія. Это хуторъ, выдѣлившійся и лежащій нѣсколько за предѣлами села. Владѣлецъ его, жившій прежде въ общемъ деревенскомъ поселеніи, переноситъ сюда свое хозяйство и поселяется на немъ.

Такіе выходы на хутора въ Византіи, очевидно, были явленіемъ весьма распро-

[1]) §§ 15, 29. „λιβελλικόν“ происходитъ, конечно, отъ латинскаго liber, libellus, въ § 29 встрѣчается разъ выраженіе „τοῦ λιβέλλου“. Въ словаряхъ слова этого нѣтъ. Ср. однако, приведенное выше (прим. 2-е, стр. 119) мѣсто изъ типика Григорія Пакуріана, изъ кот. видно, что у Григорія хранились квитанціи за уплоченный сборъ съ писцовыхъ книгъ.

страненнымъ и производились въ силу разнообразныхъ причинъ; чаще же всего, вслѣдствіе имѣвшихъ мѣсто перемѣнъ въ имущественномъ состояніи и хозяйственной силѣ крестьянъ. Если богатство того или иного крестьянина увеличивалось, если у него накоплялось столько скота и рабовъ, что онъ былъ бы въ состояніи обрабатывать и большій участокъ земли, чѣмъ составляли его надѣлы въ деревнѣ, или если ему почему-либо не хотѣлось долѣе жить въ общемъ деревенскомъ поселеніи (возможность же селиться и строиться на собственномъ надѣлѣ среди пашенъ была сильно затруднена и ограничена,[1] то онъ, выходя изъ деревни, селился внѣ ея, тамъ, гдѣ ему это казалось удобнѣе, гдѣ онъ находилъ лучшее примѣненіе для своихъ избыточныхъ хозяйственныхъ силъ. Возникали хутора также и вслѣдствіе дѣлежей по наслѣдству. Если крестьянинъ имѣлъ нѣсколько участковъ, частью лежащихъ въ деревнѣ, частью внѣ ея, то умирая, онъ однимъ своимъ сыновьямъ оставлялъ „внутренніе“ участки (τὰ ἐσώθυρα), другимъ — „внѣшніе“ (τὰ ἐξώθυρα). Тотъ, который получалъ такой внѣшній участокъ и въ немъ имѣлъ все свое имущество, стремился, конечно, на него перенести и дворъ свой, такъ какъ неудобно ему было продолжать жить въ селеніи старой деревни и выѣзжать каждый день на свой новый, быть можетъ, довольно отдаленный участокъ. И такъ возникалъ хуторъ (ἀγρίδιον).

Προάστεια, согласно нашему уставу, образуются по тѣмъ же причинамъ и тѣмъ же путемъ, что и ἀγρίδια, разница же между ними слѣдующая: ἀγρίδιον воздѣлывается и обрабатывается самимъ владѣльцемъ-крестьяниномъ, προάστειον же рабами, крѣпостными его или арендаторами. Προάστεια, повидимому, достигали подчасъ значительныхъ размѣровъ, представляли изъ себя цѣлыя помѣстья. Въ такомъ именно смыслѣ это выраженіе часто встрѣчается въ византійскихъ д кументахъ.

Такія ἀγρίδια и προάστεια, хотя до извѣстной степени и обособленые, отдѣленные отъ деревни, все-таки считаются принадлежащими къ ней, образуютъ съ ней одну общину — (ἡ ὁμὰς или ἡ ἀνακοίνωσις или ἡ μετουσία, — все выраженія, указывающія на то же самое явленіе), т. е. они записаны въ тотъ же кадастръ, несутъ со всей деревней вмѣстѣ одну общую подать (ῥίζα χωρίου), взаимно другъ за друга отвѣчая (ἀλληλεγγύως) и относятся къ одному съ нею податному округу, — это „ἀγρίδια καὶ προάστεια συμπεριοριζομένα τῇ ὅλῃ τοῦ χωρίου ὑποταγῇ.“

Другое дѣло тѣ хутора, которые охарактеризованы понятіемъ „ἰδιόστατα,“ эти уже вполнѣ отдѣлились отъ деревенской общины и ни въ какую общину не входятъ, — они не записаны въ одной писцовой книгѣ съ той или иной деревенской общиной, не относятся къ одному съ ней податному округу, не несутъ съ ней общей подати, — въ этомъ и заключается смыслъ термина „ἰδιόστατον“. Выше мы видѣли (стр. 118), что къ классу „ἰδιόστατα“ относятся выморочные участки (τὰ κλάσματα), освобожденные отъ несенія податей и въ писцовыхъ книгахъ записанные особо. Къ этому же классу относятся и освобожденныя отъ податной повинности монастырскія земли, счета коихъ изъяты изъ писцовыхъ книгъ (τὰ προκατεσπασμένα λογίσιμα). А равно и участки, первоначально оставшіеся незанятыми и лишь нѣсколько времени спустя послѣ произведенія ценза взятые тѣмъ или инымъ крестьяниномъ подъ пашню. Такъ какъ при наложеніи общей подати на общину такіе участки не были сосчитаны и записаны, то теперь на нихъ налагается экстренная подать — προσθήκη и въ кадастръ они заносятся отдѣльно. Въ силу этого и они именуются ἰδιόστατα (см. § 5). Приведемъ еще опредѣленіе этого понятія, исключительное по своей ясности и точности, которое дается нашимъ уставомъ въ томъ же § 5: „ἰδιόστατον называется участокъ инспекторомъ освобожденный отъ несенія податей (κλασματισθέν) и выдѣленный инспекторомъ изъ

[1] См. новеллу Льва VI (Jus Gr. Rom. III, 169). Объясненіе ея въ „Пирѣ“ (Jus Gr. Rom I. Πεῖρα XI, 8).

податного округа (ἐκ τῆς ὑποταγῆς τοῦ χωρίου διαιρεθέν), измѣренный и внесенный въ опись (περιορισθέν) особо огороженный, такъ что не находится онъ среди деревенскихъ полосъ и не составляетъ общины съ остальной территоріей села (μήτε ἀνακοινώσεις ἔχειν μετὰ τῆς λοιπῆς ὑποταγῆς τοῦ χωρίου)."

Отсюда, какъ и изъ всего вышесказаннаго, слѣдуетъ, что терминомъ ἰδιόστατον не опредѣляется хозяйственная особенность тѣхъ или иныхъ земель или, вообще, какое-либо ихъ реальное качество, имъ обозначается лишь финансово-административная категорія. И подходятъ подъ эту категорію всѣ тѣ земли, которыя: 1. Занесены въ писцовой книгѣ отдѣльно, особо, или не занесены въ ней вовсе, какъ τὰ προκατεσπασμένα λογίσιμα, въ противоположность землямъ, образующимъ общину, которыя записаны въ писцовой книгѣ всѣ вмѣстѣ. 2. Несутъ особую подать или не несутъ ея вовсе, въ противоположность землямъ образующимъ общину, которыя платятъ одну общую податную сумму (ῥίζα χωρίου). 3. Не входятъ въ какой-либо податной округъ, въ противоположность землямъ, образующимъ общину, которыя составляютъ податной округъ (ὑποταγὴ χωρίον).

Въ силу этихъ особенностей ἰδιόστατα и не входятъ ни въ какую общину.

Каковы же, слѣдовательно, свойства византійской общины, что надо здѣсь, вообще, понимать подъ общиной? Очевидно, община есть податной округъ (ὑποταγή), платящій (съ взаимнымъ другъ за друга поручительствомъ) одну общую податную сумму (ῥίζα) и занесенный весь въ одинъ кадастръ. Значитъ, византійская община есть финансово-административная единица, а не органическое хозяйственное образованіе, подобно общинѣ славянской или германской.

Вопросъ о крестьянской общинѣ въ Византіи съ давнихъ поръ привлекалъ вниманіе историковъ и особенно много трудовъ разрѣшенію его посвятили русскіе ученые. Академики В. Г. Васильевскій и Ѳ. И. Успенскій характерной чертой земельнаго строя византійской деревни считали земельную общину, которую мыслили вполнѣ аналогичной славянской крестьянской общинѣ, съ періодическими передѣлами земли и лишь условнымъ, временнымъ владѣніемъ надѣлами.[1]

Самое возникновеніе византійской крестьянской общины Васильевскій и Успенскій разсматривали, какъ слѣдствіе переселеній на византійскую почву славянскихъ народностей, съ начала VII вѣка широкими массами вливавшимися въ предѣлы Византійской Имперіи, и создавшійся такимъ образомъ земельный строй (отразившійся, по ихъ мнѣнію, впервые въ Крестьянскомъ Законѣ), противополагали аграрнымъ порядкамъ Рима. Въ рѣзкомъ противорѣчіи этимъ взглядамъ Васильевскаго и Успенскаго, раздѣляемымъ и нѣмецкимъ ученымъ Цахаріэ,[2] стоитъ изслѣдованіе Б. А. Панченки „Крестьянская собственность въ Византіи", напечатанное въ IX т. Изв. Русск. Археол. Инст. въ Константинополѣ (1904). Основной идеей византійскаго земельнаго строя Панченко полагаетъ личную собственность крестьянъ и аграрные порядки Византіи разсматриваетъ какъ прямое продолженіе и развитіе римскаго аграрнаго строя. Наличіе же въ Византіи крестьянской общины Панченко совершенно отрицаетъ.[3]

Поскольку Панченко при этомъ имѣетъ въ виду общину „въ смыслѣ права общиннаго союза на участки хозяевъ",[4] онъ мнѣ кажется, несомнѣнно правъ. Но отсюда без-

[1]) В. Г. Васильевскій. „Законодательство иконоборцевъ". Ж. М. Н. Пр. 1878 г. ч. 200 и „Матеріалы для внутренней исторіи Византійскаго государства". Ж. М. Н. Пр. 1879 г. ч. 202 и 1880 г. ч. 210. Ѳ. И. Успенскій. „Къ исторіи крестьянскаго землевладѣнія въ Византіи". Ж. М. Н. Пр. 1883 г. ч. 225.

[2]) Geschichte des griechisch-römischen Rechtes, 3. Aufl., Berlin 1892.

[3]) О положеніи вопроса о византійской крестьянской общинѣ см. статью Г. В. Вернадскаго „Замѣтки о крестьянской общинѣ въ Византіи" въ Ученыхъ Запискахъ, основ. Русской Учебной Коллегіей въ Прагѣ т. I, вып. II, 1924 г.

[4]) Стр. 234 его соч.

условно отрицать существованіе общины въ Византіи было бы нѣсколько поспѣшно. Цѣлый рядъ выраженій, встрѣчающихся въ посвященныхъ крестьянскому землевладѣнію византійскихъ документахъ самымъ опредѣленнымъ образомъ указываютъ на наличіе общины, какъ-то: „ἡ τοῦ χωρίου κοινότης“ Крестьянскаго Закона, ἡ ὁμάς и ἡ κοινότης τοῦ χωρίου или τῶν χωρίων новеллъ царей Македонской династіи. На это нетрудно было указать критикамъ Панченки.[1] Наконецъ, и въ нашемъ уставѣ неоднократно встрѣчаются выраженія „ἡ ὁμάς“,[2] „ἡ ἀνακοίνωσις“,[3] „ἡ μετουσία“.[4] Но, какъ мы выше уже видѣли, община, о которой тутъ идетъ рѣчь, является общиной исключительно въ финансово-административномъ, а отнюдь не въ хозяйственно-правовомъ смыслѣ, — это община податная, а не поземельная. Панченко былъ совершенно правъ, указывая на личный и наслѣдственный характеръ крестьянскаго землевладѣнія въ Византіи, и трудъ его далеко еще не оцѣненъ по достоинству.

Дѣйствительно, мы видимъ, что крестьяне имѣли право продавать свои участки, сдавать ихъ въ аренду, вымѣнивать и т. д. Какой бы иначе смыслъ имѣлъ, напр., знаменитый институтъ προτίμησις, — право родичей и односельчанъ на преимущественную покупку отчуждаемаго крестьяниномъ земельнаго участка, о которомъ говоритъ новелла Романа Лакапина 922 г.[5] и рядъ другихъ новеллъ царей Македонской династіи?

Мы видимъ также, что крестьяне имѣли право передавать свои земельные участки по наслѣдству. Объ этомъ чрезвычайно ясно говорится въ цѣломъ рядѣ мѣстъ нашего устава (§§ 3, 20, 22, 24), причемъ участокъ передается изъ поколѣнія въ поколѣніе (§ 20).

Съ другой стороны, мы нигдѣ не видимъ въ деревняхъ періодическихъ передѣловъ, которые предполагали сторонники существованія въ Византіи поземельной (славянской) общины. Выше приведенные факты уже исключаютъ возможность періодическихъ передѣловъ. Дѣйствительно, можно ли говорить о таковыхъ, когда земельные участки крестьянъ переходятъ по наслѣдству отъ отца къ сыну, отъ сына къ внуку и т. д.? Тамъ, гдѣ встрѣчаемъ въ византійскихъ документахъ терминъ „μερισμός“, рѣчь идетъ не о повторяющихся отъ времени до времени передѣлахъ, а или о раздѣлахъ новой земли,[6] — передѣлы же имѣютъ мѣсто лишь въ томъ случаѣ, если одинъ изъ крестьянъ протестуетъ противъ правильности произведеннаго раздѣла[7]; (причемъ заявлять протестъ разрѣшалось въ теченіе тридцати лѣтъ,[8] что опять таки совершенно исключаетъ возможность принять существованіе передѣловъ, подобныхъ передѣламъ славянской общины), — или же о добавочномъ раздѣленіи земли, первоначально не раздѣленной между отдѣльными хозяевами.[9] Нераздѣленныя территоріи нерѣдко встрѣчались въ византійскихъ деревняхъ; нераздѣленными часто оставались лѣса, пастбища, а также менѣе удобныя, лишнія земли. Но этотъ фактъ, конечно, не служитъ доказательствомъ въ пользу общиннаго землевладѣнія, — существуютъ же, напр., въ современной Германіи альменды, тогда какъ объ общинномъ землевладѣніи и рѣчи быть не

---

1) Мутафчиевъ. Селското землевладѣние въ Византия. София 1910. Іеромонахъ Михаилъ рецензія на книгу Панченки. Виз. Вр. XI (1904) стр. 586—615. Безобразовъ, рецензія на книгу Мутафчиева, Виз. Вр. XVII (1910) стр. 336—346.

2) §§ 5, 22, 26, 27.

3) §§ 5, 17.

4) § 17.

5) Jus. Gr. Rom. III, 234.

6) Сентеція Магистра Косьмы см. Zachariä. Geschichte³ стр. 253. Крестьянскій Законъ (изд. Ferrini) §§ 8, 79.

7) Крестьянскій Законъ § 8.

8) Магистръ Косьма.

9) Крестьянскій Законъ (изд. Ferrini) § 32. Пира XXXVII, § 2.

можетъ. Это была „не недѣлимая, а лишь нераздѣленная земля", какъ хорошо и правильно замѣчаетъ Панченко.

Такимъ образомъ, мы не находимъ въ Византіи ни одного изъ отличительныхъ признаковъ общиннаго землевладѣнія, и напротивъ, все указываетъ на личную, наслѣдственную собственность крестьянъ; наблюдаемъ прямое продолженіе основныхъ традицій устоевъ аграрнаго строя Римской Имперіи, не нарушенныхъ подъ вліяніемъ произошедшихъ перемѣнъ въ этническомъ составѣ населенія Византіи.[1]

Поскольку же упоминается въ византійскихъ источникахъ объ общинѣ, тамъ разумѣется исключительно податная община, сущность которой проявляется въ томъ, что она разсматривается какъ податной округъ (ὑποταγή) и всѣ члены ея несутъ одну общую податную сумму (ῥίζα), на основаніи аллиленгія, взаимно другъ за друга отвѣчая. Институтъ ἐπιβολή–ἀλληλέγγυον даетъ ключъ къ пониманію аграрной системы Византіи, благодаря ему образовалась податная община.[2] Тѣмъ, что византійское правительство налагало на цѣлую деревню одну общую податную сумму, оно создавало изъ этой деревни фискальную единицу; тѣмъ, что оно обязывало крестьянъ этой деревни отвѣчать за правильную и своевременную уплату податей ихъ сосѣдями, оно соединяло ихъ въ (податную) общину.

Г. А. Острогорскій.

[1]) Противъ выдвинутыхъ Ѳ. И. Успенскимъ въ пользу „славянской теоріи" доводовъ, очень вѣскія доказательства приводитъ Г. В. Вернадскій указ. соч. стр. 92.

[2]) Въ этомъ, по моему мнѣнію, права школа Анри Монье, ср. G. Testaud. Des rapports des puissants et des petits propriétaires ruraux dans l'empire byzantin aux X siècle. Bordeaux 1898 г. стр. 71 и сл.

ВИЗАНТІЙСКІЯ УЧЕНІЯ О ВЛАСТИ ЦАРЯ И ПАТРІАРХА

I.

Востокъ и Западъ средневѣковой Европы считаются классическими образцами двухъ противоположныхъ системъ взаимоотношенія церкви и государства въ теократическомъ пониманіи этихъ взаимоотношеній: „папоцезаризма" и „цезарепапизма".

„Въ обоихъ случаяхъ церковь и государство нераздѣльны, но на Западѣ церковь есть государство, въ то время, какъ на Востокѣ церковь есть департаментъ, которымъ управляетъ императоръ." [1]

„Византійская церковь есть наиболѣе значительный въ исторіи примѣръ государственной церкви. Главою ея былъ императоръ. Онъ разсматриваемъ былъ, какъ уполномоченный Бога въ сферѣ, куда включены были такъ же церковный, какъ и свѣтскій порядокъ" [2]

Если въ отношеніи къ Западной церкви подобные взгляды вполнѣ согласуются съ той отчетливо разработанною теоріей папской власти, которая господствовала въ Средніе Вѣка, то этого нельзя сказать въ отношеніи къ церкви Восточной.

Представленіе о византійскомъ „цезарепапизмѣ" только лишь отчасти соотвѣтствуетъ дѣйствительной практикѣ взаимоотношеній между церковью и государствомъ въ Византіи; что же касается теоріи — византійскихъ ученій о соотношеніи власти царской и патріаршей — то въ этой области дѣло обстояло совершенно иначе.

Дѣйствительно, въ Византіи церковь во многихъ случаяхъ находилась подъ сильнымъ воздѣйствіемъ свѣтской власти. Бюри считаетъ даже, что „патріархъ Константинопольскій былъ лишь министромъ императора по департаменту религіи, и хотя обычныя формы епископскаго избранія соблюдались, въ дѣйствительности патріархъ былъ назначаемъ императоромъ".[3]

Однако, фактическую зависимость церкви отъ государства въ Византіи не надо преувеличивать. Тотъ же Бюри дѣлаетъ яркое противопоставленіе Византіи и Петровской Россіи. „Русскій самодержецъ Петръ Великій уничтожилъ патріаршество на Москвѣ; Римскому императору было бы невозможно уничтожить патріаршество въ Константинополѣ или ввести какія бы то ни было серьезныя измѣненія въ устройство церкви". [4]

Фактически, въ Византіи бывали отдѣльные патріархи, совершенно не представлявшіе собою чиновниковъ императора, а наоборотъ проводившіе свою собственную, властную и независимую политику. Достаточно вспомнить имена патріарховъ Фотія [5]

---

[1]) Bury J. B. The constitution of the later Roman Empire (Cambridge 1910), стр. 33. Рѣзкость характеристики смягчена въ новомъ изданіи большой исторіи того же автора (Bury, History of the later Roman Empire from the death of Theodosius I. to the death of Justinian, London 1923, въ 2 томахъ, см. т. II, 360 сл.).

[2]) Bury, Constitution, стр. 31—35. Во II томѣ перваго изданія большой исторіи Бюри (Bury, A history of the later Roman Empire from Arcadius to Irene, Lond. 1889) одна изъ главъ прямо названа »Justinian's Caesaropapism«. Соотвѣтствующая глава въ новомь изданіи исторіи Бюри названа просто »Ecclesiastical Policy« (гл. XXII во II т.)

[3]) Bury, Constitution, стр. 32.

[4]) Тамъ же стр. 41.

[5]) Ср. по этому поводу замѣчанія А. П. Лебедева, Исторія раздѣленія церквей въ IX, X и XI вѣкахъ, изд. 2-е, Спб. 1905, стр. 205—206.

или Михаила Кируларія.[1] Въ исторіи Византіи бывали цѣлыя эпохи, когда церковь мученичествомъ многихъ лучшихъ своихъ представителей запечатлѣла свою способность не подчиняться велѣніямъ свѣтской власти въ вопросахъ совѣсти и вѣры. Такова, напр., была эпоха иконоборчества. Достаточно здѣсь вспомнить имя преподобнаго Ѳедора Студита.[2]

Предметомъ настоящаго разсужденія является однако не практика, а теорія, анализъ не фактическихъ взаимоотношеній между царемъ и патріархомъ въ Византіи, а тѣхъ ученій объ ихъ взаимоотношеніяхъ, которыя разрабатывались выдающимися мыслителями византійскаго общества и нашли себѣ ясное выраженіе въ нѣкоторыхъ памятникахъ византійскаго законодательства. Въ этихъ ученіяхъ не было единства, и можно установить по крайней мѣрѣ два основныхъ идейныхъ направленія въ этой области.

Основною чертою Византійскаго строя является то обстоятельство, что императоръ стоитъ не внѣ христіанской церкви, но находится въ тѣсномъ сопряженіи съ нею. Сопряженіе это началось со времени перваго римскаго императора, обосновавшагося въ древней Византіи — Константина. Извѣстна его фраза о томъ, что онъ является „внѣшнимъ епископомъ“ христіанской церкви.[3]

Для всѣхъ вселенскихъ соборовъ существенно то обстоятельство, что дѣятельность ихъ проходила въ полномъ единеніи съ императорской властью. Какъ высшая церковная власть, императоръ созывалъ вселенскіе соборы и утверждалъ ихъ постановленія. Во время засѣданій собора императоръ слѣдилъ за его дѣятельностью и принималъ въ немъ непосредственное участіе.[4]

Помимо соборовъ, развивается императорское законодательство по церковнымъ дѣламъ. Въ этомъ отношеніи важную роль, какъ и для гражданскаго права, играетъ законодательство Юстиніана.[5]

Далѣе императоръ принимаетъ все болѣе живое участіе въ богословствованіи, въ выработкѣ самихъ догматовъ православной церкви. Константинъ, формально даже будучи еще язычникомъ, подыскалъ для перваго вселенскаго собора рѣшающее слово „единосущный“ — ὁμοούσιος.[6] Въ другихъ случаяхъ императоры въ своемъ богословствованіи уклонялись сами въ ересь, этимъ возбуждая церковную смуту. Императоръ Констанцій принуждалъ православныхъ замѣнить въ никейскомъ символѣ упомянутое слово „единосущный“ (ὁμοούσιος) словомъ „подобосущный“ (ὁμοιούσιος). Императоръ Ираклій въ 638 г. издалъ „изложеніе“ вѣры (ἔκθεσις), а Константъ II въ 648 г. издалъ „образецъ“ вѣры (τύπος), составленные въ моноѳелитскомъ духѣ.[7]

Церковно-общественное сознаніе понемногу начинаетъ мыслить императора, какъ руководителя не только внѣшнихъ дѣлъ церкви, но и внутреннихъ. Создается взглядъ, что императоръ есть вмѣстѣ и царь и первосвященникъ — βασιλεὺς καὶ ἱερεύς. „Внѣшній епископъ“ постепенно стремится стать „внутреннимъ епископомъ“, членомъ клира и руководителемъ церкви на землѣ. Въ половинѣ V вѣка отцы Халкидонскаго собора видѣли

---

[1]) Ср. Скабалановичъ, Виз. церковь и государство въ XI в. Спб. 1888, стр. 374—390; Суворовъ Н., Византійскій папа, М. 1902.

[2]) См. Schwarzlose K., Der Bilderstreit, ein Kampf der griechischer Kirche um ihre Eigenart und um ihre Freiheit. Gotha 1890.

[3]) Константинъ говорилъ епископамъ: Ἀλλ' ὑμεῖς μὲν τῶν εἴσω τῆς Ἐκκλησίας, ἐγὼ δε τῶν ἐκτὸς ὑπὸ Θεου καθεσταμένος ἐπίσκοπος ἂν εἴην. Eusebius, Vita Const. IV, 24 (ed. Heikel, Leipz. 1902, p. 126). Самъ Евсевій называетъ Константина „общимъ епископомъ“ (κοινὸς ἐπίσκοπος) — Vita Const. I, 44 (ibid. p 28).

[4]) Суворовъ, Учебникъ церковнаго права, 4-е изд. (М. 1912), стр. 40—41.

[5]) Достаточно вспомнить значеніе новеллъ Юстиніана въ развитіи права Восточной церкви (собраніе Іоанна Схоластика, ср. 42-ю главу печатной Кормчей). Къ сожалѣнію мнѣ не была доступна работа Alivizatos, H. S., Die Kirchliche Gesetzgebung des Kaisers Justinan I. 1913.

[6]) Суворовъ, l. c., 40. Eusebius ed. Heikel, I, 172.

[7]) Суворовъ, l. c. 43

въ императорѣ Маркіанѣ посланнаго Богомъ воителя противъ заблужденій, собирающаго рать противъ сатаны.[1] Нѣсколько лѣтъ спустя папа Левъ Великій писалъ императору Льву Макелѣ, что царская власть дана ему не только для управленія міромъ, но особенно для руководства церковью.[2] Князь-христіанинъ долженъ быть причисляемъ къ сонму проповѣдниковъ Христовыхъ.[3] Къ VIII вѣку относится заявленіе императора Льва Исавра „я царь и священникъ“ (βασιλεὺς καὶ ἱερεύς εἰμί).[4]

Въ предисловіи къ Еклогѣ (ок. 740 г.) Левъ Исавръ отъ имени своего и сына своего Константина высказываетъ мысль, что Господь Богъ, вручивъ имъ царство, вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣлъ имъ пасти вѣрное стадо Христово по примѣру Петра, главы апостоловъ.[5]

Въ оправданіе мысли о царѣ-священникѣ выдвигался библейскій образъ Мельхиседека: „Мельхиседекъ, царь Салима, священникъ Бога Всевышняго — царь правды, а потомъ и царь Салима, то-есть царь мира“ (Евр. 7, 1—2).[6] Св. Максимъ Исповѣдникъ (VII в.) возражалъ тѣмъ, кто приводилъ примѣръ Мельхиседека для доказательства ученія о священническомъ характерѣ царскаго сана.[7]

Образъ Мельхиседека не покрывалъ однако вполнѣ фигуры царя-священника, какъ она начала очерчиваться въ общественномъ сознаніи Византіи. За нимъ проступаетъ другой образъ — образъ языческаго римскаго императора, Pontifex maximus.

Римскіе императоры еще около пятидесяти лѣтъ послѣ Константина продолжали носить титулъ pontifex maximus. Лишь въ 375 г. императоръ Гратіанъ отказался отъ этого титула.[8] Римскій императоръ, Pontifex Maximus, Divus, былъ какъ извѣстно предметомъ поклоненія. Культъ императора развился въ цѣлую систему.[9] Отказъ участвовать въ этомъ культѣ былъ главнымъ поводомъ гоненій на христіанъ. Тѣмъ не менѣе, когда имперія стала христіанской, культъ императора исчезъ не вполнѣ и не сразу.

Одинаково во второй половинѣ IV в. и во второй половинѣ V в. византійскіе императоры говорятъ о почитаніи императорской порфиры или прямо императорской „божественности“.[10]

[1]) См. Allocutio Sancti et universalis Chalcedonensis Concilii ad Marcianum piissimum et amatorem Christi Imperatorem. Harduin, II, 643—644; Mansi, VII, 455—456.

[2]) Debes incunctanter advertere, regiam potestatem tibi non solum ad mundi regimen, sed maxime ad Ecclesiae praesidium esse collatam... Изъ письма папы Льва отъ 1 дек. 457 (459?) г. Harduin II, 702; Mansi, VI, 325.

[3]) Inter Christi praedicatores digno honore numerandum. Ibid.

[4]) Объ этомъ упоминается въ письмѣ папы Григорія II Льву Исавру — Mansi XII, 975 D. L. Duchesne, Liber pontificalis 1886, I, 413—414, доказываетъ, что письмо, приписываемое папѣ Григорію II, на самомъ дѣлѣ составлено въ Константинополѣ. Это однако не опровергаетъ подлинности самаго заявленія императора Льва Исавра, о которомъ въ Констатинополѣ должно было быть хорошо извѣстно.

[5]) Ἐπεὶ οὖν τὸ κράτος τῆς βασιλείας ἡμῖν ἐγχειρίσας, ὡς ηὐδόκησε, δεῖγμα τοῦτο τῆς ἐν φόβῳ πρὸς αὐτὸν ἀγαπήσεως ἡμῶν ἐποιήσατο, κατὰ πέτρον τὴν κορυφαιοτάτον τῶν ἀποστόλων ἀκρότητα, ποιμαίνειν ἡμᾶς κελεύσας τὸ πιστότατον ποίμνιον... Ecl. prooem. (Collectio librorum juris graeco-romani ineditorum. Ed. Zachariae a Lingenthal, Lipsiae 1852, p. 10). Славянскій переводъ: Понеже оубо державу црствія поручивъ намъ, якоже изволи: показаніе се сотрахомъ кнемоу, возлюбленія нашего сотвори, по петрову верховнаго апла старѣйшинству, пасти намъ повелѣ вѣрное стадо (Печатная Кормчая, гл. 50, введ.).

[6]) Ср. Быт. 14, 18. Сопоставленіе данныхъ Ветхаго и Новаго Завѣта см. въ хроникѣ Георгія Монаха (Амартола): Georgii Monachi Chronicon ed. De Boor, I (1904), 100—101. Хроника Георгія Амартола написана въ срединѣ IX в.

[7]) S. Maximi. Opera ed. Combefis (Parisiis 1675), I, p. XXXIII—XXXIV.

[8]) Willems, Droit public romain, 4-me éd. (Louvain 1880), 551.

[9]) Le culte impérial: son histoire et son organisation depuis Auguste jusqu'à Justinien par l'abbé E. Beurlier. Paris 1891.

[10]) См. законы Валентиніана и Валента, а также Θеодосія I 364—387 г. г. („... sacram purpuram adorare“; „... nostras purpuras adoravit“) — Cod. Theod. VI, 24, 3—4; VII, 1, 70. Императоры Левъ и Зинонъ (вторая половина V в.) въ правилахъ о выслугѣ офицеровъ гвардіи (схолъ) говорятъ о почитаніи императорской „божественности“ („... adorata nostrae divinitatis purpura...“) — Cod. Just. XII, 29, 2.

Во времена иконоборчества, когда запрещены были иконы Христа, Богоматери и святыхъ, изображенія императоровъ продолжали служить предметомъ почитанія.[1]

Французскій византиновѣдъ Брейе сдѣлалъ попытку вывести изъ этихъ данныхъ, а также изъ Придворнаго Устава, цѣлую „монархическую религію", существующую наперекоръ религіи христіанской и, во всякомъ случаѣ, наряду съ нею отдѣльно отъ нея. Въ этой религіи Брейе видитъ остатки императорскаго римскаго культа и удивляется, что религія эта не вызывала противъ себя никакого противодѣйствія, даже со стороны Студитовъ во время иконоборчества.[2]

Многіе отдѣльные факты Брейе подмѣтилъ правильно, только имѣютъ эти факты часто иной смыслъ; система же, которую пытается построить Брейе, слишкомъ искусственна.

Брейе приводитъ напр. такой списокъ праздниковъ предполагаемой монархической религіи: 1) понедѣльникъ первой седмицы Великаго поста (проповѣдь императора о постѣ); 2) Вербное Воскресенье (раздача крестовъ); 3) Св. Пасха (царское лобызаніе); 4) праздникъ 1 мая; 5) освященіе Новой Церкви; 6) 11 мая — основаніе Города (Константинополя); 7) 21 мая — свв. Константинъ и Елена; 8) 20 іюля — праздникъ пророка Иліи; 9) 1 авг. процессія съ частицами честнаго Креста; 10) 6 или 15 августа — праздникъ сбора винограда (fête des vendanges) „пережитокъ вакхическихъ культовъ"; 11) Врумаліи — въ ноябрѣ.[3] Легко убѣдиться, что весь этотъ списокъ праздниковъ не относится собственно къ „монархической религіи". Почти все это просто христіанскіе праздники, за исключеніемъ нѣкоторыхъ языческихъ (врумаліи или основаніе города), въ которыхъ однако нѣтъ ничего спеціально монархическаго.

Брейе не правъ, когда онъ пытается открыть въ Византіи какую-то систему „монархической религіи", отличной отъ религіи христіанской.[4] Вѣрно, конечно то замѣчаніе, что императоръ укладывался въ общую религіозную систему Византіи. Императорскій санъ былъ особою формою церковнослуженія, и всѣ чины императорскаго двора въ Византіи не просто служили, а священнодѣйствовали.

Грандіознымъ памятникомъ этого факта, своего рода служебникомъ или требникомъ византійскаго императорскаго двора былъ Придворный Уставъ Константина Багрянороднаго.

Вся официіальная жизнь византійскаго царя представляла собою особый и добавочный видъ священнослуженія.

*

Какъ бы то ни было, съ теченіемъ времени, въ сознаніи византійскаго общества все отчетливѣе стала пробиваться мысль, что царь стоитъ во главѣ не только свѣтской, но и церковной жизни.

---

[1]) E. Beurlier. Les vestiges du culte impérial à Byzance et la querelle des iconoclastes (Congrès Scientifique des Catholiques, 1891, Paris, Sections 1—4), p. 172.

[2]) Les survivances du culte imprérial à Byzance въ брошюрѣ L. Bréhier et P. Batiffol, Les survivances du culte impérial romain (A propos des rites shintoïstes), Paris 1920, см. особ. стр. 73.

[3]) Bréhier-Batiffol, p. 54—55.

[4]) Брейе упрекаетъ Бёрліе за то, что онъ недостаточно развилъ свои мысли объ остаткахъ императорскаго культа въ Византіи; но въ сущности Бёрліе именно остановился тамъ гдѣ надо, куда доводятъ факты, Брейе же пытается насильственно истолковать факты въ желательномъ ему духѣ. Взгляды Брейе проистекли изъ основного его положенія — о несовмѣстности императорской власти съ христіанствомъ. «Logiquement, Constantin eût dû abdiquer, l'institution impériale et ses bases juridiques étant incompatibles avec le christianisme, un même homme ne pouvant à la fois être adoré comme un dieu, légiférer sur la religion et obéir à l'Eglise. La contradiction était tellement flagrante, que même après sa conversion au christianisme en 312, Constantin resta catéchumène et ne se fit baptiser qu'à la veille de sa mort (mai 337).» (Brehier-Batiffoll, 35—36).

Въ XII в. эта точка зрѣнія была рѣзко формулирована знаменитымъ византійскимъ канонистомъ Вальсамономъ. Вальсамонъ высказалъ мысль, что „царь не подлежитъ ни законамъ ни канонамъ“.[1]

Византійскими канонистами создана была даже особая теорія объ основаніяхъ для такого положенія царя въ церкви. Именно, основаніемъ для этого признано было помазаніе царя на царство (χρῖσμα).

Первое упоминаніе о помазаніи при вѣнчаніи царя находится въ письмѣ патріарха Фотія къ царю Василію Македонянину (867—886). Фотій напомнилъ однажды царю Василію, что онъ сталъ царемъ благодаря помазанію (χρῖσμα) и возложенію на него рукъ патріарха (χειροθεσία).[2] Придворный Уставъ Константина Багрянороднаго не говоритъ о помазаніи при описаніи вѣнчанія византійскаго царя (De Cer., lib. I, cap. XXXVIII).[3]

Слѣдующій по времени извѣстный случай царскаго помазанія въ Византіи относится къ воцаренію Іоанна Цимисхія (969 г.). Вальсамонъ въ толкованіи на 12-е правило Анкирскаго собора разсказываетъ о воцареніи Цимисхія : „Оный святѣйшій патріархъ Киръ Поліевктъ сперва выгналъ изъ священной ограды святѣйшей Божьей Великой церкви царя Іоанна Цимисхія, какъ убійцу царя Никифора Фоки; потомъ же пріялъ. Ибо сказалъ онъ вмѣстѣ со святымъ синодомъ... что какъ помазаніе святого Крещенія стираетъ ранѣе бывшія прегрѣшенія, каковы бы они ни были, такъ и помазаніе царства стерло ранѣе совершенное Цимисхіемъ убійство.[4]

Вальсамонъ дѣлаетъ изъ всего этого такой выводъ: „Итакъ замѣть, что рукоположеніе архіереевъ и помазаніе царей стираютъ прегрѣшенія (совершенныя) до рукоположенія и помазанія, каковы бы они ни были“.[5]

II.

Ученіе о томъ, что царь является главою не только свѣтской государственной власти, но также и главою церковной власти не являлось однако единственнымъ или хотя бы во всѣ періоды византійской исторіи господствующимъ ученіемъ византійской церковно-государственной мысли.

Ученіе это рано начало встрѣчать противъ себя большія возраженія. Въ концѣ IV в. (386 г.) св. Амвросій Медіоланскій въ проповѣди противъ Авксентія сказалъ, что „императоръ внутри церкви, а не надъ церковью; хорошій императоръ ищетъ помощи церкви, а не отвергаетъ ее“.[6]

Около того же времени (388 г.) св. Іоаннъ Златоустъ говорилъ въ проповѣди на слова пророка Исаіи о видѣніи его въ годъ смерти нечестиваго царя Осіи (Ис. 6, 1):

---

[1]) Καὶ προστιθέασιν ὡς ὁ βασιλεὺς οὔτε νόμοις οὔτε κανόσιν ὑπόκειται (Balsam. in can. XVI. Conc. Carthag., Migne PG, 138, c. 93—B).

[2]) Migne PG, 102, 765. Ср. Sickel, Das byzantinische Krönungsrecht bis zum 10. Jahrhundert, Byz. Zeitschr. VII (1889), стр. 524 и примѣчаніе 80. Работа R. Poupardin, L'onction impériale (Moyen Age, t. IX, 1905), мнѣ къ сожалѣнію недоступна. Сомнѣнія J. Ebersolt'а см. въ его Mélanges d'histoire et d'archéologie byzantines, Paris 1917, 22—23.

[3]) Ebersolt считаетъ, что опредѣленно говорить о помазаніи въ точномъ смыслѣ слова можно лишь по отношенію къ XIII—XIV в. в. (Ebersolt, l. c., 23).

[4]) Migne PG, 137, c. 1156—B, C. Патріархъ Поліевктъ основывался при этомъ именно на 12-мъ правилѣ Анкирскаго собора: Τοὺς πρὸ βαπτίσματος τεθυηκότας, καὶ μετὰ ταῦτα βαπτισθέντας, ἔδοξεν εἰς τάξιν προάγεσθαι, ὡς ἀπολουσαμένους. Въ передачѣ нашей печатной Кормчей: Прежде с҃тагѡ крещенїѧ пожеръ ідолом, не повиненъ по крещенїи (Печ. Кормч, гл. 6-я, в҃і).

[5]) Migne PG, 137, c. 1157-B.

[6]) Migne PL, 16, 1018.

„Священство есть власть болѣе почетная и великая, чѣмъ самое царство.[1] Не говори мнѣ о багряницѣ, ни о діадимѣ, ни о золотыхъ плащахъ. Все это тѣни, скоропреходящее весеннихъ цвѣтовъ. Всякая слава человѣческая цвѣтокъ полевой“ (Ис. 40, 6).[2]

Въ VII в. преп. Максимъ Исповѣдникъ говорилъ: „Если ты скажешь: Развѣ каждый христіанскій царь не есть священникъ? — то я утверждаю: нѣтъ. Ибо онъ не предстоитъ предъ жертвенникомъ, не подымаетъ артоса по благословеніи его, не говоритъ Святая Святымъ, не елеосвящаетъ, не рукополагаетъ и не поставляетъ во епископы, пресвитеры и діаконы; онъ также не освящаетъ храмовъ, не носитъ символовъ священства — омофора и евангелія, но символы царства — вѣнецъ и діадиму“.[3]

*

Существеннымъ при разсмотрѣніи предѣловъ церковной власти византійскаго императора является вопросъ о прямыхъ отношеніяхъ царя къ храму и обязанностяхъ его, какъ священнослужителя. Несомнѣнно, что Византійскій царь не только слѣдилъ за общимъ ходомъ церковной политики и не только священнодѣйствовалъ самымъ своимъ саномъ, но принималъ нѣкоторое участіе прямо въ церковномъ богослуженіи.

Начать съ того, что царь въ Византіи опредѣляетъ часто составъ входящихъ въ церковную службу пѣснопѣній, а иногда и самъ является авторомъ такихъ пѣснопѣній. Θеодосій II и Пульхерія издаютъ указъ о повсемѣстномъ употребленіи трисвятой пѣсни „Св. Боже, Св. Крѣпкій“ и пр. Юстиніанъ былъ самъ авторомъ церковнаго гимна, вошедшаго во всеобщее употребленіе восточной церкви („Единородный Сыне и Слове Божій“).[4]

Во время церковной службы царь имѣлъ право входа въ алтарь, куда въ Византіи міряне не могли входить. Объ этомъ говоритъ 69 канонъ Трулльскаго собора (692 г.)[5] Первые христіанскіе императоры стояли въ алтарѣ въ продолженіе всей литургіи. Такой порядокъ измѣнился въ концѣ IV в. послѣ столкновенія императора Θеодосія Великаго съ Амвросіемъ епископомъ Медіоланскимъ. Позже Византійскій царь стоялъ литургію въ особомъ помѣщеніи близъ алтаря, входящемъ въ составъ особаго царскаго „раздѣвальнаго покоя“ — Мутаторія или Митаторія.[6]

Такіе особые царскіе покои близъ алтаря устраивались въ Византіи въ тѣхъ храмахъ, гдѣ царь постоянно стоялъ литургію. Эти покои представляли собою разныя отдѣленія, изъ которыхъ въ однихъ цари молились, въ другихъ отдыхали и переодѣвались, въ третьихъ завтракали послѣ службы и пр.[7]

Далѣе, царь принималъ нѣкоторое участіе въ совершеніи самой церковной службы. Придворный Уставъ Константина Багрянороднаго неоднократно, желая сказать о томъ,

---

[1]) Ἱερωσύνη γὰρ καὶ αὐτῆς τῆς βασιλείας σεμνοτέρα καὶ μείζων ἐστὶν ἀρχή.

[2]) Изъ пятой проповѣди св. Іоанна Златоуста объ Осіи. Migne, PG, 56, 130. Ср. L. Allatii, De ecclesia occidentalis atque orientalis perpetua consensione (Coloniae Agrippinae 1648), p. 223. — Осія былъ пораженъ проказою, когда вошелъ въ храмъ съ намѣреніемъ кадить Господу вмѣсто первосвященника (2 Пар., 26, 16—21).

[3]) S. Maximi Opera ed. Combefis, I, p. XXXIII.

[4]) Суворовъ l. c., 42.

[5]) Μὴ ἐξέστω τινὶ τῶν ἁπάντων ἐν λαϊκοῖς τελοῦντι ἔνδον ἱεροῦ εἰσιέναι θυσιαστηρίου, μηδαμῶς ἐπὶ τοῦτο τῆς βασιλικῆς εἰργομένης ἐξουσίας καὶ αὐθεντίας ἡνίκα δ᾽ἂν βουληθείη προσάξαι δῶρα τῷ πλάσαντι κατά τινα ἀρχαιοτάτην παράδοσιν. Migne PG, 137, c. 752. Славянскій переводъ: То́кмѡ цр҃ь єди́нъ, ни́ же никто́ же ѿ мирски́хъ чл҃къ, во ѡ҆чистилище да вни́детъ. Толкова́нїе. Не досто́итъ никомꙋ́ же ѿ всѣхъ в мирстѣмъ житїи живꙋ́щихъ, внꙋ́трь сщ҃еннагѡ олтаря входи́ти: то́кмо же сѐ, нику́ко же не воз̾бране́но є҆сть, црстѣй власти и҆ гдс̑твꙋ, є҆гда̀ хо́щетъ принести да́ры созда́вшемꙋ є҆го̀ бг҃ꙋ, по нѣкоемꙋ преда́нїю дре́внихъ ѻ҆ц҃ъ. (Печ. Кормчая, гл. 17, правило 69).

[6]) Бѣляевъ Д. Θ., Byzantina II (Записки Импер. Русск. Археол. Общ., нов. сер. т. VI, Спб. 1892—93), 163.

[7]) Бѣляевъ, ibid., 163—164.

гдѣ царь стоитъ до конца литургіи, употребляетъ выраженіе, что царь „довершаетъ“ литургію (τελεῖ τὴν λειτουργίαν).[1] Однако, дѣйствія царя при совершеніи литургіи очень незначительны. Когда приближалось время перенесенія св. Даровъ съ жертвенника на престолъ, царь облачался въ хламиду и шелъ за амвонъ. Въ ожиданіи царя между амвономъ и царскими вратами стояла большая свѣча, которую царь долженъ былъ во время великаго входа нести передъ св. Дарами до св. вратъ алтаря. Иногда также царь несъ свѣчу на маломъ входѣ передъ евангеліемъ.[2] Неся эту свѣчу, царь исполнялъ обязанность т. наз. „депутата“, одного изъ церковнослужителей, который обычно носилъ свѣчу на большомъ и маломъ входѣ, а также расчищалъ путь предъ архіереемъ на улицѣ.[3] Помимо „депутата“ императоръ числился также „екдикомъ“ или „дефензоромъ“ церкви.[4] Все это вводило царя какъ бы въ кругъ церковнослужителей и выдѣляло его изъ простыхъ мірянъ.[5] Все это однако само по себѣ было совершенно недостаточно для того, чтобы сравнять положеніе царя не только съ епископомъ или священникомъ, но даже и съ діакономъ.[6]

Димитрій Хоматинъ, признающій императора „всеобщимъ блюстителемъ церквей,“ и ставящій его наравнѣ съ епископами, не можетъ всетаки отрицать богослужебнаго безсилія царя. „Императору предоставлены всѣ епископскія привиллегіи, за единственнымъ исключеніемъ — совершать богослуженіе“.[7]

*

Такимъ образомъ, въ византійской мысли построеніе отношеній между церковью и государствомъ, царемъ и архіереемъ, шло разными путями.

Одинъ рядъ мыслей — надѣленіе царя привиллегіями священства. Этотъ путь приводилъ въ тупикъ, т. к. нельзя было не сознавать, что собственно въ богослуженіи царь игралъ очень ограниченную роль.

Другой рядъ мыслей — ограниченіе церковной роли царя, хотя и признаніе связи царя съ церковью. Этотъ путь приводилъ къ установленію извѣстнаго параллелизма царской и первосвященнической власти, царства (βασιλεία) и священства (ἱερωσύνη). Такой параллелизмъ нашелъ себѣ отчетливое выраженіе въ нѣсколькихъ памятникахъ византійскаго законодательства. Прежде всего здѣсь надо упомянуть VI новеллу Юстиніана. Предисловіе къ этой новеллѣ говоритъ: „Величайшіе даны людямъ отъ вышняго человѣколюбія Божіи дары — священство и царство, одно управляетъ божественными [дѣлами], другое начальствуетъ и заботится о человѣческихъ [дѣлахъ], и каждое изъ двухъ происходитъ отъ одного и того же начала и украшаетъ человѣческую жизнь; ничто такъ не полезно царямъ, какъ честь іереевъ, которые всегда за нихъ (царей)

[1]) Греческій глаголъ τελεῖν имѣетъ смыслъ и „доканчивать“ и „совершать“ или „довершать“ (также посвящать — въ мистеріи). Ср. Gasquet, De l'autorité impériale en matière religieuse à Byzance (Clermont-Ferrand 1879), 58.

[2]) Бѣляевъ Byzantina II, 164—165.

[3]) Ср. Бѣляевъ ibid. 165 прим. 1.

[4]) Ср. Бѣляевъ ibidem. Папа Левъ Великій писалъ императору Θеодосію (въ 449 г.): Defendite contra haereticos inconcussum ecclesiae statum, ut et vestrum Christi dextera defendatur imperium (Harduin, II, 25–26; 29—30; Mansi, VI, 13—14; 19). Канонистъ начала XIII в. Димитрій Хоматинъ называетъ царя „блюстителемъ церквей“: κοινὸς τῶν ἐκκλησιῶν ἐπιστημονάρχης. Ράλλη καὶ Πότλη, Σύνταγμα θείων καὶ ἱερῶν κανόνων, V (1854), 429. О значеніи термина ἐπιστημονάρχης ср. Суворовъ l. c., 467.

[5]) Впрочемъ, даже Вальсамонъ называетъ царя „міряниномъ“ (въ толкованіи на 69 канонъ Трулльскаго соб.), но затѣмъ сейчасъ же надѣляетъ царя высшими дарами (чрезъ помазаніе), сопоставляя его съ архіереемъ.

[6]) Есть извѣстіе о томъ, что византійскій царь считался діакономъ церкви, но оно сомнительно. Gasquet, l. c., 52.

[7]) Ράλλη καὶ Πότλη, V, 429.

молятъ Бога. Ибо когда одно (= священство) совершенно безупречно и имѣетъ дерзаніе къ Богу, тогда и другое (= царство) прямо и должнымъ образомъ украшаетъ свое государство. Доброе согласіе [обоихъ началъ] доставляетъ всяческую пользу людямъ".[1]

Но наиболѣе ярко разработаны этого рода идеи въ памятникѣ конца IX в. — т. наз. Епанагогѣ.[2]

II титулъ Епанагоги говоритъ „о царѣ", III — „о патріархѣ".[3] Постановленія этихъ титуловъ могутъ быть распредѣлены слѣдующимъ образомъ.

а) Общее опредѣленіе власти царя и патріарха.

Согласно 1-й главѣ II титула царь это „правовая власть, общее благо для всѣхъ подданныхъ. Царь не подвергаетъ кого-либо наказанію по антипатіи къ нему и не дѣлаетъ добра по пристрастію, но даетъ награды безпристрастно, подобно судьямъ въ борьбѣ".[4]

Начало этой главы заимствовано очевидно изъ проповѣди св. Василія Великаго на притчи Соломоновы. Говоря о мудрой справедливости царя Соломона, св. Василій высказываетъ мысль о томъ, что „царство есть правовая власть".[5] Далѣе, тѣмъ же Василіемъ Великимъ выражена мысль и о благѣ подданныхъ, какъ основномъ назначеніи царя. „Тѣмъ отличается тираннъ отъ царя" — говоритъ св. Василій — „что тираннъ всячески стремится къ своей собственной выгодѣ, царь же доставляетъ пользу управляемымъ".[6]

Согласно 1-й главѣ III титула Епанагоги „патріархъ есть живой и одушевленный образъ Христовъ, словомъ и дѣломъ свидѣтельствующій истину".[7]

б) Основная задача царя и патріарха.

Согласно 2-й главѣ II титула Епанагоги „Задача царя — охрана и обезпеченіе существующихъ силъ [народныхъ] добрымъ управленіемъ, возстановленіе поврежден-

[1]) Nov. VI pr.: Μέγιστα ἐν ἀνθρώποις ἐστὶ δῶρα Θεοῦ παρὰ τῆς ἄνωθεν δεδομένα φιλανθρωπίας — ἱερωσύνη τε καὶ βασιλεία и т. д. Это предисловіе включено и въ сборникъ Іоанна Схоластика. Старославянскій переводъ: Велии въ чл҃вцѣхъ соуть дари Б҃жии съвыше данаaго чл҃колюбиꙗ свщ҃ение же и цр҃ство, ово оубо б҃жьствьнъıимъ слоужа, ово же чл҃вчьскъıими обладаꙗ и прилежаще ѥ, ꙇ̈, ѿ ѥдиного и того же начала обоѥ происходѧ, чл҃вчьскоѥ оукрашаѥта житиѥ, ꙗко аще тако боудеть тъщаньно цр҃емъ, ꙗко же свщ҃еньıимъ чистота или о нихъ онѣмъ присно Б҃а молѧть. Аще оубо непорочьна боудеть вьсьде и къ Б҃оу имать дерзновениѥ, аще ли право и подобьно оукрашаѥть прѣданоѥ ѥмоу житиѥ, боудеть съвѣщаниѥ нѣкако, все ѥже добро чл҃вчьскоумоу подаꙗ родоу. Собраніе Іоанна Схоластика, а҃ — по списку Ефремовской Кормчей XI в. (Срезневскій, Обозрѣніе древнихъ русскихъ списковъ Кормчей книги, Сборникъ отд. русск. яз. и слов., т. 65 [1899], стр. 67). Ср. печатн. Кормч. гл. 42-я, а҃.

[2]) Напечатана въ изданіи Zachariae v. Lingenthal: Collectio librorum juris graeco-romanis ineditorum. Lipsiae 1852. Болѣе поздняя редакція Епанагоги, т. наз. Epanagoge aucta напеч. тѣмъ же Цахаріэ въ изданіи Jus Graeco Romanum, pars IV, Lipsiae 1865.

[3]) Въ расширенной Епанагогѣ (Epan. aucta) царю посвящены I титулъ, а патріарху — II.

[4]) Βασιλεύς ἐστιν ἔννομος ἐπιστασία, κοινὸν ἀγαθὸν πᾶσι τοῖς ὑπηκόοις, μήτε κατὰ ἀντιπάθειαν τιμωρῶν, μήτε κατὰ προσπάθειαν ἀγαθοποιῶν, ἀλλ᾽ ἀνάλογός τις ἀγωνοθέτης τά βραβεῖα παρεχόμενος. Въ славянскомъ переводѣ XIV вѣка: Царь ѥсть законноѥ прѣдстателство, обще благо вьсѣмь послоушникомь; ни же по пристрастїю благотворе, ни же за соупротивострастїе моуче, нь противь когожде добродѣтели обладаѥмыихъ, ꙗкоже нѣкы подвигоположникь, почьсти равно подаѥ... Матије Властара Синтагмат, изд. Стојан Новаковић — Српска Краљевска Академија, Зборник за историју, језик и књижевность српскога народа, прво одељење, књига IV, Београд 1907, стр. 127.

[5]) Βασιλεία ἐστὶν ἔννομος ἐπιστασία. См. 12-ю омилію св. Василія „Εἰς τὴν ἀρχὴν τῶν Παροιμιῶν" (Migne PG. 31, 389—B). Эта формулировка принята св. Максимомъ Исповѣдникомъ въ его словѣ „о начальствѣ и власти" (περὶ ἀρχῆς καὶ ἐξουσίας). S. Maximi Opera ed. Combefis, II, 558. Составитель Епанагоги могъ заимствовать эту формулировку и черезъ посредство Максима Исповѣдника и прямо отъ Василія Великаго.

[6]) Τοῦτο γὰρ διαφέρει τύραννος βασιλέως, ὅτι ὁ μὲν τὸ ἑαυτοῦ πανταχόθεν σκοπεῖ ὁ δὲ το τοῖς ἀρχομένοις ὠφέλιμον ἐκπορίζει (Migne PG 31, 389—B). Ср. то же у Максима Исповѣдника (S. Maximi Opera l. c.).

[7]) Πατριάρχης ἐστὶν εἰκὼν ζῶσα Χριστοῦ καὶ ἔμψυχος, δι᾽ ἔργων καὶ λόγων χαρακτηρίζουσα την ἀλήθειαν. Славянскій переводъ: Патрїархь ѥсть образь живь Христовь и одоушевлѥнь дѣлеси и словеси вь себѣ живописоуѥ истиноу (Властарь l. c. стр. 453). Это опредѣленіе дословно приводитъ въ XVII в. патріархъ Никонъ въ своихъ

ныхъ силъ бдительною заботою, и пріобрѣтеніе новыхъ силъ мудростью и справедливыми путями и дѣйствіями".[1]

Согласно 2-й главѣ III титула „Задача патріарха во-первыхъ та, чтобы тѣхъ людей, которыхъ онъ принялъ отъ Бога, охранять въ благочестіи и чистотѣ жизни, а потомъ онъ долженъ всѣхъ еретиковъ по возможности обращать къ православію и единству церкви (а еретиками въ законахъ и канонахъ называются тѣ, которые не находятся въ общеніи съ соборною церковью), а еще приводить къ перениманію вѣры невѣрныхъ, поражая ихъ блескомъ и славностью и чудомъ своего служенія.[2]

в) Цѣль царя и патріарха.

Глава 3-я II титула: „Цѣль царя — благодѣтельствовать, почему онъ и называется благодѣтелемъ. И когда онъ отложитъ благодѣтельствованіе, кажется, что онъ извратитъ смыслъ понятія царь сравнительно съ древними ученіями".[3]

Глава 3-я III титула: „Цѣль патріарха — спасеніе ввѣренныхъ ему душъ; патріархъ долженъ жить о Христѣ и распяться для мира".[4]

г) Свойства царя и патріарха.

Глава 5-я II титула: „Царь долженъ быть отличнѣйшимъ въ православіи и благочестіи и прославленнымъ въ божественнномъ усердіи, свѣдущимъ въ догматахъ о св.Троицѣ и въ опредѣленіяхъ о спасеніи черезъ воплощеніе Господа нашего Іисуса Христа..."[5]

Глава 4-я III титула: „Патріарху же особенно свойственно быть учительнымъ и равно относиться безъ ограниченій къ высокимъ и низкимъ, и мягкимъ быть въ правосудіи, искуснымъ на обличеніе невѣрныхъ, а о правдѣ и защитѣ догматовъ говорить предъ лицомъ царя и не смущаться".[6]

отвѣтахъ С. Стрѣшневу и Паисію Лигариду (см. Каптеревъ, Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ, т. II [1912], стр. 183; источника взглядовъ Никона Каптеревъ не называетъ).

[1]) Σκοπὸς τῷ βασιλεῖ τῶν τε ὄντων καὶ ὑπαρχόντων δυνάμεων δι'ἀγαθότητος ἡ φυλακὴ καὶ ἀσφάλειά, καὶ τῶν ἀπολωλότων δι'ἀγρύπνου ἐπιμελείας ἡ ἀνάληψις, καὶ τῶν ἀπόντων διὰ σοφίας καὶ δικαίων τροπαίων καὶ ἐπιτηδεύσεων ἡ ἀνάκτησις. Славянскій переводъ: Мысль есть цароу прѣбывающтихь же и соуштихь силь благостїю хранєнїе и оутврьжденїе и погыб'шїихь бьдростнымь прилежанїемь вьсприетние, и не имѣющихь прѣмоудростїю и праведными н'равы и хитростьми притежанїе (Властарь l. c., стр. 127).

[2]) Σκοπὸς τῷ πατριάρχῃ, πρῶτον μὲν, οὓς ἐκ Θεοῦ παρέλαβεν εὐσεβείᾳ καὶ σεμνότητι βίου διαφυλάξαι, ἔπειτα δὲ, καὶ πάντας τοὺς αἱρετικοὺς κατὰ τὸ δυνατὸν αὐτῷ πρός τὴν ὀρθοδοξίαν καί τὴν ἕνωσιν τῆς ἐκκλησίας ἐπιστρέψαι (αἱρετικοὶ δὲ τοῖς νόμοις καὶ τοῖς κανόσι καλοῦνται καὶ οἱ τῇ καθολικῇ μὴ κοινωνοῦντες ἐκκλησίᾳ), ἔτι δὲ καί τοὺς ἀπίστους διὰ τῆς λαμπρᾶς καὶ περιφανεστάτης καὶ θαυμασίας αὐτοῦ πράξεως ἐκπλήττων μιμητὰς ποιῆσαι τῆς πίστεως. Славянскій переводъ: Блюденїе патрїархоу, прьвѣе оубо, ихьже оть Бога приеть по благочьсти и чистотѣ житїа сьхранити; по томь же и все еретикы по еликоу моштно томоу кь православїю и съединнению црькковномоу обратити; еретици же закони и правили нарицають се, и иже сьборнѣи не приобштаюштеи се црькви; еште же и невѣрные, свѣтлымь и чоуднымь его дѣянїемь оудивлые, подражателе сьтворити вѣрѣ, и зрештихь дѣла, его слоужителе прѣсветѣи и единосоуштьст'внѣи троици елико по немь сьдѣлати (тамъ же, стр. 453—454).

[3]) Τέλος τῷ βασιλεῖ τὸ εὐεργετεῖν, διὸ καὶ εὐεργέτης λέγεται, καὶ ἡνίκα τῆς εὐεργεσίας ἐξατονήσῃ, δοκεῖ κιβδηλεύειν κατὰ τοὺς παλαιοὺς τὸν βασιλικὸν χαρακτῆρα. Славянскій переводъ: Кон'ць цароу еже благодѣати; тѣмь же и благодѣанїа изнеможеть, мнить се погоубывша по древнихь царское начрьтанїе (тамъ же, стр. 128).

[4]) Τέλος τῷ πατριάρχῃ ἡ τῶν καταπεπιστευμένων αὐτῷ ψυχῶν σωτηρία, καὶ τὸ ζῆν μὲν Χριστῷ, ἐσταυρῶσθαι δὲ τῷ κόσμῳ. Славянскій переводъ: Коньць патрїархоу еже вьвѣренныихь томоу доушь спасенїе и еже жити оубо о Христѣ распети же се мирови (тамъ же, стр. 454).

[5]) Ἐπισημότατος ἐν ὀρθοδοξίᾳ καὶ εὐσεβείᾳ ὀφείλει εἶναι ὁ βασιλεὺς, καὶ ἐν ζήλῳ θείῳ διαβόητος, ἔν τε τοῖς ὑπὲρ τῆς Τριάδος δογματεισθεῖσιν ἔν τε τοῖς ὑπὲρ τῆς οἰκονομίας λαμπρότατα καὶ ἀσφαλέστατα διὰ τὴν κατὰ σάρκα ἐπιδημίαν τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ ὁρισθεῖσιν... У Властаря есть только начало этой главы: Нарочить вь православыи и благочьстїи дльж'нь есть быти царь, и вь рьвенїи Божїи прослоуть (тамъ же, стр. 128).

[6]) Ἴδια πατριάρχου τὸ εἶναι διδακτικὸν τὸ πρὸς πάντας ὑψηλούς τε καὶ ταπεινοὺς ἀστενοχωρήτως ἐξισοῦσθαι, καὶ πρᾶον μὲν εἶναι ἐν δικαιοσύνῃ, ἐλεγκτικὸν δε πρὸς τοὺς ἀπειθοῦντας, ὑπὲρ δὲ τῆς ἀληθείας καὶ τῆς ἐκδικήσεως τῶν δογ-

д) Отношеніе царя и патріарха къ законамъ и канонамъ.

Глава 4-я II титула: „Царь имѣетъ защищать и подкрѣплять во-первыхъ все написанное въ Божественномъ писаніи, потомъ также всѣ догматы, установленные семью святыми соборами; а также избранные римскіе законы".[1]

Этому соотвѣтствуютъ главы 5-я и 6-я III титула:

5. „Патріархъ одинъ только долженъ толковать правила древнихъ (патріарховъ) и опредѣленія святыхъ отцовъ и положенія святыхъ синодовъ."[2]

6. „Содѣянное и устроенное древними отцами въ соборахъ и епархіяхъ, особенно и соборне, патріархъ долженъ лѣчить, пользовать и очищать."[3]

Общее заключеніе Епанагоги о природѣ государства и о власти царской и патріаршей находится въ 8-й главѣ III титула.

Вотъ эта глава: „Государство составляется изъ частей и членовъ подобно отдѣльному человѣку. Величайшія и необходимѣйшія части — царь и патріархъ. Поэтому единомысліе во всемъ и согласіе царства и священства (составляетъ) душевный и тѣлесный миръ и благоденствіе поданныхъ".[4]

Такимъ образомъ согласно ученію Епанагоги, государство (πολιτεία) неразрывно связано съ церковью. Человѣческое общество охватывается одною общею организаціею — церковно-государственною; человѣческое общество есть какъ бы одно тѣло съ двумя главами — Царемъ и Патріархомъ.[5]

Ученіе Епанагоги представляетъ т. о. совершенно иной строй мыслей, чѣмъ ученіе Вальсамона о над-церковномъ положеніи царя.

Епанагога возникла въ знаменательное время византійской церковно-государственной жизни — во второе патріаршество Фотія, приблизительно въ то же время, когда появился въ новой редакціи и номоканонъ XIV титуловъ (883 г.).[6] Патріархъ Фотій и былъ вѣроятнымъ авторомъ титуловъ Епанагоги о Царѣ и Патріархѣ.[7]

*

μάτων λαλεῖν ἐνώπιον βασιλέως καὶ μὴ αἰσχύνεσθαι. Славянскій переводъ: Особнаа патріархоу, рекше свонства юже быти оучителноу еже къ в'сѣмъ высокымъ же и смѣреннымъ нетѣсномѣстнѣ изравніати се и крот'коу оубо быти къ вс'ѣмъ пристоупаюштимъ юмоу и съвесѣдоуюштимъ оученними; обличител'ноу же къ не покаряюштимъ се; о истинѣ же и отмъштени прѣданіи и соблюденіи правды благочьстіа глаголати прѣдъ цари и не стидѣти се (тамъ же, стр. 454).

1) Ὑπόκειται ἐκδικεῖν καὶ διατηρεῖν ὁ βασιλεὺς πρῶτον μεν πάντα τὰ ἐν τῇ θείᾳ γραφῇ γεγραμμένα, ἔπειτα δὲ καὶ τὰ παρὰ τῶν ἑπτὰ ἁγίων συνόδων δογματισθέντα ἔτι δὲ καὶ τοὺς ἐγκεκριμμένους ῥωμαϊκοὺς νόμους. Этой главы въ Синтагмѣ Властаря нѣтъ.

2) Τὰ παρὰ τῶν παλαιῶν κανονισθέντα καὶ παρα των ἁγίων πατέρων ὁρισθέντα καὶ παρὰ τῶν ἁγίων συνόδων ἐκτεθέντα τὸν πατριάρχην μόνον δεῖ ἑρμηνεύειν. Этой главы, какъ и послѣдующей. въ Синтагмѣ Властаря нѣтъ.

3) Τὰ παρὰ τῶν ἀρχαίων πατέρον ἐν συνόδοις η ἐν ἐπαρχίαις ἰδικῶς καὶ καθολικῶς πραχθέντα καὶ οἰκονομηθέντα τὸν πατριάρχην δεῖ διαιτᾶν καὶ διακρίνειν.

4) Τῆς πολιτείας ἐκ μερῶν καὶ μορίων ἀναλόγως τῳ ἀνθρώπῳ συνισταμένης, τὰ μέγιστα καὶ ἀναγκαιότατα μέρη βασιλεύς ἐστι καὶ πατριάρχης. Διὸ καὶ ἡ κατὰ ψυχὴν καὶ σῶμα τῶν ὑπηκόων εἰρήνη καὶ εὐδαιμονία βασιλείας ἐστὶ καὶ ἀρχιερεσύνης ἐν πᾶσιν ὁμοφροσύνη καὶ συμφωνία. Славянскій переводъ: Жителкствоу отъ честен [sic, вм. частен] и оудовъ подобнѣ чловѣкоу по юмоу съставлаюмоу, великые и поноуждн'ѣишее чести [sic, вм. части] царь юсть и патр'архъ; тѣмже и юже по доуши и по тѣлоу миръ и благодѣнство послоушникъ царьствіа юсть архіеренства въ в'семъ юдиномыслии и съгласіе (тамъ же стр. 454).

5) Царь и Патріархъ имѣютъ при этомъ вселенское значеніе. См. Сокольскій В. В. О характерѣ и значеніи Эпанагоги (Виз. Врем. I [1894], стр. 38—39).

6) О томъ, что Епанагога была оффиціальнымъ памятникомъ византійскаго законодательства, а не частнымъ сборникомъ ср. Сокольскій l. c. 18—27.

7) См. Сокольскій l. c. 34—36. Ср. также Zachariae v. Lingenthal, Gesch. des griech.-röm. Rechts,[3] 22.

Въ соотвѣтствіи со взглядами на параллелизмъ власти царя и патріарха находилось до нѣкоторой степени и византійское облаченіе царское и патріаршее.

Хотя, какъ было упомянуто, въ VII в. Максимъ Исповѣдникъ находилъ коренныя отличія въ облаченіи царя и священника, однако для позднѣйшаго времени съ этимъ трудно согласиться, и въ облаченіи царя и патріарха можно видѣть большое сходство.

Характерными отличіями параднаго облаченія византійскаго царя являются: *а)* дивитисій (которому въ западной римской имперіи соотвѣтствуетъ далматика) — длинная одежда съ широкими рукавами въ видѣ широкаго мѣшка, облекавшаго тѣло, (одежда эта одѣвалась черезъ голову); далѣе *б)* лоръ, узкій платъ, обвивавшійся нѣсколько разъ вокругъ тѣла; конецъ лора перекидывался черезъ лѣвую руку; *в)* на ногахъ — пурпурные башмаки (ἀληθινὰ ὑποδήματα); *г)* на главѣ — вѣнецъ или корона.[1]

Изъ этихъ четырехъ элементовъ первые два были и въ составѣ византійскаго патріаршаго облаченія; одинъ элементъ появился въ этомъ облаченіи только въ турецкую эпоху; одного элемента византійскій патріархъ домогался безрезультатно.

Именно *а)* царскому дивитисію соотвѣтствовалъ патріаршій саккосъ — такое же широкорукавное одѣяніе въ видѣ мѣшка.[2] Саккосъ, съ XVIII вѣка составившій принадлежность обычнаго архіерейскаго облаченія (по крайней мѣрѣ въ Россіи), въ древнее время былъ принадлежностью только патріарховъ и нѣкоторыхъ митрополитовъ (автокефальныхъ архіепископовъ). Въ Византіи саккосъ употреблялся лишь въ очень большіе праздники.[3]

Далѣе, *б)* царскому лору соотвѣтствовалъ патріаршій омофоръ.[4]

Относительно *в)* пурпурныхъ башмаковъ, извѣстно, что этого царскаго отличія въ XI в. добивался патріархъ Михаилъ Кируларій. Юридическимъ основаніемъ этого требованія для Кируларія была т. наз. Константинова грамота (подложная) или Константиново дареніе (Donatio Constantini). Константинова грамота, составленная вѣроятно въ IX вѣкѣ, стала повидимому извѣстна въ Византіи именно въ XI вѣкѣ, а въ XII в. Вальсамонъ включилъ уже ее въ свои толкованія на номоканонъ Фотія.[5] Согласно Константиновой грамотѣ, папа получалъ отъ царя право носить всѣ царскія отличія. Т. к. въ Византійскомъ сознаніи утвердилась теорія, что всѣ права и преимущества стараго Рима перешли на новый Римъ, т. е. съ римскаго папы на византійскаго патріарха, то Константинова грамота сдѣлалась основаніемъ и для византійскаго патріарха требовать себѣ царскихъ инсигній. Т. о. и поднялся при Кируларіи вопросъ о пурпурныхъ башмакахъ для византійскаго патріарха, но рѣшенъ онъ былъ отрицательно.

г) Что касается царскаго головного убора вѣнца или короны (типа ли στέφανος или типа στέμμα), то этой инсигніи патріархъ въ Византіи не имѣлъ, хотя могъ на нее притязать на основаніи той же Константиновой грамоты.[6] Типъ короны съ крестомъ

[1]) Разныхъ типовъ: болѣе парадная — στέμμα съ крестомъ наверху; менѣе парадная, безъ креста — στέφανος.

[2]) Σάκκος и значитъ мѣшокъ по-гречески.

[3]) По свидѣтельству Димитрія Хоматина (первая полов. XIII в.) только на Пасху, Пятидесятницу и Рождество — Ῥάλλη καὶ Πότλη, V, 430.

[4]) Ср. Бѣляевъ Byzantina II, 290—291. Мансветовъ И. Д. Омофоръ (Древности. Труды Моск. Археол. Общ. III, (М. 1873), стр. 152.

[5]) См. Павловъ А. С., Подложная дарственная грамота Константина Великаго папѣ Сильвестру въ полномъ греческомъ и славянскомъ переводѣ (Виз. Врем. III [1896], 18—82).

[6]) См. греческій и славянскій текстъ Константиновой грамоты (изд. А. С. Павлова) въ Виз. Врем. III, стр. 74—76, и греческій текстъ въ приложеніи къ VIII главѣ Фотіева номоканона (Ῥάλλη καὶ Πότλη I, 146). Въ своихъ толкованіяхъ Вальсамонъ утверждаетъ однако, что царскій вѣнецъ не былъ предоставленъ патріарху по Константиновой грамотѣ (Ῥάλλη καὶ Πότλη, I, 148).

позднѣе вошелъ въ составъ патріаршаго облаченія въ видѣ митры; однако митру византійскій патріархъ сталъ носить лишь въ турецкое время.[1]

*

Ученіе Епанагоги было воспринято и въ дальнѣйшихъ сборникахъ византійскаго права, именно въ Обозрѣніи Царскихъ Книгъ (Synopsis Basilicorum) конца X в.[2] и Синтагмѣ Матѳея Властаря — средины XIV в.[3]

Наличность ученія Епанагоги о царѣ и патріархѣ въ такомъ распространенномъ руководствѣ византійскаго права, какъ Синтагма Властаря, показываетъ лучше всего что ученіе это не было случайнымъ и мимолетнымъ эпизодомъ. Наоборотъ оно глубоко проникло въ сознаніе византійскаго общества.[4]

*

Согласно ученію Епанагоги природа верховной власти въ Византійскомъ царствѣ двойственна. Власть царя-василевса необходимо дополняется — и ограничивается — властью архіерея-патріарха.[5]

Въ наукѣ государственнаго права установлено мнѣніе о діархіи — двойственности верховной власти — въ Римской имперіи въ эпоху принципата (приблизительно до конца III в. по Р. Хр., до Діоклетіана). Римскій императоръ раздѣляетъ власть съ Сенатомъ.[6] Опредѣленные слѣды этой діархіи въ Византійской имперіи находитъ Шарль Диль въ своемъ разсужденіи о власти сената въ Византіи.[7]

Но этого типа діархія (царь и сенатъ) для Византіи не характерна. Это лишь остатки римскихъ государственныхъ формъ. Характерна для Византіи діархія другого типа, двоица Епанагоги — царь и патріархъ.

Царь и патріархъ въ Византіи — представители не разныхъ властей, государственной и церковной. Царь и патріархъ — двѣ главы одного и того же церковно-государственнаго тѣла. Лишь обѣ главы вмѣстѣ — царь и патріархъ — знаменуютъ собою полноту земной верховной власти въ Византійскомъ царствѣ.

Г. В. Вернадскій.

10. XII. 25.

[1]) По мнѣнію Голубинскаго, митра заимствована была греками изъ Россіи (Исторія Русской Церкви I 2², 274).

[2]) Zachariae a Lingental, Jus Graeco-Romanum, V, 130 и 542. (Сокольскій l. c. 24).

[3]) Ράλλη καὶ Πότλη, Σύνταγμα τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων, VI (1859), 123 и 428—429. Славянскій переводъ см. въ указанномъ выше изданіи Ст. Новаковића.

[4]) Дѣятели греческой церкви внѣдряли это ученіе и въ древне-русское церковно-государственное сознаніе. Рядъ примѣровъ собранъ въ той же замѣчательной работѣ Сокольскаго.

[5]) Если для царя-священника могъ припоминаться библейскій образъ Мельхиседека, то для двоицы царя и патріарха могли подходить библейскіе образы Моисея и Аарона. См. румынскую стѣнопись Аргешской церкви XIV в.: »Curtea domneasca din Argeş« (Buletinul Comisiunii Monumentelor Istorice, Anul X—XVI, 1917—1923), Bucureşti 1923, pp. 204—205, fig. 214 и pl. VI-a.

[6]) Willems l. c. 17.

[7]) Ch. Diehl, Le Sénat et le Peuple byzantin aux VIIe et VIIIe siècles (Byzantion, I [1924], 201—213).

О БУЛАТѢ И ХАРАЛУГѢ[1]

I. ВСТРѢЧА МЕЧА И САБЛИ НА РУССКОЙ РАВНИНѢ

О дани полянъ хозарамъ мечами. — Ибнъ Фодланъ о мечахъ руссовъ. — Мечи викинговъ — кричное производство стали въ Скандинавіи. — Мечъ „Гретиснаутъ". — Мечъ „Мерингъ".

Въ началѣ лѣтописнаго свода, въ той части его, которую можно назвать введеніемъ, начальный лѣтописецъ помѣстилъ извѣстный разсказъ о дани полянъ хозарамъ мечами: „... и наидоша я Козарѣ сѣдящая на горахъ сихъ въ лѣсѣхъ, и рѣша Козари: „платите намъ дань". Сѣдумавше же поляне и вдаша отъ дыма мечь, и несоша Козари ко князю своему и къ старѣйшинамъ своимъ и рѣша имъ: „се налѣзахомъ дань нову". Они же рѣша имъ: „откуду?" они же рѣша: „въ лѣсѣ на горахъ, надъ рѣкою Днѣпрьскою". Они же рѣша: „что суть вѣдали?" Они же показаша мечь. И рѣша старци Козарьстии: „недобра дань, княже! Мы ся доискахомъ оружьемъ одиною стороною остромь, рекша саблями, а сихъ оружье обоюду остро, рекше мечь; си имуть имати дань на насъ и на инѣхъ странѣхъ".

Разсказъ этотъ неоднократно разбирался, и въ немъ много любопытнаго. Для нашей цѣли достаточно отмѣтить, что въ эпоху, которую лѣтописецъ относитъ къ первой половинѣ IX-го вѣка, днѣпровскіе славяне были вооружены прямыми, обоюдоострыми мечами. Такіе же мечи видѣлъ у „русскихъ" купцовъ въ пристани р. Волги въ 921 или 922 г. посланникъ калифа Муктадира къ волжскимъ болгарамъ Ахмедъ Ибн-Фодланъ. Отрывокъ этотъ сохраненъ у арабскаго писателя XIII в. Якута подъ статьею Rûs.

Говоритъ Ибн-Фодланъ: „Я видѣлъ русскихъ купцовъ въ пристани рѣки Итиля... Каждый изъ нихъ носитъ при себѣ топоръ, большой ножъ и мечъ. Никогда не ходятъ они безъ этого оружія. Мечи ихъ широки и работы франкской", (европейской) „съ насѣчкой."[2] Послѣдняя фраза, особенно важная для нашей цѣли, приведена здѣсь въ из-

[1]) Воспоминанія дѣтства, связанныя съ Волховымъ, съ Гостинополемъ — варяжскимъ Gestevelt'омъ; караваны судовъ, плывущіе по великому водному пути, семейныя новгородскія преданія; булатныя сабли среди отцовскаго оружія — вотъ тѣ раннія впечатлѣнія, которыя создали воспріимчивую почву въ душѣ автора для чудныхъ лекцій профессора Дмитрія Константиновича Чернова въ Михайловской Артиллерійской Академіи объ Аносовѣ и о булатѣ. Въ 1906 году Д. К. Черновъ принесъ свою коллекцію восточнаго оружія въ даръ М. А. Академіи, и автору было поручено составить ея описаніе. Поиски „источниковъ" и добрый совѣтъ сотоварища по фехтовальному залу и по любви къ булатному оружію В. Ф. Желѣзнова привели автора въ Средневѣковое отдѣленіе Императорскаго Эрмитажа, гдѣ хранители его Э. Э. Ленцъ и Я. И. Смирновъ, по счастливому совпаденію, только что собирались приступить къ составленію новаго каталога восточнаго оружія. Работа эта очень сблизила насъ и съ Э. Э. Ленцомъ, и особенно, съ Я. И. Смирновымъ, съ которымъ насъ соединялъ и интересъ къ востоку, и къ варяжскому періоду нашей исторіи. Много помощи самой деликатной и драгоцѣнныхъ указаній получилъ авторъ отъ Якова Ивановича, и многое написанное мысленно обращено къ его памяти. Съ глубокой благодарностью вспоминаетъ авторъ содѣйствіе, встрѣченное имъ на первыхъ же шагахъ своей работы отъ нашихъ заводовъ Путиловскаго, Ижевскаго, Ижорскаго, Златоустовскаго; свою Alma Mater Михайловскую Артиллерійскую Академію, гдѣ создавались первыя работы автора, и дорогого учителя, „Отца Металлографіи желѣза", Дмитрія Константиновича Чернова, благодаря которому имѣлъ онъ возможность прикоснуться къ „традиціи" Аносова и заглянуть подъ покровъ таинственной дымки, окутывавшей производство булата въ Персіи и въ „Индѣйскомъ Государствѣ." — Дальнѣйшія работы по булату снова привели автора лѣтомъ 1914 года въ гостепріимный Эрмитажъ къ Э. Э. Ленцу и Я. И. Смирнову. Скоро грянула война. Это была наша послѣдняя встрѣча. *Н. Т. Б.*

[2]) Frähn. »Ibn-Foszlan's und anderer Araber Berichte ueber die Russen älter Zeit.« St. Pet., 1823.

ложеніи Погодина.[1] Таже фраза у Thomsen'а (пользовавшагося тѣмъ же Френ'омъ) читается нѣсколько иначе, а именно: „Мечи ихъ широки, покрыты волнистыми линіями, и франкской работы."[2]

По мнѣнію К. А. Иностранцева, которому я обязанъ многими цѣнными комментаріями къ арабскимъ текстамъ, послѣдняя редакція вѣрнѣе передаетъ смыслъ подлинника. Если же это такъ, то въ словахъ Ибн-Фодлана мы имѣемъ весьма цѣнное показаніе современника, что мечи руссовъ не только были такой же формы, какъ и мечи викинговъ, но и того же самаго сварочнаго матеріала.

Такіе прямые обоюдоострые мечи находятся при раскопкахъ въ западной части русской равнины и, главнымъ образомъ, въ Скандинавіи, въ Норвегіи и Швеціи.

Какъ древнѣйшіе образцы мечей гальштатскаго и латенского періода, такъ и позднѣйшіе, эпохи викинговъ, являются прямыми и обоюдоострыми; всѣ эти мечи рубящіе и этимъ отличаются отъ предшествовавшихъ имъ привозныхъ бронзовыхъ мечей.

У О. Монтеліус'а[3] приведены рисунки мечей изъ Småland'а въ Швеціи, а у А. Лоранж'а[4] — норвежскіе мечи викинговъ. У всѣхъ мечей одинаковая характерная форма рукояти и прямое лезвіе, нѣсколько заостряющееся книзу. Такую же форму имѣютъ и варяжскіе мечи, находимые въ Россіи. Такъ напр. Изборскій мечъ, найденный въ 1912 году (и находящійся въ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ), по мнѣнію Т. Арне,[5] вполнѣ аналогиченъ мечамъ викинговъ.

Швеція и весь сѣверо-западъ Европы богаты озерными и болотными рудами. Руды эти легкоплавки, и въ маленькомъ горну, выплавляя куски руды на древесномъ углѣ, не трудно получить желѣзную губку — крицу изъ возстановленнаго металла. Неудивительно, что съ очень давняго времени жители Скандинавіи, чтобы избавить себя отъ привозныхъ бронзовыхъ издѣлій, а, можеть быть, и въ тѣ годы, когда торговля съ Римомъ стала ослабѣвать, пытались установить выплавку своихъ рудъ. Раскопки намѣчаютъ середину перваго вѣка до Р. Х. какъ начало „желѣзнаго" вѣка въ Скандинавіи. Отъ этого же періода сохранились остатки кричнаго горна, съ шлаками въ немъ, около Bjärsgård'а въ Skåre, въ южномъ углу Скандинавскаго полуострова.[6]

При примитивныхъ условіяхъ производства крица получалась неоднороднаго состава, болѣе объуглероженная — сталистая въ однѣхъ и болѣе желѣзистая — въ другихъ частяхъ. „Взаимное соотношеніе частей богатыхъ и бѣдныхъ углеродомъ зависѣло отъ случая и въ разныхъ крицахъ могло сильно колебаться; нѣкоторыя крицы могли по составу приближаться къ твердой стали, зато другія состояли изъ одного желѣза и совершенно не годились для клинковъ; искусная работа должна была бороться съ тѣми трудностями, которыя вызывались неоднородностью и случайностью состава крицъ. .... Съ этой цѣлью полосы, выкованныя изъ разныхъ крицъ, сваривались между собою такимъ образомъ, чтобы болѣе углеродистыя пришлись на лезвіе, а болѣе мягкія на обухъ. При этомъ приходилось полосы по нѣскольку разъ сваривать и проковывать."[7]

Въ зависимости отъ характера ковки и отъ искусства кузнеца поверхность сварки между полосами пріобрѣтала извѣстные изгибы и становилась волнистой; таково

[1]) М. Погодинъ. „Норманскій періодъ Русской Исторіи". Москва 1859.

[2]) V. Thomsen. »The relations between Ancient Russia and Scandinavia and the Origin of the Russian State.« Oxford & London, 1877.

[3]) O. Montelius. Kulturgeschichte Schwedens, 1906. Leipzig.

[4]) A. Lorange. Den yngre jernalders svaerd. Bergens Museum. 1889.

[5]) T. J. Arne. »La Suède et l'Orient«. Archives d'Etudes Orientales, vol. 8, 1914. Upsala.

[6]) Montelius, s. 157, fig. 253.

[7]) Н. Т. Бѣляевъ. „О Булатахъ", СПБ. 1906, стр. 10 и приложеніе 23.

происхожденіе волнистыхъ линій на сварочныхъ клинкахъ, таково же должно быть и происхожденіе волнистыхъ линій на франкскихъ мечахъ руссовъ, которые видѣлъ у насъ Ибн-Фодланъ.

Весьма цѣннымъ матеріаломъ для изученія быта викинговъ и нашихъ варяговъ являются повѣствованія объ ихъ дѣяніяхъ, ими же составленныя, т. н. саги. Саги дошли до насъ, большей частью, въ исландскихъ кодексахъ XI—XIV в.,[1] но нѣкоторыя изъ нихъ, кромѣ сѣвернаго, имѣютъ и другіе тексты.[2]

Нѣкоторыя изъ сагъ смѣшиваютъ историческія событія и заставляютъ сражаться такихъ историческихъ лицъ, какъ, напр. Аттилу и Владиміра Святого;[3] зато другія даютъ необычайно точныя историческія подробности, совпадающія и дополняющія свѣдѣнія лѣтописей.[4] Для насъ интересно отмѣтить, что фигуры Ольги, Владиміра и Ярослава, судя по этимъ сагамъ, запечатлѣлись съ необычайной яркостью въ памяти ихъ варяжской дружины; интересно и то, что нѣкоторые изъ такихъ дружинниковъ, какъ о томъ сказано въ Эймундовой сагѣ, оказываются потомъ въ Исландіи, и слова ихъ, точно передаваясь изъ рода въ родъ, сохранили для насъ живую картину жизни и быта X и XI в. въ Новгородѣ и Кіевѣ.

Ярко выступаетъ въ этихъ сѣверныхъ сказаніяхъ-сагахъ любовь нормана къ оружію и доспѣхамъ и неоднократно встрѣчается описаніе мечей. Одно изъ наиболѣе любопытныхъ описаній находится въ т. н. »Gretla«, или сагѣ о Греттирѣ Сильномъ.[5] Греттиръ, извѣстный своей необычайной физической силой, мужествомъ и отвагой, родился въ Исландіи въ 996 году и тамъ же былъ убитъ въ 1031 г. Описаніе послѣдняго боя между Греттир'омъ и его врагомъ Англ-омъ совершенно эпическое по стилю. Греттиръ раненый, затравленный, больной, сражается какъ левъ и своимъ мечемъ „Карснаут'омъ" разрубаетъ одного изъ противниковъ надвое, но не можетъ ужъ вытащить меча. Его противникъ смертельно ранитъ его мечемъ „Греттиснаут'омъ" и потомъ, сильнымъ ударомъ, отрубаетъ ему голову, но при этомъ отлетаетъ кусокъ лезвія. Его спрашиваютъ, почему онъ испортилъ драгоцѣнный мечъ. „Его легче будетъ отличить теперь, если явится въ томъ надобность", отвѣчаетъ Англъ.[6]

Слѣдующее дѣйствіе переноситъ въ Миклигардъ — Константинополь. Какъ говоритъ сага: „Въ тѣ дни многіе норманы отправлялись служить въ Миклигардъ";[7] Англъ, узнавъ, что остался въ живыхъ въ Норвегіи еще одинъ братъ Греттира Дромундъ, боясь его мести, не рѣшается оставаться ни въ Норвегіи, ни въ Гардѣ (Россія), но рѣшаетъ попытать счастье въ варяжской дружинѣ Византійскихъ Императоровъ. Услыхавъ о томъ, но не зная врага въ лице, Дромундъ спѣшитъ туда же. „Какъ только узнали, что они норманы",[7] говоритъ сага, ряды варяжской дружины гостепріимно открылись для нихъ и оба были охотно приняты. Вскорѣ послѣ этого варягамъ было предложено собираться въ походъ и, по обычаю, сначала былъ устроенъ осмотръ оружія. Не узнанные и не зная другъ друга, оба, и Англъ и Дромундъ, были тамъ, и Англъ показываетъ всѣмъ свой мечъ Греттиснаутъ. Всѣ залюбовались чуднымъ ме-

---

[1]) Такъ напр. „Эймундова Сага" (Saga Eymundar), повѣствующая объ участіи норманской дружины Эймунда въ борьбѣ за Кіевскій Великокняжескій престолъ въ 1015—1018 году, сохранилась въ т. н. Flateyjarbók 1387 г. Съ другой стороны сага объ Оттар'ѣ и Ульфстейн'ѣ сохранилась въ кодексѣ XI-го вѣка. См. »Antiquités Russes«. Copenhague. 1850 и 1852, vol. I et II.

[2]) Сага о Тидрекѣ Бернскомъ, »Saga Didriks Konungr af Bern«, сохранилась въ Исландскомъ и Саксонскомъ текстахъ.

[3]) Сага о Тидрекѣ Бернскомъ.

[4]) Эймундова Сага.

[5]) »Grettissaga« (»Saga of Grettir the strong«), translated from the icelandic by G. A. Hight. London. 1914.

[6]) Ibid., p. 212.

[7]) Ibid. p. 220.

чемъ, но обратили вниманіе на выщербину. Не зная, что Дромундъ здѣсь, Англъ, не безъ хвастовства, разсказываетъ, какъ мечъ ущербился при ударѣ о голову Греттира. Дромундъ проситъ тоже посмотрѣть мечъ и, размахнувшись наотмашь, разсѣкаетъ черепъ Англу „до челюсти“. Мечъ „Греттиснаутъ“ отомстилъ за смерть Греттира Сильнаго.

Другой знаменитый мечъ „Мерингъ“ (Maering) описывается въ сагѣ о Бьорн'ѣ сынѣ Арнгейр'а.[1] Бьорнъ былъ на службѣ у Владиміра Св. въ 1009—1011 году. Зимой 1009—1010 года „родичъ Владиміра“ богатырь »Kaldhamar« нападаетъ на него и предлагаетъ ему единоборство. Старый Владиміръ выбираетъ замѣстителя, но всѣ отказываются. Тогда Бьорнъ говоритъ: „Вижу, что не хватаетъ у васъ мужества, разъ вы отказываетесь служить вашему господину въ нуждѣ; я же покинулъ свою страну, чтобы добыть себѣ славы. Ясно мнѣ, что два выхода представляются мнѣ на выборъ: либо, хоть и маловѣроятно это съ такимъ героемъ, съ храбростью одержать побѣду, либо погибнуть, какъ приличествуетъ доблестному мужу, храбро сражаясь; но второе все же лучше, чѣмъ жить съ позоромъ, не смѣя добыть славы своему Государю, и я рѣшаюсь на бой съ Кальдамаромъ“.[2]

Послѣ страшнаго поединка Кальдамаръ убитъ, а Бьорнь тяжело раненъ. Его не рѣшаются двигать и на мѣстѣ, гдѣ онъ лежитъ, воздвигаютъ шатеръ. Онъ выздоравливаетъ, и, чествуя побѣдителя, ему подносятъ мечъ Мерингъ.

Мы видимъ изъ вышеизложеннаго, какъ цѣнили Норманы и наши варяги свои мечи. У каждаго знаменитаго бойца былъ свой, не менѣе знаменитый мечъ. Хорошимъ мечемъ гордились (сага о Греттирѣ), съ мечемъ никогда не разставались (Ибн-Фодланъ), мечами платили дань (Несторъ), мечъ подносили побѣдителю (Мерингъ). Мечи эти были широкіе, европейской работы, откованные изъ кричнаго желѣза и кричной стали. Ибн-Фодланъ оставилъ намъ описаніе ихъ волнистаго рисунка, а Лоранжъ, въ выше-цитированномъ трудѣ далъ рядъ рисунковъ мечей викинговъ съ узорчатой поверхностью.

На нашей равнинѣ начальный лѣтописецъ отмѣчаетъ ихъ уже въ срединѣ IX-го вѣка, а раскопки, арабскіе источники, саги и былины, тѣ же лѣтописи — продолжаютъ говорить о мечахъ весь X, XI-ый и даже XII вѣкъ. Съ середины XI-го вѣка, послѣ смерти Ярослава, меньше слышно у насъ о норманахъ, родичахъ его и жены его Ингигерды. Рѣже „ходятъ изъ варягъ въ греки“, да и въ Скандинавіи періодъ викинговъ, періодъ „воли дикой“, постепенно идетъ на убыль. Такъ продолжается весь XII вѣкъ. Еще въ первый годъ XIII-го вѣка новгородская лѣтопись, подъ 1201-мъ годомъ, послѣдній разъ вспомнитъ варяговъ,[3] чтобы забыть о нихъ навсегда. Тоже говорятъ и раскопки[4]. Варяжскій періодъ русской исторіи близится къ концу; замолкаютъ саги; перестаютъ съ сѣвера приходить гости и служилые люди; прямые мечи „франкской работы“ перестаютъ быть предметомъ ежедневнаго народнаго обихода. Сѣверный сварочный кричный металлъ постепенно начинаетъ вытѣсняться восточной литой узорчатой сталью изъ далекой Персіи и Индіи. Сначала кочевники, половцы и татары, приносятъ ее къ намъ подъ именемъ „харалуга“; потомъ, когда снова открываются намъ каспійскіе рынки, мы сами отправляемся за „булатомъ“, сами веземъ его или ждемъ богатыхъ поминковъ.

Такъ Скандинавское вліяніе постепенно уступаетъ вліянію арійскаго востока, — Персіи и Индіи.

---

[1]) »Saga Biörn Slitdaelakappa etc«. Antiquités Russes, 1852, vol. II. Copenhague.

[2]) Ibid., p. 339.

[3]) А. Шахматовъ. „Розысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ“. СПБ., 1908.

[4]) T. Arne. »La Suède et l'Orient«, Upsala, 1914.

II. ХАРАЛУЖНЫЕ МЕЧИ ПО СЛОВУ О ПОЛКУ ИГОРЕВИ

„Мечи харалужные“ и „сабли каленыя“ — о „жестоцѣмъ харалузѣ“ — половецкое вліяніе — мечи викинговъ уступаютъ мѣсто саблѣ.

„Ту ся копіемъ приламати, ту ся саблямъ потручати о шеломы половецькыя на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону великого.... Яръ-туре Вьсеволоде! стоиши на борони, прыщеши на вси стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи харалужьными.... поскепани саблями калеными шеломы оварьстіи отъ тебѣ, яръ-туре Вьсеволоде!.... Съ заранія до вечера, съ вечера до свѣта летятъ стрѣлы каленыя, гремлютъ сабли о шеломы, трещатъ копія харалужьная въ полѣ незнаемѣ, среди земли половецькыя.... Святославъ грозьный, великый кыевскій: грозою бяшеть: притрепанъ своими сильными пълкы и харалужьными мечи; наступи на землю половецькую.... изрони злато слово, съ слезами смѣшено, и рече: „О моя сыновьца, Игорю и Вьсеволоде! рано еста начала половецькую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати; нъ нечестьно одолѣсте, — нечестьно бо кровь поганую проліясте. Ваю храбрая сердьца въ жестоцѣмъ харалузѣ скована, а въ буести закалена“.... се у Римѣ кричать подъ саблями Половецькыми.... А ты, буй Романе и Мьстиславе!.... Суть бо у вою железьныя паперси подъ шеломы латиньскыми... Литва Ятвязи, Деремела и Половьци.... главы свои подклониша подъ тыи мечи харалужьныи.... На Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ цѣпы харалужьными.... вѣютъ душу отъ тѣла.“[1] Въ приведенныхъ отрывкахъ „Слова“ сгрупированы главныя цитаты, относящіеся къ оружію. Подобно отрывку Начальнаго Лѣтописца о дани хозарамъ мечами, и здѣсь говорится и о мечахъ, и о сабляхъ. Но есть и существенное различіе: Лѣтопись ясно и прямо противопоставляетъ хозарскую саблю русскому мечу. Здѣсь же не совсѣмъ такъ. Правда, пѣвецъ Слова тоже говоритъ о половецкихъ сабляхъ и, попрежнему вкладываетъ мечъ въ руки „Святослава, грознаго, великаго“, въ руки его „сыновцевъ“ Игоря и Всеволода, въ руки Романа Мстиславовича Волынскаго, но, въ другомъ мѣстѣ, онъ ясно говоритъ: поскепаны саблями калеными шеломы оварьстіи отъ тебѣ, яръ-туре Вьсеволоде“, а о дружинѣ Всеволодовой, что у нихъ: „... сабли изъострени“. Выходитъ, что мечъ далеко ужъ не является единственнымъ холоднымъ оружіемъ русской дружины — сабля упоминается въ этой роли столь же часто, если не чаще.

Чрезвычайно любопытно и то, что начинаетъ встрѣчатся эпитетъ „каленый“. Такъ „... саблями калеными...“, „... летятъ стрѣлы каленыя...“, „... въ буести закалена...“; несомнѣнно, что мы имѣемъ дѣло съ людьми, которые не только сами умѣли обращаться съ „калеными“, т. е. закаленными издѣліями, но и, зная свойство матеріала, умѣли его обрабатывать, ковать и закаливать.

Предположеніе это станетъ яснымъ не только отъ частаго упоминанія „Словомъ“ выраженія „каленый“, но и изъ раздѣльности въ пониманіи, такъ сказать, процесса закалки: „Ваю храбрая сердьца въ жестоцѣмъ харалузѣ скована, а въ буести закалена“, говоритъ „Слово“. Здѣсь понятіе „закалки“ отдѣлено отъ оружія и употребляется въ отвлеченномъ и переносномъ смыслѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ смыслѣ необычайно точномъ, показывая, что и пѣвецъ Слова, и дружина имѣли ясное и точное представленіе объ обработкѣ матеріала, изъ котораго было сдѣлано ихъ вооруженіе.

Что же это былъ за матеріалъ? „Слово“ и на этотъ вопросъ даетъ точный отвѣтъ: матеріалъ былъ „харалугъ“, т. е. восточная сталь. Слово харалугъ происхожденія тюркскаго, отъ джагатайскаго „кара-луг“, что значитъ „черная сталь“. „Слово“ говоритъ о харалужныхъ мечахъ и копьяхъ, но говоритъ и о харалужныхъ цѣпахъ;

[1]) „Слово о Полку Игоря“, изд. Глазунова, Петроградъ 1915, стр. 5, 6, 8, 9, 10, 11 и 12.

значитъ, харалугъ шелъ и на оружіе и на предметы обихода. Свойства харалуга описаны также очень точно и полно: харалугъ отличается большой крѣпостью; онъ куется („въ жестоцѣмъ харалузѣ скована") и закаливается; словомъ, харалугъ обладаетъ двумя основными характерными свойствами стали — ковкостью и закаливаемостью. Съ другой стороны эпитетъ „черный" безошибочно указываетъ, что сталь эта была узорчатой, ибо фонъ узорчатой стали послѣ вытравки кажется чернымъ, и лучшіе сорта узорчатой стали на востокѣ неизмѣнно сопровождаются эпитетомъ черный: „кара-табанъ" и „кара-хорассанъ".

Русскій языкъ не имѣлъ и не имѣетъ собственнаго слова для обозначенія стали. Долгое время довольствовались словомъ „желѣзный", напр. „желѣзныя паперси": но постепенное знакомство съ весьма важнымъ видоизмѣненіемъ стали, которое не только куется, но и закаливается, дѣлало желательнымъ выработку новаго термина. Новое слово — харалугъ — было заимствовано оттуда же, откуда шелъ и матеріалъ, т. е. съ востока, отъ половцевъ, или черезъ половцевъ.

Половцы появились въ южнорусскихъ степяхъ около половины XI-го вѣка. Въ 1055 году они нападали на Переяславскую область; съ 1061 года начались ихъ непрерывныя нападенія на Кіевскую область и, въ теченіе 150 лѣтъ, они являются сущимъ бичемъ всего юга. Борьба съ половцами, въ глазахъ русскаго народа, стала обязанностью и величайшей заслугой каждаго князя; успѣшной борьбой съ половцами „старый Владиміръ" (Мономахъ) заслужилъ всеобщую народную любовь; неудачнымъ, но необычайно смѣлымъ и отважнымъ походомъ 1185 года въ глубь половецкихъ степей, Ольговичи, Игорь и Всеволодъ, добились чести стать героями „Слова", нашей Иліады. Борьба съ половцами имѣла не только мѣстное — русское значеніе: въ кругу развертывавшихся міровыхъ событій это было своего рода обезпеченіе фланга христіанскаго запада отъ языческаго и мусульманскаго востока въ эпоху крестовыхъ походовъ. И въ то время, когда крестоносцы, влекомые неудержимою силой, стремились къ Гробу Господню, наши невѣдомые, но не менѣе славные „храбры", ближайшіе, но словамъ Ключевскаго, „преемники варяжскихъ витязей" шагъ за шагомъ, съ мечами харалужными, отстаивали русскую землю отъ „степи" и усѣивали своими костьми кладбища, „гдѣ богатыри кладутся русскіе"[1] Борьба съ половцами была необычайно трудной, упорной и жестокой; лѣтописи наши, особенно вначалѣ, говорятъ о нихъ не иначе какъ съ омерзѣніемъ, но какъ бы ни велась борьба и каковъ бы ни былъ общій культурный уровень половцевъ, военное искусство и техника военнаго дѣла стояли у нихъ на большой высотѣ. Они, несомнѣнно, зорко слѣдили за всѣмъ, что было въ этой области лучшаго и на востокѣ и на западѣ. Такъ подъ 1184 г. Ипатьевская лѣтопись говоритъ: „Пошелъ бяше окаянный и безбожный и треклятый Кончакъ со множествомъ половець на Русь; похупся яко плѣнити хотя грады рускыѣ и пожечи огньемъ. Бяше бо обрѣлъ мужа таковаго бесурменина иже стрѣляше живымъ огньмь; бяху бо у нихъ луци тузи самострѣльни, одва 50 мужь можашеть напрящи..."[2]

Такимъ образомъ половцы обладали своего рода „тяжелой артиллеріей" и огнеметами съ греческимъ огнемъ; все это не могло не поразить нашего воображенія и не могло не заставить интересоваться военной техникой такого сосѣда; неудивительно, что ихъ холодное оружіе — сабли и сталь — харалугъ, изъ коей онѣ дѣлались, быстро нашли доступъ къ намъ и начали вытѣснять и прежнее норманское вооруженіе, норманскую броню, и норманскіе сварочные мечи. Если форма мечей еще со-

[1]) Ключевскій, Курсъ русск. ист., ч. I. Петроградъ. 1920, стр. 347.

[2]) »The Tale of the Armament of Igor«, edited & translated by L. A. Magnus. Oxford University Press, London, 1915. Notes, 309. P. 67.

хранялась, то матеріалъ уже былъ другой: мечи стали „харалужными". А харалугъ потянулъ за собой и восточное вліяніе. Сначала стали сражаться какъ половцы, потомъ стали „умыкать красьныя дѣвькы половецькыя", а тамъ и жениться на половчанкахъ.

„Слово" — „харалужными" мечами, шлемами „оварскими" и „латинскими" — невольно отмѣтило чрезвычайно интересный моментъ въ борьбѣ востока и запада на нашей равнинѣ. Еще недавно князья наши были чистокровными норманами, а дружина сильно норманской по составу и по духу. Эймундова сага, описывающая событія 1015—1018 года во время борьбы Ярослава съ Святополкомъ и Вышеславомъ за Кіевскій престолъ — насквозь проникнута норманскимъ духомъ. Всеволодъ, сынъ Ярослава и Ингигерды и отецъ Владиміра Мономаха, почти чистокровный норманъ: въ жилахъ его течетъ $^7/_8$ норманской крови и лишь $^1/_8$ славянской отъ прабабки Малуши; Владиміръ Мономахъ наполовину норманъ, наполовину грекъ; въ немъ лишь $^1/_{16}$ славянской крови. Самъ онъ женится на Гидѣ, дочери послѣдняго Саксонскаго Короля Англіи Гаральда, а сынъ его Мстиславъ — на шведской принцессѣ Христинѣ; одна изъ дочерей Мстиславовыхъ — это уже поколѣніе Игоря и Всеволода — выходитъ замужъ за Канута Оботритскаго и становится матерью Вальдемара Датскаго, названнаго такъ въ честь дѣда его матери „Стараго Владиміра".[1] Тоже самое должно было быть и въ линіи Ольговичей, въ „гридьницѣ Святославли", гдѣ „Нѣмьци и Венедици... Грьци и Морава поютъ славу Святославлю".

Но „степь" дѣлаетъ свое дѣло. Святославъ Черниговскій, сынъ Олега Тмутараканскаго, уже женатъ на „половчанкѣ"; Гзакъ и Кончакъ собираются „сокольца" Игоревича опутать красною дѣвицей. И вотъ, несмотря на сильнѣйшія варяжскія традиціи, несмотря на живое еще общеніе съ европейскими сосѣдями, несмотря на голосъ крови, еще сильно норманской, и на силу многовѣковыхъ историческихъ устоевъ, связь и съ западомъ, и съ Византіей начинаетъ постепенно, но неуклонно ослабѣвать. Мы видѣли, какъ все болѣе и болѣе затруднительно сообщеніе съ Греціей,[2] какъ видимо „мелѣютъ" прежніе торговые пути; чувствуется, что жизнь пробиваетъ себѣ дорогу гдѣ то въ другомъ мѣстѣ, что находятся новые пути, что Кіевская Русь остается въ сторонѣ. И чѣмъ больше остается она въ сторонѣ отъ живого общенія съ западомъ и югомъ, чѣмъ рѣже женятся князья на норманкахъ и чѣмъ чаще на половчанкахъ, тѣмъ болѣе ощущается вліяніе востока. Мечъ уступаетъ мѣсто саблѣ, сварочная крица викинговъ — восточному харалугу. Кочевникъ и степь надвигаются на Русь викинговъ и варяговъ; половцы и татары отрѣзаютъ ее и отъ „Русскаго", и отъ Хвалынскаго Моря.

III. „ПУЛАДЪ ДЖАУХЕРДЕРЪ" — БУЛАТЪ

„Гулатные поминки" — посольство Князя Звенигородскаго къ Шаху Аббасу — Пуладъ Джаухардаръ — О желѣзной и стальной промышленности въ Индіи — колонна Кутуба — производство узорчатой стали въ тигляхъ — вывозъ булата сушей и моремъ — „Намбанъ".

Занявъ южнорусскія степи, половцы отрѣзали насъ не только отъ Чернаго Моря и Византіи, они отрѣзали насъ и отъ Каспійскаго моря и ховарезмійскихъ (среднеазіатскихъ) рынковъ. Оба великіе транзитные пути — Днѣпровскій и Волжскій — оказывались перерѣзанными; торговая и политическая жизнь, бившая ключемъ въ X и XI вѣкѣ, должна была замереть; въ концѣ XII-го вѣка пѣвецъ „Слова" видѣлъ только отзвуки и воспоминанія ея, а въ XIII вѣкѣ татарское нашествіе окончательно кладетъ

[1]) Карамзинъ. СПБ., 1816, т. II, стр. 158, 159.

[2]) На что горько печаловался въ 1170 году Мстиславъ Изяславовичъ.

грань между прежней нормано-варяжской Русью и той новой, которой предстояло раскинуться на полъ свѣта. Въ долгіе сумеречные вѣка татарскаго ига, черезъ XIII и XIV въ XV-тый вѣкъ народное сознаніе полубезсознательно проносило память о Византіи и о Хвалынскомъ Морѣ съ дорогой на Багдадъ, и первымъ дѣломъ Руси на зарѣ новаго періода, при Іоаннѣ III-мъ, было возобновить связь съ отходящей Византіей, а при Іоаннѣ Грозномъ, черезъ Казань и Астрахань, „прорубить окно" на далекій сказочный востокъ, въ Персію и Индію.

Въ 1552 году пала Казань, въ 1556-мъ году — Астрахань. Открывалась дорога и за Уралъ, и въ Персію. Сейчасъ же начали появляться въ Москвѣ посольства Самаркандское, Хивинское, Персидское. Русскіе купцы и драгоцѣнные мѣха изъ царской казны поплыли Каспійскимъ моремъ. Съ Персіей стали устанавливаться прочныя дипломатическія и торговыя сношенія. Особенно укрѣпились они въ царствованіе Ѳедора Іоанновича посольствами Г. Б. Васильчикова къ „Худабендѣй Шаху" (Khoda-Bendeh) и Кн. А. Д. Звенигородскаго къ сыну Худабендѣя, знаменитому Шаху Аббасу. Передъ Москвой стали раскрываться широкіе горизонты: Грузія отдавалась намъ добровольно, Шахъ Аббасъ уступалъ намъ не только Дербентъ и Баку, но и Тавризъ съ ширванской областью; манилъ мыслью, въ союзѣ съ нимъ, изгнать турокъ изъ занимаемыхъ ими земель и прочно утвердиться въ Константинополѣ; стараясь при случаѣ обратить вниманіе пословъ нашихъ на міровое значеніе Индійскаго Государства: „А за Государемъ его, за индѣйскимъ Джемаледдиномъ Акберъ Государемъ всего свѣта двѣ доли, а третья доля за всѣми крестьянскими и бусульманскими государи." [1]

Участились персидскія посольства и „поминки" въ Москву, и въ составѣ этихъ поминковъ все чаще и чаще стали попадаться издѣлія изъ узорчатой восточной стали, только теперь уже не подъ тюркскимъ названіемъ „каралуг'а", а подъ персидскимъ „пулад", изъ котораго мы сдѣлали нашъ „булатъ".

Такъ въ числѣ подарковъ, привезенныхъ Царю Федору Іоанновичу, подъ 1593 и 1594 г. читаемъ:

„А поминковъ къ государю Ц. и. В. Кн. Федору Ивановичу В. Р. отъ Кизыльбашскаго [2] Аббасъ Шаха съ посломъ его Ази Хосровомъ:

шапка булатная кизыльбашская, казбинское дѣло, ...
ножъ щитовой булатенъ ... ножъ булатенъ кизыльбаское дѣло,
тулунбасъ булатенъ .... стремена булатны ...."

и самъ „Кизылбашскій посолъ Ази Костровъ [3] Государю [4] бьетъ челомъ: „сабля булатная въ лице кашанское дѣло ...." [5] Далѣе читаемъ: „лѣта 7102 (1594) государь ц. и. В. к. Ѳедоръ Ивановичъ в. Рс. кизыльбашскаго Аббасъ Шахова посля Ази Хосрова отпустилъ, а съ нимъ вмѣстѣ послалъ .... кн. Ондрея Дмитреевича Звенигородскаго." [6] Въ своемъ „статейномъ спискѣ" (дневникѣ) Кн. Звенигородскій оставилъ намъ необычайно живое и точное описаніе своего пребыванія и разговоровъ съ шахомъ. Подъ 4 Марта (1595) онъ записываетъ: „И показывалъ" (шахъ) „шеломы и шапки и зерцала булатныя, наложены золотомъ, и пансыри. А говорилъ шахъ: «шеломы

[1]) Н. И. Веселовскій, „Памятники дипломатическихъ и торговыхъ сношеній Московской Руси съ Персіей." СПБ. 1890, стр. 261.
[2]) Въ другомъ мѣстѣ онъ именуется повелителемъ „Ирана и Турана."
[3]) Очевидно русифицированное „Хосровъ."
[4]) Въ другомъ мѣстѣ сказано „Бѣлому Царю."
[5]) Ibidem. Стр. 194, 195, 197.
[6]) Ibidem. „Посольство въ Персію князя Андрея Дмитріевича Звенигородскаго", стр. 221—334.

и шапки и зерцала дѣлаются въ нашемъ государствѣ; а булатъ хорошей красной выходитъ въ наше государство изъ Индѣйскаго государства; а пансыри добрые выходятъ къ намъ изъ Черкасъ».“[1]

Изъ приведенныхъ словъ посольскаго донесенія ясно слѣдуетъ, что, если не весь булатъ, то лучшіе сорта его шли въ Персію изъ Индіи. А Шахъ Аббасъ могъ все это знать хорошо, и не только съ чужихъ словъ: много лѣтъ, еще при жизни отца своего Худабендѣя былъ онъ правителемъ Хорассана, который всегда славился своими издѣліями изъ булатной стали и одному изъ сортовъ булата далъ свое имя; былъ онъ правителемъ и Герата; а черезъ Гератъ и Хорассанъ шла торговая дорога, которой испаганскіе купцы везли въ Персію и дальше въ Дамаскъ булатную сталь изъ Индіи, изъ Нирмаля.

Слова шаха вполнѣ подтверждаются и свидѣтельствомъ путешественника по Персіи XVII в. Шардена.[2] Чрезвычайно наблюдательный и образованный прекрасно, владѣвшій восточными языками, онъ оставилъ весьма цѣнное описаніе Персіи, ея нравовъ, обычаевъ, а также и искусствъ и техническихъ производствъ. Говоря объ оружіи, онъ упоминаетъ, что персидскія сабли отличаются чрезвычайно красивымъ рисункомъ, но что подражать этому рисунку въ Европѣ не удается, „вслѣдствіе того“, замѣчаетъ онъ, „что въ нашей стали нѣтъ достаточно прожилокъ, какъ въ Индійской стали, которой они обыкновенно пользуются. У нихъ много и своей стали, но они цѣнятъ ее менѣе нежели индійскую, а нашу (европейскую) еще менѣе.“[3] Въ другомъ мѣстѣ Шарденъ говоритъ, что персы оба сорта узорчатой стали, и свою и индійскую, называютъ „poulad jauherder, узорчатая сталь, т. е. то, что мы называемъ дамасковой сталью, чтобы ее отличить отъ европейской стали“.[4]

Указаніе на пользованіе индійской сталью для клинковъ можно найти и у арабскихъ писателей. Такъ въ т. н. Лейденской рукописи[5] сохранился цѣлый технологическій трактатъ Эмин-ад-Дин'а, жившаго въ XIII в. нашей эры. 6-ая глава 9 книги принадлежитъ Якуб'у бен-Исхак-ель-Кинди и заключаетъ драгоцѣнное описаніе клинковъ той эпохи (персидскихъ, индійскихъ, арабскихъ и „франкскихъ“) и матеріаловъ, изъ которыхъ они готовятся. Говоря о хорассанскихъ клинкахъ онъ указываетъ, что „сталь для нихъ“ (фуладъ) „привозятъ изъ Цейлона, но куются они въ Хорассанѣ.“ Тоже говоритъ онъ и про мансурскіе мечи, и про арабскіе мечи.[6] Такимъ образомъ, подтверждая фактъ привоза матеріала изъ Индіи, онъ указываетъ на морской путь изъ Цейлона аравійскимъ моремъ въ Персидскій заливъ, или, для Аравіи, къ Красному морю. Интересно отмѣтить, что, кромѣ этого „западнаго“ пути, у насъ имѣются указанія и на пользованіе „восточнымъ“ путемъ, и, приблизительно, въ то же время, т. е. въ концѣ среднихъ вѣковъ. Эти свѣдѣнія идутъ изъ Японіи. Издавна ввозили японцы къ себѣ твердую сталь для мечей подъ названіемъ »Namban Tetsu«, т. е. желѣзо южныхъ варваровъ“. Проф. Жоли[7] приводитъ свидѣтельство Ямада Іошимутсу, что намбанъ ввозился въ Японію

[1]) Ibidem, стр. 271.

[2]) »Voyages du Chevalier Chardin en Perse et autres lieux de l'Orient«. Paris, 1811. — Первое изданіе было напечатано въ Лондонѣ въ 1686 году слѣдующія въ Амстердамѣ въ 1711 и 1735, біограф. данныя см. Н. Т. Бѣляевъ „О булатахъ“. 1906. прил. 25, стр. 29.

[3]) Chardin. 1811. t. IV. p. 137.

[4]) Chardin. 1811. t. III. pp. 355, 356.

[5]) Hammer. »Sur les lames des orientaux«. Journal Asiatique, 1854, t. III., Paris, pp. 66—79.

[6]) Ibid. pp. 70, 71.

[7]) H. L. Joly: »Note sur le fer et le style namban«. Bulletins de la Société franco-japonaise de Paris, No XXXIII, Avril 1914. Въ письмѣ къ автору отъ 13. VIII. 1918 Проф. Жоли (нынѣ покойный) подтверждаетъ, что намбанъ тетцу есть индійская сталь и указываетъ на работы Проф. Tawara Kuni-itchi на технич. факультетѣ токійскаго университета. При личномъ свиданіи съ авторомъ въ 1921 году профес. Тавара также подвердилъ эти свѣдѣнія.

*

съ весьма древнихъ временъ въ теченіе всего средневѣковья, что онъ отличается большой твердостью и трудно куется, и что по всѣмъ свойствамъ онъ совершенно аналогиченъ вутцу,[1] т. е. индійской стали.

Такимъ образомъ родину восточной узорчатой твердой стали, будь ли это половецкій „харалугъ", персидскій „пуладъ" или японскій „намбанъ", слѣдуетъ искать въ Индіи.

У насъ имѣется рядъ свѣдѣній, заимствованныхъ у греческихъ и римскихъ писателей, что античный міръ также пользовался индійской сталью. Такъ, упоминаемое у Плинія желѣзо „серер'овъ", привозимое въ Римъ съ востока, вмѣстѣ съ драгоцѣнными тканями, было, по мнѣнію Ледебур'а[2], ничѣмъ инымъ, какъ тѣмъ же вутцомъ, т. е. индійской сталью. Той же индійской сталью долженъ былъ быть и „στόμωμα" Арріана, и »ferrum candidum«, сто талантовъ коего Маліи и Оксидраціи поднесли Александру Македонскому.[3]

Имѣются также свѣдѣнія, что Діоклетіанъ установилъ въ Дамаскѣ[4] оружейные заводы для ковки мечей для римскихъ легіоновъ. Такъ какъ Дамаскъ былъ главнымъ рынкомъ, откуда узорчатая сталь (и узорчатыя, подобно булатному узору, ткани) расходилась по всей передней Азіи, естественно предположить, что оружіе отковывалось тамъ именно изъ булата. Косвеннымъ, но вѣскимъ подтвержденіямъ, является то обстоятельство, что только римляне могли занести технику „узорчатой стали" въ Скандинавію.[2] Въ эпоху около христіанской эры, сношенія между Скандинавіей и Римомъ были весьма оживленными, на многихъ мечахъ того періода имѣются имена мастеровъ латинскими буквами и латинскія по характеру. Съ другой стороны матеріалъ мечей, во многихъ случаяхъ, имѣетъ типично волнистую поверхность, такую же, какъ впослѣдствіи имѣютъ мечи викинговъ. Какъ указывалось выше въ главѣ I-ой, сама техника кричнаго производства наталкивала на подражаніе волнистому узору булата, и какой нибудь поселянинъ изъ Småland'а или Bohuslän'а,[5] увидѣвъ у легіонера „булатный" мечъ изъ желѣза серер'овъ, плѣнившись красотой его узора, могъ попытаться воспроизвести его искуснымъ свариваніемъ и проковываніемъ крицы изъ болотной руды своего поля. Съ теченіемъ вѣковъ сварочный булатъ могъ стать „мѣстнымъ" продуктомъ, и, когда опытный взглядъ Ибн-Фодлан'а глядѣлъ на волнистыя линіи мечей „руссовъ", онъ, самъ того не зная, признавалъ въ нихъ знакомую технику индійской стали.

Производство стали и желѣза стояло въ Индіи съ самыхъ древнихъ временъ на очень большой высотѣ. Однимъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ памятниковъ является т. н. колонна Кутуба близъ Дели (рис. 1). Колонна эта, высотой въ 24 фута и вѣсомъ въ $6^1/_2$ тоннъ, представляетъ монолитъ изъ чистаго сварочнаго желѣза.[6] Большинство изслѣдователей относитъ ее къ 319 году нашей эыр. Несмотря на 1600 лѣтъ, протекшихъ съ того времени, какъ ее поставили, колонна находится въ прежней сохранности и не тронута ржавчиной.

Сталь находилась въ широкомъ употребленіи и на оружіе, и на инструменты уже между VI и III в. до Р. Х.,[7] а знакомство съ чугуномъ и желѣзомъ восходитъ, по край-

---

[1]) Терминъ »wootz«, подъ которымъ въ XVII и XIII вѣка была извѣстна въ торговлѣ индійская сталь, введенъ въ обращеніе Голландцами, но заимствованъ ими, по нѣкоторымъ указаніямъ, изъ гузератскаго нарѣчія.

[2]) Ledebur. »Handbuch des Eisenhüttenkunde«. 1907. s. 10, 11.

[3]) Egerton. »Handbook of Indian Arms«. 1880. London, p. 56.

[4]) H. Hildebrand. »The Industrial Arts of Scandinavia in the Pagan Times«. London. 1894. pp. 122, 123. см. также A. Lorange. »Den Ingre jernalders svaerd.« 1889.

[5]) Мечъ изъ Богуслан'а, прежней Норвежской, нынѣ Шведской провинціи, имѣетъ узорчатую поверхность.

[6]) Sir R. Hadfield. »Sinhales Iron and Steel of ancient Origin« Journ. Iron and Steel Inst., 1912.

[7]) P. Neogi. Indian Association for the Cultivation of Science, Bull. № 12, 1914.

ней мѣрѣ, къ 2000 г. до нашей эры. Очень интересный образецъ твердой углеродистой стали, который можно точно датировать, дошелъ до насъ въ видѣ матеріала скрѣпъ и клиньевъ въ основаніи колонны Garuda-Dhvaja въ центральной Индіи. Колонна эта была воздвигнута въ 125 году до Р. Хр. грекомъ Геліодоромъ, посломъ таксильскаго царя Антіалкидаса при дворѣ индійскаго государя Bhagabhadra. Анализъ металла былъ недавно произведенъ извѣстнымъ металлургомъ Сэромъ Р. Гадфильд'омъ и доказалъ, что образецъ этотъ — твердая сталь прекраснаго качества.[1]

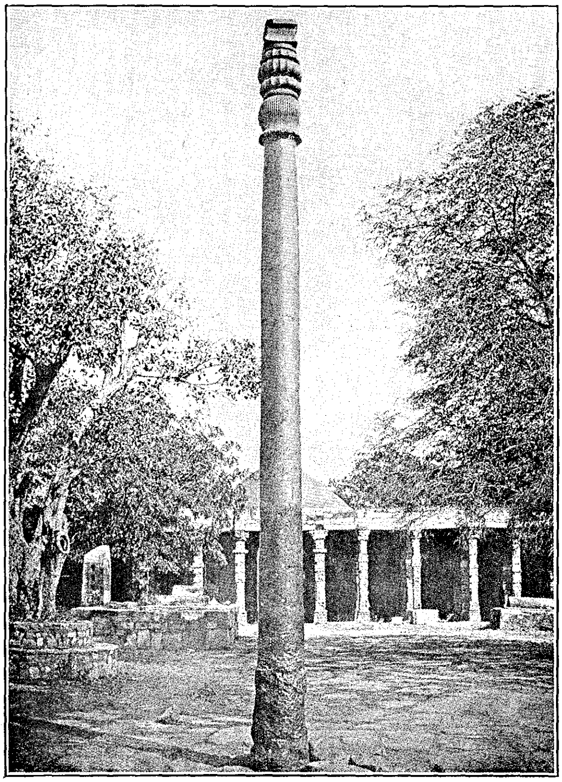


Рис. 1.
Колонна Кутуба
близъ Дели. Воздвигнута въ 319 году по Р. X. изъ сварочнаго желѣза.

Какъ же готовили индусы эту сталь?

Отъ средневѣковыхъ арабскихъ писателей до насъ дошелъ рядъ свѣдѣній, которыя даютъ довольно ясную картину стального производства въ Индіи. Такъ Эминад-Динъ говоритъ слѣдующее: „Фуладъ значитъ »очищенное« (желѣзо) и дѣлается изъ ма'дани тѣмъ, что его плавятъ, пока оно не сдѣлается твердымъ, принимающимъ сильную закалку и на немъ появится рисунокъ“ (firend).[2] Въ другомъ мѣстѣ онъ упоминаетъ, что для полученія фулад'а употребляется 2 сорта „желѣза“, извлекаемаго изъ рудниковъ: »sairakani« и »birmahinigé«,[3] что, по всей вѣроятности, слѣдуетъ понимать какъ 2 сорта рудъ.

С. Шварцъ, бывшій въ 90-ыхъ годахъ прошлаго столѣтія директоромъ Англоиндійскихъ сталелитейныхъ заводовъ, приводитъ слѣдующее описаніе приготовленія стали, изъ стариннаго индійскаго трактата Aini-i-Akbari:[4]

»Kona Samundrum, около Нирмаля въ Гейдерабадѣ является тѣмъ мѣстомъ, гдѣ добывается руда для стали, идущей на дамаскіе мечи... Плавильные горны находятся тамъ же... Тигельная шихта состоитъ изъ 3 частей сѣрой руды (магнитнаго желѣзняка) и 2 частей бурой руды (бураго желѣзняка), смѣшанныхъ съ древеснымъ углемъ. Предварительно на дно тигля кладутся стекловидные шлаки, какъ флюсъ... Тигель ставится на подставку въ круглый горнъ и обкладывается кругомъ древеснымъ углемъ; затѣмъ изъ двойныхъ мѣховъ пускается дутье на 24 часа, сначала медленно, а потомъ, когда шихта начнетъ плавиться, сильно и быстро... По достиженіи желаемой степени плавленія, прекращаютъ дутье; тигель оставляютъ въ печи, пока онъ самъ не

[1]) Sir R. Hadfield, »History of the Metallurgy of Iron and Steel«, Proceedings Inst. Mechanical Eng., 1915, p. 321.

[2]) „О Булатахъ“. Приложеніе 14-е, гдѣ приведенъ означенный переводъ Эмин-ад-Дин'а, сдѣланный К. А. Иностранцевымъ.

[3]) »Sur les lames des orientaux«, p. 68.

[4]) C. Ritter v. Schwarz. »Ueber die Eisen- und Stahlindustrie Ostindiens«. Stahl und Eisen, 1901, S. 209—211, 277—283, 337—341 und 391—399.

остынетъ какъ можно медленнѣе. Затѣмъ тигель разбиваютъ и на днѣ его находятъ слитокъ, называемый »kurs«.[1]

Шарденъ и Таверніе, которые въ XVII-мъ столѣтіи застали еще расцвѣтъ булатнаго производства, оставили намъ описаніе такихъ слитковъ-сутунковъ. „Они выплавляютъ сталь въ круглые хлѣбцы, какъ сложенныя ладони“,[2] говоритъ Шарденъ, а Таверніе прибавляетъ, что „сталь, которая годится на булатъ... встрѣчается въ торговлѣ въ кружкахъ, величиной съ копѣечный хлѣбецъ; каждый кусокъ разрѣзаютъ надвое, чтобы видѣть хорошаго-ли качества сталь, и обѣ половинки одинаково употребляются на производство сабельныхъ клинковъ“.[3]

Всѣ эти описанія[4] согласно указываютъ что индійская сталь получалась тигельнымъ способомъ, т. е. проходила черезъ расплавленное состояніе и затѣмъ, затвердѣвала — закристаллизовывалась — при спокойномъ медленномъ охлажденіи. Нельзя безъ изумленія отмѣтить, что тигельный способъ приготовленія стали, который и теперь считается наиболѣе совершеннымъ, а въ XVIII-мъ вѣкѣ былъ введенъ Гунтсман'омъ въ Англіи, какъ величайшее открытіе,[5] былъ на много вѣковъ, а можетъ быть и тысячелѣтій, раньше извѣстенъ въ Индіи, широко тамъ примѣнялся и служилъ предметомъ обширнаго вывоза.

Въ отличіе отъ тигельнаго способа, какъ онъ примѣняется теперь, въ Индіи давали тиглю медленно охладиться съ печью, жертвовали тиглемъ, разбивая его, но зато получали продуктъ спокойно охладившійся и имѣвшій возможность закристаллизоваться медленно и спокойно. Въ этихъ условіяхъ развивается сильная прерывчатая кристаллизація, и оси кристалловъ, болѣе желѣзистыя и ковкія, переплетаются съ промежутками остаточный массы болѣе углеродистаго вещества. Это послѣднее и образуетъ тѣ „прожилки“, которыми по замѣчанію Шардена, такъ богата Индійская сталь и которыхъ нѣтъ въ стали европейской. Сочетаніе вѣтвей, ковкихъ, богатыхъ чистымъ желѣзомъ, и промежутковъ изъ болѣе твердой углеродистой массы давало комбинацію большой твердости и ковкости, а послѣ полировки и протравки, выявлялось характернымъ „Муаровымъ“ узоромъ. Того же сочетанія твердости и ковкости стремились достигнуть скандинавскіе кузнецы, проковывая и сваривая неоднородныя кричныя полосы; то, что естественно получалось въ тиглѣ подъ вліяніемъ кристаллическихъ силъ, думали здѣсь получить искусствомъ; видя необычайную красоту естественнаго узора, старались поверхностнымъ свариваніямъ придавать такой же причудливый-волнистый видъ; не могли въ полной мѣрѣ воспроизвести ни свойства, ни красоты узора, но искусной ковкой приближались къ нимъ, и поставили искусство оружейнаго кузнеца на большую высоту на всемъ скандинавскомъ сѣверѣ.

А Индія продолжала вывозить сутунки-хлѣбцы своей узорчатой стали во всѣ извѣстныя страны міра, въ Персію, Аравію, Египетъ, Сирію и въ далекія заморскія страны. Неудивительно, что тысячью путей просачивалась индійская сталь и на нашу равнину. Если въ мечахъ Ибн-Фодлан'овскихъ руссовъ было лишь подражаніе ея свойствамъ и узору, то въ половецкомъ харалугѣ степь донесла до насъ уже подлин-

[1]) Schwarz, S. 209.

[2]) Chardin, IV, p. 356.

[3]) Tavernier. »Voyages en Turquie, en Perse et aux Indes«, 1677—79. цит. Vergnaud, »Manuel du travail des métaux«, 1835, Paris.

[4]) Н. Т. Бѣляевъ. „О Булатахъ“, гдѣ приведены и проанализированы на стр. 7—9 и въ приложеніяхъ 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17 и 18 показанія другихъ писателей и путешественниковъ по Индіи.

[5]) Sir R. Hadfield. »Sinhalese Iron and Steel etc.«

[6]) В. Желѣзновъ: »Историческія свѣдѣнія о булатѣ въ Россіи«, приложено къ „О Булатахъ“, Н. Т. Бѣляева. Спб. 1906. см. стр. 40.

ную сталь, только въ тюркскомъ нарядѣ. Начиная же съ XV-го столѣтія[6] и этотъ нарядъ сброшенъ, и индійская сталь ввозится къ намъ подъ своимъ собственнымъ персидскимъ именемъ „пулад'а", и какъ „булатъ" быстро и прочно завоевываетъ свое мѣсто и въ оружіи, и въ обиходѣ, и въ языкѣ, и въ поэзіи.

IV. ОПЫТЫ ВОСПРОИЗВЕДЕНІЯ БУЛАТА. АНОСОВЪ

Свѣдѣнія, проникающія въ Европу отъ путешественниковъ въ XVII и XVIII в. — Тавернье и Шарденъ — Опыты Реомюра — Докладъ Д-ра Пирсона Королевскому Обществу — Опыты Бреана на Парижскомъ Монетномъ Дворѣ — Стодартъ и Фарадей — Ковка булата въ Россіи — „Ученье сабельныхъ булатныхъ полосъ и пансырному дѣлу" — Ученики Кахрамана Еліазарова — Аносовъ рѣшаетъ „опытами доискаться тайны приготовленія булатовъ". Успѣхъ его опытовъ. — Плавка булатной стали — Классификація узора.

XVI-тый и XVII-тый вѣка были послѣднимъ періодомъ „осенняго" расцвѣта булатнаго производства въ Индіи и Персіи· Князь Звенигородскій при шахѣ Аббасѣ, Тавернье въ 1636 году видѣли его въ полномъ расцвѣтѣ. Шарденъ, во 2-ой половинѣ вѣка, засталъ лишь конецъ его, а съ XVIII вѣка началось быстрое увяданіе и вырожденіе его, которое легко прослѣдить по описаніямъ путешественниковъ того періода: чѣмъ путешественникъ болѣе ранній, тѣмъ, какъ правило, заставалъ онъ процессъ на большей высотѣ и тѣмъ свѣдѣнія его точнѣе и проще;[1] чѣмъ ближе къ серединѣ XIX столѣтія, тѣмъ свѣдѣнія запутаннѣе и сложнѣе, и туманность описанія покрывается дымкой таинственности.[2]

Во всякомъ случаѣ, свѣдѣнія, привезенныя Тавернье и Шарденомъ, возбудили и во Франціи и въ Англіи немалый интересъ. Во Франціи, въ началѣ XVIII-го вѣка заинтересовался индійской сталью — вутцомъ — самъ регентъ и приказалъ купить въ Каирѣ для Реомюра нѣсколько образцовъ вутца; но, какъ сообщаетъ Реомюръ, „парижскіе оружейники не съумѣли отковать его, что не очень говоритъ въ ихъ пользу, ибо восточные кузнецы умѣютъ ковать вутцъ".[3]

Въ послѣднихъ годахъ XVIII-го столѣтія Др. Скотъ изъ Бомбея послалъ въ Лондонъ Д-ру Пирсон'у нѣсколько образцовъ вутца и просилъ заняться изслѣдованіемъ его; Скотъ писалъ, что въ Индіи вутцъ примѣняется вездѣ, гдѣ нужна сталь особой твердости и крѣпости, какъ напр. на напильники, пилы, на замки для ружей; что вутцъ принимаетъ закалку гораздо болѣе сильную, чѣмъ европейская сталь, и что работа съ вутцомъ чрезвычайно затруднительна, т. к. не допускаетъ сильнаго перегрѣва и требуетъ большой медленности и осторожности.[4] Получивъ эти образцы, Др. Пирсонъ демонстрировалъ ихъ Королевскому Обществу въ Лондонѣ. Въ своемъ докладѣ онъ приводитъ подробное описаніе хлѣбцовъ вутца, говоритъ, что вѣситъ каждый изъ нихъ около 2 фнт. и имѣетъ около 5 дюймовъ въ діаметрѣ; говоритъ также, что каждый хлѣбецъ надрѣзанъ почти надвое.[5] Способность вутца коваться была имъ тоже подробно обслѣдована, и снова онъ столкнулся съ трудностью его ковать, а также что отъ перегрѣва вутцъ портится, теряя рисунокъ. Тѣмъ не менѣе Стодарту удалось изъ этого образца отковать хорошій ножевой клинокъ, и онъ заявилъ въ своемъ мемуарѣ, что для многихъ издѣлій, напр. для хирургическихъ инструментовъ, вутцъ окажется

[1]) Съ этой точки зрѣнія интересно сравнить съ позднѣйшими описаніями, напр. Вилькинсона, не только данныя Тавернье и Шардена, но и Voysey (1795) и Dr. Buchanan'a (1807).

[2]) См. напр. »Treatise« Lardner'a (1842).

[3]) Lardner. »Treatise«, chapter XIV, p. 248.

[4]) G. Pearson »Experiments and Observations etc.« Philosophical Transactions of the Royal Society of London. Part II. 1795.

[5]) Ibidem также Lardner's Treatise.

матеріаломъ болѣе подходящимъ, чѣмъ европейская сталь.[1] Докладъ Пирсона, опыты Стодарта, произведенные въ сотрудничествѣ съ знаменитымъ Фарадеемъ[2], не могли не произвести большого впечатлѣнія на общество и интересъ къ индійской стали одно время достигъ чрезвычайныхъ размѣровъ. Индійская сталь стала появляться и въ лабораторіяхъ, и на рынкѣ, то подъ названіемъ „вутца", то какъ „дамасковая", или какъ „перувіанская" сталь; другіе стали предлагать „метеоритную" сталь, откованную изъ метеорнаго желѣза, третьи „серебрянную" сталь, сплавляя ее съ серебромъ, „платиновую" и т. д.[3] Вопросъ чрезвычайно запутывался, такъ какъ всѣ изобрѣтатели стремились во чтобы то ни стало воспроизвести муаровый рисунокъ булата, а сущность вопроса, природа и составъ булата, оставалась въ сторонѣ.

Въ это время, въ 20 годахъ XIX-го столѣтія, всеобщее вниманіе стали обращать на себя опыты начальника Парижскаго Монетнаго Двора — Бреана.[4] Опыты эти, казалось бы, должны были разрѣшить вопросъ, т. к. Бреанъ очень скоро доказалъ опытами, что восточная „дамасковая" сталь есть дѣйствительно литая углеродистая сталь, лишь болѣе богатая углеродомъ, чѣмъ европейская сталь, и что рисунокъ ея является слѣдствіемъ раздѣльной кристализаціи 2-хъ ея главныхъ компонентовъ при медленномъ охлажденіи.[5] Взгляды Бреана опередили современниковъ по крайней мѣрѣ на полъ столѣтія,[6] и многое изъ того, что онъ говоритъ въ 1822 году, было вновь „открыто" лишь къ концу XIX-го вѣка. Какъ бы то ни было, Бреанъ остался совершенно непонятымъ и забытымъ, и взгляды его распространенія не получили. Дѣйствительная природа булата окутывалась все большей и большей таинственностью, и честь окончательнаго рѣшенія вопроса о природѣ булата принадлежитъ Россіи въ лицѣ Аносова и Чернова.

*

Знакомство съ булатомъ и его свойствами имѣло у насъ гораздо болѣе глубокіе корни и прочный фундаментъ, чѣмъ на западѣ. Мы видѣли, что еще въ XII-мъ вѣкѣ пѣвецъ „Слова", а, вѣроятно, и княжеская дружина имѣли ясное представленіе о „жестоцѣмъ харалузѣ", его крѣпости, способности закаливаться и знали искусство его ковать. Когда, съ начала XVI-го столѣтія „булатныя" издѣлія полились къ намъ широкой волной, врядъ ли искусство обращенія съ харалугомъ — булатомъ было уже совсѣмъ забыто; во всякомъ случаѣ оружейные мастера наши быстро овладѣли имъ вновь, если оно временно и забылось. По крайней мѣрѣ въ началѣ XVII-го вѣка уже работаетъ въ Москвѣ „ножевный" мастеръ Богданъ Игнатьевъ, ковавшій „ножи изъ булата" и Дмитрій Коноваловъ, дѣлавшій „зерцала булатныя".[7] Царь Алексѣй Михайловичъ посылаетъ съ нарочнымъ въ Астрахань, поближе къ Персіи и Черкасамъ, трехъ мальчиковъ „для ученья сабельныхъ булатныхъ полосъ и пансырнаго дѣла".[8]

Въ XVIII столѣтіи интересъ къ булату у насъ замираетъ и возрождается только въ началѣ XIX-го, когда имъ заинтересовались графъ Канкринъ и Паскевичъ. По ихъ порученію четыре ученика изъ Златоуста были отправлены въ Тифлисъ къ лучшему тамошнему мастеру Кахраману Еліазарову.[9] Это было въ 1830 году. Въ 1832 году они

---

1) Lardner. »Treatise«.
2) Faraday and Stodart. »Alloys of Steel«, Philosophical Transactions. 1822, vol. CXII., p. 253.
3) Lardner. »Treatise«, p. 248 и сл.
4) Bréant. »Description d'un procédé etc.« 1823. Bulletin de la Société d'Encouragement de l'Industrie Nationale.
5) Ibidem.
6) N. Belaiew, »Les précurseurs de la métallographie«. Revue de Métallurgie, 1912, p. 221.
7) Желѣзновъ. „Историческія свѣдѣнія о булатѣ въ Россіи", СПБ. 1906, стр. 42.
8) Ibidem. стр. 42, 43.
9) Ibidem, стр. 44.

вернулись на Златоустовскую оружейную фабрику.[1] Но съ 1828 года тамъ уже велъ свои знаменитые опыты надъ булатомъ директоръ завода Горный Инженеръ Генералъ-Маіоръ П. П. Аносовъ.[2]

Златоустъ, въ южныхъ предгорьяхъ Урала, на путяхъ изъ Европы къ азіатскимъ рынкамъ, самой судьбой, казалось, былъ предназначенъ для того, чтобы стать мѣстомъ окончательнаго рѣшенія вопроса о булатѣ и притомъ рѣшенія не только окончательнаго въ смыслѣ объясненія прошлаго, но и „синтетическаго", т. е. обнимающаго вопросъ во всемъ его разнообразіи и сложности и устанавливающаго не только связь между булатомъ и европейской сталью, но и открывающаго новые пути для усовершенствованія и изслѣдованія и того и другого. Нуженъ былъ лишь человѣкъ, одаренный наблюдательностью прирожденнаго изслѣдователя, широкаго замысла и пониманіемъ историческихъ условій настоящаго и прошлаго. Аносовъ былъ такимъ человѣкомъ, и его изслѣдованіе „О булатахъ" навсегда останется классической настольной книгой каждаго русскаго металлурга.[3]

Аносовъ, изучая приготовленіе литой стали, рѣшилъ „опытами доискаться тайны приготовленія булатовъ." Сначала рѣшилъ онъ повторить опыты Стодарта и Фарадея; изслѣдовалъ и отвергъ вліяніе металловъ на образованіе узора и свойства булата; затѣмъ, шагъ за шагомъ подвигаясь впередъ, изслѣдовалъ различные способы приготовленія булата: изъ рудъ, сплавленіемъ ихъ съ графитомъ или углемъ, т. е. то, что мы видѣли у Aini-i-Akbari; продолжительный отжигъ стали, упоминаемий еще Эмин-ад-Дин'омъ, Шарденомъ, Масальскимъ[4] и англійскими путешественниками; наконецъ остановился онъ на сплавленіи желѣза съ графитомъ въ тигляхъ.[5]

„Въ обыкновенный тигель", говоритъ Аносовъ, „закладывается 12 фнт. желѣза... на желѣзо полагается составъ, приготовленный изъ графита, желѣзной окалины и флюса... заложивъ матеріалъ въ тигель, покрываютъ его глиняной крышкой и пускаютъ въ печь дутье черезъ шестакъ... По прошествіи $3^1/_2$ часовъ металлъ обыкновенно бываетъ расплавленъ и покрытъ тонкимъ слоемъ шлака, а надъ нимъ лежитъ часть графита, поднятаго шлакомъ. Потеря графита въ это время простирается до $^1/_4$ фунта. Металлъ имѣетъ слабые продольные узоры, свѣтлый грунтъ, и, если графитъ хорошаго качества, то и отливъ.

---

[1]) Клинки работы учениковъ К. Эліазарова—Южакова, Бутцева и Пурусузіанца находятся въ Имп. Эрмитажѣ (А. 177, А. 143, А. 171, и А. 176). Они сработаны изъ сварочнаго булата, первые три въ Златоустѣ, а А. 176 (Южаковымъ) въ Технологическомъ Институтѣ.

[2]) Пав. Петров. Аносовъ родился въ 1797; блестяще кончилъ Горный Кадетскій Корпусъ (Горн. Институтъ) въ 1817 и тогда же поступилъ на Златоустовскій заводъ. Опыты надъ булатами началъ въ 1828, и въ 1833 получилъ первый клинокъ настоящаго булата. Съ 1831 года сталъ примѣнять микроскопъ къ опредѣленію структуры стали. Въ 1841 г. напечаталъ въ Горн. Журн. свое классическое изслѣдованіе о булатахъ. Установилъ производство литой тигельной стали и графитовыхъ тиглей. Съ 1831 г. былъ директоромъ оружейной фабрики, съ 1833 — Горный Н-къ Златоустовскихъ Заводовъ до 1847 года, когда назначенъ Гл. Нач. Алтайскихъ Горн. Заводовъ и Томскимъ Губернаторомъ. Скончался въ 1851. — Почетный членъ Казанскаго и Харьковскаго Университета Для біографич. данныхъ объ Аносовѣ см. Н. Т. Бѣляевъ, „О булатахъ", 1906 приложеніе 33; его же, „Артиллерійскій журналъ", 1913; его же: »Sur les précurseurs de la métallographie« и »The Russian Contribution in the nineteenth century to the Metallurgy of Steel«. Journal of the Royal Society of Arts, 1921, pp. 833—836. Работа Аносова „О булатахъ" была напечатана по французски въ 1843 году въ Annuaires du journal des mines de Russie и по нѣмецки въ »Erman Archiv f. d. wissenschaftliche Kunde von Rußland vol. IX, p. 510. Также приводится у L. Beck'a на стр. 243—249 и упоминается у Egerton'a въ »Indian Arms«.

[3]) Аносовъ. „О булатахъ", Горный журналъ, 1841. ч. I, стр. 162.

[4]) Масальскій „Изготовленіе булата по способу употребленному персіанами", Горный журналъ, 1841, ч. IV. и см. Н. Т. Бѣляевъ, „О булатахъ", стр. 9, приложенія, 15 и 18а.

[5]) Опыты №№ 145—185, 1837 года и 138—139, 1836 года. Опыты 1835 года №№ 129—137 произведены для повѣрки перваго способа, т. е. изъ рудъ.

Продолжая плавку 4 часа, графита въ потерѣ бываетъ до 36 золотниковъ, а металлъ получаетъ струистые узоры. Послѣ $4^{1}/_{2}$ часовъ, потеря въ графитѣ простирается до 48 з., а узоры въ металлѣ волнистые, средней величины. Въ это время тигель начинаетъ наклоняться въ сторону, въ такомъ случаѣ продолженіе плавки становится опаснымъ и должно ее остановить. Но если наклоненіе тигля незначительно, то плавка продолжается еще $^{1}/_{2}$ часа, тогда потеря въ графитѣ простирается до $^{3}/_{4}$ фнт. и въ металлѣ появляются узоры сѣтчатаго булата средней величины... Когда замѣчено будетъ, что тигель хорошо простоялъ 5 часовъ...то продолжаютъ плавку еще $^{1}/_{2}$ часа; въ семъ случаѣ потеря въ графитѣ простирается до одного и болѣе фунта, но весьма рѣдко случается, чтобы его вовсе не оставалось, если положено было $1^{1}/_{4}$ фнт.... Металлъ имѣетъ болѣе или менѣе крупные узоры, сѣтчатые, а иногда и съ колѣнами... По окончаніи плавки, когда угли прогорятъ до основанія, тогда останавливаютъ дутье. Тигель оставляютъ въ печи до тѣхъ поръ, пока онъ не остынетъ или, по крайней мѣрѣ, почернѣетъ".[1]

Описаніе это въ главныхъ чертахъ сходится съ вышеприведеннымъ изъ Aini-i-Akbari. Въ обоихъ случаяхъ сталь плавится въ тигляхъ, и въ обоихъ случаяхъ тигель медленно охлаждается съ печью. Послѣднее дѣлается для того, чтобы дать возможность стали при переходѣ изъ расплавленнаго состоянія въ твердое закристаллизоваться какъ можно медленнѣе и спокойнѣе. При этомъ происходитъ то распаденіе стали на менѣе углеродистые кристаллическіе ростки и на болѣе углеродистые „прожилки", которые и даютъ въ своей совокупности „муаровый" булатный узоръ. Аносовъ отмѣчаетъ, что количество углерода, растворяющагося въ стали, все увеличивается по мѣрѣ удлиненія времени плавки, а узоръ при этомъ проходитъ изъ полосатаго черезъ струистый и волнистый въ сѣтчатый и колѣнчатый; послѣдній узоръ Аносовъ считаетъ наиболѣе совершеннымъ: „поперечныя сѣти въ немъ увеличиваются", говоритъ онъ, „составляютъ гроздья, подобныя виноградным, или простираются во всю ширину полосы или вещи, раздѣляя ее на колѣна, почти равныя между собой и сходныя въ узорахъ".[2]

Такимъ образомъ видъ узора, на отполированномъ и протравленномъ клинкѣ, позволяетъ на глазъ опредѣлить его достоинство. „Когда ты смотришь на клинокъ", говоритъ Эмин-ад-Динъ, ты видишь его и снаружи и внутри";[3] т. е., какъ бы говоритъ онъ, ты видишь по внѣшнему рисунку его внутреннія свойства. И, дѣйствительно, восточные народы давно привыкли на глазъ, по узору, опредѣлять качества клинка. Издавна у арабовъ, персовъ и индусовъ лучшимъ булатомъ считался колѣнчатый — »Kirk narduban«, т. е. 40 ступеней или „лѣстница пророка", а послѣднимъ номеромъ ставили они сирійскіе булаты, т. н. „шамъ", большей частью съ продольнымъ узоромъ.

Кромѣ узора, его характера и крупности, имѣетъ большое значеніе грунтъ и отливъ; чѣмъ темнѣе грунтъ, тѣмъ выше достоинство метала. Отсюда становится понятнымъ, почему половцы для индійской стали употребляли названіе „Каралугъ", т. е. черное желѣзо, а персы лучшіе сорта своихъ клинковъ сопровождаютъ эпитетомъ черный: „кара-хорассанъ" и „кара-табанъ". Изъ отлива болѣе всего цѣнились блестящіе, красноватый и золотистый; такъ „табанъ" значитъ блестящій, такъ и Эмин-ад-Динъ различаетъ клинки по отливу сѣроватому, зеленоватому и красноватому.[4]

Издѣлія, полученныя Аносовымъ, были чрезвычайно высокихъ механическихъ

---

1) Ibidem.

2) Ibidem.

3) »Sur les lames des Orientaux«, p. 79.

4) Ibidem, p. 78.

качествъ[1] и красиваго рисунка. Среди прочихъ клинковъ златоустовскаго завода въ Эрмитажѣ сохранился аносовскій клинокъ А. 432, сѣтчатаго булата съ надписью „Златоустъ. 1846".[2] Клинокъ этотъ былъ поднесенъ Аносовымъ В. Кн. Михаилу Павловичу и считался „каратабан'омъ". Булатная сабля собственной работы была поднесена Аносовымъ Гумбольдту, когда онъ былъ проѣздомъ черезъ Златоустъ, а другая была поднесена извѣстному геологу Сэру Р. Мурчисону. На нѣкоторое время какъ бы вспыхнулъ интересъ къ работамъ Аносова. Въ горномъ журналѣ появился рядъ работъ (Илимова, Бутенева),[3] посвященныхъ булату; L. Beck, въ своей классической исторіи желѣза посвятилъ Аносову нѣсколько страницъ,[4] также и Egerton въ »Indian Arms«;[5] но съ началомъ второй половины XIX в. интересъ къ работамъ Аносова сталъ уменьшаться, и работы его стали быстро забываться.

Подобно Бреану, Аносовъ появился на 1—2 поколѣнія слишкомъ рано, и ему грозила участь „непонятыхъ и забытыхъ".[6] Но на русской почвѣ традиція „харалуга" и „булата" была слишкомъ сильна; сильна оказалась и „Аносовская" традиція на Златоустовскомъ Заводѣ. Въ 1868 г. Д. К. Черновъ успѣлъ еще захватить ее въ Златоустѣ и связать русское сталелитейное дѣло съ дѣломъ Аносова и восточной узорчатой сталью.

V. ПРИРОДА БУЛАТА, СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ КРИСТАЛЛИЗАЦІИ СТАЛИ, ПО РАБОТАМЪ Д. К. ЧЕРНОВА

Докладъ Д. К. Чернова 1868 г. — »Damask Steel« — Лекціи въ Михайловской Артиллерійской Академіи — классификація булатовъ: табанъ, хорассанъ, кумъ-гынды и шамъ — шкала Аносова: сѣтчатый, волнистый, полосатый — колѣнчатый булатъ — мечъ пророка »Dsu-l-fakkar« — Объясненіе Д. К. Чернова строенія колѣнчатаго булата.

Въ 1868 году въ докладѣ о ковкѣ стали, которому суждено было стать историческимъ,[7] Д. К. Черновъ, тогда еще молодой инженеръ, остановился на трудахъ Аносова, на свойствахъ и рисункѣ узорчатой стали: „Самая лучшая сталь, какую когда либо, гдѣ либо дѣлали, есть безъ сомнѣнія булатъ", сказалъ онъ. Въ 1869 г. онъ повторилъ опыты Аносова и отковалъ два кинжальныхъ клинка съ красивымъ волнистымъ узоромъ.[8] Такъ Д. К. Черновъ, получившій отъ свѣтилъ европейской науки названіе „Отца Металлографіи Желѣза",[9] Черновъ, которому Обуховскій заводъ, да и вся Россія обязаны прочной установкой сталелитейнаго дѣла и тепловой обработки стали, начинаетъ свою дѣятельность съ трудовъ Аносова и съ восторженнаго отзыва о восточной узорчатой стали.

Проходитъ много лѣтъ; другіе труды и другія заботы отвлекаютъ вниманіе

---

1) Илимовъ. Горный журналъ, 1841, IV, стр. 17.

2) Э. Ленцъ, „Указатель Отдѣленія Среднихъ Вѣковъ и эпохи возрожденія. Императорскій Эрмитажъ". Спб. 1908.

3) Горный журналъ. 1841.

4) L. Beck. »Geschichte des Eisens«, 1884, ss. 243—249.

5) Handbook of Indian Arms, London, 1880, p. 56.

6) N. Belaiew, »Sur les précurseurs de la métallographie«, 1912.

7) „Критическій обзоръ статей Лаврова и Калакуцкаго о стали и стальныхъ орудіяхъ и собственныя Д. К. Чернова изслѣдованія по этому предмету", Записки Императорскаго Русскаго Техническаго Общества, 1868, стр. 399—440.

8) Н. Т. Бѣляевъ, „О Булатахъ", 1906, стр. 18 и фиг. 12.

9) Такъ назвалъ Д. К. Чернова въ предисловіи къ своему труду „Желѣзо, сталь и прочіе сплавы", (1903) извѣстный американскій металлургъ Н. М. Howe, и съ тѣхъ поръ это званіе прочно установилось какъ за границей, такъ и у насъ. Osmond, еще въ 80 годахъ, писалъ, что вся физическая химія находится въ зародышѣ въ мемуарѣ Чернова 1868 г.

*

Дмитрія Константиновича отъ булата, и откованные имъ клинки продолжаютъ лежать въ одномъ изъ ящиковъ его стола; и все же онъ пользуется всякимъ случаемъ, чтобы обратить вниманіе ученаго міра на булатъ,[1] исподволь начинаетъ собирать коллекцію булатнаго оружія, а, съ 1889 года, каждый годъ посвящаетъ одну изъ своихъ блестящихъ лекцій въ Михайловской Артиллерійской Академіи — Аносову и булату.[2] Въ этихъ лекціяхъ Черновъ распространяетъ свои взгляды на кристаллизацію стали[3], на строеніе булата. „Когда охлажденіе идетъ медленно", говоритъ онъ, „вещество болѣе мягкое, менѣе углеродистое бросаетъ оси; другое болѣе углеродистое . . . ." оставаясь въ это время еще жидкимъ, тотчасъ же вслѣдъ за этимъ обволакиваетъ ростки . . . и, при отвердѣваніи стали, въ моментъ кристаллизаціи происходитъ распаденіе состава.... Это распаденіе.... играетъ очень важную ролъ при назначеніи такой стали на клинки; при закалкѣ болѣе твердое вещество сильно закаливается, а другое остается слабо закаленнымъ, но такъ какъ оба вещества въ тонкихъ слояхъ и фибрахъ тѣсно переплетены одно съ другимъ, то получается матеріалъ, обладающій одновременно и большой твердостью, и большой вязкостью".[4] При ковкѣ сплетенія кристалловъ измѣняютъ свой видъ и, послѣ вытравки отполированной поверхности, получается узоръ, напоминающій „moiré, или вродѣ фибръ дерева, какъ у дуба".[5]

„Еще въ древности", говоритъ въ другомъ мѣстѣ Д. К. Черновъ, въ тѣхъ странахъ, гдѣ существовала фабрикація клинковъ изъ литого булата . . . . это дѣло составляло секретъ лишь нѣкоторыхъ мастеровъ; а въ то же время прочіе мастера старались подражать булатному клинку искусственнымъ воспроизведеніемъ узора. Съ этой цѣлью берутся два матеріала различной твердости, желѣзо и сталь, въ видѣ напр. тонкихъ проволокъ; изъ нихъ скручивается свитокъ, родъ веревки или каната, или плетенки (въ видѣ тесьмы); такая плетенка сваривается и проковывается подъ молотомъ въ пластинку или клинокъ; варьируя способъ сплетенія проволоки, мастеръ является хозяиномъ узора. Это есть сварочный булатъ . . . . онъ представляетъ также матеріалъ весьма хорошихъ достоинствъ, если тщательно приготовленъ, особенно если хорошо свäренъ".[6]

Въ Эрмитажной коллекціи, среди восточныхъ клинковъ литого булата имѣется одна очень красивая индійская сабля А. 491 (рис. 2) изъ сварочнаго булата.[7] Вмѣстѣ съ сварочными малайскими „крисами" она можетъ служить представительницей красоты и изящества восточныхъ сварочныхъ булатовъ.[8] Другимъ представителемъ сварочныхъ булатовъ являются мечи викинговъ; неоднородность состава крицъ, какъ мы видѣли выше, естественно наталкивала на мысль соединить или переплести ихъ, особенно, если мастеръ могъ имѣть передъ глазами узоръ настоящаго булата.[9] Съ другой стороны, волнистыя, причудливо извивающіяся линіи на мечахъ руссовъ потому то и могли обратить на себя вниманіе Ибн-Фодлан'а, что онъ долженъ былъ быть хорошо знакомъ съ рисункомъ восточнаго булата. Востокъ издавна отличался

---

[1]) D. K. Tschernoff, »Damask Steel«, The Metallographist, 1899, № 3, Boston, U. S. A.

[2]) Д. К. Черновъ, „Сталелитейное Дѣло". СПБ. 1906.

[3]) Д. К. Черновъ, „Изслѣдованія, относящіяся до структуры литыхъ стальныхъ болванокъ", Записки И. Р. Т. О. 1879.

[4]) „Приготовленіе литой стали по способу Аносова", Сталелитейное Дѣло, стр. 198—205.

[5]) Ibidem, стр. 200.

[6]) „Сталелитейное Дѣло", стр. 203.

[7]) Клинокъ этотъ воспроизведенъ въ каталогѣ Императорскаго Эрмитажа и на фиг. 9. „О Булатахъ".

[8]) Но при всей своей красотѣ рисунокъ сварочнаго булата повторяется, какъ напр. въ обояхъ или матеріяхъ. „Настоящій же булатъ отличается отъ сварочнаго неподражаемымъ для искусства расположеніемъ узоровъ". (Аносовъ).

[9]) См. главы I и II.

любовью къ совершенству и къ красотѣ въ предметахъ оружія и обихода; можетъ быть чувствовалъ онъ, что высшее совершенство издѣлія непремѣнно проявится и въ совершенной красотѣ его. Красота восточнаго булата заворожила Аносова; она же неотразимо влекла Чернова, и среди 23 булатныхъ клинковъ его коллекціи были нѣкоторые такой красоты, что равныхъ имъ автору не пришлось видѣть ни въ Эрмитажѣ, ни въ другихъ коллекціяхъ восточнаго оружія.

Въ началѣ 1906 года Д. К. Черновъ принесъ эту коллекцію въ даръ Михайловской Артиллерійской Академіи, и автору поручено было составить ея описаніе. Богатство и, сравнительно, малая использованность матеріала невольно заставили выйти изъ рамокъ предполагавшагося небольшого „введенія" и дополнить изслѣдованіе рядомъ приложеній и ссылокъ.[1]

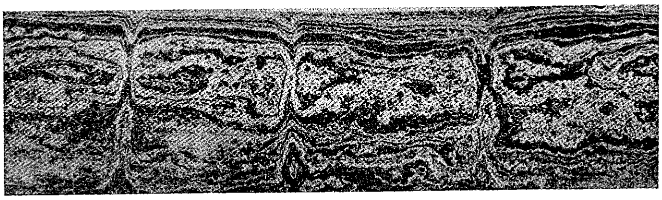


Рис. 2. × 1/4
Сабельной клинокъ А. 491 (Имп. Эрмитажъ). Индійскій сварочный булатъ. (О булатахъ — Н. Т. Бѣляевъ).

Первая задача, которая стала передъ авторомъ заключалась въ классификаціи и критическомъ разборѣ богатаго матеріала, разбросаннаго по описаніямъ путешественниковъ XVII, XVIII и XIX в., старинныхъ грамотъ и описей, трактатовъ арабскихъ и персидскихъ писателей. Затѣмъ нужно было разобраться, что представляли и чему соотвѣтствовали восточныя названія булата; установить связь названія съ рисункомъ; связать, по возможности, восточную классификацію съ „шкалой" Аносова. Это были первые настоятельные вопросы, и, невольно, на нѣкоторое время отходило на второй планъ, какъ воспроизведеніе восточнаго булата по опытамъ Аносова и Чернова, такъ и установленіе связи между строеніемъ булата и современной стали.

Вопросъ о классификаціи булата представляется въ слѣдующемъ видѣ: до насъ дошелъ цѣлый рядъ восточныхъ названій различныхъ булатовъ;[2] нѣкоторыя названія встрѣчаются у многихъ писателей, другія встрѣчаются рѣдко; нѣкоторыя изъ названій чисто географическія, другія имѣютъ связь съ рисункомъ или со свойствами булата; желательно было во всѣхъ, по возможности, случаяхъ установить связь названія съ качествомъ или матеріала, или съ характеромъ рисунка.

Слѣдующія названія приводятся Аносовымъ, располагая сорта булата по степени ихъ достоинства:

„табанъ и каратабанъ, хорассанъ и карахорассанъ, кумъ-гынды и шамъ".[3]

Англійскій генеральный консулъ въ Алеппо Баркеръ приводитъ уже 10 сортовъ, а именно: 3 подраздѣленія табановъ („кермани", „диши" и „эркек-табанъ"); два хорассана („лагори" и „баяцъ хорассанъ"); два гынды („сари" и „кумъ гынды") и затѣмъ „лагоринейрисъ", „элифъ стамбулъ" и „эски-шамъ".[4] Эджертонъ придерживается классификаціи, приведенной въ описаніи царскосельской коллекціи 1860 г., а именно:

»kvik nardubán« (40 ступеней, колѣнчатый булатъ),

»kará khôraçán« (черный хорассанъ),

»kará tábán« (черный табанъ) и »shám« (шамъ).[5] У Эмин-ад-Дин'а упоминаются

[1]) „Историческія свѣдѣнія о булатѣ въ Россіи", В. Ф. Желѣзнова и другія, посвященныя приготовленію булата и классификаціи различныхъ сортовъ его.

[2]) Н. Т. Бѣляевъ, „О Булатахъ", 1906, приложен. 2, стр. 20.

[3]) Аносовъ, „О Булатахъ", 1841.

[4]) Н. Т. Бѣляевъ, „О Булатахъ", стр. 22.

[5]) Egerton, »Indian Arms«, 1880, p. 56.

клинки хорассанскіе, персидскіе, арабскіе, индійскіе и франкскіе; персидскіе клинки по крупности рисунка онъ дѣлитъ на »behanidje« и на »résous«.[1]

Встрѣчаются различныя подраздѣленія булатовъ и въ русскихъ грамотахъ и актахъ. Такъ при описаніи клинковъ указывается: „гирѣйское дѣло",[2] „кашанское дѣло", „казбинское дѣло".[3]

Послѣдній сортъ представляетъ особый интересъ, т. к., съ одной стороны, онъ является ничѣмъ инымъ, какъ хорассаномъ, а, съ другой стороны, у насъ имѣются данныя для того, чтобы точно опредѣлить характеръ соотвѣтствующаго рисунка.

Дѣйствительно, въ описаніи клинковъ, видѣнныхъ имъ у афганцевъ, Сэръ А. Бернсъ говоритъ: „третій (клинокъ) былъ изъ Казвина, то что зовутъ кара-хорассаномъ и съ узоромъ, называемымъ »bedr«; на немъ не было ни прямыхъ, ни волнистыхъ линій, но онъ былъ весь испещренъ темными пятнами".[4]

Аналогичное мѣсто имѣется и у Эмин-ад-Дин'а: „Дамасскіе клинки... когда они стариннаго производства...", говоритъ онъ, „всѣ испещрены пятнышками (harichet)...".[5] По счастливой случайности клинокъ № 6 изъ коллекціи Д. К. Чернова обладаетъ именно такимъ рисункомъ[6] (рис. 3). Такимъ образомъ мы имѣемъ возможность точно установить, что какъ старинные дамасскіе (»ed-demeshkiye«), такъ и хорассанскіе клинки были одного рисунка, а именно типа »bedr« (рис. 4); далѣе, что рисунокъ этотъ состоитъ изъ ряда темныхъ пятенъ и, наконецъ, что таковъ именно узоръ клинка № 6 Чернова. Этими соображеніями опредѣляется характеръ кара-хорассана и хорассана.

Что касается „табана", то характеръ его установленъ Э. Э. Ленцомъ по клинку эрмитажной коллекціи А. 109.

„Клинокъ (этотъ) индоперсидской формы", пишетъ Ленцъ, „темнаго, мѣстами колѣнчатаго рисунка; украшенъ двумя надписями: болѣе древняя выложена мѣдью поперекъ полосы и гласитъ: «Работа Кельбъ Али, сына Ассадъ-Уллаха Исфаганскаго», но по характеру начертанія не можетъ относиться къ началу XVII вѣка, времени дѣятельности знаменитаго оружейника Шаха Аббаса Великаго. Болѣе интересна 2-ая надпись, выложенная золотомъ вдоль тупья, «Во Имя Бога Милостивого и Милосерднаго. Истинно мы помогли Тебѣ очевидной помощью. Работа табана 1190 года» (1776 по Р. Х.). Слова «Амели-табанъ» не могутъ здѣсь обозначать мастера, такъ какъ нѣтъ собственнаго имени Табанъ, а слѣдовательно они должны быть поняты въ смыслѣ «сдѣлано» или «сработано изъ табана», какъ и у насъ въ старину употреблялось слово «дѣло», въ соединеніяхъ «булатное дѣло», «московское дѣло» и т. п. Такимъ образомъ мастеръ этой сабли засвидѣтельствовалъ намъ, что называлось «табаномъ» въ концѣ XVIII-го вѣка; этимъ же опредѣляется и другая разновидность дамаска — «кара-табанъ»."[7]

---

[1]) Hammer, »Sur les lames des orientaux«, p. 70.

[2]) „Одна сабля булатная гирѣйская" упомянута въ 1505 г. въ духовной князей Ивана и Өедора Борисовичей Высоцкихъ. „Историческія свѣдѣнія о булатѣ въ Россіи", Желѣзнова.

[3]) Веселовскій, „Памятники дипломатическихъ и торговыхъ сношеній и т. д." стр. 194.

[4]) Burnes (Lieut. Col., Sir A.), »Cabool, a personal narrative of a journey to in residence in that city in the years 1836, 37 и 38«. London, 1843.

[5]) »Sur les lames des orientaux«, p. 71.

[6]) Клинокъ этотъ воспроизведенъ въ статьѣ Д. К. Чернова »Damask Steel«, The Metallographist, 1899, Boston, U. S. A.; затѣмъ въ описаніи коллекціи на стр. 50 и фиг. 2 („О Булатахъ", 1906) и въ Запискахъ по Сталелитейному Дѣлу, 1906 на фот. 4 (стр. 46). — На рис. 4, съ любезнаго разрѣшенія хранителя коллекціи Уоллесъ г. Камп'а и Директоровъ музея воспроизводится клинокъ № 397 съ рисункомъ именно такого типа.

[7]) Н. Т. Бѣляевъ, „О булатахъ", 1906, приложеніе 2, стр. 22, 23, гдѣ клинокъ А. 109 воспроизведенъ на фиг. 8-ой, табл. II. Клинокъ этотъ также воспроизведенъ Э. Э. Ленцомъ въ его Указателѣ Отдѣленія Среднихъ Вѣковъ и Эпохи Возрожденія, СПБ., 1908.

Рисунокъ клинка А. 109 по классификаціи Аносова — сѣтчатый; при этомъ онъ тождественъ съ рисункомъ клинка А. 432, который былъ приготовленъ Аносовымъ въ 1837 году и поднесенъ имъ В. Кн. Михаилу Павловичу.[1] Въ журналѣ опытовъ, приложеннаго къ книгѣ Аносова „О Булатахъ", сказано про слитокъ, помѣченный № 179, 1837 года: „узоры явственны и крупны каратабана; одинъ изъ клинковъ употребленъ на саблю для Е. И. В. Вел. Князя Михаила Павловича." Рисунокъ этого клинка тоже сѣтчатый и фонъ темный. Слѣдовательно „работа табана" отвѣчаетъ сѣтчатому узору, а самый табанъ это сѣтчатый булатъ.[2]

Рис. 3. ×3/4

Клинокъ № 6. коллекціи Д. К. Чернова. Узоръ типа »Bedr« — хорассанъ. (»Damesk Steel«, D. K. Tschernoff).

На одномъ изъ другихъ клинковъ Эрмитажной коллекціи, именно на А. 88 — блѣднаго тусклаго полосатаго — булата имѣется надпись таушированная золотомъ: „Бейадъ Истамбулъ", т. е. Бѣлизна Константинопольская. Здѣсь мы имѣемъ опять засвидѣтельствованный образецъ булата полосатаго, который оказывается турецкимъ дамаскомъ и принадлежитъ къ типу „шамъ".[3]

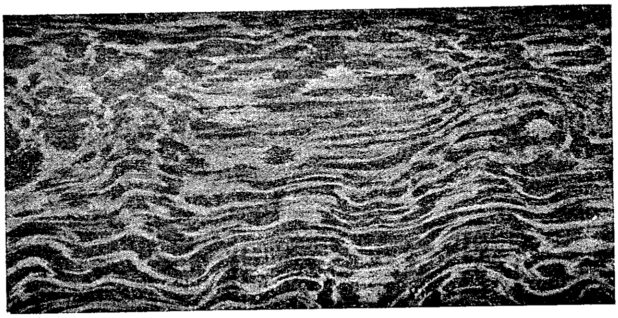


Рис. 4. ×1/1

Клинокъ № 1404 Wallace Collection. Узоръ типа »Bedr« хорассанъ. (Снимокъ Б. Г. Брандта).

Наконецъ названіе „кумъ гынды" означаетъ — индійская волна и этимъ ясно указываетъ на связь рисунка съ понятіемъ о струистости или текучести. То же самое говоритъ Бёрнсъ при описаніи второго клинка, видѣннаго имъ у Афганцевъ и приписываемаго Аббасу Великому. Онъ называетъ этотъ рисунокъ »Begumee« и говоритъ: „Линіи шли не прямо, но струились какъ узоръ на шелку";[4] это описаніе несомнѣнно соотвѣтствуетъ „струистому" и „волнистому" рисункамъ Аносова (рис. 5).

Всѣ главные типы рисунковъ, предложенные Аносовымъ какъ шкала для опредѣленія свойствъ и достоинства булатовъ, а имеино сѣтчатый, волнистый и струистый, и полосатый, находятъ совершенно опредѣленное выраженіе въ восточныхъ названіяхъ табанъ, кумъ гынды и шамъ; для хорассана съ узоромъ типа »bedr« у Аносова нѣтъ спеціальнаго подраздѣленія; сличеніе клинковъ съ узоромъ этого типа съ записями въ журналѣ Аносова показываетъ, что Аносовъ относилъ этотъ узоръ къ высшимъ сортамъ булата, а именно въ разновидности сѣтчатыхъ.

Остается еще одинъ сортъ булата, который Аносовъ считаетъ наиболѣе совершеннымъ по узору, а именно „колѣнчатый", въ которомъ „поперечныя сѣти настолько увеличиваются, что составляютъ гроздья, подобныя виноградннымъ, или, простираясь

[1]) Ibidem, приложеніе 12, стр. 25, 26.

[2]) Включая сюда и колѣнчатый, ибо на клинкѣ А. 109 имѣются и колѣна. Э. Э. Ленцъ склоненъ отнести сѣтчатые и колѣнчатые булаты въ одну группу; Бернсъ, описывая узоръ, который онъ называетъ »Akbaree Steel«, говоритъ: „подобно мотку шелка."

[3]) См. выше цитированное письмо Э. Э. Ленца, „О Булатахъ", 1906, стр. 23.

[4]) Burns, »Cabool etc.« 1843.

почти во всю длину полосы или вещи, раздѣляютъ ее на колѣна, почти равныя между собой и сходныя въ узорахъ" (рис. 7 и 8). Это т. н. »kirk narduban« или kirk nerdébân, т. е. сорокъ ступеней. И здѣсь опять полное соотвѣтствіе между классификаціей Аносова и восточными названіями, т. к. такіе клинки всегда особенно цѣнились[1] и въ Индіи, и въ Персіи, и въ Аравіи. Къ числу колѣнчатыхъ булатовъ относится, судя по описанію, и знаменитый мечъ Магомета »Dsu-l-fakkar«, который сталъ его добычей послѣ битвы при Бедр'ѣ. Такой же извѣстностью пользовался и мечъ Mu-fakkar.[2] Оба эти названія значатъ обладающій „позвонками" или колѣнами; отсюда и столь употребительное на востокѣ названіе для колѣнчатыхъ булатовъ: Лѣстница Пророка".

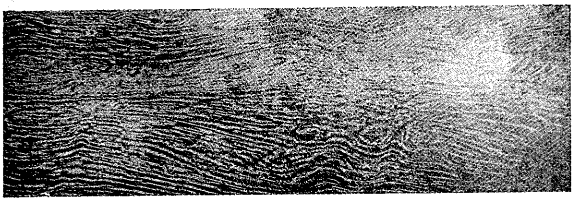


Рис. 5. $\times 1/1$

„Волнистый Булатъ." Клинокъ, отхованный на Ижевскомъ Заводѣ въ 1908 году А. Н. Циглеромъ. (»Ueber Damast«, N. T. Belaiew.)

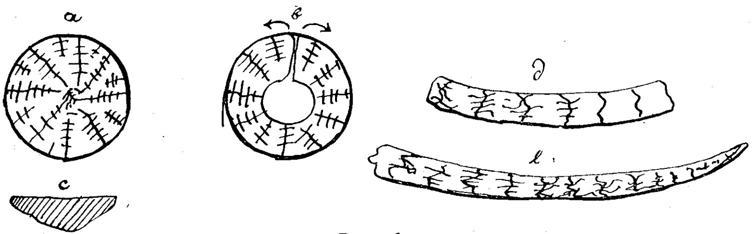


Рис. 6.

Схема Д. К. Чернова, обьясняющая появленіе „колѣнъ" на клинкѣ, выкованномъ изъ булатнаго хлѣбца-сутунка: *a* — сутунокъ и *c* его сѣченіе; видны оси 1 и 2 порядка; *b* — сутунокъ съ вырубленной сердцевиной и надрубомъ по одному изъ радіусовъ; *d* — дальнѣйшія стадіи ковки. („О Булатахъ", Н. Т. Бѣляева.)

Можетъ быть, глядя на одинъ изъ такихъ мечей съ его изумительнымъ рисункомъ, Эмин-ад-Динъ и подумалъ, а потомъ записалъ: „когда ты глядишь на клинокъ, ты видишь и то, что снаружи, но и то, что внутри."

Чудная, гладкая, отражающая свѣтъ какъ зеркало, поверхность клинка, легкая протрава купоросомъ — заг'омъ, чтобы рѣзче выступили составныя части — вотъ тотъ секретъ, который позволилъ персу или арабу, разсматривая наружную поверхность издѣлія, узнавать и внутреннее его достоинство.

Тотъ же крупный, видимый простымъ глазомъ рисунокъ, невольно наводилъ на мысль посмотрѣть въ лупу или въ микроскопъ на полированную поверхность металла, протравивъ ее слегка кислотой. И Аносовъ въ 1831 году, какъ показываетъ журналъ его опытовъ,[3] неоднократно пользовался микроскопомъ для опредѣленія свойствъ получаемыхъ металловъ... и все же потребовалось болѣе полустолѣтія, чтобы зародилась,

[1]) Аносовъ указываетъ, что колѣнчатый булатъ получается при наибольшемъ времени плавки, когда наибольшее количество углерода растворится въ жидкой стали. Черновъ объясняетъ происхожденіе колѣнъ тѣмъ, что въ стали, богатой углеродомъ, стремленіе къ кристаллизаціи будетъ особенно сильно и при медленномъ и спокойномъ охлажденіи проявится одновременнымъ появленіемъ ряда сильныхъ длинныхъ кристаллическихъ ростковъ, которыми „вся масса остывающаго матеріала будетъ раздѣлена на извѣстныя, большей частью одинаковыя, области...; всѣ эти главныя оси направлены въ тиглѣ отъ периферіи къ центру; когда же сплавокъ послѣ надрубки развертывается и расковывается въ полосу, то эти линіи изобразятся болѣе или менѣе параллельными гроздьями линій, разбивающихъ полосу на рядъ ступеней или колѣнъ" (Черновъ, приложеніе 40, стр. 34, „О Булатахъ", 1906). См. также E. Lenz, »Stufen-Damast«, Zeitschrift für Historische Waffenkunde, 1906, ss. 231, 232 — рис. 6 — О ковкѣ булата дальнѣйшія свѣдѣнія имѣются въ сочиненіяхъ, указанныхъ въ библіографіи. — Въ 1908 году А. Н. Циглеръ отковалъ на Ижевскомъ заводѣ нѣсколко клинковъ съ волнистымъ и сѣтчатымъ рисункомъ (»Ueber Damast«, N. T. Belaiew). Особенно интересны опыты г-жи K. Harnecker (Stahl und Eisen, 1924, Nr. 45). Нѣкоторые изъ откованныхъ ею клинковъ имѣютъ рисунокъ типа „ведъ".

[2]) F. W. Schwarzloze. »Die Waffen der alten Araber u. s. v.«, 1886, Leipzig.

[3]) Аносовъ, „О булатахъ", СПБ., 1841, см. напр. журналъ опытовъ подъ № 68 (1831 года), гдѣ за-

трудами Сорби и Чернова, новая наука — микроскопическая металлографія; и все же развитіе ея шло очень медленно, ощупью, на маленькихъ кусочкахъ металла, долго не рѣшаясь и подумать объ изслѣдованіи строенія цѣльнаго готоваго издѣлія...

Эти или подобныя имъ мысли роились въ головѣ автора, когда, закончивъ въ 1906 году работу „О булатахъ“, рѣшался онъ приступить, сначала къ повторенію опытовъ Аносова и Чернова, а, далѣе, и къ общему изслѣдованію свойствъ булата въ свѣтѣ и при помощи современныхъ металлографическихъ методовъ.

VI. МИКРОСКОПИЧЕСКОЕ СТРОЕНІЕ БУЛАТА

Первичная и вторичная кристаллизаціи стали — Анализы булатныхъ клинковъ, вутца и намбана — Цементитъ. Его сфероидація — Ковка восточныхъ клинковъ — О силѣ поверхностнаго натяженія — Заключеніе

Изученіе литературныхъ данныхъ о производствѣ булата привело автора къ выводу, что издавна существовало два главныхъ способа его приготовленія, а именно изъ рудъ, сплавленіемъ ихъ въ тигляхъ съ древеснымъ углемъ или графитомъ, способъ, который мы назвали „индійскимъ“, или сплавленіемъ съ графитомъ же въ тигляхъ чистаго желѣза. Первый способъ требовалъ чистѣйшихъ рудъ и большого искусства; второй способъ примѣнялся главнымъ образомъ въ Персіи, и его мы назвали „персидскимъ“.[1] Въ Персію онъ занесенъ былъ изъ Индіи и, по свидѣтельству Шардена[2] въ умѣлыхъ рукахъ давалъ результаты, немногимъ уступавшіе первому. Тѣмъ не менѣе сами персы, какъ мы видѣли, предпочитали своему булату привозный изъ „Индійскаго государства“.

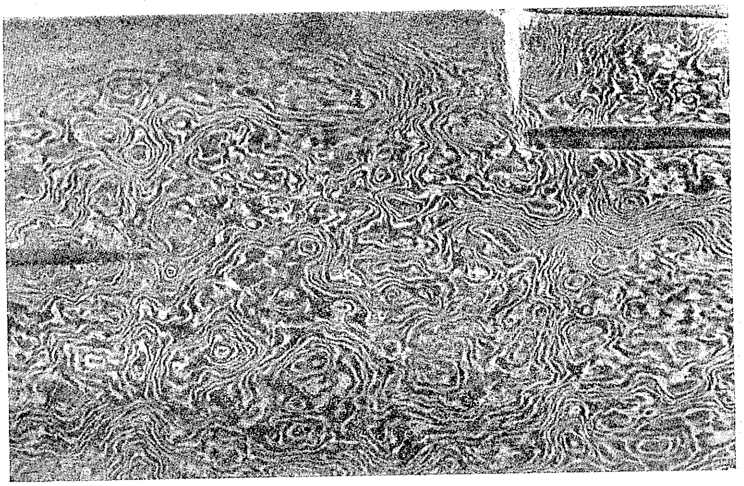


Рис. 7. × 5/4

Сабельный булатный клинокъ № 1 изъ собранія Д. К. Чернова.— Узоръ колѣнчатый. („Кристаллизація и структура стали“ Н. Т. Бѣляева).

И при индійскомъ, и при персидскомъ способѣ сталь плавилась въ тигляхъ и остывала съ печью при медленномъ и спокойномъ охлажденіи. Условія эти были подробно изучены и описаны Аносовымъ и Черновымъ. При соблюденіи этихъ условій — и по способу принятому Аносовымъ — были приготовлены весной 1907 года первые слитки — сутунки булата на Путиловскомъ заводѣ.[3]

писано: „...въ полировкѣ чиста... узоры едва примѣтны въ микроскопъ.“ См. также приложенія 33 и 29 къ Н. Т. Бѣляевъ, „О Булатахъ“, 1906.

1) Н. Т. Бѣляевъ, „О булатахъ“, СПБ., 1906, стр. 8.

2) Chardin, »Voyages en Perse«, Paris, 1811, vol. III, pp. 354—356 et vol. IV, pp. 135, 137.

3) Н. Т. Бѣляевъ. „Кристаллизація и структура стали при медленномъ охлажденіи“. СПБ., 1909, стр. 1—92. Сутунки были приготовлены при содѣйствіи и участіи завѣдующаго лабораторіей Путиловскаго завода инженера металлурга Н. И. Бѣляева. Н. И. Бѣляевъ горячо заинтересовался вопросомъ о булатѣ и о связи булатнаго рисунка съ макроструктурой стали. См. Журналъ Русскаго Металлургическаго Общества, 1910 г., № 1 и Revue de Métallurgie, 1912, гдѣ изложены взгляды Николая Ивановича на кристаллизацію и на макроструктуру стали.

Лѣтомъ того же года, когда автору пришлось побывать въ Златоустѣ, управленіемъ завода былъ приготовленъ сутунокъ булата въ условіяхъ, перешедшихъ по традиціи отъ Аносова; наконецъ, въ 1908 году было приготовлено 3 сутунка на Ижевскомъ заводѣ[1] и 1 на Ижорскомъ.[2]

Первый сутунокъ Путиловскаго завода былъ очень богатъ углеродомъ; на наружной поверхности его чрезвычайно отчетливо были видны кристаллическія оси и ихъ вѣтви (рис. 9), но ковался онъ чрезвычайно трудно, и автору пришлось лично пройти черезъ тѣ испытанія, о которыхъ писали Реомюръ и Стодартъ.

Необычайная красота и отчетливость строенія этого слитка, видимая, какъ и въ булатахъ, простымъ глазомъ и на наружной его поверхности, и на шлифѣ (отполированномъ и протравленномъ сѣченіи), доказывала, тѣмъ не менѣе, что путь избранъ былъ вѣрный; та же отчетливость и разнообразіе узора, невольно, на время, отвлекли вниманіе автора въ сторону, въ область общихъ соотношеній кристаллизаціи **первичной**, изъ расплавленнаго состоянія, когда происходитъ описанное Черновымъ распаденіе застывающей массы на вещество менѣе углеродистое по осямъ кристалловъ и болѣе углеродистое въ промежуткахъ, — и **вторичной кристаллизаціи**, уже внутри затвердѣвшей массы, при температурѣ краснаго каленія и ниже. Эта вторичная кристаллизація въ конечномъ итогѣ превращаетъ сутунокъ въ агломератъ двухъ различныхъ составныхъ частей: чистаго желѣза, феррита и соединенія желѣза съ углеродомъ (карбида желѣза), т. н. цементита. Химическій анализъ цементита даетъ 14 вѣсовыхъ частей желѣза на одну вѣсовую часть углерода; другими словами, на 1 вѣсовую часть углерода приходится (14 + 1), т. е. 15 вѣсовыхъ частей цементита.[3] Это соотношеніе имѣетъ чрезвычайно большое значеніе въ практикѣ, ибо оно въ 15 разъ увеличиваетъ значеніе углерода въ стали.

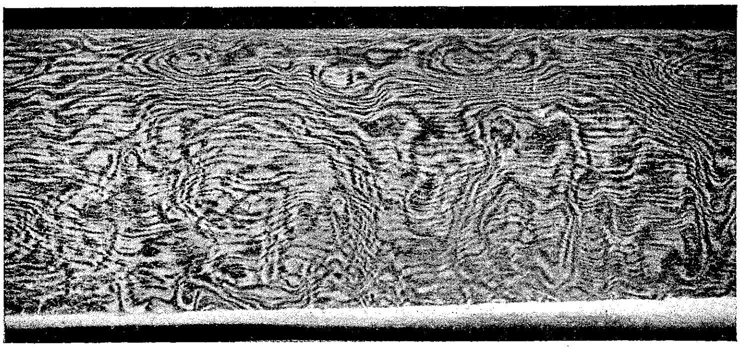


Рис. 8. $\times 1/1$

Сабельный булатный клинкъ № 1434 изъ Wallace Collection въ Лондонѣ. — Узоръ колѣнчатый. (»Cristallisation of Metals«, N. Belaiew).

По опредѣленію, данному Черновымъ, сталью называется соединеніе желѣза съ углеродомъ въ предѣлахъ отъ $1/3$ процента до 2 процентовъ послѣдняго; соединеніе это, подобно желѣзу, обладаетъ ковкостью, но, въ отличіе отъ него, способно принимать закалку (отъ нагрѣва до краснаго каленія и быстраго затѣмъ охлажденія).

Можетъ показаться страннымъ, какъ, на первый взглядъ, такая незначительная примѣсь углерода какъ $1/3\%$ можетъ существенно измѣнить свойства продукта и превратить желѣзо въ сталь. Вліяніе это станетъ болѣе очевиднымъ, если мы обратимъ

---

[1]) Гдѣ булатомъ заинтересовались начальникъ сталелитейнаго отдѣла завода Э. К. Гермоніусъ и его помощникъ, А. Н. Циглеръ. Послѣдній отковаль рядъ клинковъ съ волнистымъ и сѣтчатымъ рисункомъ (Metallurgie, 1911, s. 493, »Ueber Damast).

[2]) Необычайная отзывчивость русскихъ металлургическихъ заводовъ показала интересъ нашихъ инженеровъ къ работамъ Аносова и Чернова; съ глубокой благодарностью вспоминаетъ авторъ теперь, по истеченіи около 20 лѣтъ, всѣхъ оказавшихъ ему помощь и содѣйствіе въ его первыхъ опытахъ.

[3]) Это соотношеніе даетъ химическую формулу Fe_3C.

вниманіе, что въ стали углеродъ находится именно въ формѣ цементита, и что, слѣдовательно, $^1/_3$% углерода отвѣчаетъ $^{15}/_3$, т. е. 5% цементита; такъ же $^2/_3$%, то содержаніе, которое находится въ полутвердой стали, составитъ уже 10%; 1%С., какъ въ твердой стали, которая идетъ на инструменты — 15%, а 1,6—1,8% (какъ въ хорошихъ сортахъ булата) — отъ 24 до 27%, т. е. около $^1/_4$ всей массы.

Вліяніе цементита на свойства стали станетъ еще болѣе очевиднымъ, если мы замѣтимъ, что по свойствамъ своимъ цементитъ напоминаетъ стекло, т. е. онъ также хрупокъ и относительно твердъ; желѣзо же, которое мы какъ составной элементъ стали называемъ „феррит'омъ", по мягкости и тягучести напоминаетъ чистую мѣдь.

Представимъ себѣ теперь сплавъ, въ которомъ около 25% цементита; цементитъ этотъ, твердый и хрупкій, будетъ распредѣленъ по всей массѣ въ видѣ длинныхъ, тонкихъ пластинъ или иглъ. Такой металлъ будетъ много тверже обыкновеннаго желѣза, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ будетъ чрезвычайно хрупкимъ. Отъ каждаго удара молота онъ будетъ давать трещины; хрупкія пластинки цементита, составляющія здѣсь $^1/_4$ всей массы, какъ бы настоящій скелетъ ея, будутъ дѣлать весьма труднымъ какое либо измѣненіе формы; металлъ будетъ хрупкимъ и не будетъ коваться.

Именно такая структура, не поддающаяся ковкѣ, структура, показывающая какъ вся основная масса пропитана хрупкими иглами и пластинами цементита, оказалась и у сутунка Златоустовскаго завода („Аносовскаго"), и у сплава № 1 Путиловскаго Завода съ 1.80% углерода, т. е. съ 27% цементита (рис. 10).

Рис. 9. $\times$ $^1/_2$
Наружная корка булатнаго сутунка.
„Первичная Кристаллизація".
(„Кристаллизація и структура стали").

Чѣмъ больше цементита въ стали, тѣмъ больше въ ней хрупкихъ пластинокъ, образующихъ, такъ сказать, поверхности слабости и тѣмъ меньше ковкость сплавка; обратно, чѣмъ меньше цементита, чѣмъ ниже процентъ углерода, тѣмъ легче куется металлъ.

Обыкновенно ходовые сорта европейской стали содержатъ отъ 0,4 до 0,5% углерода, т. е. отъ 6 до 7—8% цементита. При этихъ условіяхъ, даже если бы цементитъ и не былъ расположенъ равномѣрно по всей массѣ стали, какъ къ этому всегда стремилась европейская практика, а былъ бы собранъ въ крупныя скопленія — прожилки, какъ въ булатѣ, ковкость не была бы сильно нарушена.

Не то въ восточномъ булатѣ; и содержаніе углерода, а слѣдовательно и цементита, тамъ гораздо выше и, вслѣдствіе медленнаго охлажденія, собраны эти значительныя сами по себѣ массы цементита въ крупныя, видимыя простымъ глазомъ, скопленія — грозди.

Разсмотримъ содержаніе углерода въ различныхъ образцахъ восточнаго булата:

*

1. Персидскій булатный клинокъ съ сѣтчатымъ красивымъ рисункомъ (изъ коллекціи автора), далъ углерода 1,50%, т. е. около 23% цементита.[1]

2. Индійскій булатный клинокъ, сѣтчатаго рисунка, (изъ коллекціи автора) далъ углерода 1,60%, т. е. 24% цементита.[2]

3. Булатные клинки изъ коллекціи Г. Мозера, анализированные Проф. Чокке[3], дали для 5 клинковъ (изъ 6) слѣдующія данныя: углерода 1,34%; 1,58%; 1,68%; 1,73% и 1,87%, т. е. цементита въ процентахъ — 20, 24, 25, 26 и 28.[3]

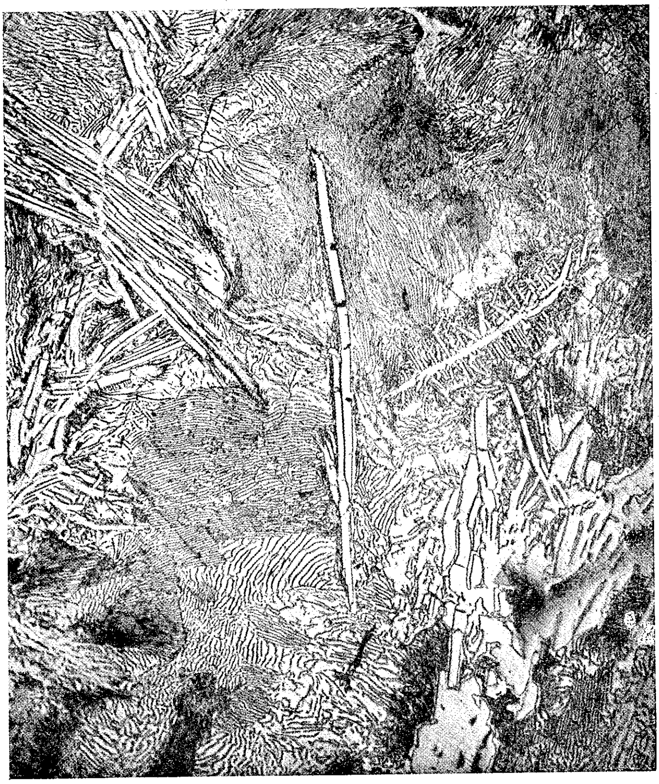


Рис. 10.
Сплавъ № 1 — C = 1·80%. Fe_3C = 27%.
Скопленія пластинокъ цементита на фонѣ основной перлитовой массы. (»Crystallisation of Metals«).

Къ этимъ даннымъ можно присоединить еще нѣкоторыя другія, относящіяся къ индійской стали, а именно:

4. анализъ вутца, сдѣланный Генри; онъ даетъ для углерода 1,34% и 1,65%, т. е. цементита 20% и 25%[4] и анализъ

5. Намбанъ Цетсу, углерода 1,60%; цементита 24%.[5]

Всѣ эти данныя сгрупированы въ слѣдующей таблицѣ (таблица I), гдѣ для полноты присоединены данныя для булата Аносова, по аналнзу Илимова[6], и для булатнаго клинка Д. К. Чернова[7] (анализъ автора), а характерныя по содержанію углерода сорта европейской стали приведены въ таблицѣ II.

Сравненіе этихъ двухъ таблицъ показываетъ, что содержаніе углерода (и цементита), какъ въ образцахъ индійской стали, такъ и въ восточныхъ клинкахъ очень высоко. За однимъ исключеніемъ (клинокъ № 8, коллекціи Мозера) и притомъ клинка съ тусклымъ волнистымъ, почти полосатымъ рисункомъ, всѣ они не только принадлежатъ къ т. н. надъэвтектоидной стали (съ содержаніемъ углерода болѣе 0.90%), но и значительно превосходятъ это содержаніе, имѣя въ среднемъ около 1.60% С. т. е. около 24% цементита; съ другой стороны, въ обыкновенной европейской заводской практикѣ придерживаются подъэвтектоидной стали и очень рѣдко подымаются до 1—1.5% С т. е. до 15—20% цементита, всегда оставаясь ниже того содержанія углерода, котораго держались восточные оружейники.

[1]) N. T. Belaiew, »Damast, seine Strucktur und Eigenschaften«, Metallurgie, 1911, s. 702.
[2]) N. T. Belaiew, »Crystallization of Metals«, (The Damascene Procen), London, 1923. p. 35, phot. 32.
[3]) B. Zschokke, »Du damassé et des lames de damas«. Revue de Métallurgie, 1924, pp. 625—669.
[4]) Percy, »Traité complet de Métallurgie«, IV, p. 183.
[5]) H. L. Joly, »Note sur le fer et le style Namban«, 1914, p. 1.
[6]) Илимовъ, „Разложеніе Златоустовскаго Булата и двухъ шлаковъ", Горный Журналъ, 1841, ч. IV стр. 17.
[7]) Н. Т. Бѣляевъ, „Кристаллизація, структура и свойства стали и т. д." 1909. СПБ., стр. 46.

ТАБЛИЦА I.

№№	Описаніе клинка или образца	Содержаніе углерода %	Содержаніе цементита %
	Изъ коллекціи Н. Т. Бѣляева		
1	персидскій булатный клинокъ № 1, сѣтчатый	1.50	23
2	индійскій булатный клинокъ № 2, сѣтчатый	1.60	24
	Изъ коллекціи Г. Мозера		
3	клинокъ № 9, сабельный, сѣтчатый	1.34	20
4	клинокъ № 5, кинжальный, колѣнчатый	1.58	24
5	клинокъ № 3, кинжальный, колѣнчатый	1.68	25
6	клинокъ № 10, сабельный, колѣнчатый	1.73	26
7	клинокъ № 7, сабельный, струистый	1.87	28
8	клинокъ № 8, сабельный, волнистый	0.60	9
	Образцы Индійской стали		
9	„Намбанъ Цетсу"	1.60	24
10	вутцъ по анализу Генри	1.34 1.65	20 25
	Образецъ Аносовскаго булата		
11	по анализу Илимова	1.13	17
	Образецъ булата Чернова		
12	приготовленнаго имъ въ 1868	1.07	16

Несомнѣнно, что большое содержаніе цементита дѣлало ковку восточнаго булата чрезвычайно затруднительнымъ; тѣмъ не менѣе, стремясь имѣть для своихъ издѣлій матеріалъ, дающій сочетаніе наибольшей твердости и остроты лезвія, персидскіе и индійскіе кузнецы продолжали держаться именно этихъ трудноковкихъ сортовъ. При этомъ со своей задачей справлялись они необычайно искусно, и всѣ издѣлія ихъ, будь это клинки, шлемы или щиты, откованы чрезвычайно тонко, чисто и ровно. Невольно рождается мысль, что имъ было что-то такое извѣстно про искусство ковки, что ускользало отъ насъ. Отвѣтъ на этотъ вопросъ слѣдовало искать въ болѣе подробномъ изученіи строенія восточного булата.

При разсматриваніи простымъ глазомъ волнистыхъ линій, которыя видѣлъ Ибн-Фодланъ, или прожилковъ, о которыхъ говоритъ Шарденъ, тѣ и другія въ кованомъ булатѣ представляются рядомъ непрерывныхъ изгибающихся блестящихъ полосокъ. Велико было изумленіе автора, когда внимательно вглядываясь подъ микроскопомъ въ клинокъ № 2 Д. К. Чернова, сталъ онъ замѣчать, что уже подъ небольшимъ увеличеніемъ въ 5 или 10 полосы, которыя ранѣе казались сплошными, стали разсыпаться, распыляясь на множество мелкихъ точекъ (рис. 11). При увеличеніи въ 50 каждая полоска превращалась въ настоящій млечный путь (рис. 12),[1] а при болѣе

[1]) Н. Т. Бѣляевъ, „Кристаллизація, структура и свойства стали и т. д.", 1909, стр. 47 и фот. 47 и 48.

ТАБЛИЦА II.

Сорта обыкновенной стали.[1]

№№	Названіе	Назначеніе	Содержаніе углерода %	Содержаніе цементита %
1	Самая мягкая сталь закаливается слабо	части машинъ, рельсы	0.30—0.40	4, 5—6
2	мягкая сталь принимаетъ среднюю закалку	желѣзнодорожныя оси, шипы; арт. орудія	0.40—0.60	6—9
3	средней твердости хорошо закаливается	пружины, холодное оружіе, рѣзцы, пилы, арт. снаряды	0.60—0.80	9—12
4	очень твердая сильно закаливается	зубила, бритвы, напильники, хирургическіе инструменты	0 80—1 00	12—15
5	самая твердая „свыше этого содержанія приготовляется весьма рѣдко, т. к. трудно обрабатывается“[2]	особенно твердые напилки, гравировальные рѣзцы, мелкія сверла	1.00—1.50	15—23

крупныхъ увеличеніяхъ въ 500, 600 или 1000[3] (рис. 14) видно было, какъ то, что казалось раньше точкой или пятнышкомъ, оказывалось кругловатымъ или овальнымъ тѣльцемъ, со сглаженными краями и гладкими очертаніями, вродѣ неправильной формы бусъ. Ни помину ни объ острыхъ углахъ, ни о зазубринахъ. Если въ булатномъ некованомъ сутункѣ цементитныя скопленія ершились тысячью зазубринъ и зубцовъ (рис. 13) то въ прокованномъ клинкѣ тѣ же цементики имѣли видъ сферическихъ капель или шаровидныхъ скопленій (рис. 14). Если въ первомъ случаѣ можно было сравнить булатный хлѣбецъ съ кускомъ мягкой красной мѣди, въ которую вдавлено на $^1/_4$ его вѣса острыхъ обломковъ битаго стекла, то прокованый клинокъ напомнитъ полосу той же мѣди, куда то же количество стекла вкраплено въ видѣ груды мелкихъ круглыхъ шариковъ. Не трудно видѣть, что во второмъ случаѣ ковкость образца должна оставаться значительной и будетъ приближаться къ ковкости основной массы.

Установивши 2 звена цѣпи, остается найти между ними связь и рѣшить, какъ, какимъ образомъ можно превратить груду ломкихъ, хрупкихъ, заостренныхъ цементитныхъ пластинокъ въ гладкіе ровные шарики; гдѣ та сила, которая можетъ это сдѣлать; сила, которой съ незапамятныхъ временъ пользовались индійскіе, персидскіе и арабскіе кузнецы?

Сила эта — та самая, которая придаетъ каплѣ воды или капелькѣ масла шаровидную форму — это сила поверхностнаго напряженія. Въ жидкостяхъ она

[1]) Д. К. Черновъ „Сталелитейное Дѣло“, (сорта стали), СПБ., 1906, стр. 133—135.
[2]) Ibidem, стр. 135.
[3]) N. T. Belaiew, »Damast, seine Struktur und Eigenschaften«, 1911, fig. 667. 671 und 672.

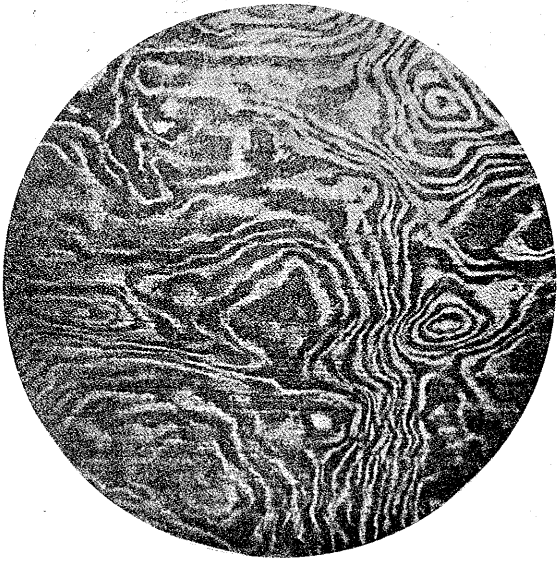


Рис. 11. ×5
Булатный клинокъ № 2 изъ собранія Д. К. Чернова.
(Кристаллизація и структура стали.)

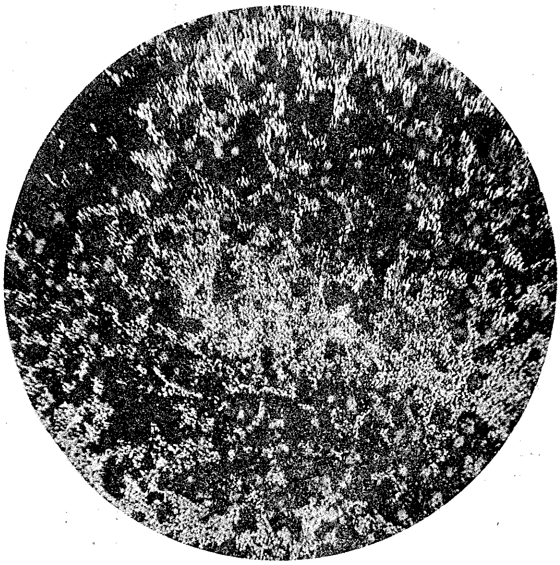


Рис. 12. ×50
Булатный клинокъ № 1 изъ собранія Н. Т. Бѣляева.
(»Damast u. s. v.«).

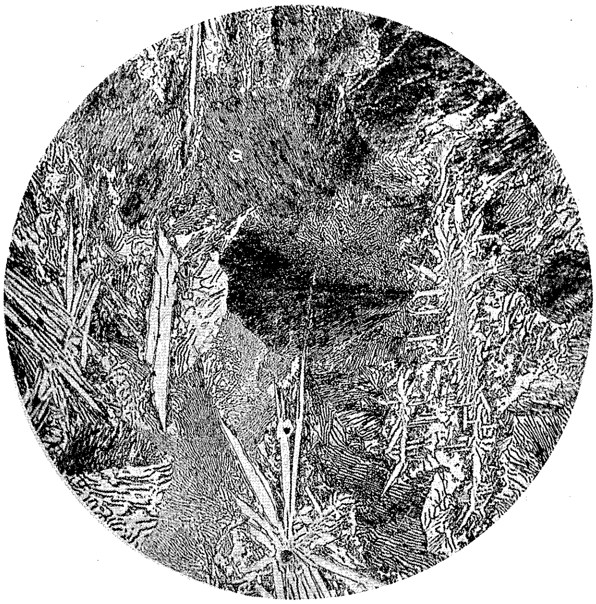


Рис. 13. ×100
Булатный сутунокъ до ковки.

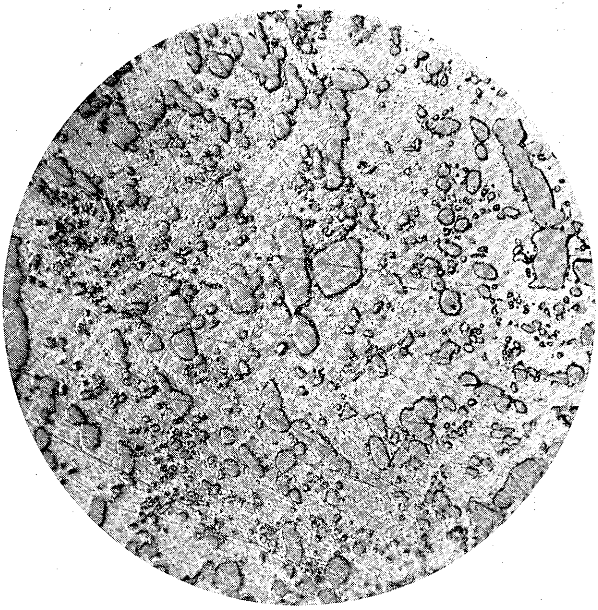


Рис. 14. ×1000
Булатный клинокъ послѣ ковки.

дѣйствуетъ легко, и дѣйствіе ея наглядно; въ твердыхъ тѣлахъ — труднѣе и, чтобы дать возможность проявиться ея дѣйствію въ жесткой твердой средѣ, нужно тѣло нагрѣть, чтобы облегчить передвиженіе частицъ; кромѣ того нужно помочь механически и рядомъ ударовъ разбить, раздробить крупныя скопленія и пластины.

И вотъ если булатный сутунокъ сначала подвергнуть ряду осторожныхъ ударовъ, не слишкомъ сильныхъ, чтобы не вызвать трещинъ, а только, чтобы слегка внутри надломить крупные прожилки, а потомъ вновь положить этотъ сутунокъ въ печь и продержать нѣкоторое время такъ при неяркомъ красномъ каленіи (около и ниже 700°), то начнется процессъ „свертыванія", группы цементитныхъ выдѣленій начнутъ свертываться и обосабливаться. Снова легкая проковка и нагрѣваніе; второй, третій разъ — и съ каждымъ разомъ ковкость сутунка все станетъ увеличиваться и увеличиваться, пока, наконецъ, твердый булатъ, вполнѣ „сфероидированный", не начнетъ коваться, какъ желѣзо.[1]

Теперь мы легко можемъ представить себѣ, какъ гдѣ-нибудь на склонахъ Гималаевъ, 3000—4000 л. тому назадъ, старый кузнецъ старается проковать клинокъ изъ только что вынутаго сутунка. „Съ сожалѣніемъ видитъ онъ, что послѣ одного или двухъ ударовъ сутунокъ уже остылъ и его снова нужно положить въ горнъ. Опять нѣсколько ударовъ — легкихъ ударовъ, ибо самый молотокъ легкій; на этотъ разъ сутунокъ подается легче и проявляетъ нѣкоторые слѣды ковкости. Снова его нужно подогрѣть и осторожно проковать; но каждый разъ его ковкость увеличивается и, наконецъ, онъ куется какъ чистое желѣзо.

Старый кузнецъ добился своего; клинокъ, быть можетъ, слегка покрытъ окалиной; онъ почиститъ его, потретъ старой ветошкой, быть можетъ смоченной растительной кислотой — и вотъ появился чудный узоръ.

Отъ поколѣнія къ поколенію передается теперь искусство ковать и искусство травить; покупщикъ начнетъ цѣнить безподобный узоръ и пойметъ связь его съ качествами и достоинствами клинка. Такъ первыя »металлографическія испытанія« готоваго издѣлія станутъ обычаемъ у индусовъ и персовъ".[2]

Большая часть знаній ихъ была, впрочемъ, скрыта отъ постороннихъ и съ теченіемъ времени стала забываться. Намъ пришлось вновь открывать все это, правда съ нашими болѣе совершенными методами и болѣе широкими взглядами; и теперь мы понимаемъ, что легкая осторожная ковка и послѣдующіе нагрѣвы, было какъ разъ то, что нужно было, чтобы заставить нацѣло „засфероидироваться" частицы цементита. Поняли мы тоже, какъ сила поверхностнаго натяженія была призвана на помощь, чтобы измѣнить строеніе и какъ съ ея помощью твердый и хрупкій сутунокъ сталъ коваться, какъ чистая мѣдь.

Начинаемъ тоже понимать, что узорчатый булатъ былъ инструментальной и спеціальной сталью древнихъ;[3] что незачѣмъ имъ было испытывать вліяніе рѣдкихъ и дорогихъ примѣсей на желѣзо, но что булатное оружіе, булатные инструменты, булатныя долота и сверла давали имъ возможность — безъ помощи пара и всѣхъ нашихъ современныхъ средствъ — строить пирамиды, какъ въ Египтѣ, воздвигать въ Индіи громадную колонну Кутуба и, въ рукахъ римлянъ, завоевать міръ.

Тотъ же булатъ шелъ изстари и къ намъ, когда каспійскіе и среднеазіатскіе рынки были намъ открыты, какъ въ древней Руси или послѣ Іоанна Грознаго; русскіе купцы находили его въ низовьяхъ Волги и ходили за нимъ до Багдада или въ Персію.

Когда степь отрѣзала насъ отъ этихъ рынковъ, то сами кочевники, захлестывая насъ волна за волной, оставляли, отбѣгая назадъ, то „греческій огонь", то „харалугъ".

---

[1]) Ueber Damast, S. 703.

[2]) N. T. Belaiew. »Crystallisation of Metals«, London, 1923, p. 140.

[3]) N. T. Belaiew. »Damascene Steel« (II), Journal Iron and Steel Institute, 1921, pp. 181.

Мы отвергли греческій огонь, но приняли харалугъ, и „Слово о полку Игореви" запечатлѣло въ народной памяти „мечи харалужные". Прошли вѣка, и харалугъ былъ вытѣсненъ булатомъ, а поэзія Пушкина и Лермонтова навсегда слила его съ русской пѣснью, съ русскимъ языкомъ.

„Люблю тебя, булатный мой кинжалъ,
Товарищъ свѣтлый и холодный".

„Кинжалъ", Лермонтовъ.

„... Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ".

„Полтава", Пушкинъ.

Лондонъ 1926.

Н. Т. Бѣляевъ.

БИБЛІОГРАФІЯ

I. 1. Frähn. »Ibn-Foszlan's und anderer Araber Berichte ueber die Russen älter Zeit«. St. Pet., 1823 — 2. I. Сенковскій. „Эймундова Сага". Библіотека для чтенія. СПБ. 1834. т. II. стр. 1—71 и Собраніе сочиненій. СПБ. 1858, т. V. стр. 420. — 3 Antiquités Russes. Kongeligt Nordisk Oldskrift Selskab Copenhague. 1850 (vol. I.) et 1852 (vol. II) — 4. М. Погодинъ. „Норманскій періодъ Русской Исторіи". Москва. 1859. — 5. Хвольсонъ. „Извѣстія о Хазарахъ". СПБ. 1869. — 6. Гаркави. „Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и руссахъ". СПБ. 1870. — 7. V. Thomsen. »The Relations between Ancient Russia and Scandinavia and the Origin of the Russian State.« Oxford and London. 1877. — 8. A. Lorange. »Den yngre jernalders svaerd. Et bitrag til vikingetidens historie og teknologi«. Bergen. 1889. — 9. O. Montelius. »Kulturgeschichte Schwedens«, Leipzig. 1906. — 10. Н. Т. Бѣляевъ. „О булатахъ", СПБ. 1906. — 11. А. Шахматовъ. „Розысканія о древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводахъ". СПБ. 1908. — 12. Lubor Niederle. Manuel de l'Antiquité Slave. 1923, t. I. — 13. Г. М. Барацъ. „О составителяхъ Повѣсти Временныхъ Лѣтъ". Берлинъ. 1924. ст. стр. 98—101. — 14. Люборъ Нидерле. „Бытъ и культура древнихъ славянъ". Прага. 1924.

II. 1. „Героическая пѣснь о походѣ на Половцевъ удѣльнаго князя Новогорода-Сѣверскаго Игоря Святославича". Москва. 1800. — 2. „Слово о полку Игоря", изданіе Глазунова. Петроградъ. 1915. — 3. „The Tale of the Armament of Igor« Edited and translated by Leonard A. Magnus. Oxford University Press. London. 1915. (Съ полной библіографіей и рядомъ объяснительныхъ статей и примѣчаній). — 4. Карамзинъ. „Исторія Государства Россійскаго". СПБ. 1816. т. III. — 5. Н. П. Кондаковъ. „Русскія древности въ памятникахъ искусства". СПБ. т. III и т. V.

III. 1. Tavernier. »Voyages en Turquie, en Perse et aux Indes«, 1617—79. — 2. Chardin. »Voyages du chevalier Chardin en Perse et autres lieux de l'orient, Paris, 1811 (а также London, 1686 и Amsterdam 1711 и 1735). — 3. Lardner. »A Treatise on the progressive Improvement of the Manufacture of Metal«, v. I. London, 1842. — 4. Hammer. »Sur les lames des orien aux«, Journal Asiatique, 1854, t. III., Paris, pp. 66—79. — 5. Day (St. John V.) »The Pre-historic Use of Iron and Steel«, London, 1877. — 6. Birdwood (Sir George), »Industrial Arts of India«, 1880. — 7. Egerton (Hon. Wilbraham), »Handbook of Indian Arms«, London, 1880. — 8. L. Beck (Ludvig), »Geschichte des Eisens«, 1884, vol. I. — 9. Веселовскій (Н. И.) „Памятники дипломатическихъ и торговыхъ сношеній Московской Руси съ Персіей", Труды Восточнаго Отдѣленія Императ. Русскаго Археологическаго Общества, СПБ. 1890. — 10. Schwarz (C. Ritter von) »Ueber die Eisen und Stahlindustrie Ostindiens«, Stahl und Eisen, 1901, S. 209—211, 277—283, 337—341, 391—399. — 11. Ray (P. C.) »Hindu Ghemistry«, Calcutta, vol. I. 1903. — 12. Желѣзновъ (В. Ф.) „Историческія свѣдѣнія о булатѣ въ Россіи", прил. къ Н. Т. Бѣляевъ, „О Булатахъ", СПБ. 1906. 13. — Ledebur, »Handbuch der Eisenhüttenhunde«, 1907. — 14. Hadfield (Sir Robert) »Sinhales Iron and Steel of Ancient Origine«, journ. of Iron and Steel Inst., 1912. — 15. Joly (H. L.) »Note sur le fer et le style namban«, Bulletin de la Société franc-Japonaise de Paris, XXXIII., 1914. — 16. Neogi (P) Indian Association for the Cultivation of Science, Brell. No 12, 1914. — 17. Handfield (Sir Robert), »History of the Metallurgy of Iron and Steel«. Lecture. London. 1915.

IV. 1. Pearson (George, M. D., F. R. S.) »Experiments and Observations to investigate the Nature of a kind of Steel manufactured at Bombay, and there called wootz«. Philosophical Transactions of the Royal Society of London, 1795. Part II. — 2. Voysey (Dr.) «Native Manufacture of Steel in Southern India«, Royal Asiatic Society 1795, vol. I, p. 245. — 3. Buchanan (Dr.) »Travels in the south of India«, 1807. — 4. Faraday and Stodart, »Alloys of Steel«, Phil. Transactions, 1822, v. CXII, p. 253. — 5. Bréant. »Description d'un procédé à l'aide duquel on obtient une espèce d'acier fondu, semblable à celui des lames damassées orientales«, Bull. Soc. Encouragement, 1823. Paris. — 6. Lardner (Dr.) »A Treatise on the progressive Improvement of the Manufacture of Metals«, London, 1835 & 1842. — 7. Heath (J. M.) »Indian Steel«, Royal Asiatic Society, vol. IV & V, 1837, 1839. — 8. Wilkinson (Henry, »On Iron«, Royal Asiatic

Society, 1839, v. V. — 9. Аносовъ, „О Булатахъ“, Горный Журналъ, 1841. ч. I. СПБ. — 10. Бутеневъ, „О ковкѣ булата въ Бухаріи“, Горн. Журн., 1841. — 11. Масальскій, „Изготовленіе булата по способу употребляемому персіянами“, Горн. Журн. 1841, ч. IV. — 12. Илимовъ. „Разложеніе златоустовскаго булата и двухъ шлаковъ“. Горн. Журналъ, 1841, ч. VI. — 13. Hammer, »Sur les lames des orientaux«, Journal Asiatique, 1854, t. III. Paris. — 14. Бѣляевъ (Н. Т.), „О Булатахъ“, 1906, СПБ. — 15. Желѣзновъ, „Историческія Свѣдѣнія о Булатѣ въ Россіи“, 1906. — 16. Ленцъ (Э). „Указатель Отдѣленія Среднихъ Вѣковъ и Возрожденія. Императорскій Эрмитажъ“. СПБ. 1908. — 17. Belaiew (N. T.) »Sur les précurseurs de la métallographie«, 1912. — Belaiew (N. T.) »The Russian Contribution in the nineteenth Century to the Metallurgy of Steel«. Journ. Royal Society of Arts, 1921.

V. Природа булата—съ точки зрѣнія кристаллизаціи стали—по работамъ Д. К. Чернова.

1. Черновъ (Д. К.), „Критическій обзоръ статей г. г. Лаврова и Калакуцкаго о стали и стальныхъ орудіяхъ и собственныя Д. К. Чернова изслѣдованія по этому предмету“, Записки И. Р. Техническаго Общества, 1868, стр. 399—440 и „Труды Д. К. Чернова“, Изданіе Русскаго Металлургическаго Общества, Петроградъ, 1915, стр. 1—41. — О булатѣ стр. 23. — 2. Черновъ (Д. К.), „Изслѣдованія, относящіяся до структуры литыхъ стальныхъ болванокъ“, Записки И. Р. Т. О., 1879 и »труды«, стр. 91—114. — Обѣ статьи неоднократно переводились и перепечатывались по англійски и по французски. — 3. Черновъ (Д. К.), „Сталелитейное дѣло“, изд. 1895 и 1906 г. СПБ. — 4. Tschernoff (D. K.), »Damask Steel«, Metallographist, 1899, Boston. — 5. „Дмитрій Константиновичъ Черновъ (1839—1921)“, Труды Комиссіи по Изученію Архива Д. К. Чернова при Русскомъ Металлургическомъ Обществѣ, Петроградъ, 1923.

Классификація булатныхъ клинковъ.

1. Аносовъ, „О Булатахъ“, СПБ. 1841.—2. Burnes (Lieut. Col., Sir A.), »Cabool, a personal narrative of a journey to and residence in that city in the years 1836, 37 and 38«. London, 1843. — 3. Hammer, »Sur les lames des orientaux«, Journal Asiatique, 1854, t. III., Paris, pp. 66—79. — 4. Egerton (Hon. Wilbraham), »Handbook of Indian Arms«, London, 1880. — 5. Schwarzloze (F. W), »Die Waffen der alten Araber u. s. w. 1886, Leipzig. — 6. Бѣляевъ (Н. Т.), „О Булатахъ“, СПБ., 1906 и »Zeitschrift für historische Waffenkunde«, 1907, Bd. IV, N. 5, S. 132. — 7. Lenz (E.), »Stufen-Damast«, Zeitschrift f. h. Waffenkunde 1906, Bd. II, н. 6, S. 231, 232. — 8. Ленцъ (Э), „Императорскій Эрмитажъ. Указатель Отдѣленія Среднихъ Вѣковъ и Эпохи Возрожденія, ч. I. Собраніе Оружія. СПБ., 1908. — 9. Belaiew (N. T.), »Ueber Damast«, Metallurgie, Vol. 8., 1911, S. 449 und S. 493. Halle a. S. — 10. Belaiew (N. T.), »Damascene Steel«, Journal Iron and Steel Institute, 1918, pp. 417—437.

VI. 1. Бѣляевъ (Н. Т.), „Булатъ съ точки зрѣнія структурнаго равновѣсія — Кристаллизація, структура и свойства стали при медленномъ охлажденіи“, СПБ., 1909 также Записки Имп. Рус. Техническаго Общества за май 1908 и августъ, сентябрь 1909 года, также Revue de Métallurgie, 1912 (Juin) Stahl und Eisen, 1912 и Journal Iron and Steel Institute, II, 1912, pp. 602, 603. — 2. Бѣляевъ (Н. И.), „Микроструктура стали“, Журналъ Русскаго Металлургическаго Общества, 1910, № 1, стр. 21—38 и Revue de Métallurgie, 1912. (Sept.) — 3. Belaiew (N. T.), »Damast, seine Struktur und Eigenschaften«, Metallurgie, 1911, S. 699—704. — 4. Howe (H. M.) and Levy (A. G.), »The Influence of Divorcing Annealing on the Mechanical Properties of Low-Carbon Steel«, Transactions Amer. Inst. Mining Engineers, 1912, v. 44. — 5. Guertler (W.), »Vom Problem des Alten Damaszenerstahls«, International Journal Metallography, 1914, v. 5, p. 129. — 6. Oberhoffer (P.), »Ueber das Gefüge des Damaszenerstahls«, Stahl und Eisen, 1915, v. 25, s. 140. — 7. Belaiew (N. T.), »Damascene Steel« (I), Journ. Iron and Steel Inst. I, 1918, pp. 417—437. — 8. Stead (J. E.), Discusion on Belaiew, Journ. Iron & Steel Inst. I, 1918, p. 438. — 9. Whiteley (J. H.), »The Effect of cold-work on the Divorce of pearlite«. Journ. Iron and Steel Inst., 1918, 1, pp. 353—361. — 10. Belaiew (N. T.), »Spherodising of Cementite — The Structure of Steel«, Journ. Inst. Aeronautical Engineers, 1920, v. I, № 3., pp. 14—23. — 11. Belaiew (N. T.), »Damascene Steel« (II), Journal Iron and Steel Institute, 1921, II, pp. 181—185 and »Damascene Steel and Modern Tool Steel«, Nature, 1921, pp. 248, 249. — 12. Portevin (A.) et Bernard (V.), »Contributions to the Study of coalescence in steels«. Journ. Iron and Steel Inst., 1921, II, pp. 145—179. — 13. Belaiew (N. T.), »Damascene Steel«, Journal Royal Society of Arts, 1921. — 14. Belaiew (N. T.), »Crystallisation of Metals«, London, 1923, pp. 1—143; pp. on »The Damascene Process«. 137—141. — 15. Desh (C.) and Roberts (A. T.), »Some properties of Steel containing globular Cementite«, Journ. Iron and Steel Inst. 1923, I, pp. 249—266. — 16. Zschokke (B.), »Du damassé et des lames de damas«, Revue de Métallurgie, 1924, pp. 635–669. — 17. Виноградовъ (А. П.), „Происхожденіе булатнаго узора“. 1924. Доложено 2-му съѣзду научныхъ дѣятелей по металлургіи. — 18. Harnecker (K.), »Beitrag zur Frage des Damaszenerstahls«, Stahl und Eisen, 1924, Nr. 45. — 19. Belaiew (N. T.), »Steel versus lighter Alloys« (»The Importance of a correct fibrous Structure«), Proceedings of the Institution of Aeronautical Engineers, N° 13, 1924. — 20. Bragg (Sir William), »Concerning the Nature of Things, 1925, London, see pp. 226—228.

Н. Т. Б.

ПРІЕМЪ ТАТАРСКИХЪ ПОСЛОВЪ ПРИ НИКЕЙСКОМЪ ДВОРѢ

Татарская волна, разлившаяся по цѣлой Азіи и части Европы, благополучно миновала Никейскую имперію. Ромеи на этотъ разъ отдѣлались рядомъ фальшивыхъ тревогъ, нѣсколькими посольствами и незначительными пограничными стычками. Одно такое посольство татаръ[1] къ царю Θеодору и будетъ ниже разсматриваться.

Свѣдѣній о сношеніяхъ между ромеями и татарами сохранилось очень мало. Изъ греческихъ историковъ XIII го вѣка Акрополитъ отмѣчаетъ появленіе татаръ, поскольку оно отвлекаетъ никейскихъ государей отъ ихъ завоеваній въ Европѣ. Сообщенія отличаются большой краткостью. Θеодоръ Скутаріотъ добавляетъ только одну краткую замѣтку (Georgii Acropolitae Opera ed. Heisenberg. Лейпцигъ 1903 т. I. Additameta Theodori Scutariotae. стр. 284.) Большее вниманіе удѣляетъ этому вопросу Георгій Пахимеръ, выросшій въ эпоху никейской имперіи въ средѣ мелкаго чиновничества, служившаго при дворѣ Ласкарей. Онъ приводитъ подробное описаніе одного изъ нашествій татаръ на Иконійскій султанатъ (Migne Patrol. graeca т. CXLIII, кол. 556—70), которое онъ относитъ къ царствованію Михаила Палеолога, точнѣе къ времени отстраненія Іоанна IV Ласкаря, т. е. къ 1259 году, и сообщаетъ о бѣгствѣ иконійскаго султана Азіатина въ предѣлы византійской имперіи,[2] гдѣ онъ былъ принятъ съ большими почестями, но черезъ нѣкоторое время оказался плѣнникомъ Михаила VIII Палеолога, рѣшившаго заключить миръ съ ханомъ Хулагу. По этому поводу Пахимеръ дѣлаетъ экскурсъ въ ранѣе происходившее и сообщаетъ о появленіи татаръ при Іоаннѣ III Ватацѣ и о посольствѣ ихъ къ царю Θеодору II, которое было принято публично въ торжественной обстановкѣ. Среди зрителей, судя по подробностямъ въ разсказѣ, присутствовалъ самъ Пахимеръ.

Особую главу посвящаетъ татарамъ писатель XIV-го вѣка Никифоръ Григора; онъ пытается дать полную картину, какъ появленія татаръ, такъ ихъ происхожденія и быта (Migne Patrologia graeca, т. CXLVIII, кол. 157—166). Повѣствованію о татарахъ предпосылается разсказъ о скиθахъ вообще (кол. 152 сл.), въ которомъ авторъ беретъ свѣдѣнія главнымъ образомъ изъ Гомера и Геродота. Скиθы народъ сѣверный — страшный бичъ, который Богъ низсылаетъ, какъ наказаніе, наряду съ землетрясеніями, ураганами, грозами, проливными дождями и туманами.[3] Своимъ появленіемъ

---

[1]) Мы придерживаемся, въ данномъ случаѣ, старой терминологіи, не совсѣмъ правильной, называющей монголовъ татарами, хотя между ними было существенное различіе. Но это обозначеніе, употребительное въ русскихъ лѣтописяхъ, ближе подходитъ къ терминамъ, встрѣчающимся въ византійскихъ хроникахъ; послѣднія называютъ монголовъ тахарами, оговариваясь, что въ разговорномъ языкѣ они слывутъ атарами. Pachym. (Migne PG, 143), кол. 566. Τηνικαῦτα καὶ τῶν Τοχάρων, οὓς ἡ κοινὴ Ἀταρίους λέγει συνήθεια,...

[2]) Объ аналогичномъ бѣгствѣ того же султана Аседдина-Кайкауса II сообщаетъ Акрополитъ (стр. 143) и Θеодоръ Скутаріотъ (стр. 292) подъ 1256 годомъ. Пахимеръ же неправильно считаетъ, что упоминаемое имъ бѣгство было перво · и что Аседдинъ-Кайкаусъ II слѣдовалъ примѣру султана Мелика. (Pachymeri Hist. кол. 568.)

[3]) Gregorae, кол. 156. Ὥσπερ γάρ εἰσιν οὐράνια μὲν δείματα θεόθεν τοῖς ἀνθρώποις ἐπισειόμενα πολλάκις, κεραυνοὶ καὶ πρηστῆρες καὶ ὑετῶν πλῆθος, ἐπίγεια δὲ, σεισμοὶ καὶ ῥήγματα γῆς, ἀέρια δὲ, τυφῶνες καί λαίλαπες· οὕτω καὶ οὗτοι ταμιεύονται τῷ Θεῷ, ἀρκτικά τινα, ὡς εἰπεῖν καὶ ὑπερβόρεια δείματα, ὥστ' ἀνθ' ἑτέρας μάστιγος στέλλεσθαι καθ' ὧν ἂν καὶ ὁπότε ἡ Πρόνοια βούλοιτο.

*

они приносятъ множество бѣдъ. Древнюю Скиѳію Григора пріурочиваетъ къ Танаидѣ. Скиѳами же онъ считаетъ всѣхъ кочевниковъ и часть варваровъ, нападавшихъ на римскую имперію. Изъ Танаиды скиѳы двинулись двумя потоками: одинъ въ Европу, состоящій изъ сарматовъ, германцевъ и кельтовъ; другой — савраматы и массагеты — въ Азію. Побѣдамъ своимъ скиѳы не столь обязаны численности, какъ своей закаленности. Земля ихъ испоконъ вѣковъ не была никѣмъ завоевана, а они сами завоевали все кругомъ. О новомъ скиѳскомъ движеніи, а именно татарской орды, стало извѣстно при Іоаннѣ Ватацѣ. Это движеніе снова пошло по двумъ направленіямъ въ Европу и Азію. Началось оно по смерти Чингисхана. Сынъ его (на самомъ дѣлѣ внукъ) Хулагу, получившій въ наслѣдство Согдіану, двинулся дальше въ западную часть ея и въ Бактрію. Другой же сынъ (?) Телепугъ направился черезъ южно-русскія степи въ Европу.[1] Эта орда согнала со своихъ мѣстъ кумановъ-гунновъ, т. е. половцевъ, часть изъ нихъ поступила на службу ромейской имперіи. Орда, направившаяся въ Азію, была по мнѣнію Григоры отклонена въ сторону и миновала Малую Азію, благодаря горному хребту Тавру, дѣлящему Азію на двѣ части.[2] Въ большей, изобилующей всякими благами, татары расположились при своемъ появленіи подъ начальствомъ Хулагу на зимнее время. Весной они выступили въ Индію, потомъ проникли въ Халдею и Аравію, пройдя черезъ Вавилонъ и Ассирію захватили Месопотамію. (Рѣчь идетъ о завоеваніи калифата въ 1258 году). На третій годъ послѣ своего выступленія татары покорили Нижнюю т. е. Малую Азію и занялись организаціей постояннаго управленія, сначала въ Персіи, т. е. въ Иконійскомъ султанатѣ, потомъ въ Парѳіи и Мидіи (Gregorae кол. 163). Къ этому же времени Григора относитъ завоеваніе Арменіи, Грузіи и Колхиды, т. е. Трапезунтской имперіи. (На самомъ дѣлѣ Арменія была въ зависимости отъ татаръ съ 1220 или 1221 года — см. L. Cahun. Introduction à l'histoire de l'Asie. Парижъ 1896, стр. 295). Послѣ завоеванія всей Азіи, конечно за исключеніемъ ромейскихъ владѣній, татары раздѣлили ее между собой и быстро стали поддаваться чужеземнымъ обычаямъ и предаваться роскоши и изнѣженности, теряя свою прежнюю закаленность. Цивилизація и для нихъ оказалась роковой.

Разсказъ Григоры, хотя и неточный во многихъ подробностяхъ, въ общихъ чертахъ вѣрно передаетъ характеръ татарскаго нашествія. Григора удачно подчеркнулъ, что татары главныя свои силы направили и сосредоточили по ту сторону Тавра, подъ которымъ разумѣются горные хребты Тавра и Антитавра, и объясняетъ это географическими условіями, такъ какъ Тавръ является естественной границей. Гористая мѣстность сыграла роль, какъ въ исторіи Никейской имперіи, такъ и Иконійскаго султаната. Въ первую совсѣмъ не проникли татары, а султанатъ, покоренный въ началѣ сороковыхъ годовъ, въ концѣ пятидесятыхъ все еще возставалъ противъ татаръ (Gregorae, кол. 556). Татары ограничивались нападеніями, обыкновенно потомъ возвращались на зимовку къ себѣ.[3] Окончательное покореніе наступаетъ послѣ 1256 года, когда иконійскій султанъ въ согласіи со всѣми своими военноначальниками заключаетъ дого-

---

[1]) Gregorae, кол. 157. Чингисхана Григора называетъ Σιτζισχᾶν. Хулагу — Χουλαοῦ, имя предводителя европейскаго отряда Τελεπουγᾶς. Имя „Телебуга" или „Телебога" для обозначенія „татарскаго царя" встрѣчается и въ русскихъ лѣтописяхъ. См. Воскресенскую лѣтопись подъ 6791 (1283) и 6799 (1291) г. г. (П. С. Р. Л., VII, 176—177 и 180), Никоновскую лѣтопись подъ 6792 (1284) и 6799 (1291) г. г. (П. С. Р. Л. X, 162 и 168).

[2]) Gregorae, кол. 161 говорится о средней Азіи, странѣ по Оксѣ. Ὄρη δὲ ταῦτά εἰσι πλεῖστα καὶ μέγιστα, ἃ πάντα κατὰ συνέχειαν ἀλλήλων ἐχόμενα ὥσπερ ἓν ἅπαντα γίνονται ὄρος, Ταῦρος ὀνόματι καλούμενον γενικῷ ᾧ κατὰ μέσον ἀκριβῶς διέζωσται πᾶσα Ἀσία. Ἀρχὴ μὲν γὰρ αὐτῶν πρὸς ζέφυρον ἄνεμον τὰ ἔγγιστα τοῦ Αἰγαίου πελάγους· σχίζουσι δὲ ἐκεῖθεν ἐξιόντα ἐς τμήματα δύο τὴν ὅλην τελευτήσωσι τὸν Ὠκεανόν.

[3]) Acrop. стр. 70: καὶ γὰρ ἡ τῶν Ταχάρων στρατιὰ καθ' ἑαυτὴν ἔμενε καὶ οὐ κεκίνητο ὡς ἔθος· ἐν τοῖς ἑαυτῶν καὶ γὰρ ἠσχολοῦτο πράγμασι.

воръ съ татарами, и населеніе облагается податями въ ихъ пользу.[1] Но даже тогда походомъ на султанатъ идетъ не самъ ханъ Хулагу, а прежній побѣдитель сельджуковъ Бачунуинъ, находившійся постоянно со своей ордой въ Арменіи, и по армянскимъ источникамъ, отосланный въ султанатъ, чтобы очистить для вновь прибывшихъ войскъ мѣсто для стоянокъ. (К. П. Паткановъ. Исторія монголовъ по армянскимъ источникамъ. Вып. I стр. 9 сл.) Т. о. находившемуся по ту сторону Тавра монголами придается второстепенное значеніе и, конечно, не только изъ за неудобства передвиженія по горамъ, но и потому, что оба находившіяся тамъ государства не представляли особаго интереса для татарскихъ завоевателей. Еще сельджуки, какъ тюркское племя, имѣли нѣкоторый интересъ, но и они считались уже забывшими завѣты своихъ отцовъ, и страна ихъ лежала въ сторонѣ отъ главнаго пути. Остальная Малая Азія, находившаяся въ рукахъ ромеевъ, какъ и весь сѣверо-восточный уголъ Средиземнаго моря, не имѣли уже особой притягательной силы для кочевниковъ. Трудно было ожидать большой добычи отъ почти ежегодными войнами разоряемаго Балканскаго полуострова и отъ взятія основательно разграбленнаго Константинополя, который едва ли особенно успѣлъ оправиться, продолжая пребывать въ рукахъ своихъ захватчиковъ латинянъ.

Благодаря этому, изъ государствъ имѣвшихъ територію въ Малой Азіи, Никейская имперія одна совершенно не пострадала. Впрочемъ, она этимъ обязана также искусной политикѣ своихъ правителей, которые, поддерживая сосѣдей противъ татаръ,[2] въ то же время налаживали дружественныя сношенія съ послѣдними. Ромеямъ въ одинаковой степени опасно было какъ непосредственное сосѣдство татаръ, которые къ тому же могли обрушиться на поддерживающихъ ихъ враговъ (какъ это случилось съ русскими князьями — Cahun Introd. hist. Asie стр. 300), такъ и усиленіе за счетъ татаръ Иконійскаго султаната и Трапезунтской имперіи, ослабленіе которыхъ было выгодно Никеѣ.

Впервые услышали о татарахъ при Іоаннѣ III Дукѣ Ватацѣ. По Акрополиту (стр. 67) извѣстіе о татарахъ, посланное съ востока сыномъ его Ѳеодоромъ, пришло къ царю въ лагерь во время осады Ѳессалоникъ. Царь это извѣстіе скрылъ отъ войска, но поспѣшилъ заключить миръ и вернуться на востокъ. Подробнѣе объ этомъ событіи сообщаетъ Пахимеръ, перечисляя мѣры къ оборонѣ предпринятыя царемъ и разсказывая о впечатлѣніи оставленномъ въ массахъ появленіемъ татаръ.[3]

Іоаннъ Дука, услышавъ только молву о нихъ, приказалъ снабдить укрѣпленія, главнымъ образомъ пограничныя, оружіемъ и хлѣбомъ. Хлѣбъ складывался про запасъ и для вѣрности былъ запечатанъ свинцовыми буллами. Питать гарнизонъ было приказано „приносящимъ извнѣ", т. е. окрестнымъ жителямъ, на которыхъ, повидимому, наложена повинность доставлять продукты; употреблять въ пищу должно было только вновь пріобрѣтаемое. Далѣе Пахимеръ сообщаетъ, что „дающимъ даромъ" было приказано послѣ почитаемой Святой иконы изобразить или вписать оружіе. Это туманное

---

[1]) Acrop. стр. 144: ὁ μὲν ουν σουλτὰν ἐπεὶ μὴ ἐξίσχυε τοῖς Ταχαρίοις ἀνθίστασθαι, μετὰ τῶν αυτοῦ λογάδων βουλευσάμενος εἰς συμβιβάσεις, και συμφωνίας τοῖς Τοχαρίοις συνῆλθε· καὶ ὑπόφοροι τούτοις ἐγένοντο, καὶ ἔκτοτε τυγχάνουσι σφίσιν αὐτοῖς οἱ Μουσουλμάνοι φορολογούμενοι.

[2]) А. А. Васильевъ Латинское владычество на востокѣ. ПБГЪ. 1924 стр. 31 указываетъ на существовавшую одно время коалицію между тремя малоазійскими державами: Никейской имперіей, Трапезунтской и Иконійскимъ султанатомъ.

[3]) Pachym. кол. 572 Πρώην μὲν γαρ ὁ Δούκας Ἰωάννης κλέος μόνον ἐκείνων ἤκουε, καὶ κατωχύρου τα φρούρια σίτῳ καὶ ὅρμασιν, ὧν τὸν μὲν καὶ εἰς χρόνους προσέταττεν ἀποτίθεσθαι, βούλλαις μολυβδίναις τὸν εἰσιόντα τοῖς ἐποίκοις σφραγίζων, φέροντας δ ἔξωθεν ἐπιτάττων σιτίζεσθαι, τὰ δὲ καὶ ἀναγκαῖα ἐτίθει τοῖς κτησομένοις, ὡς ἐκείνων πᾶν τὸ εἰς περιουσίαν ὂν ὑστερεῖν. Προικοδοτοῦντας γὰρ μετὰ τὴν σεβασμίαν εἰκόνα τὰ ὅπλα προσέταττε καταγράφεσθαι· μηδὲ γαρ ἔχειν εἰδέναι τί τὸ ἐξορμῆσαν τῶν σφῶν φωλεῶν ἔθνος. καὶ ὁποίοις τοῖς ἔθεσι χρᾶται, κἂν εἰρηνεύειν θέλοι κἂν μάχεσθαι. Τόσον ἦν ἄδηλον ἕως τότε τὸ ἔθνος. Παρὰ πολλοῖς δ' ἐλέγοντο κυνοκέφαλοι, καὶ γε διαίταις ἀπειρημέναις ἠκοῦντο χρώμενοι, ὥστε καὶ ἀνθρωποφαγεῖν ἐπιστεύοντο.

мѣсто толкуется переводчикомъ текста на латинскій языкъ (Pachym кол. 573) и Миліараки,[1] какъ внесеніе въ списки, но непонятна комбинація иконы и оружія при регистраціи. Быть можетъ возможно связать это мѣсто съ вышеупомянутыми свинцовыми печатями, на которыхъ вполнѣ допустимо одновременное изображеніе иконы и оружія, какъ будетъ показано на примѣрѣ. Подъ „дающими даромъ", вѣроятно, надо разумѣть раздающихъ, т. е. чиновниковъ, они запечатывали собственной печатью, такъ какъ не было государственной, а у каждаго царя была его личная.

Такое изображеніе оружія, а именно знаменитаго ромфея, находимъ на печати Пансеваста и великаго переводчика варяговъ Михаила (Рис. 1). Съ одной стороны изображенъ архангелъ Михаилъ; на оборотѣ имя владѣльца печати[2], а подъ нимъ изображеніе ромфея, особеннаго рода сѣкиры съ придѣланнымъ сверху длиннымъ лезвіемъ, которую носили варяги тѣлохранители. По характеру буквъ и частымъ лигатурамъ, а также по формѣ печати, Шлумберже считаетъ невозможнымъ отнести печать ко времени болѣе раннему, чѣмъ эпоха Палеологовъ. Цитируемый же текстъ относится къ времени за 20 лѣтъ до начала ея. Тогда свободно могъ возникнуть новый типъ печати, который продолжали употреблять и позднѣе. Вѣроятно изображалось оружіе характерное для каждой части войска, но, конечно, большого разнообразія типовъ не было. Подобное установленіе имѣло свою цѣлесообразность; такъ какъ каждый, даже неграмотный, могъ отличить новую подобнаго характера воинскую печать отъ иной, что затрудняло злоупотребленія и расхищеніе сложенныхъ запасовъ.

Рис. 1.
Печать великаго переводчика варяговъ Михаила (Schlumberger, Un empereur byzantin au X-me siècle).

Принятіе мѣръ обороны Пахимеръ объясняетъ тѣмъ, что ромеямъ неизвѣстно было, что, собственно говоря, отъ нихъ хочетъ этотъ внезапно двинувшійся изъ своихъ жилищъ народъ, намѣревается ли онъ воевать или сохранять миръ. Въ народѣ ходили конечно самые невѣроятные слухи, говорили даже, что у татаръ собачьи головы, кромѣ того имъ приписывали употребленіе въ ѣду нечистаго, впрочемъ объ этомъ говорятъ также близко съ ними познакомившіеся армянскіе источники (Паткановъ. Ист. монг. вып. I стр.67.) Иные даже считали татаръ людоѣдами. Эти разсказы долго продолжали ходить не только въ народѣ, но и въ образованномъ византійскомъ обществѣ. Подобнаго рода толки побудили Григору, по его собственному признанію, удѣлить въ своемъ повѣствованіи особое мѣсто татарамъ (Gregorae кол. 152).

При появленіи татаръ Іоаннъ III Ватацъ не ограничился одними приготовленіями къ оборонѣ страны, но и поспѣшилъ заключить союзъ съ сельджуками и поддержать ихъ въ борьбѣ. Иконійскій султанъ отправилъ посольство къ Іоанну III съ просьбой о союзѣ, который долженъ былъ стать спасительнымъ для обоихъ государствъ, такъ какъ, въ случаѣ гибели султаната, татары не встрѣтили бы другихъ препятствій для вторженія въ страну ромеевъ.[3] Царь съ радостью принялъ предложеніе, понимая его

[1]) Μηλιαράκης. Ἱστορία τοῦ βασιλείου τῆς Νικαίας καὶ τοῦ δεσποτατοῦ τῆς Ἠπείρου. Лейпцигъ-Аѳины 1898 стр 341.

[2]) Архангелъ Михаилъ держитъ въ правой рукѣ скипетръ, въ лѣвой державу. Въ лѣвомъ полѣ надпись О. Х. А. Р. (ὁ ἀρχάγγελος), въ правомъ М. Х. (Μιχαήλ). Надпись на оборотѣ Σφραγὶς τοῦ πανσεβάστου σεβαστοῦ καὶ μεγάλου διερμηνεύτου τῶν Βαράγγων Μιχαήλ.

[3]) Acrop. стр. 69: ἐν στενῷ γοῦν τῶν πραγμάτων κομιδῇ γεγονὼς πρέσβεις ἐκπέμπει πρὸς τὸν βασιλέα. Ἰωάννην βουλῆς τε ἀξιῶν ἀρίστησ ἐξ αὐτοῦ τυχεῖν, ὡς ἂν ἀποτρέψαιτο τὸν ἀντίπαλον καὶ μικρὸν κουφισθείη τοῦ βάρους αὐτοῦ,

выгоды. Союзъ былъ закрѣпленъ во время свиданія обоихъ государей въ Триполи на Меандрѣ въ 1243 году. Для возобновленія его поспѣшилъ немедленно послѣ своего избранія Θеодоръ II Ласкарь въ Филадельфію (Gregorae, кол. 181; Acrop. стр. 105).

Но Іоанну III пришлось еще до этого узнать о татарахъ; въ 1241 году онъ принялъ къ себѣ на службу бѣжавшую отъ нашествія Батыя и Субутая половецкую орду. Въ 1239 году часть половцевъ перешла Дунай и расположилась кочевьемъ по долинѣ Марицы; въ виду татарскаго нашествія въ Болгарію они были принуждены двинуться дальше и были охотно приняты ромейскимъ правительствомъ (Миліараки стр. 282).

Отряды половцевъ въ концѣ XII-го и въ началѣ XIII-го вѣка играютъ значительную роль въ войнахъ Балканскаго полуострова. Большое значеніе приписывается имъ греческими авторами въ войнахъ 1190 и 1205 года, въ которыхъ они выступаютъ какъ союзники болгаръ (Acrop. стр. 18; 20.). Въ побѣдѣ своей надъ крестоносцами при Адріанополѣ болгары главнымъ образомъ обязаны были имъ. Всю первую половину XIII-го вѣка и начало второй половцы выступаютъ на службѣ то у болгаръ, то у латинянъ, и побѣждаютъ вмѣстѣ съ болгарами при Клокотницѣ θессалоникійскаго императора (Acrop. стр. 42). Ввиду этого, принятіе значительнаго отряда, вѣрнѣе орды, численностью до 10.000 человѣкъ было встрѣчено съ большой радостью среди грековъ, и фактъ этотъ вмѣняется въ большую заслугу Іоанну III-му его современниками. (Nicephori Blemmydae. Curriculum vitae et carmina ed. Heisenberg. Лейпцигъ 1896 стр. 118; Acropolitae Opera т. II стр. 24.)

Половцы, получавшіе хорошее жалованіе и землю для поселенія въ Малой Азіи и Македоніи (Gregorae, кол. 160), вѣрно служили въ ромейскихъ войскахъ и составляли надежную военную силу. Изъ нихъ былъ сформированъ особый отрядъ, управляемый собственными начальниками.[1] Вскорѣ послѣ своего прибытія половцы перешли въ христіанство; возможно, что часть ихъ и до этого была христіанами. Какъ организованная воинская сила они принимаютъ участіе и во внутренней жизни Никейской имперіи; съ ихъ мнѣніемъ считаются при избраніи Михаила и якобы перестаютъ считать чужеземцами и варварами (Acrop. стр. 158). Пріемъ Никейской имперіей половцевъ не вызвалъ никакихъ осложненій съ татарами.

Въ самомъ концѣ царствованія Іоанна III Ватаца ромеи вступили въ прямыя сношенія съ татарами и отправили посольство къ великому хану. Это то посольство, съ которымъ встрѣтился Рубриквисъ у хана Менгке въ Каракорумѣ. Неизвѣстно было ли оно первымъ; во всякомъ случаѣ это первое, о которомъ сохранилось извѣстіе. Рубриквисъ пробылъ тамъ съ 4-го января 1254 года до 15-го іюля и благополучно вернулся въ Акру 15-го августа 1255 года (Grousset. Histoire de l'Asie, т. III, стр. 59). Союзъ монголовъ и латинянъ столь опасный, какъ для мусульманъ, такъ и для грековъ, не состоялся. Греческіе источники ничего не говорятъ объ этомъ посольствѣ. Но къ февралю 1254 года относится замѣтка Скутаріота о томъ, что Іоаннъ III былъ очень обезпокоенъ надвигающейся татарской опасностью и принималъ мѣры къ защитѣ.[2] Возможно, что одною изъ этихъ мѣръ была отправка посольства. Причиной без-

σωτηριῶδες τοῦτο φάσκων τυγχάνον ἀμφοῖν· τοῦ γὰρ γένους τῶν Μουσουλμάνων παρά τῶν Ταχαρίων ἀπολωλότος ἄνετος λείπεται τοῖς ἐναντίοις ἡ κατὰ τῶν Ῥωμαϊκῶν χορῶν ἔφοδος. Καὶ ἦν τοῦτο πάνυ γε ἀληθές. ὁ γοῦν βασιλεὺς Ἰωάννης, οἷα ἐκεῖνος δεινὸς ἐν τοιούτοις πράγμασιν, ἀποδέχεται ἄσμενος τὴν πρεσβείαν καὶ εἰς ἕνωσιν συνελθεῖν ᾑρετίσατο τῷ σουλτάν, ὡς ἂν τοῦτο τοῖς ἐναντίοις εἰς ἀποτροπὴν γένοιτο· ἡνωμένων γὰρ τῶν τοιούτων δύο ἀρχῶν μεγίστων εἰκὸς πτοίαν γενέσθαι τοῖς πολεμίοις, πρὸς ἕνα μὲν ἔχουσι τὸν σκοπόν, πρὸς δὲ δύο ἀθρόον εὑρισκομένοις. Тотъ же взглядъ на союзъ съ султанатомъ встрѣчаемъ у Пахимера (кол. 570) и у Григоры (кол. 166).

[1]) Имя одного изъ нихъ, Клеопа, до насъ дошло (Scutar. Addit. стр. 293).

[2]) Scutar Ad. стр. 284. Καὶ ἡμέρας διέτριψεν ἐν αὐτῇ τὴν ἀπὸ τῶν Ἀτάρων ἔχων πτοίαν καὶ ὅσα εἰς φυλακὴν αὐτῆς καὶ ἀσφάλειαν παντοίως διαπραττόμενος.

покойства могли быть переговоры Людовика IX съ монголами и слухъ о готовящемся наступленіи. Цѣлью посольства, вѣроятно, было изъявленіе дружественныхъ намѣреній со стороны ромейскаго правительства и, главное, освѣдомленіе о замыслахъ татаръ. Едва ли были особыя порученія. Исходъ посольства, повидимому, былъ благопріятный, такъ какъ въ началѣ 1256 года Асcединъ-Кайкаусъ II и Θеодоръ II Ласкарь настолько были спокойны по отношенію къ татарамъ, что, получивъ благопріятныя свѣдѣнія отъ султана, послѣдній двинулся со всѣми боевыми силами на западъ.[1] Но еще въ томъ же году султанъ былъ разбитъ Бачу-нуиномъ (Байдью) у Аксары,[2] а въ 1257 году, убѣжавъ къ Θеодору II, былъ отправленъ съ незначительнымъ отрядомъ обратно и подчинился татарамъ (Acrop. стр. 144).

Въ концѣ 1257 года или въ началѣ 1258 года вѣроятно состоялся торжественный пріемъ пословъ, описаніе котораго приводитъ Пахимеръ.[3] Этотъ пріемъ пословъ разсматривается авторомъ, какъ особенно остроумный и удачный способъ устраненія татарской опасности, и приписывается — не совсѣмъ безъ основанія — личной инициативѣ царя.

Когда государствомъ сталъ править Θеодоръ II, прошелъ слухъ, что къ нему черезъ Иконійскій султанатъ идетъ посольство отъ татаръ. Этотъ слухъ оправдался и навелъ на все населеніе ужасъ и смущеніе, но царь, не растерявшись, нашелъ способъ обойти ихъ. На самомъ дѣлѣ положеніе было сложное. Татары оказались въ непосредственной близости послѣ подчиненія союзнаго султаната, которому Θеодоръ II оказывалъ, хотя и весьма нерѣшительно и съ опаской, нѣкоторую помощь. Асседина-Кайкауса II, котораго не хотѣли держать въ предѣлахъ имперіи, боясь осложненій, сопровождалъ при возвращеніи греческій отрядъ въ 400 человѣкъ подъ предводительствомъ примикирія двора Исаака Дуки Мурзуфла (Acrop. стр. 144), т. е., собственно говоря, Θеодоръ тоже воевалъ съ татарами.

Первымъ дѣломъ было сообщено находившимся въ султанатѣ татарскимъ посламъ, что царь готовится ихъ принять. Для этого высланы были курьеры, которымъ были даны особыя инструкціи. Они должны были, хотя бы съ опасностью для жизни, утверждать въ разговорѣ съ татарскими послами, что государство ромеевъ непобѣдимо. За это, въ случаѣ гибели, женамъ ихъ и дѣтямъ предназначалось щедрое пропитаніе, т. е. государствомъ обѣщано было обезпечить ихъ. Курьеры должны были держать себя самоувѣренно, какъ посланники самодержца ромеевъ, а не вассальнаго государя; главной цѣлью ихъ было сообщить, что ихъ готовится принять самъ царь, и, повидимому, также дать имъ понять, что все дѣлается не изъ страха передъ ними. Путешествіе черезъ недавно покоренную татарами страну и пребываніе курьеровъ въ дикой ордѣ было связано съ опасностью для жизни. По всей вѣроятности, посланные

[1]) Acrop. стр. 125: ὡς δὲ καὶ τὸν περσάρχην μὴ πράγματα ἔχειν παρὰ τῶν Ταχαρίων πρεσβείαν ἐξαποστεῖλαι ἐμεμαθήκει, κατευθὺ πρὸς τὴν δυσμὴν ἐκ τῆς ἕω χωρεῖ· καλῶς γὰρ ἔχειν τὸν περσάρχην τῶν ἐκείνου πραγμάτων οἰόμενος καὶ ἀσφαλῶς μένειν, οὐδ᾽ ὅλως περὶ τῇ ἑαυτοῦ κατὰ τὴν ἕω ἐδεδίει ἀρχῇ.

[2]) Grousset. Histoire de l'Asie, т. III, стр. 46, упоминаетъ о битвѣ у Акшара въ 1243 году. Акрополитъ же, разсказывая о бѣгствѣ Михаила Палеолога въ 1256 году къ султану и участіи его въ рѣшительной битвѣ, проигранной сельджуками, между иными подробностями сообщаетъ, что битва разыгралась у Аксары-Аксарая. Acrop. стр. 137: οἵ τε γὰρ Ταχάριοι τὰ πλείω τῆς χώρας τῶν Μουσουλμάνων ληϊσάμενοι περὶ τὰ Ἄξαρα ἐστρατοπεδεύσαντο πᾶσα δὲ ἀνάγκη ἦν καὶ πρὸς μάχην τοὺς Πέρσας ἀντιστῆναι τοῖς Ταχαρίοις — гдѣ татары расположились лагеремъ и откуда производили набѣги. Возможно, что вторая рѣшительная битва, проигранная турками, происходила въ томъ же районѣ, какъ и первая.

[3]) Изъ словъ Пахимера скорѣе вытекаетъ, что событіе это относится къ началу царствованія Θеодора II и D'Ohsson. Histoire des Mongols т. III стр. 99 относитъ его къ 1255 году, но этотъ годъ Θеодоръ II провелъ весь на западѣ и татары затяты были въ другихъ краяхъ, такъ что правильнѣе относить его, какъ дѣлаютъ Al. Gardner. Lascarids of Nicea. An empire in exile. Лондонъ 1912 стр. 225 и Миліараки (стр. 458) къ 1258 году, непосредственно послѣ покоренія татарами сельджуковъ.

ханомъ Хулагу остановились въ ожиданіи пропуска въ одной изъ стоянокъ татарскихъ войскъ въ султанатѣ. Въ Византіи принято было, что послы дожидались въ сосѣднемъ государствѣ или уже на территоріи ея разрѣшенія прибыть къ двору, такъ же какъ и уѣзжали съ особаго царскаго разрѣшенія (Liudprandi Opera ed. J. Becker. Script. rer. germanic. in usum schol. Ганноверъ и Лейпцигъ. 1915. стр. 176).

Затѣмъ къ выѣхавшимъ посламъ высланы были встрѣчные, которые должны были имъ показать дорогу и оффиціально сопровождать ихъ. Встрѣчнымъ было приказано, чтобы они проводили татаръ трудно проходимыми мѣстами, и, если кто либо изъ измученныхъ пословъ сталъ бы спрашивать о неблагопріятности мѣстности, то долженъ былъ послѣдовать отвѣтъ, что такова повсюду земля ромеевъ. Татары же будутъ склонны вѣрить тому, что не знаютъ, въ особенности, послѣ того какъ сами испытали, что значитъ пробираться по такой мѣстности.[1] Мѣстность по границѣ съ султанатомъ гориста и легко можно было найти трудно проходимыя тропники. Кромѣ того, не безопасно было показывать татарамъ удобныя и прямыя дороги, чтобы, при случаѣ, кто либо изъ участниковъ посольства не послужилъ бы проводникомъ во время войны. Путешествіе скверными дорогами началось еще въ султанатѣ, въ глубь имперіи татары не были проведены, это также не входило въ интересъ ромеевъ. Ихъ привели сильно утомленными къ царю, который находился или въ своей обычной резиденціи Нимфеѣ, или по близости. Судя по характеру церемоніи, пріемъ произошелъ въ лагерѣ. Остается подъ вопросомъ, гдѣ именно находился лагерь. Въ 1257 году Θеодоръ жилъ въ окрестности Сардъ и тамъ принималъ султана (Acrop. стр. 143), но уже скоро вмѣстѣ съ султаномъ возвращается въ Магнезію, главную военную базу имперіи на востокѣ. Туда онъ предварительно отправилъ большую часть своего войска (Scutar. стр 295.) Повидимому, Θеодоръ II послѣдніе года своего царствованія проводилъ тамъ, занимаясь организаціей и обученіемъ войска (Theodori Ducae Lascari Epistolae CCXVII, nunc primum edidit Nicolaus Festa. Publicazioni di Studi Superiori pratici e di perfizionam. in Firenze. Secione di filos. e lettere. Флоренція 1898 стр. 57). Даже тамъ, а не въ Нимфеѣ, происходитъ торжественное отлученіе отъ церкви — наложеніе интердикта на Епирскій деспотатъ патріархомъ Арсеніемъ въ присутсвіи клира и народа не задолго до болѣзни Θеодора II.[2] Поэтому вѣрнѣе всего предположить, что и пріемъ татарскихъ пословъ состоялся въ Магнезіи.

Царь же, по мнѣнію Пахимера, придумалъ нѣчто такое, чтобы однимъ своимъ видомъ устрашить ихъ. Пахимеръ отчасти правъ. Пріемъ былъ исключительный по торжественности, очень почетный, и въ то же время расчитанный на то, чтобы оставить наилучшее впечатлѣніе и создать весьма преувеличенное представленіе о могуществѣ ромеевъ.[3]

---

¹) Pachym. кол. 572—3. Θεοδώρου δὲ τὴν ἀρχὴν βασιλεύσαντος, ἐπεὶ ἐλέγοντο δια Περσίδος προς ἐκεῖνον πρεσβεύεσθαι, καὶ ὁ λόγος ἀληθινὸς, φόβος δὲ καὶ τάραχος ἦν. Ἔγνω δ᾽ὅμως ὁ βασιλεὺς τὸ φοβερὸν πλασάμενος ἐκείνους κατοσοφίσασθαι. Καὶ πρῶτον μὲν προαπέστελλεν ὡς δῆθεν ἀγγελοῦντας ἐπὶ Περσίδος ὡς ᾽επ᾽ αὐτοὺς εὐτρεπίζοιτο, καὶ οἱ ταχυδρομοῦντες ἐπέμποντο. Μισθὸς δ᾽ ἦν τοῖς ἀγγελοῦσι ταῦτα, εἰ κινδυνεύοιεν ἐνιστάμενοι καὶ τὴν τῶν Ῥωμαίων ἀρχὴν ἀνυπέστατον πᾶσιν ὁμολογοῦντες ἔθνεσι, δαψιλῆ τέκνοις σφετέροις καὶ γυναιξὶ σιτηρέσια. Εἶτα δε τοῖς πρέσβεσι προσελαύνουσι πέμψας τοὺς ὑπαντήσοντας ὡς δῆθεν καὶ σφίσι τὰς ἑδοὺς ὁδηγῆσαι, δι᾽ ὅτι δυσχώρων ἐξεπίτηδες τόπων ἐκείνους διαβιβάζειν προσέταττε, κἄν τις ἀποκναίων ἐρωτῴη τὴν δυσχωρίαν, οὕτω πᾶσαν ἔχειν τὴν τῆς Ῥωμαΐδος γῆν ἀποκρίνεσθαι, ὡς ἑτοίμως ἐχόντων τῷ μὴ εἰδέναι πιστεύειν.

²) Blem. Cur. vitae стр. 46 кончаетъ разсказъ объ интердиктѣ словами: Μαγνησία ἦν ἡ ἀνήλιος — ἐν ταύτῃ γαρ ἐσκηνοῦντο — τῶν δραμάτων ὁ χῶρος τῶν ἀξίων σκότου καὶ ᾅδου καὶ σιωπῆς. Въ словѣ ἀνήλιος заключается двойной смыслъ. Во первыхъ, это эпитетъ оффиціально прилагаемый Магнезіи на Гермѣ (Heisenberg. Kaiser Johann der Barmherzige. Byz. Zeitschrift т. XIV стр. 168.) Во вторыхъ, наступилъ нравственный мракъ отъ совершенія столь нехристіанскаго поступка.

³) Pachym. кол. 573—5. Ἐπεὶ δὲ καὶ πρὸς βασιλέα πολλὰ πονέσαντες παραγένοιντο, τηνίκα καὶ αλλ᾽ ἄττα φοβερὰ ὑπενόει ὡς αὐτίκα καὶ ἐκ τῆς θέας φοβήσων Ἐπέταττε γὰρ τὰς δυνάμεις ἐν ταυτῷ συνελθεῖν καὶ ὁπλισθέντα; κατὰ φρήτρας καὶ

Прежде всего приказано было сойтись войскамъ туда, гдѣ долженъ былъ состояться пріемъ, т. е. въ Магнезію, вооружившись по фратріямъ, народамъ и отрядамъ-таксисамъ, и расположиться на извѣстныхъ разстояніяхъ по дорогамъ въ своихъ тяжелыхъ вооруженіяхъ изъ желѣза, однимъ своимъ видомъ внушая страхъ дѣтямъ.

Войска къ тому времени, послѣ послѣдняго похода на западъ, частью были распущены, частью размѣщены по провинціямъ, въ случаѣ необходимости всегда готовые собраться; только часть войска, при томъ будто бы самая дурная, именно войска ѳемы Македоніи назначены были для оказанія помощи въ возставшія провинціи (Acrop. стр. 145). Конечно это нельзя объяснить исключительно немилостью Ѳеодора II къ посланному на западъ военноначальнику Михаилу Палеологу. Ввиду событій въ султанатѣ и надвигающейся татарской опасности, не было возможности послать въ подкрѣпленіе болѣе сильнаго отряда. Войско подъ начальствомъ царя должно было оставаться въ Азіи и, въ случаѣ наступленія татаръ, защищать восточныя провинціи, составляющія ядро имперіи.

Пахимеръ упоминаетъ три вида войскъ. Во первыхъ, фратріи, подъ которыми надо разумѣть провинціальныя войска отдѣльныхъ ѳемъ. Слово фратрія употреблялось и какъ обозначеніе для подраздѣленія филъ. (Въ древней Аттикѣ каждая фила имѣла три фратріи). Фила употребляется Пахимеромъ для обозначенія народа. Отсюда онъ легко могъ замѣнить слово ѳема близкимъ по смыслу словомъ фратрія. Эти части войска должны были явиться, конечно, только извѣстная часть ихъ, при томъ отборная, изъ тѣхъ, которые служили тяжеловооруженными.

Во вторыхъ, народы, т. е. отряды различныхъ національностей, которые служили наемниками за опредѣленное жалованье или приняты были на постоянную службу и получили мѣста для поселенія, какъ это было съ половцами. Но послѣдніе служили въ легковооруженной конницѣ стрѣлками. Кромѣ того, и по дипломатическимъ соображеніямъ ихъ едва ли бы выставляли на показъ татарамъ. Другимъ большимъ отрядомъ наемниковъ являются латиняне, т. е. западно-европейскіе рыцари, которые всегда въ значительномъ числѣ служили въ Никейской имперіи. Такъ при Ѳеодорѣ I въ битвѣ при Антіохіи въ 1211 году погибъ отрядъ въ 800 человѣкъ (Acrop. стр. 16). Они составляли особый отрядъ подъ начальствомъ великаго контоставла, важнаго придворнаго чина, и играли большую политическую роль при воцареніи Михаила Палеолога, бывшаго одно время ихъ начальникомъ. Латиняне, по всей вѣроятности, обычно были расположены въ Магнезіи или по близости отъ Нимфея. Отрядъ ихъ былъ разставленъ какъ почетный караулъ. Наконецъ были разставлены отряды гвардіи, къ которымъ относится слово τάξις — строй, шеренга, означавшее также иногда гвардію (Du-Cange). Будучи немногочисленными и фигурируя обычно въ торжественныхъ случаяхъ, они разставлялись въ опредѣленныя церемоніальныя шеренги (Codini de Officiis. Corpus scrip. hist. byzant. Боннъ 1838, стр. 37). Изъ такихъ отрядовъ, напримѣръ, упоминаются при Ласкаряхъ вардаріоты, схолы, коринофоры, варяги-кельты, о которыхъ

φῦλα καὶ τάξεις ἐν ποσοῖς τισι τῶν ὁδῶν διαστήμασιν ἱσταμένους καταφράκτους σιδήρῳ, φόβον κατὰ παιδιὰς ἐμποιεῖν. Τὸ δέ γε τῆς γερουσίας καὶ ὅσον ἦν τῶν ἐν τέλει καὶ τῷ βασιλεῖ πρὸς αἵματος, πάντας πρὸς τὸ μεγαλειότερον ἐσκευασμένους καὶ στολαῖς καὶ γενναίῳ τῆς ψυχῆς παραστήματι, ὡς αὐτίκα τὸν κατὰ πόδας λαπάξοντας πολλάκις διιόντας ἐξ ἀφανῶν ἐς ταυτὸ ξυμπίπτειν, ὡς τοὺς αὐτοὺς μὲν εἶναι ταῖς ἀληθείαις, δοκεῖν δ' ἄλλους καὶ ἄλλους καὶ μηδέποτε τοὺς αὐτούς, τρόπον δακτυλιδίου σφενδόνην μὴ ἔχοντος, ἥν τις βούλοιτο ἐπ' ἐκείνου τὸ πρότερον καὶ τὸ ὕστερον θεωρεῖν, ὡς τὸ αὐτὸ μὲν πολλάκις λαμβανόμενον εἶναι, δοκεῖν δ' ἕτερον τῇ μεταλλαγῇ. Αὐτὸν δὲ βασιλικῶς ἐσταλμένον, μηδὲν τῶν φοβερῶν ἐλλείποντα, ἄνω που καθῆσθαι σπάθην φέροντα ταῖς χερσί, βήλοις τε πολυτελέσι περικεκλεισμένον, ἄλλων καὶ αὐτῶν φοβερῶν περιισταμένων, ἱκανῶν ὄντων καὶ τούτων καταπλῆξαι τὸν ὁρῶντα καθ' ἑαυτούς, οὕτω ποιεῖν χρηματίζειν τοῖς πρέσβεσι, μακρὰν μὲν ἱσταμένοις, ὅσον εἰκάζειν τον βασιλέα καὶ ὁρᾶν τὰ δρώμενα, ἐξαίφνης δ' ἐξ ἀδήλου τῶν παραπετασμάτων διανοιχθέντων οὕτως ἐγγενέσθαι σφίσι βλέπειν τὸν βασιλέα ἐπὶ τοῦ θρόνου μάλα σοβαρευόμενον, ὀλίγα τε εἰπεῖν καὶ ἀκοῦσαι μεταξυλογούντων τινῶν, φοβερὰ δὲ καὶ ταῦτα δοκοῦντα, ὡς μόνον λεγόμενα καταπλῆξαι.

будетъ рѣчь ниже. Часть изъ нихъ носила только легкое вооруженіе, но присутствіе ихъ при церемоніяхъ, хотя бы для организаціи и соблюденія порядка, было необходимо. Они, вѣроятно, были расположены уже на площади или при входѣ на нее, гдѣ долженъ былъ состоятся пріемъ пословъ.

Кромѣ войска, въ пріемѣ должны были участвовать всѣ придворные чины. Родственники царя по крови, герусія и всѣ состоящіе на дѣйствительной службѣ величественно облеклись въ парадныя одежды, какъ подобало ихъ высокому положенію. Они расположились у подножія и, многократно проходя „изъ невидимаго", одновременно падали ницъ, и хотя были все тѣми же („истинными"), но казались зрителямъ иными и никогда тѣми же самыми; на случай, если кто либо захотѣлъ увидѣть кого либо изъ нихъ въ первый и послѣдній разъ, то они не имѣли никакихъ знаковъ отличія вродѣ колецъ на пальцахъ, и такимъ образомъ одно и тоже нѣсколько разъ принималось и казалось инымъ благодаря перемѣщенію. Для приданія особой торжественности участвовалъ весь дворъ, начиная съ родственниковъ царя и кончая мелкими чинами полу-слугами.

Родственники царя выдѣлены въ особую группу, такъ какъ въ эпоху Ласкарей, какъ и позднѣе у Палеологовъ, они почти исключительно являются носителями высшихъ сановъ деспота, кесаря и севастократа (Cod. de Off. стр. 6 сл.) и, еще при Ласкаряхъ имѣвшаго особое почетное значеніе, протосеваста. При Ѳеодорѣ II намъ извѣстны при дворѣ только севастократоры и протосевасты, братья покойныхъ царей Ѳеодора I и Іоанна III, изъ нихъ особенно первые играли роль при дворѣ. (Acrop. стр. 101, 173 и 123.)

Подъ античнымъ словомъ герусія подразумѣвается синклитъ, сенатъ, т. е. высшіе гражданскіе и придворные чины, какъ это вытекаетъ изъ другого мѣста исторіи Пахимера[1], входившіе въ составъ его. И наконецъ остальные чины, выдѣленные въ особую группу ἐν τέλει — въ дѣйствіи, состоящіе на дѣйствительной службѣ. Терминъ, который иногда прилагается ко всей совокупности чиновъ (Blem. Cur. vitae, стр. 89), а обыкновенно къ гражданскимъ чинамъ въ отличіе отъ войска (Acrop. стр. 156). Въ данномъ случаѣ ему придано еще болѣе узкое значеніе, примѣнительное къ второстепеннымъ чинамъ.

Всѣ эти чины были разставлены въ церемоніальныхъ шеренгахъ, и, выходя изъ сосѣднихъ домовъ или изъ за нихъ на площадь, дѣлали земной поклонъ, останавливаясь передъ своего рода помостомъ. Проскинесисъ, земной поклонъ, былъ принятъ при византійскомъ и восточныхъ дворахъ, въ томъ числѣ татарскомъ. Эти шеренги, проходя по нѣсколько разъ, благодаря пестротѣ и богатству одеждъ и инымъ группировкамъ, производили впечатлѣніе новизны.

Самъ же Ѳеодоръ II, облачившись по царски и не отбросивъ ничего такого, что могло бы внушить страхъ, усѣлся гдѣ то наверху, т. е. на помостѣ, держа въ рукахъ мечъ; со всѣхъ сторонъ онъ былъ окруженъ дорогими завѣсами; другіе, внушающіе страхъ, стояли вокругъ него, способные зарубить каждаго, взглянувшаго на нихъ.

На помостѣ было устроено изъ драгоцѣнныхъ завѣсъ нѣчто вродѣ домика или ложи, въ которой возсѣдалъ царь, уже приготовившійся для пріема. Подобныя сооруженія ставились на площадяхъ при особо торжественныхъ случаяхъ явленія царя народу и названы у Кодина — προκύψις (A. Heisenberg. Aus Geschichte und Litteratur der Paleologenzeit. Sitzungsberichte der bayer. Ak. 1920, стр. 85 сл.). Съ подобнымъ сооруженіемъ мы имѣемъ дѣло въ данномъ случаѣ. Но внесены были нѣкоторыя измѣненія, придавшія церемоніи болѣе воинскій спеціальный характеръ. Во-первыхъ, царь сидѣлъ на тронѣ, какъ принято было при пріемѣ пословъ, во-вторыхъ онъ держалъ мечъ, вѣ-

[1]) Τότε τοίνυν συγκαλεσάμενος ὅσον ἦν τὸ τῆς γερουσίας καὶ ὅσον τοῦ βασιλείου γένους ὅσον τε τῶν ἀρχόντων καὶ ὅσον τῆς στρατιωτικῆς τάξεως.

роятно обнаженный. Почти такую же картину мы видимъ на миніатюрѣ рукописи Іоанна Скилицы (Мадрид. націон. библ. № 5, XIV в.), изображающую переговоры Іоанна Цимисхія со Святославомъ (Н. П. Кондаковъ. Русскіе клады СПБ. 1896, стр. 83). Возможно, что миніатюра сдѣлана по болѣе древнему оригиналу (Тамъ же, стр. 213). (Рис. 2.)

Разсматриваемая нами миніатюра дѣлится на двѣ части. Налѣво: Цимисхій, сидя на тронѣ, отправляетъ посла. За трономъ два конныхъ воина. Направо: Святославъ принимаетъ посла, сидя на тронѣ въ такомъ же царскомъ орнатѣ съ обнаженнымъ мечемъ. За трономъ два всадника. Единственная реальная деталь, по мнѣнію Н. П. Кондакова, высказанному въ лекціяхъ читанныхъ въ Прагѣ въ 1923 году, это — конская го-

Рис. 2.
Миніатюра рукописи Іоанна Скилицы (Мадрид. Нац. Библ. — Кондаковъ, Русскіе клады).

лова на тронѣ Святослава. Въ остальномъ Святославъ изображенъ какъ византійскій царь и ему дана соотвѣтствующая для пріема посла поза. Возможно, что всадники за трономъ представляютъ личную стражу царя. При обычныхъ церемоніяхъ и пріемѣ пословъ во дворцѣ царь не бываетъ при мечѣ, его носитъ передъ нимъ великій доместикъ (Codin. стр. 55), а во время прокипсиса мечъ держатъ за нимъ такъ, чтобы не видно было держащаго (Codin. стр. 52). Въ лагерѣ же царь, какъ и вполнѣ естественно, обычно носитъ его самъ (Acrop. стр. 136).

Окружавшая царя стража состояла изъ варяговъ, которыхъ Пахимеръ называетъ кельтами-сѣкироносцами. Варяги при всѣхъ торжественныхъ церемоніяхъ составляли личную стражу царя.[1] При церемоніи прокипсиса они стояли у самыхъ колоннъ, поддерживающихъ помостъ, но стояли лицомъ къ остальнымъ и не участвовали въ актѣ поклоненія царю, а охраняли его. При открытіи завѣсы они только привѣтствовали царя, поднимая на плечи сѣкиры.[2] Вѣроятно, также было и въ данномъ случаѣ. Всѣ вышеуказанныя размѣщенія происходили, пока царь былъ скрытъ отъ глазъ зрителей.

[1]) Напр. у Pachym. кол. 539: πολλοὶ γαρ καὶ ἠπείλουν προεξανίστασθαι, εἰ ἀντέχοιτο, καὶ τὸ κελτικὸν πελεκυφόρον περιεστὼς ἕτοιμον ἦν καὶ κατὰ φυλακὴν καὶ καθ᾽ ἐπίθεσιν πράττειν, εἴγ᾽ ὁρισθείη παρὰ τῶν δυναμένων μάλιστα.

[2]) Codin. de Off. стр. 49 говоритъ о томъ, какъ размѣщались передъ прокипсисомъ: εἶτα ἔρχονται ὡσαύτως μετὰ τῶν φορεμάτων, καὶ ἵστανται ἕκαστοι κατὰ την τάξιν αὐτῶν, καθὰ καὶ ἐν τῷ τρικλίνῳ· ὁμοίως κ αἱοἱ Βάραγγοι, καὶ ἵστανται καὶ οὗτοι ἐν τῇ αὐλῇ πλησίον τῆς προκύψεως κιονίων, φέροντας τὰς πελέκας αὐτῶν ἐπὶ τῶν καρποχείρων αυτῶν· τοῦ βασιλέως δὲ ἄνωθεν ἀπὸ τῆς προκύψεως φανέντος αἴρουσιν αὐτὰς πάντες, ὡς ἔθος, ἐπὶ τῶν ὤμων αὐτῶν.

Вотъ какимъ образомъ устроилъ царь пріемъ посламъ. Они были помѣщены на далекое разстояніе, какъ это подобало въ присутствіи царя, и смотрѣли на происходившее. Внезапно „изъ невидимаго", изъ-за открывшихся завѣсъ, случилось посламъ увидѣть царя, сидѣвшаго съ суровымъ видомъ на тронѣ. Царь же немного имъ сказалъ и выслушалъ ихъ и то не прямо, а черезъ посредствующихъ, и это казалось страшнымъ, будто бы одно говоримое поражало. Этотъ разсказъ выражаетъ впечатлѣніе греческой толпы зрителей, впервые увидѣвшихъ нѣчто подобное. Между тѣмъ, въ манерѣ царя держать себя, какъ и въ веденіи разговора съ послами не было ничего необычнаго ни для Византійскихъ дипломатовъ, ни для татарскихъ пословъ, которые какъ у себя дома, такъ и при посѣщеніи иныхъ восточныхъ дворовъ, привыкли къ этому. Такъ Плано Карпини и другіе послы и иностранцы, прибывшіе въ Каракорумъ, и въ томъ числѣ князь Суздальскій Ярославъ, были помѣщены внѣ ограды, за которой собирался курилтай, выбиравшій новаго хана. Туда имъ выносили во время пира ѣду. (Собраніе путешествій къ татарамъ и другимъ восточнымъ народамъ въ XII, XIV и XV столѣтіи, СПБ. 1825 г. стран. 34 сл.).

При Византійскомъ дворѣ также было принято помѣщать иностранцевъ подальше. Ліудпрандъ Кремонскій, приглашенный посмотрѣть на проэлевсисъ, торжественное шествіе царя въ Святую Софію былъ помѣщенъ съ пѣвчими.[1] Въ нашемъ случаѣ послы не присутствовали, какъ зрители, а получали аудіенцію, поэтому они стояли не слишкомъ далеко, или послѣ явленія царя, когда собственно начинался пріемъ, были подведены ближе. Разговоръ естественно велся черезъ переводчиковъ, такъ какъ едва-ли кто изъ пословъ умѣлъ по гречески. Кромѣ того, при торжественныхъ пріемахъ царь всегда обращался къ посламъ при посредствѣ логоѳета, который ставилъ вопросы весьма общаго характера и получалъ отвѣты.[2] О дѣлѣ договаривались обыкновенно отдѣльно съ логоѳетомъ, а иногда имѣли разговоръ съ самимъ царемъ (Liudpr. стр. 176; 184). По церемоніалу времени Константина VII царь совсѣмъ не говорилъ, и во всякомъ случаѣ этикетъ требовалъ, чтобы царь говорилъ мало.

Пахимеръ далѣе сообщаетъ, что царь далъ очень не долгую аудіенцію посламъ, а затѣмъ отослалъ татаръ съ тѣми же проводниками по тѣмъ же скวернымъ дорогамъ обратно въ султанатъ.[3] Относительно того, что это была единственная аудіенція, авторъ навѣрное ошибается. Послѣ главной аудіенціи собственно начались переговоры о дѣлѣ, которые велись въ болѣе простой обстановкѣ, и при которыхъ царь могъ и не присутствовать, но сомнительно, чтобы послы не были приглашены къ царю на торжественный обѣдъ. Это приглашеніе дѣлалось иногда при большомъ пріемѣ или слѣдовало за нимъ въ скоромъ времени (Liudpr. стр. 156).

---

[1]) Liudprandi Opera. ed. J. Becker. Script. rerum. german. in usum schol. Ганноверъ-Лейпцигъ, 1915 стр. 181. »Ductus ego ad προέλευσιν ipsam in eminentiori loco iuxta psaltos, id est cantores, sum constitutus.«

[2]) Liudpr. Opera, стр. 155. Per se autem tunc nihil locutus quoniam, etsi vellet, intercapedo maxima indecorum faceret, de vita Berengarii et sospitate. Cui sum consequenter respondissem, interprete sum invuente egressus et in datum mihi hospitium mox receptus,... Вопросы, какъ и первоначальное привѣтствіе произносимое посольствомъ были на передъ выработаны. Въ II-ой книгѣ Константина »De ceremoniis aulae byzantinae« этому посвящается особая глава. (Migne PG, 112, кол. 1256 сл.). Въ нашемъ случаѣ конечно былъ выработанъ особый церемоніалъ, т. к. это повидимому первое татарское посольство, принятое при дворѣ. Нѣчто подобное, какъ вопросы къ посламъ эмировъ, только болѣе торжественное въ связи съ высокимъ положеніемъ хана (кол. 1264). Πῶς ἔχει ὁ εὐγενέστατος ἀμηρᾶς Αἰγύπτου; πῶς ἔχει ἡ γερουσία καὶ ὁ λαὸς αὐτῆς ἅπας; πῶς ἔχεις σύ; πῶς διεσώθης κατὰ τὴν ὁδόν; μή τι ἐναντίον συνέβη σοι; ὕπαγε καλῶς εὐφραινόμενος καὶ ἀγαλλόμενος, σήμερον συνεσθίων μετὰ τοῦ βασιλέως ἡμῶν τοῦ ἁγίου. Могли быть прибавлены вопросы о здравіи ханской семьи и вельможъ (кол. 1260).

[3]) Pachym. кол. 575: Καὶ οὕτως ἐπ' ὀλίγον ἀφοσιωσάμενον τὸν χρηματισμὸν, ἀποπέμπει διὰ τῶν αὐτῶν καὶ πάλιν δυσχωριῶν τοῖς ὁδηγοῖς ἐπαναγομένους.

Подобное происшествіе, по мнѣнію автора, произошло впервые, и такъ случилось, что благодаря хитрости стали бояться тѣ, которыхъ боялись.[1]

Дѣйствительно, о такомъ пріемѣ пословъ впервые узнаемъ отъ Пахимера; пріемъ является единственнымъ въ своемъ родѣ. Причина его необычайности не лежитъ исключительно въ желаніи поразить татаръ, которое, вполнѣ естественно, было у ромейскаго правительства и царя, личная иниціатива котораго сыграла значительную роль въ устройствѣ пріема. Θеодоръ II въ отличіе отъ своего отца Іоанна III Ватаца былъ склоненъ къ роскоши. Но и цѣлый рядъ иныхъ обстоятельствъ требовалъ отступленія отъ обычнаго церемоніала, начиная хотя бы съ того, что взаимоотношенія обоихъ народовъ было довольно неопредѣленное. Собственно говоря, миръ былъ нарушенъ ромеями, но въ то же время не было настоящей войны, хотя Никеей посланъ былъ на помощь султану незначительный отрядъ· Повидимому, послѣ пораженія султана ни у той, ни у другой стороны не было особой охоты воевать. Татары утомлены были послѣдними походами и заняты организаціей завоеванныхъ странъ, а политика ромеевъ на востокѣ уже давно не шла дальше самообороны. Поэтому царю надо было принять татарскихъ пословъ въ лагерѣ по воински, показавъ этимъ свою готовность вести въ случаѣ нужды войну, но также дать понять имъ, сохраняя свое достоинство, что онъ миролюбиво настроенъ и принять съ особыми почестями пословъ могущественнаго хана, съ которымъ нужно было наладить мирныя отношенія. Оказать особыя почести лучше всего было въ столицѣ въ мирной обстановкѣ, блеснувъ роскошью двора, но этому препятствовало не одно военное положеніе.

Начиная съ 1204 года имперія ромеевъ была безъ столицы. Никея, давшая свое названіе имперіи (впрочемъ ни Ласкари, ни ихъ подданные не знали Никейской имперіи, а только имперію ромеевъ), была митрополіей Виθиніи и резиденціей вселенскаго патріарха, занимавшаго и митрополичью каθедру въ Никеѣ (Миліараки, стр. 101). Въ Никеѣ Ласкари вѣнчались на царство и появлялись въ особенно торжественныхъ случаяхъ, напр. при тріумфахъ, какъ въ самомъ значительномъ городѣ своего царства. Но еще Θеодоръ I въ концѣ своего царствованія живалъ въ Смирнѣ и Нимфеѣ, а преемникъ его Іоаннъ III перенесъ въ Нимфей свою резиденцію. Но, несмотря на это, Нимфей оставался незначительнымъ городкомъ, съ наскоро построеннымъ дворцомъ, разсчитаннымъ только на временное пребываніе въ надеждѣ на возвращеніе въ Константинополь. Конечно передъ татарами, только что разорившими Багдадъ, при такомъ положеніи вещей нечѣмъ было похвалиться. Пріемъ въ лагерѣ давалъ возможность блестяще выйти изъ затрудненія. Θеодоръ II нашелъ способъ развернуть блескъ двора внѣ дворца и выйти изъ непріятнаго положенія.

При Византійскомъ дворѣ издавна существовалъ обычай приглашать иностранныхъ пословъ въ качествѣ зрителей при торжественныхъ процессіяхъ и явленіяхъ царя народу; такъ Ліудпрандъ Кремонскій присутствовалъ при проелевсѣ. Въ 1196 году послы Генриха VI-го были приглашены присутствовать при торжественномъ явленіи царя народу въ Рождество Христово, при которомъ весь дворъ облекался въ парадныя одежды, а царь въ полномъ облаченіи показывался откуда то сверху неожиданно народу, т. е. соблюденъ въ общихъ чертахъ тотъ же церемоніалъ, который сохранялся при дворѣ и въ эпоху Палеологовъ. Народная редакція сочиненія Никиты Акомината,[2] которую

---

[1]) Ibid.: Τὰ γοῦν πρότερα ταῦτ᾽ ἦσαν, καὶ οὕτω δεδιότας ξυνέβαινεν ἀντιφοβεῖν ἐκ συνέσεως.

[2]) Heisenberg. Aus Geschichte u. Lit. d. Paleolog, стр. 85 изъ популярной редакціи хроники Никиты Акомината стр. 62, 9: τῆς γὰρ ἑορτῆς τῶν Χριστοῦ γενεθλίων ἐλθούσης ἅπαντας τοὺς ὑπ᾽ αὐτὸν ὥρισεν ὁ βασιλεὺς χρυσόρουχα φορέσαι τα κρείττονα ὧν εἶχον, καὶ αὐτὸς δὲ ὁ βασιλεὺς τὴν βασίλειον φορέσας στολὴν τὴν μετὰ λίθων καὶ μαργάρων, πολυτελῶν ἔστη ἐπάνω τόπου ὑψηλοῦ ἐξαίφνης φανείς, ποιήσας τὴν νῦν λεγομένην πρόκυψιν. Основная редакція Migne PG 139, кол. 852.

приводитъ Гейзенбергъ, говоритъ, что это то, что теперь называютъ прокипсисомъ. Въ основной же редакціи объ церемоніи прокипсиса ничего не говорится. Во всякомъ случаѣ, послы присутствовали при празднествѣ Рождества, и примѣненіе прокипсиса, который, какъ доказалъ Гейзенбергъ по другимъ источникамъ, встрѣчается со времени Мануила Комнина, вполнѣ допустимо (Heisenberg. Aus Geschichte u. Lit. d. Paleolog. стр. 94). Тотъ же обычай по отношенію къ посламъ существовалъ при болгарскомъ дворѣ, во всемъ подражавшемъ Византійскому. Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ разбираемаго нами пріема татарскихъ пословъ, Георгій Акрополитъ, жившій въ качествѣ посла въ Тырновѣ, былъ приглашенъ болгарскимъ царемъ на торжественное празднованіе Крещенія, при которомъ особенно блисталъ болгарскій дворъ.[1] Конечно также поступали съ послами и при Никейскомъ дворѣ, но новшество Θеодора заключалось въ томъ, что онъ создалъ, спеціально для пословъ, публичное торжество и удачно соединилъ его съ пріемомъ въ лагерѣ. Возможно также, что дѣло происходило послѣ Пасхи или лѣтомъ, и тогда циклъ праздниковъ и торжественныхъ выходовъ царя и явленій народу уже закончился. Произвести же впечатлѣніе на пословъ было необходимо. Блеснуть роскошью двора, по дипломатическимъ понятіямъ того времени, было столь же необходимо, какъ достойно принять пословъ. Для этого Θеодоръ II воспользовался обычнымъ церемоніаломъ явленія царя народу, который нѣсколько былъ измѣненъ съ связи съ военнымъ положеніемъ.

Изъ описанія Пахимера явствуетъ, какъ мы уже видѣли, что прибѣгнуто было къ прокипсису, подробный разборъ котораго даетъ Гейзенбергъ въ неоднократно цитированномъ сочиненіи (стр. 85 сл.). Начнемъ съ присутствія войскъ. Они всегда бывали разставлены, хотя не въ такомъ количествѣ и не производилось спеціальнаго подбора тяжеловооруженныхъ (Cod. de Off. стр. 48). Что же касается театральнаго пріема съ чинами, то это ничто иное, какъ сложныя манипуляціи, нѣксколько разъ повторяемыя при разстановкѣ ихъ передъ прокипсисомъ въ церемоніальные ряды, благодаря чему создавалось представленіе о большемъ количествѣ чиновъ; всѣ они, конечно, оставались стоять на площади (Cod. de Off. стр. 49), но, благодаря предварительнымъ маневрамъ, у зрителей создавалось впечатлѣніе, что на площади осталась только часть ихъ.

Особенно характерно для прокипсиса положеніе царя, находившагося на верху. Царь былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ завѣсами, которыя внезапно раздвигадись, и тогда царь становился видимымъ собравшимся, а главное посламъ. Здѣсь, въ связи съ иной цѣлью, введены измѣненія въ церемонію прокипсиса. Во-первыхъ, не упоминается о славословіи и привѣтствіи царя, которыя являются существенной частью церемоніала при явленіи царя народу (Cod. de Off. стр. 52). Въ данномъ случаѣ, вѣроятно, ограничились только многолѣтіемъ. Во-вторыхъ, царь не явился стоя народу и при этомъ нѣсколько разъ, въ разныхъ видахъ, въ сопровожденіи лицъ изъ царской семьи, но только однократно, сидя на тронѣ съ мечомъ, какъ это требовалось церемоніаломъ пріема въ лагерѣ. Дальше слѣдуетъ обыкновенный пріемъ пословъ. На этотъ разъ ромейское правительство лучше достигло цѣли, чѣмъ въ 1196 году, когда церемоніаломъ и черезмѣрной роскошью и изнѣженностью одинаково были скандализованы нѣмецкіе рыцари и лучшіе изъ ромеевъ (Nicetae Choniatae H. кол. 852). Роскошь двора Ласкари сумѣли сочетать съ сильнымъ войскомъ.

Во всякомъ случаѣ, если татары и не превратились изъ устрашающихъ въ устрашенныхъ, какъ этого хочетъ Пахимеръ, то они должны были вынести благопріятное впечатлѣніе, и далеко не ложное, о сильномъ и благоустроенномъ государствѣ, спо-

[1]) Acrop. стр. 176: ἔτυχον γὰρ τότε καὶ αἱ ἑορτάσιμοι τοῦ Χριστοῦ ἡμέραι, ἥ τε τῶν γενεθλίων καὶ ἡ τοῦ βαπτίσματος· ἐν τῇ τοιαύτῃ καὶ γὰρ ἡμέρᾳ τοῦ βαπτίσματος οἱ τῶν Βουλγάρων ὄρχοντες λαμπρύνονται μάλιστα, καὶ ἐβούλετο ὁ τῶν Βουλγάρων ἄρχων τῷ τότε Κωνσταντῖνος σφίσιν αὐτοῖς συνεῖναι κἀμὲ καὶ θεατὴν γενέσθαι τῶν τελουμένων.

собномъ къ оборонѣ и хорошо защищенномъ естественными границами. Хитрости же Ѳеодора Ласкаря, столь поразившія автора и греческихъ зрителей, навѣрное болѣе устрашенныхъ всѣмъ видѣннымъ, чѣмъ послы, сводятся къ незначительнымъ, хотя и не лишеннымъ остроумія деталямъ, и къ удачному примѣненію, въ связи съ обстоятельствами, традиціоннаго церемоніала. О благопріятномъ исходѣ посольства лучше всего свидѣтельствуетъ Пахимеръ, заканчивая свой разсказъ сообщеніемъ, что царь предпринялъ отправить къ татарамъ подобное же дружественное посольство и сталъ заботиться о бракѣ.[1]

Переговоры о присылкѣ невѣсты, начатые при Ѳеодорѣ II, вѣроятно, по инціативѣ татарскаго хана, привели къ опредѣленнымъ результатамъ уже въ царствованіе Михаила Палеолога, который послалъ въ жены Хулагу свою дочь Марію,[2] рожденную отъ незаконной связи съ Дипловатациной. Эту царевну армянскій источникъ превратилъ по созвучію имени ея матери въ дочь царя Іоанна Ватаца. Вмѣстѣ съ Маріей посланъ былъ съ походной церковью монахъ-священникъ Ѳеодосій Виллардуэнъ (D'Ohsson. Hist. des mongols. т. III стр. 417), названный Принкипсомъ, бывшій въ то время архимандритомъ монастыря Пантократора. Марія, прибывъ въ орду, по смерти хана Хулагу, послѣдовавшей въ 1265 году, была взята въ жены его сыномъ и преемникомъ, ханомъ Абакой.[3] Но дружественныя связи съ татарами не отличались прочностью. По смерти Ѳеодора II, татары, надѣясь воспользоваться малолѣтствомъ Іоанна IV и царившей неурядицей, появились у границы имперіи.[4] Съ воцареніемъ опытнаго полководца и дипломата Михаила VIII опять все успокоилось; въ особенности, когда онъ, задержавъ у себя Асседина-Кайкауса II, этимъ помогъ татарамъ укрѣпиться въ султанатѣ (Пах. кол. 570), но въ тоже время, угрожалъ въ случаѣ нужды вновь выпустить его и вызвать этимъ возстаніе среди турокъ.

Во всякомъ случаѣ еще въ 1259 году значительное ромейское войско могло быть вновь переброшено въ Европу и одержало при Пелагоніи блестящую побѣду надъ западными рыцарями.

М. А. Андреева.

¹) **Pachym.** кол. 575: τότε δ'ὁμαλῶς καί ἠπίως πάνυ ἐπεχείρουν πρεσβεύεσθαι μὲν ἐπ' ἐκείνους, ἐκεῖθεν δὲ πρέσβεις δέχεσθαι, ὡς αὐτίκα καὶ κατὰ κήδη σπένδεσθαι μελετᾶν.

²) **Ibid.** 614. Τῷ μέν Χαλαοὺ μετὰ τοῦ μοναχοῦ καὶ ἱερέως Πρίγκιπος ἔξεδίδου τὴν ἐκ τῆς Διπλοβατατζίνης ἐκ νοθείας παῖδα Μαρίαν. Καὶ Πρίγκιξ, ἀρχιμανδρίτης ὢν τότε τῆς τοῦ Παντοκράτ.ρος μονῆς, ὑπό μεγάλαις φαντασίαις τε καὶ ἁβρότησι σύναμα καὶ πλούτῳ παντοδαπῷ τὴν κόρην ἐκόμιζεν, ἐπεφερόμενος καὶ σκηνικὴν νεὼ ἐκ πέπλων στιβαρῶν μετάξης, τοὺς δέ γε τῶν ἁγίων μορφὰς χρυσῷ πεποιημένας ἔχοντα, σταυροῖς καὶ σχοίνοις ἐρηρεισμένας, καὶ ἅγια σκεύη πολύτιμα κατὰ χρείαν τῆς ἱερᾶς θυσίας. Καὶ οὕτω μέν πρὸς τὸ μεγαλειότερον τὸ συνάλλαγμα ἐξηρτύετο, κἂν τοῦ Χαλαοὺ ἐξ ἀνθρώπων γεγονότος πρὶν ἐκείνους φθάσαι ἡ κόρη τῷ υἱῷ ἐκείνου 'Απαγᾶ, διαδόχῳ γε τῆς ἀρχῆς καταλειφθέντι, ἐν ὑστέρῳ φθάσασα ἐνηρμόζετο.

³) **Паткановъ.** Исторія монголовъ по армян. источ. вып. I стр. 25. Для Абака привезли изъ Греціи жену Деспину, дочь царя Ватаца, съ условіемъ, чтобъ Абака сперва крестился, а уже послѣ вѣнчался бы съ ней. Прошелъ слухъ будто онъ дѣйствительно крестился и женился на ней, во славу Христа.

⁴) **Асгор.** стр. 157: αὐτίκα γὰρ τὰ μὲν ὁμοροῦντα τοῖς Πέρσαις ταῖς ἐφόδοις ἐθορυβοῦντο τῶν ἐπερχομένων κατὰ Περσῶν Ταχαρίων.

Рис. 1.
Скиѳы на Чертомлыцкой вазѣ.

УКРАШЕНІЯ ПОЗДНЕ-АНТИЧНОЙ И РАННЕ-ВИЗАНТІЙСКОЙ ОДЕЖДЫ

Въ настоящее время новыя работы въ области исторіи одежды часто упоминаютъ о существенной и разительной перемѣнѣ, происшедшей въ костюмѣ въ періодъ формированія Восточно-Римской имперіи и столкновенія „античнаго“ міра съ новымъ, чуждымъ ему, міромъ „варварскимъ“.

Французскій археологъ L. Heuzey такъ опредѣляетъ основной принципъ античнаго костюма: »Le principe des draperies grecques, en opposition avec le costume ajusté des modernes, c'est qu'elles n'ont pas de forme par elles-mêmes. Lorsque le rectangle d'étoffe a été fabriqué, avec toutes les qualités de souplesse, d'éclat, de finesse et de perfection textile que la main des femmes a réussi à lui donner, l'usage grec n'a gardé de porter atteinte à ce chef-d'œuvre de l'industrie domestique, en le taillant avec des ciseaux, en remplaçant par des ourlets ou par des coutures les lisières qui en sont comme les frontières naturelles et qui font la solidité de l'ensemble. Cette construction d'art, cette œuvre de prix, il l'accepte telle que le métier la lui donne. La forme qui en paraît absente, ce sera le corps humain qui l'y mettra«.[1] Тотъ же авторъ и французскій византологъ J. Ebersolt указываютъ, что въ Византіи, съ теченіемъ времени, общій характеръ костюма настолько измѣнится, что даже одежды, идущія отъ античныхъ образцовъ и сдѣлавшіяся традиціонными, совершенно потеряютъ свой характеръ драпировокъ. Одну изъ причинъ этого оба автора видятъ въ распространеніи восточныхъ тканей, украшенныхъ золотомъ и камнями, по характеру своему не поддающихся драпировкѣ.[2]

Въ своемъ курсѣ, читанномъ въ Прагѣ, Н. П. Кондаковъ не разъ отмѣчалъ происшедшую въ одеждѣ перемѣну. По его словамъ покойныя, широкія и длинныя одежды замѣнились узкими короткими и прилегающими къ тѣлу. Драпировку смѣнили одежды кроеныя и шитыя. И если, естественно, вела къ тому необходимость примѣняться къ климатическимъ условіямъ въ разныхъ мѣстахъ обширной имперіи, то

[1]) L. Heuzey: Histoire du costume antique, Paris 1922, p. 19.

[2]) Op. c., p. 274; cp. J. Ebersolt: Les arts somptuaires de Byzance, Paris 1923, p. 140 et 154 (addition à la p. 140).

въ столицахъ и большихъ городахъ существенную роль сыграли постепенно распростанявшіяся моды на „варварскія одежды“ и, вообще, на самихъ „варваровъ“.[1] Ту же по существу мысль высказалъ Н. П. Кондаковъ 35 лѣтъ тому назадъ въ своихъ „Русскихъ древностяхъ“ (вып. III, стр. 2, 3). Указавъ, что „византійскій бытъ и искусство переполняются заимствованіями восточныхъ костюмовъ“, причемъ „Сассанидская Персія является источникомъ художественныхъ вкусовъ и бытовыхъ формъ“, а „роль посредницъ исполняютъ Малая Азія и Сирія“, Н. П. Кондаковъ говоритъ: „Вліяніе персидскихъ нравовъ и заимствованіе Византіею азіатскихъ модъ не можетъ быть объяснимо ни сношеніями странъ, вообще рѣдкими и случайными, ни изнѣженностью высшаго сословія восточной Имперіи, вполнѣ сознательно и долго, но напрасно, боровшагося съ этимъ наплывомъ восточныхъ вкусовъ. Глубокія причины и неотразимая сила этого вліянія Персіи заключались въ его народномъ характерѣ: это вліяніе съ третьяго вѣка проникало непрестанно въ южную Европу черезъ посредство варваровъ и вмѣстѣ съ ними самими притекало къ грекоримской культурѣ. Одежда и вооруженіе варваровъ, установившіеся въ своихъ типахъ еще во времена Дарія и Ксеркса, перенимались нынѣ въ восточной Имперіи, такъ какъ въ тогдашнемъ ея состояніи того настоятельно требовали непрестанная борьба съ варварами и сожительство съ ними. Императорамъ Византіи приходилось перенимать богатые уборы головные, шейные и другіе, потому что ихъ давно уже носили варварскіе царьки“.

По своему основному принципу „варварская“ одежда діаметрально противоположна античной. Создаваясь въ совершенно иныхъ бытовыхъ и климатическихъ условіяхъ, она пріобрѣла и совершенно иной характеръ. Имѣя свою опредѣленную и естественную форму, соотвѣтствующую формѣ человѣческаго тѣла, она не нуждалась и не поддавалась искусственной драпировкѣ. Климатъ и условія кочевнической жизни (верховая ѣзда) требовали также одежды для ногъ, такимъ образомъ возникли штаны, неразрывно связанные въ своемъ распространеніи съ кочевническо-варварскими модами. Сравнивая одежду кочевническую съ античной нельзя не признать, что, какъ культурно-историческое явленіе, первая была совершеннѣе и значительнѣе второй, вслѣдствіе чего и удержалась до сихъ поръ въ видѣ современнаго мужского костюма.

Любопытный матеріалъ для сужденія о распространеніи кочевнической одежды даютъ намъ рельефы Ахеменидскихъ царей. Если отмѣтить штриховкой на картѣ Даріевыхъ сатрапій, составленной Е. Herzfeld'омъ, страны, представители которыхъ изображены на рельефахъ Накшъ-и-Рустама и Персеполя въ кочевнической одеждѣ, то мы получимъ довольное наглядное представленіе объ ея распространеніи въ древнемъ мірѣ (рис. 2).[2]

Одинъ изъ наиболѣе характерныхъ примѣровъ кочевнической одежды можно видѣть на скиѳахъ, изображенныхъ въ верхнемъ фризѣ извѣстной серебряной вазы, найденной въ Чертомлыцкомъ курганѣ и находящейся въ Эрмитажѣ. Ихъ одежда состоитъ изъ запахивающагося и подпоясаннаго кафтана (м. б. кожанаго) и штановъ. Полы, подолъ и шейный вырѣзъ кафтана обшиты довольно широкими каймами. У одного скиѳа по серединѣ спины сверху внизъ идетъ широкая украшенная полоса или

---

[1]) 10-ая лекція (29. X. 1923 г.) курса Н. П. Кондакова по исторіи средневѣкового искусства, читаннаго въ зимнемъ семестрѣ 1923/4 учебнаго года. Вопросу объ одеждахъ Византіи посвященъ одинъ изъ очерковъ по исторіи ср. вѣк. искусства и культуры, написанныхъ Н. П., но еще не опубликованныхъ. Главою изъ этого сочиненія является статья „Les costumes orientaux à la Cour Byzantine“ въ журналѣ „Byzantion“, t. I, 1924.

[2]) См. Fr. Sarre und Er. Herzfeld: Iranische Felsreliefs, Berlin 1910, abb. 5—10, s.s. 14—56 и карту сатрапій (zu Cap. III) въ концѣ книги.

кайма; у другого разрѣзъ на боку также окаймленъ, благодаря чему получается впечатлѣніе двухъ нашитыхъ полосокъ, идущихъ по кафтану снизу вверхъ и сходящихся острымъ угломъ (рис. 1).[1]

Весьма интересныя описанія одеждъ, найденныхъ въ могилахъ Сибири, сообщаетъ В. В. Радловъ. Относя ихъ къ Хакасамъ китайскихъ источниковъ, онъ, къ сожалѣнію не пытается установить ихъ точной даты, ограничиваясь лишь столь общимъ и мало

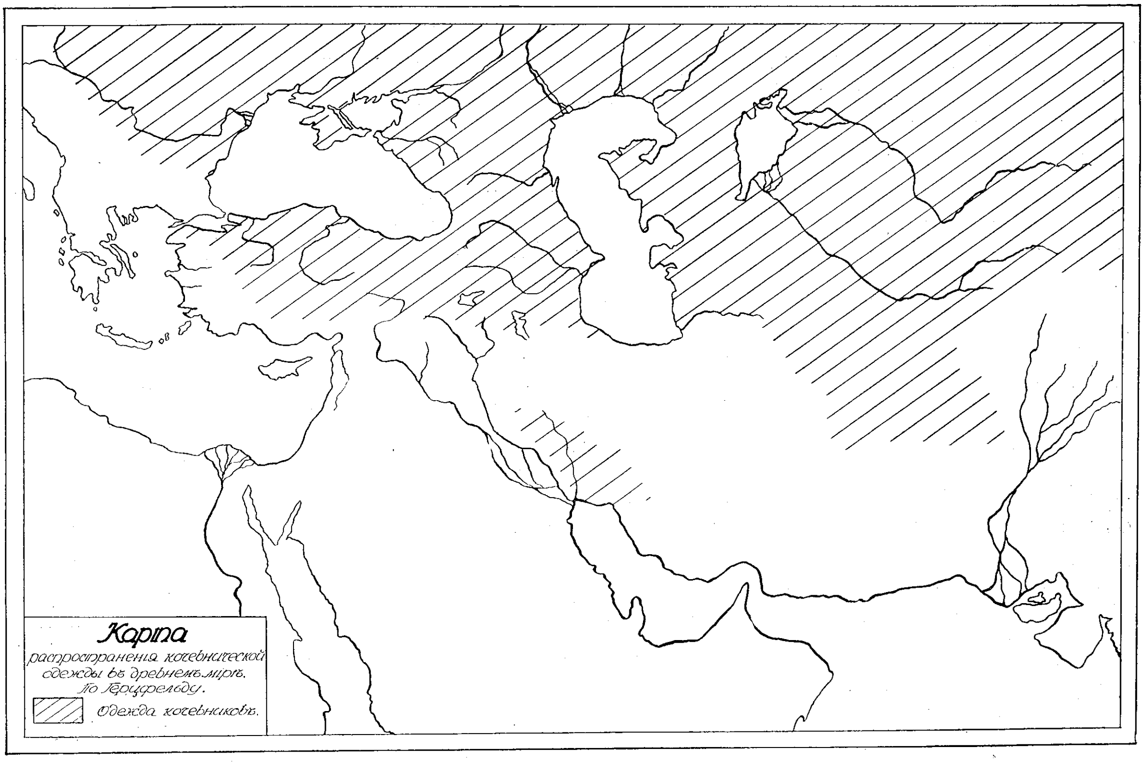


Рис. 2.
Карта классическаго Востока.

говорящимъ выраженіемъ, какъ „древнѣйшій періодъ желѣзнаго вѣка“, и не приводитъ ни одного ихъ изображенія. Въ виду исключительнаго интереса и значительности этихъ находокъ, приведу ихъ описаніе цѣликомъ. „Первое изъ этихъ платьевъ — круглый, плащъ съ длинными, но такими узкими рукавами, что мнѣ кажется невозможнымъ, чтобы туда можно было просунуть руки. Плащъ былъ подбитъ собольимъ мѣхомъ, который на иныхъ мѣстахъ сохранился въ совершенной цѣлости. Покрышка была изъ маленькихъ горностаевыхъ мѣховъ волосами наружу. Эти горностаевые мѣха окрашены были въ красную краску и нарѣзаны подковообразными и четыреугольными кусками, между которыми нашиты были полосы того же мѣха, выкрашенныя въ зеленый цвѣтъ. На узкихъ подковообразныхъ зеленыхъ мѣховыхъ полосахъ, которыя сходились одна съ другой верхушками, были нашиты въ разныхъ мѣстахъ до одиннадцати круглыхъ деревянныхъ пуговицъ, покрытыхъ золотыми листиками. Зубцы, вшитые между подковами, были прикрѣплены очень узкими кожаными ремнями, на которыхъ на каждомъ зубцѣ нашиты были 16 маленькихъ четыреугольныхъ золотыхъ листиковъ. Вокругъ

[1]) Compte-rendu de la Commissi n archéologique, 1864, atlas, pl. III; Толстой — Кондаковъ, Русскія древности, в. II, p. 116, стр. 162, и E. H. Minns, Scythians and Greeks, Cambridge 1913, f. 49. p. 162.

*

шеи и на переднихъ сторонахъ плаща нашиты были на разстояніи 4—5 вершковъ 14 рядовъ четыреугольныхъ, плотно одна къ другой прилегающихъ деревянныхъ пуговицъ; онѣ точно также были покрыты золотыми листиками такимъ образомъ, что 4 пуговицы прикрывались однимъ золотымъ листомъ. Восемь рядовъ точно такихъ же пуговицъ окружали лишній край одежды. На плечахъ находились точно такія же полосы, состоящія изъ 5 рядовъ пуговицъ, на концахъ рукавовъ полосы изъ 8 рядовъ и на наружномъ швѣ рукава отъ плеча до низу — 2 ряда подобныхъ пуговицъ. Точно такія же тонкія полосы изъ пуговицъ шли изъ подмышекъ и отъ средней части воротника на спинѣ до нижняго широкаго рубца. Вторая часть одежды — замѣчательной формы, напоминающей нашъ фракъ. Она была точно также подбита собольимъ мѣхомъ, но покрышка была изъ темной шелковой матеріи (цвѣтъ ея могъ, впрочемъ, потемнѣть отъ долгаго лежанія). Передняя часть этой одежды представляетъ куртку достигающую почти до таліи, безъ воротника и съ острымъ вырѣзомъ, доходящимъ до середины груди. Около бедеръ спина куртки удлиняется, и эта полоса, шириною около $1^1/_2$ фута, доходитъ до лодыжекъ. Верхняя одежда вокругъ шеи и весь край платья были обшиты кожаной полосой, шириной въ $1^1/_2$ вершка, которая съ обѣихъ сторонъ была обшита тонкими пилообразными золотыми зубчиками. На свободномъ мѣстѣ между этими золотыми зубцами были нашиты попарно на кожаную полосу маленькіе круглые золотые листики, отстоящіе другъ отъ друга на 1 дюймъ. Подобная же кожаная полоса шла отъ плеча черезъ грудь до наружнаго края ворота и точно также черезъ спину на высотѣ лопатокъ. Рукава были обшиты точно такими же кожаными полосами. Книзу отъ плечъ на наружномъ швѣ рукава и отъ лопатки на спинномъ швѣ шли нашитыя кожаныя полосы вдвое меньшей ширины, обшитыя только пилообразными золотыми полосками. Третьей частью одежды былъ нагрудникъ, который точно также былъ подбитъ соболемъ и покрытъ шелковой матеріей; онъ имѣлъ форму трапеціи и былъ обшитъ просто кожаной полосой, бортъ которой былъ украшенъ тонкой золотой полоской. На углахъ узкаго верхняго края были прикрѣплены короткія ремни или ленты, которые завязывались вокругъ шеи, тогда какъ на нижнихъ углахъ были прикрѣплены болѣе длинныя ленты, завязывавшіяся вокругъ таліи".[1] Всѣ описанныя одежды были найдены въ одномъ мѣстѣ и авторъ описанія считаетъ, что онѣ принадлежали мужскому одѣянію. Изъ приведеннаго описанія явствуетъ богатство и разнообразіе золотыхъ и кожаныхъ нашивныхъ украшеній, которыми была снабжена одежда „варваровъ" далекой Сибири.

Въ процессѣ уничтоженія драпировочнаго характера античнаго наслѣдія въ области одежды сыграли извѣстную роль нашивныя украшенія, которыя появляются въ различныхъ мѣстахъ римско-эллинистическаго міра около III в. послѣ Р. Х. Позднѣе въ Византіи они будутъ имѣть нѣкоторое культурно-бытовое значеніе въ качествѣ отличій различныхъ чиновъ — ступеней византійской іерархіи. Многія изъ этихъ украшеній образовывали извѣстныя системы орнаментаціи одеждъ, составлявшія особыя моды, происхожденіе которыхъ иногда есть возможность прослѣдить. Для этой цѣли приходится пользоваться указаніями различныхъ писателей того времени, иногда сохранившихъ любопытныя подробности. Матеріалъ изобразительный дополняетъ и опредѣляетъ эти указанія. Наконецъ археологическія раскопки въ эллинистическихъ городахъ Египта, гл. обр. Антиноѣ, Арсиноѣ и Ахмимѣ, даютъ вещественный матеріалъ, разбросанный по разнымъ музеямъ Европы.

Нѣтъ возможности безъ спеціальнаго и непосредственнаго изученія представить сколько либо полный и систематическій обзоръ или дать хоть какую нибудь класси-

[1]) В. В. Радловъ: Сибирскія древности, изъ путевыхъ записокъ, пер. съ нѣм. гр. А. Бобринскаго; въ Зап. Русск. Арх. О-ва, н. с. т. VII, 2, стр. 209—211.

фикацію этого матеріала. Такой цѣли не могутъ преслѣдовать настоящія замѣтки, представляющія лишь попытку нѣкоторой сводки свѣдѣній, сохраненныхъ письменными источниками, и сопоставленія ихъ съ матеріаломъ изобразительнымъ и вещественнымъ, дабы сообщить словамъ и названіямъ ихъ конкретное и наглядное содержаніе.[1]

Одежды и ткани, украшенныя вышивками, были извѣстны почти всѣмъ народамъ древняго средиземноморскаго міра. Цѣлый рядъ указаній говоритъ за то, что онѣ были въ употребленіи и въ Египтѣ, и въ Вавилонѣ и Ассиріи, и у финикіянъ и евреевъ, и наконецъ въ Персіи и Малой Азіи.[2]

Греки, а за ними и римляне, издревле считали изобрѣтателями вышивокъ и главными носителями вышитыхъ одеждъ фригійцевъ, отсюда создались термины phrygio — вышивальщикъ, phrygium opus — вышивка, vestes phrygia — одежды съ вышивками, что впрочемъ не означаетъ, что таковыхъ въ Греціи не знали и не носили; въ т. н. до-классическую эпоху онѣ, видимо, были въ большомъ ходу, а затѣмъ сохранялись гл. обр. въ одеждахъ, имѣвшихъ іератическое значеніе и характеръ.[3]

Въ вазовой живописи классическаго періода, когда на изображаемыхъ греческихъ герояхъ лишь очень рѣдко можно встрѣтить разукрашенную одежду, доминируютъ одежды гладкія, одноцвѣтныя,[4] герои же происхожденія фригійскаго, малоазіатскаго или персидскаго (вообще „варварскаго") традиціонно носятъ свой богато расшитый костюмъ. Въ качествѣ примѣра можно указать частую въ росписи вазъ фигуру Париса, весьма характерную по своей одеждѣ. Такъ на гидріи „поздне-аттическаго стиля" (т. е. относимой къ 2-ой половинѣ IV в.[5]), найденной въ 1860 г. въ Керчи и находящейся въ Эрмитажѣ, Парисъ носитъ богато орнаментированный подпоясанный рукавный хитонъ, длиною до колѣнъ, собственно говоря родъ кафтана, штаны и фригійскій колпакъ; на спину накинутъ спеціально персидскій „кандисъ" — родъ накидки съ рукавами, висящими свободно. Украшенія хитона переданы, конечно, въ формахъ принятыхъ въ греческомъ орнаментѣ и потому не могутъ воспроизводить дѣйствительности. Рукава сдѣланы изъ одной ткани со штанами. Интересной деталью является полоса ткани шахматнаго рисунка, украшающая передъ хитона сверху донизу; деталь эта, какъ мы увидимъ далѣе, можетъ воспроизводить вполнѣ реальную манеру украшенія (рис. 3).[6] Подобнаго рода орнаментація одежды встрѣчается въ вазовой живописи и на другихъ персоннажахъ, напр. амазонкахъ и т. п.[7]) Другимъ примѣромъ украшенной одежды можетъ служить короткій хитонъ, тоже подпоясанный, одѣтый на Гефестѣ, ѣдущемъ на мулѣ въ сценѣ возвращенія бога на Олимпъ, на аттическомъ кратерѣ V вѣка, найденномъ въ Сициліи и находящемся въ Мюнхенѣ. Хитонъ этотъ

---

[1]) Предлагаемая сводка не можетъ конечно претендовать на полноту, а по условіямъ работы носитъ въ извѣстной мѣрѣ случайный характеръ. Большая часть текстовъ греческихъ и латинскихъ писателей указаны и разобраны, и сводки по отдѣльнымъ детальнымъ вопросамъ сдѣланы въ статьяхъ извѣстнаго словаря греческихъ и римскихъ древностей Daremberg et Saglio (Dictionnaire des antiquités grecques et romaines): M. Besnier: Phrygio — Phrygium opus (t. IV, 1, p. 446—450); L. Heuzey: Clavus (t. I, 2, p. 1243—1245); V. Chapot: Segmentum (t. IV, 2, p. 1173—1176); E. Saglio: Paragauda (t. IV, 1, p. 322—323); Patagium (t. IV, 1, p. 340); и въ другихъ трудахъ, которые будутъ указаны особо.

[2]) См.: Perrot et Chipiez: Histoire de l'art dans l'antiquité; для Египта — t. I, p. 848; для Вавилона и Ассиріи — t. II. p. 769—773 и рисунки на этихъ страницахъ; для Финикіи — t. III, p. 877; для Іудеи — t. IV, p. 465; для Персіи — t. V, p. 882; а также указанія у M. Besnier, o. c.

[3]) Вопросъ этотъ подробно трактованъ M. Besnier въ указанной выше статьѣ.

[4]) О цвѣтѣ греческихъ одеждъ см.: Heuzey, Hist. du cost. ant., p. 109—113.

[5]) Furtwängler und Reichhold, Griechische Vasenmalerei, T. II, p. 102—3.

[6]) Рисунокъ взятъ изъ: Compte-rendu de la Commission archéologique, 1861, atlas, pl. V, 1; объ украшеніяхъ одеждъ тканями шахматнаго рисунка см.: Athen. XII, 525 C и Stephani въ C. r. de la Comm. arch., 1878—9, p. 74, n. 1.

[7]) Furtwängler und Reichhold, o. c., Taf. 26—27 (atlas).

украшенъ по шейному вырѣзу и по подолу зубчатымъ орнаментомъ, причемъ каждый зубецъ заканчивается кружкомъ, а 4 (2 наверху и 2 внизу) снабжены еще зигзагообразными линіями, тоже оканчивающимися кружками (рис. 4),[1] Того же характера одежды можно видѣть и на другихъ богахъ и герояхъ.[2]

Наконецъ, въ изображеніяхъ персовъ въ греческой вазовой живописи можно найти обѣ указанныя манеры украшенія одежды, какъ это можно видѣть на извѣстной „вазѣ Персовъ“, найденной въ 1851 г. въ Каносѣ (др. Canusium) въ Апуліи и находящейся въ національномъ музеѣ въ Неаполѣ,[3] и на вазѣ съ изображеніемъ охоты, работы аѳинянина Ксенофанта, находящейся въ Эрмитажѣ;[4] обѣ вазы относятся къ серединѣ IV вѣка.

Рис. 3.
Парисъ на вазѣ изъ Керчи.

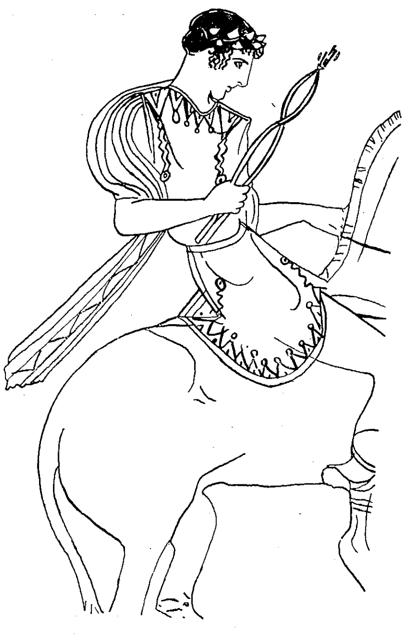


Рис. 4.
Гефестъ на аттической вазѣ.

Этому какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ описаніе костюма Кира младшаго, сдѣланное Ксенофонтомъ, въ разсказѣ объ его объявленіи себя царемъ: Киръ появился въ тіарѣ, пурпурномъ съ бѣлой полосой посрединѣ хитонѣ (χιτῶνα πορφυροῦν μεσόλευκον), багряныхъ штанахъ (ἀναξυρίδας ὑσγινοβαφεῖς) и пурпурномъ же „кандисѣ“ (κάνδυν ὁλοπόρφυρον).[5] Тутъ же прибавлено, что такой хитонъ никому другому носить не позволено. Видимо эта одежда была отличіемъ, присущимъ только персидскимъ царямъ. Такой именно χιτὼν μεσόλευκος можно видѣть на Даріи III Кодоманѣ на извѣстной мозаикѣ, изображающей битву при Иссѣ, въ „Casa del Fauno“ въ Помпеѣ.[6] Къ грекамъ подобныя одежды проникали довольно рано; еще Ѳемистоклъ и Алкивіадъ одѣвали персидское облаченіе (περσικὴν στολήν).[7] Про Александра Македонскаго же говорится, что онъ каждый день, когда не облачался въ священныя одежды (ἱερὰς ἐσθῆτας), присущія только богамъ (напр. πορφυρίδα Аммона,

[1]) Ibidem, taf. 7 (atlas), b. I, p. 36—7 (text).

[2]) Напр. на Діонисѣ въ аналогичной сценѣ, ibid. t. 29. И Гефестъ и Діонисъ не могутъ считаться собственно греческими богами, культъ ихъ проникъ въ Грецію, повидимому, изъ Фригіи и Ѳракіи. См. объ этомъ: Ch. Picard: Vulcanus (Ἥφαιστος) in Dar. — Saglio Dict., t. V, p. p. 978—999. P. Foucart, Le culte du Dionysos en Attique, 1904, cp. Les mystères d'Éleusis, Paris 1914, p. p. 106—109, настаиваетъ на существенномъ различіи въ характерѣ аттическаго Діониса отъ ѳракійскаго и ѳиванскаго, но указываетъ на установившееся въ наукѣ мнѣніе о ѳракійскомъ происхожденіи культа Діониса въ Греціи. Внѣ зависимости отъ того или иного рѣшенія этого вопроса въ Аттикѣ могли переноситься на Діониса черты ѳракійскаго бога и жить представленіе о немъ, какъ о ѳракійцѣ.

[3]) Furtwängler und Reichhold, o. c., t. 88 (atl.), b. II, p.p. 142—155; и P. Ducati: Storia della ceramica greca, t. II, p. 453—6, f. 328—9.

[4]) C. r. de la Comm. arch., 1866, pl. IV (atl.), p. p. 139—147 (texte); Толстой—Кондаковъ, Русск. др.. II, стр. 79—80, p. 57.

[5]) Ξενοφῶντος· Κύρου παιδεία, VIII, 3, 13; ed. Teubner, Leipzig 1905, p. 298.

[6]) См.: A. Springer, Handbuch der Kunstgeschichte, 11 Auflage, Stuttgart 1921, b. I, taf. IX.

[7]) Athenaeus Naucratita, XII, 49; ed. Teubner, Lpzg. 1890, t. III, p. 180—1.

или Артемиды, или Гермеса), носилъ хитонъ съ бѣлой полосой посрединѣ (χιτῶνα μεσόλευκον)[1] и хламиду пурпурную (χλαμύδα πορφυρᾶν)[2] или же плащъ украшенный золотомъ, рисунокъ котораго изображалъ золотыхъ ястребовъ, дерущихся клювами.[3] Этотъ нарядъ, плюсъ еще золотой поясъ (zona aurea), и сталъ съ тѣхъ поръ отличіемъ царя (cultus regis).[4] Слѣдуетъ указать, что бѣлая полоса, украшавшая среднюю часть хитона, не представляла собой какой либо нашивки, чего то отдѣльнаго отъ самой одежды. Наоборотъ, въ древности вся одежда дѣлалась изъ спеціальной ткани, вытканной такимъ образомъ, что середина ея была бѣлая, а общій фонъ пурпурный. Это подтверждаетъ еще и то обстоятельство, что изъ подобныхъ тканей дѣлались и хламиды.[5] Однако вполнѣ вѣроятно, что позднѣе именно подражаніе такимъ тканямъ создало ту широкую нашивку, которая довольно часто украшаетъ одежды на различныхъ изображеніяхъ. Пурпурный хитонъ съ бѣлой полосой посрединѣ имѣлъ свое особое названіе; такъ изъ глоссы лексикона Гезихія Александрійскаго мы узнаемъ, что Περσικὸς χιτὼν μεσόλευκος называется σάραπις.[6] Нѣсколько иную форму, но явно отъ того же корня, даетъ намъ названіе одежды, въ которой 3 еврейскихъ отрока были ввергнуты въ „пещь огненную" по приказанію царя Навуходоносора. Въ переводѣ 70-и толковниковъ книги пророка Даніила (III, 21, 27) говорится, что они были брошены въ печь σὺν τοῖς σαραβάροις αὐτῶν καὶ τιάραις и т. д., а когда они изъ печи вышли то было обнаружено, что τὰ σαράβαρα ихъ не пострадали отъ огня.[7] Съ этимъ любопытно сопоставить традиціонную въ древне-христіанскомъ искусствѣ одежду „трехъ отроковъ въ пещи", также украшенную посрединѣ полосой.[8] Нѣсколько иначе толкуетъ слово σαράβαρα Гезихій, по его глоссамъ выходитъ, что это были штаны (βρακία) или наголенники (σκέλεαι) у Пароянъ.[9] Свида же указываетъ, что σαράβαρα это персидская одежда (ἐσθὴς Περσική), нѣкоторые же говорятъ — штаны (βρακία).[10] Русскій языкъ сохранилъ это слово въ обоихъ его смыслахъ. До сихъ поръ длинная женская одежда съ широкой нашивкой спереди называется сарафаномъ. Въ прежнее же время и до XVII вѣка сарафаны носили также и мужчины. По свидѣтельству лѣтописи въ 1376 г. при нашествіи татаръ русскіе воеводы „оплошишася... и начаша ходити и ѣздити въ охабнѣхъ и сарафанѣхъ", а не въ ратныхъ доспѣхахъ. Въ XVII вѣкѣ для государей и царевичей постоянно шьются сарафаны.[11] Слово „сарафанъ", какъ это указываетъ Савваитовъ, взято изъ персидскаго языка, гдѣ „сарапа", или „сарапай", или „сарпай"

---

1) Athen., XII, 53, ibid. p. 185; ср.: A. Curtii Rufi Historiarum Alexandri l. III, 3, 17: »purpurae tunicae medium album intertextum erat«, ed. Teubner, Lpzg. 1904, p. 7.

2) Athen., ibidem; см. также Heuzey, Hist., p. 136.

3) Curt Ruf., ibidem: »pallam auro distinctam aurei accipitres, velut rostris inter se concurrent adornabant.«

4) Curt. Ruf., ibidem.

5) Dionis Cassii, Hist. Rom. l. 78, c. 3; ed. Teubner, Lpzg. 1864, t. IV, p. 305—6.

6) Hesychii Alexandrini Lexicon, Σ, 93; ed. M. Schmidt, Jena 1858—64, t. IV, I, p. 10. Хотя Гезихій жилъ въ V в. по Р. Х., нельзя всѣ свѣдѣнія его лексикона относить къ этому времени; многое по его собственнымъ словамъ заимствовано имъ отъ Діогеніана Гераклейскаго — лексикографа, жившаго въ царствованіе имп. Адріана. См.: Christ, Geschichte der Griechischen Literatur, в. II, 2, s. 887.

7) Δανιήλ, III, 21, 27; Vetus testamentum ex versione septuaginta interpretum, ed. J. J. Breitingerus 1732, t. III, p. 416—17. Въ латинскомъ языкѣ можно найти обѣ формы этого слова, sarrapis — см. T. M. Plauti, Poenulus, V, 5, 33; ed. Teubner, Lpzg. 1900, t. V, p. 201; и sarabara — Tertulliani, de pallio, IV; in Migne, P. L. 2, col. 1043.

8) См. Wilpert: Die Malereien der Katakomben, b. II, taf. 78, 1 и др., также British Museum, A guide to the early christian and byzantine antiquities, 1921, fig. 70 (фреска изъ Вади-Сарга въ Египтѣ — VI в.).

9) Hes. Al., lex. Σ, 19 (t. IV, 1, p. I), 190 (p. 10), 896 (p. 41).

10) Suidae lexicon, s. v.; ed. Bernhardy, 1853 t. II, 2, p. 674.

11) Даль: Толковый словарь живого великорусскаго языка, т. IV, ст. 34—35 (изд. 1909 г.) и П. Савваитовъ: Описаніе старинныхъ русскихъ утварей, одеждъ, оружія, ратныхъ доспѣховъ и конскаго прибора, въ азбучномъ порядкѣ расположенное, СПБ. 1896, стр. 124.

означаетъ почетную одежду, включающую въ себя и кафтанъ (или халатъ) и штаны.[1] Широкіе же штаны и до сихъ поръ называются по русски „шаравары“ или „шаровары“.[2] Примѣръ богато украшеннаго „сарафана“ и „шараваръ“, тоже украшенныхъ широкой полосой, даетъ намъ одежда, изображенная на одномъ изъ Пальмирскихъ рельефовъ (рис. 5), рѣчь о которомъ будетъ ниже.

Украшеніе, аналогичное тканямъ μεσόλευκα, существовало и въ обратномъ порядкѣ цвѣтовъ, т. е. середина ткани дѣлалась пурпурной, тогда какъ общій фонъ ея былъ бѣлый. Хламиду изъ такой ткани (μεσοπόρφυρον) упоминаетъ Діонъ Кассій рядомъ съ цѣлопурпурной (ὁλοπόρφυρον) и украшенной бѣлой полосой посрединѣ (μεσόλευκον).[3] Съ этой манерой украшенія связанъ очень интересный фактъ, касающійся распространенія во-

Рис. 5.
Погребальный рельефъ изъ Пальмиры. Лувръ.

сточныхъ разукрашенныхъ одеждъ въ Римѣ въ III вѣкѣ, сообщаемый историкомъ Иродіаномъ. Разсказывая о пріѣздѣ Геліогабала въ Римъ, онъ описываетъ торжественныя жертвоприношенія, которыя тотъ устраивалъ на каждомъ шагу съ необычайной для римлянъ пышностью и въ которыхъ заставлялъ принимать участіе и римскую аристократію. Участники этихъ торжествъ должны были носить длинные до ногъ, рукавные, съ пурпурной полосой посрединѣ хитоны, сдѣланные по Финикійской модѣ.[4] L. Heuzey, комментируя этотъ текстъ, связываетъ описанное Иродіаномъ украшеніе хитона пурпурной полосой посрединѣ съ модой, которую онъ называетъ азіатской, у грековъ и римлянъ на ткани μεσοπόρφυρα.[5] Онъ же считаетъ, что ткани эти получили широкое

¹) Савваитовъ, ук. соч, стр. 124 и прим. 3.

²) Даль, Толк. слов., т. IV, ст. 1400.

³) Dionis Cassii, H. R., 78, 3; ibid. p. 305—6.

⁴) Ἡρωδιάνου τῆς μετὰ Μάρκου βασιλείας ἱστόριων, V, 5, 10 (ed. Imm. Bekkeri, L. 1855, p. 136): ἀνεζωσμένοι μὲν χιτῶνας ποδήρεις καὶ χειριδωτοὺς νόμῳ Φοινίκων, εν μέσῳ φέροντες μίαν πορφύραν.

⁵) L. Heuzey, Clavus, in Dar. Saglio, Dict., t. I, 2, p. 1244; ср. того же автора Hist. du cost. ant., p. 134.

распространеніе лишь со времени Александра Македонскаго. Во времена Геліогабала одежда, которую онъ носилъ и которая была чѣмъ то среднимъ между финикійскимъ священнымъ облаченіемъ и мидійской (т. е. персидской) роскошной одеждой (досл. роскошью),[1] для римлянъ была необычайной (варварской, чужеземной) и приличествующей не мужчинѣ, а женщинамъ.[2] Сдѣлана она была изъ ткани съ золотомъ и пурпуромъ.[3] Вкусъ Геліогабала къ восточнымъ тканямъ извѣстенъ, онъ гнушается римскихъ и греческихъ одеждъ, такъ какъ не выноситъ шерсти, нравятся же ему только ткани Серовъ (Σηρῶν — китайцевъ), т. е. шелкъ.[4] Для римлянъ все это было непонятно, и, чтобы пріучить ихъ къ своему виду и наряду, для римскаго императора весьма необыкновенному, Геліогабалъ посылаетъ впередъ себя въ Римъ свой портретъ (εἰκών), который приказываетъ повѣсить на видномъ и почетномъ мѣстѣ въ сенатѣ, гдѣ приходящіе должны были воздавать ему божескія почести.[5]

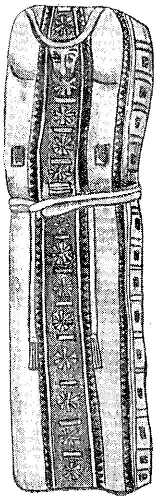


Рис. 6. Слоновая кость. Лувръ.

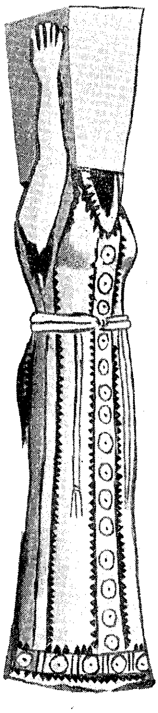


Рис. 7. Слоновая кость. Лувръ.

Въ Римѣ хитону съ пурпурной полосой посрединѣ, въ извѣстной мѣрѣ, соотвѣтствовала одежда, носимая только женщинами (благодаря чему становятся понятны слова Иродіана) и имѣвшая свое особое названіе »patagium«. Она отличалась широкой нашивкой (или широкими нашивками), какъ бы соотвѣтствовавшей клаву (clavus) на мужской одеждѣ. Появленіе ея относятъ еще ко времени республики.[6] Слово patagium неизвѣстнаго происхожденія, м. б. семитическаго, иногда его сопоставляютъ со словомъ »petighil«, которое переведено 70-ю толковниками (Исаіи III, 24) χιτῶνος μεσοπορφύρου.[7] Изъ этого же мѣста перевода 70-ти толковниковъ можно заключить, что въ Александріи въ эпоху его составленія, т. е. во II в. до Р. Х., подобная манера украшенія одежды была извѣстна и ткани μεσοπόρφυρα были въ ходу.

Прототипомъ только что разсмотрѣннаго хитона μεσοπορφύρου и римскаго патагіума на своей восточной родинѣ могутъ послужить 2 статуэтки изъ слоновой кости „грековосточной“ работы, хранящіяся въ ассирійскомъ залѣ Лувра. Особенно характерна и замѣчательна одна изъ этихъ фигурокъ, на ней по переду одежды сверху донизу идетъ широкая полоса, которая въ свою очередь еще украшена звѣздочками и полосками (рис. 6). У другой средняя полоса украшена кружками съ точкой въ серединѣ; аналогичная полоса окаймляетъ подолъ (рис. 7). Не менѣе характерною иллюстраціею, воспроизводящею почти въ точности типъ одежды, описанной Иродіаномъ, и, вѣроятно, современною его описанію, можетъ послужить извѣстный погребальный рельефъ изъ Пальмиры, находящійся въ Луврѣ и изображающій возлежащаго мужчину съ чашей

---

1) Ἡρωδ., o. c., 4 (ib. p. 135): ἦν τε αὐτῷ τὸ σχῆμα μεταξὺ Φοινίσσης ἱερᾶς στολῆς καὶ χλιδῆς Μηδικῆς.

2) O. c., 5 (p. 135).

3) O. c., 3 (p. 135): σχήμασι τε ἐσθῆτος πολυτελεστάτοις χρώμενος, διά τε πορφύρας χρυσοῦ ὑφάσμασι...

4) O. c., 4 (p. 135).

5) O. c., 6—7 (p. 135—6).

6) E. Saglio, patagium, in D. S., Dict. t. IV, 1, p. 340; L. Stephani (C. r. de la Comm. archéol. 1878—9, p. 95, n. 7) указываетъ, что подобная орнаментація одежды извѣстна и на краснофигурныхъ вазахъ.

7) Saglio, o. c., n. 2; cp. Vetus testamentum ex versione septuaginta interpretum, ed. J. J. Breitingerus 1732, t. III (Ἠσαΐας, III, 24), p. 87; см. также III, 21, ibidem.

въ рукѣ (рис. 5).[1] Хитонъ — „сарафанъ“ — украшенъ посрединѣ широкой расшитой полосой, по подолу идетъ широкая кайма; воротникъ и рукава также окаймлены. Одежда подпоясана; штаны — „шаровары“ — украшены широкой полосой сверху донизу, а внизу схвачены каймой на подобіе рукавовъ. Подобная же одежда («longue tunique décorée d'une bande au milieu») указана въ описаніи другого погребальнаго рельефа изъ Пальмиры же.[2] Фактъ наличія подобныхъ разукрашенныхъ одеждъ въ Пальмирѣ весьма значителенъ и характеренъ. Именно здѣсь, въ этомъ отдаленномъ римско-эллинистическомъ культурномъ центрѣ, граничащемъ съ восточно-варварскимъ міромъ и стоящемъ на торговомъ пути съ Востока, могли создаваться образцы тѣхъ богато украшенныхъ одеждъ, моды на которыя затѣмъ распространялись по всей имперіи. Нужно сказать, что приводимый рельефъ изъ Пальмиры даетъ примѣръ очень богатаго украшенія одежды, такъ средняя полоса великолѣпно расшита (вѣроятно золотомъ) и окаймлена рядами жемчуга. Аналогичное, но болѣе бѣдное украшеніе одежды можно видѣть на двухъ пластинкахъ слоновой кости, найденныхъ въ 1906 г. въ Ольвіи (рис. 8).[3] Какъ интересную особенность одежды, можно указать еще очень длинные рукава, закрывающіе совсѣмъ руки. Б. В. Фармаковскій относитъ эти пластинки къ IV—V вв. по Р. Х. и ставитъ вопросъ, не были ли онѣ сдѣланы въ Александріи и затѣмъ принесены въ Ольвію съ Востока во время переселенія народовъ.[4] Я не вижу причинъ необходимости приписывать такое сложное происхожденіе этимъ пластинкамъ. Онѣ могли быть сдѣланы гдѣ либо на ирано-эллинистическомъ востокѣ или даже въ самой Ольвіи. Относительно времени, когда онѣ сдѣланы, думается, что слѣдуетъ принять III вѣкъ, т. к. это будетъ болѣе соотвѣтствовать находкѣ ихъ въ слоѣ, относящемся къ IV в., чѣмъ IV или же V в., этому противорѣчащій. Опредѣляющимъ время моментомъ въ данномъ случаѣ могутъ служить прически, аналогичныя которымъ можно видѣть на сассанидскихъ монетахъ Ардашира I (227—240), Сапора I (240—271) и Бахрама I (272—275),[5] а также на Так-и-Бостанскомъ рельефѣ Ардашира.[6] Нужно замѣтить, что разсматриваемый памятникъ любопытенъ еще и тѣмъ, что ясно указываетъ на распространеніе модъ на восточныя украшенныя одежды и въ черноморскихъ городахъ въ періодъ времени, непосредственно примыкающій къ „переселенію народовъ“. Та же орнаментація одежды повторяется и на „варварахъ“, подносящихъ дары, на нижней пластинкѣ извѣстнаго „диптиха Барберини“ (Лувръ), гдѣ такія же полосы украшаютъ и рукава, и штаны.[7]

Рис. 8.
Пластинка слоновой кости изъ Ольвіи.

[1]) Еще Heuzey, Clavus, in D. S., Dict., указалъ, что рельефъ этотъ точно передаетъ одежду, описанную Иродіаномъ.

[2]) См. E. Ledrain: Musée National du Louvre. Les monuments araméens et himyarites, notice sommaire, p. 22. Тамъ же указано (p. 21), что всѣ предметы изъ Пальмиры относятся къ I—III в. в. послѣ Р. Х.

[3]) Одна (воспроизведенная) изъ указанныхъ пластинокъ найдена (съ 2-мя другими) при раскопкахъ въ слоѣ, относящемся къ IV в. по Р. Х., другая куплена у крестьянъ с. Парутина (т. е. тамъ же) въ числѣ 11-и пластинокъ того же характера. См. отчетъ Б. В. Фармаковскаго о раскопкахъ въ Ольвіи въ Отч. Имп. Археолог. Коммиссіи за 1906 годъ, стр. 33—44, рис. 35—48. Всѣ эти пластинки (14) украшали повидимому ритонъ.

[4]) См. Извѣстія Имп. Археолог. Коммиссіи, в. 33, стр. 134—5.

[5]) См. Sarre: Die Kunst des alten Persien, taf. 143, n° n° 1, 5, 8.

[6]) Sarre und Herzfeld: Iranische Felsreleifs, abb. 92, 93; s. s. 199—200.

[7]) Изслѣдователи расходятся въ датировкѣ памятника. Одни считаютъ его работой VI в. (Schlumberger, Diehl) и изображеннаго императора Юстиніаномъ, другіе (Ebersolt, Strzygowski) относятъ

Любопытный примѣръ аналогичной одежды представляетъ типичная для византійскаго военнаго быта фигура „дорифора“ (оруженосца) на серебряномъ блюдѣ съ изображеніемъ охоты Мелеагра и Аталанты, находящемся въ Эрмитажѣ (рис. 9). Блюдо это датировано L. Stephani II—III в. в. по Р. Х.[1] Стиль и техника блюда, во многомъ находящіе аналогію съ извѣстными серебряными блюдами съ изображеніями изъ исторіи Давида, найденными на о. Кипрѣ, не позволяютъ его считать ранѣе IV в., а византійскія клейма, находящіяся на его оборотной сторонѣ, могутъ только подтверждать такую датировку. Что подобныя же одежды носились также и женщинами (patagium), показываетъ погребальный рельефъ изъ Салоны (музей въ Спалато), изображающій погрудно дѣвушку, по надписи — IV вѣка. Одежда украшена по переду широкой полосой, окаймленной, въ свою очередь, узкими бортиками, орнаментированными т. н. волной. Такой же бортикъ окаймляетъ и шейный вырзѣъ.[2] Перечисленіе примѣровъ подобной одежды на памятникахъ древнехристіанскаго и византійскаго искусства можно было бы продолжить очень далеко. Въ данный моментъ это не входитъ въ мою задачу, укажу лишь, что въ иконографіи чаще всего она встрѣчается на волхвахъ (въ Рождествѣ Христовомъ или Поклоненіи волхвовъ)[3] и на еврейскихъ отрокахъ, ввергнутыхъ въ „пещь огненную“.

Рис. 9.
Дорифоръ на серебряномъ блюдѣ Эрмитажа.

Здѣсь же можно еще отмѣтить, что ткани съ пурпурной полосой посрединѣ были въ ходу и въ Византіи. Такъ въ VI в. Іоаннъ Лидіецъ упоминаетъ, при описаніи облаченія патрикіевъ, двойные плащи или хламиды цвѣта сухого винограда (или винограднаго листа), отмѣченныя посрединѣ пурпуромъ.[4]

Наряду съ тканями, украшенными посрединѣ пурпурной полосой (τὰ μεσοπόρφυρα), въ упоминавшемся выше мѣстѣ перевода 70-ти толковниковъ (Исаіи III, 21) приведены и τὰ περιπόρφυρα, что можно понимать какъ ткани, края которыхъ были окаймлены пурпуромъ. Съ этимъ можно сопоставить глоссы Гезихія Александрійскаго, говорящія объ одеждахъ, окаймленныхъ кругомъ пурпуромъ; такія одежды назывались περίνησον (ἱμάτιον) или περίνησ[σαι]α (περιβόλαια).[5] Такую окаймленную верхнюю одежду (περίνησον περιβόλαιον) — въ данномъ случаѣ персидскій „кандисъ“ — можно видѣть на одной изъ фи-

его къ времени болѣе раннему. Если изображенный императоръ дѣйствительно Констанцій (какъ то предполагаетъ Strzygowski), торжествующій свою побѣду надъ сарматами и квадами (см. Аммiана Марцеллина, XVII, 12, ср. XVI, 10, 6), то весьма любопытно сопоставить одежду на варварахъ съ изображенной на Ольвійской пластинкѣ. Литературу о памятникѣ и его воспроизведенія см. G. Schlumberger: L'ivoire Barberini, in Monuments Piot, VII, p. 79—94, pl. X; и Ch. Diehl: Manuel de l'art byzantin, I (2e éd. Paris 1925), p. 292, f. 145.

1) C. r. de la Comm. archéol.. 1867, texte p. 52, atlas pl. II, 4; Толстой-Кондаковъ, Русск. др., III, рис. 82, стр. 74. — Ср. Fr. Drexel: Uber einen spätantiken silbertellerr mit Mythologischer Darstellung, in Jahrbuch d. deutsch. arch. Instituts, 1915, b. XXX, s. 205.

2) См. A. Riegl: Die Spätrömische Kunstindustrie. I. Wien 1901, s. 105, abb. 31.

3) Напр. въ мозаикахъ церкви S. Maria Maggiore въ Римѣ, см. Wilpert, Römische Mosaiken und Malereien, b. III, taf. 61—2, 63—5.

4) Ἰωάννου Λυδοῦ. περὶ ἀρχῶν τῆς Ῥωμαίων πολιτείας, I, 17: δίπλακες μὲν ἤτοι χλαμύδες... τὸ χρῶμα ξηραμπέλινοι, πορφύρα κατὰ μέσου διάσημοι.., ed. Bonn. p. 134.

5) Hes. Al., lex., П, 1765, 1767, t. III, p. 31; глаголъ περινέω, неопред. аор. περινῆσαι — обкладывать, окаймлять.

*

гуръ рельефа Антіоха Коммагенскаго изъ Нимрудъ-Дага.[1] Въ Греціи одежда часто украшалась по краямъ каемками, вытканными при изготовленіи ткани, большею частью пурпурными. Составлялась она обычно изъ одного прямоугольнаго куска ткани путемъ ея драпировки. Поэтому и коймы, вытканныя по одному или двумъ (очень рѣдко тремъ) краямъ ткани, занимали вполнѣ опредѣленное положеніе по верхнему или нижнему борту одежды.[2] Пурпурная каемка, украшавшая хитонъ, имѣла свое особое названіе — παρουφά; Heuzey помѣщаетъ ее по верхнему краю хитона, какъ то видно изъ приводимыхъ имъ рисунковъ.[3] Иногда на одеждахъ встрѣчаются болѣе широкія коймы съ орнаментомъ въ видѣ т. н. волны.[4] Какъ исключеніе Heuzey приводитъ болѣе богатую орнаментацію коймами плащей эфебовъ на двухъ Луврскихъ вазахъ.[5] Кромѣ указаннаго, въ греческомъ языкѣ существовало еще нѣсколько терминовъ для различныхъ коймъ: ὄχθοιβοι назывались вообще коймы хитона, λῶμα были коймы на нижней части одежды (ἱματίου).[6] Въ Римѣ кайма, украшавшая одежду, называлась limbus, мастера же дѣлавшіе такія коймы назывались limbularii.[7] Примѣры одеждъ съ такими коймами можно видѣть на этрусскихъ фрескахъ.[8] Вполнѣ возможно, что эти коймы были уже нашивными, а не были вытканы заранѣе на ткани. Къ такимъ нашивнымъ или вытканнымъ украшеніямъ одеждъ нужно отнести и спеціально римскіе клавы (clavus latus и clavus angustus), служившіе въ Римѣ, сообразно со своей шириной, отличіями общественныхъ классовъ и сословій (cl. l. — сенаторовъ, cl. ang. — всадниковъ). Традиція относила происхожденіе клава за счетъ этрусковъ, что можетъ быть правдоподобно, такъ какъ въ пользу этого же говорятъ и нѣкоторыя этрусскія фрески.[9] Здѣсь невольно возникаетъ вопросъ, знали ли греки клавъ и былъ ли онъ у нихъ распространенъ. Heuzey считаетъ, что латинскому слову clavus у грековъ соотвѣтствовало σημεῖον, и отсюда πλατύσημος — clavus latus и στενόσημος — clavus angustus.[10] Другія украшенія, несомнѣнно уже нашивныя, назывались сегментами (segmenta или praesagmina). Это понятіе обнимало собой и украшенія полосами (zonis) и отрѣзками (particulas abcissas) матеріи.[11] Они украшали одежды, покрывала, завѣсы (vela), подушки (toralia) и т. п. Они бывали разной формы и отдѣльныя ихъ разновидности имѣли свои названія. Такъ V. Chapot полагаетъ, что »plummia« назывались гл. обр. сегменты круглые, хотя этотъ терминъ указываетъ скорѣе на технику, а не на форму (о чемъ ниже), »scutulae« — въ видѣ длиннаго четырехугольника и т. д.[12] Изъ лексикона Гезихія мы узнаемъ, что нашивныя украшенія (знаки — παράσημα) на полахъ одеждъ (ἐν ταῖς ὤαις τῶν ἱματίων) по гречески назывались σάμεα, σημεῖα, а одна изъ разновидностей такихъ σημείων — σφηρός.[13] Напрашивается вопросъ, не происходитъ ли послѣднее названіе

---

¹) Fr. Sarre: Die Kunst des alten Persien, Berlin 1922, taf. 57.

²) См. объ этомъ: Heuzey, Hist., для хитона — p. p. 64—66, для хламиды p. p. 112—113, 126, 130.

³) Hes. Al., lex., II, 995; Heuzey, o. c., p. 64, 66, fig. 29, 30, 32.

⁴) V. Chapot, segmentum, in D.-S., Dict., t. IV, 2, p. 1172—75.

⁵) См. „вазу Пронома“ (Неаполь, Націонал. музей) въ: P. Ducati, Storia della ceramica greca, t. II, f. 298.

⁶) Heuzey, o. c., p. 113, f. 58.

⁷) Hes. Al., lex., O, 2042, t. III, p. 248; Λ, 1514, t. III, p. 59; Свида указываетъ на принадлежность коймъ къ женскому костюму, Suidae, lex., s. v. t. II, I, p. 1240; въ Etymologium Magnum есть указаніе, что коймы бывали и на рукавахъ; тексты касающіяся коймъ, собраны у Stephani въ C. r. de la Comm. arch., 1875, стр. 100—1, прим. 1; см. также C. r., 1878—9, стр. 83, прим. 2.

⁸) См. Dar.-Saglio Dict., t. III, 2, p. 1255, s. v. и мѣста древнихъ, указанныя въ примѣчаніяхъ; также: Isidori Etymologiarum lib. XIX, 33, 7, in Migne, P. L., 82, col. 704; и Stephani въ C. r., 1878—9, стр. 83, пр. 2.

⁹) См. Dar.-Saglio, Dict., t. IV, l, fig. 5479.

¹⁰) Heuzey, clavus, in D.-S., Dict., t. I, 2, p. 1243—5.

¹¹) Ibidem, p. 1242.

¹²) Isidori, Etymologiarum l. XIX, 22, 18, in Migne, P. L, 82, col. 686.

¹³) Hes. Al., lex. Σ, 140, 2923, t. IV, I, p. p. 7, 116; cp. Stephanus: Thesaurus graecae linguae, t. VII (σημεῖον), col. 189.

отъ σφαῖρα (м. б. черезъ латинское sphaera), что могло бы тогда служить указаніемъ на форму этого украшенія. Отсюда кажется возможно заключить, что σημεῖον не обозначало только одного клава. Подъ этимъ терминомъ кроется болѣе широкое понятіе, обнимающее и клавъ и сегментъ. Переводить его можно скорѣе всего какъ „нашивное украшеніе.“ Примѣры сегментовъ различной формы можно видѣть въ остаткахъ тканей и одеждъ, найденныхъ въ Египтѣ,[1] а также и на одеждахъ мумій изъ Антинои, находящихся нынѣ въ музеѣ Guimet въ Парижѣ.[2]

Говоря о костюмѣ на фрескахъ римскихъ катакомбъ, Jos. Wilpert указываетъ на большую разницу въ украшеніи одеждъ между первыми двумя вѣками нашей эры и слѣдующими.[3] Наиболѣе часто встрѣчается узкій клавъ, украшающій тунику, причемъ онъ уже не имѣетъ значенія отличія, принадлежащаго исключительно всадническому сословію. Изъ другихъ украшеній на туникахъ встрѣчаются: коймы (instita, limbus), появляющіяся съ III вѣка (стр. 94), затѣмъ круглые сегменты между подоломъ и поясомъ — съ IV вѣка (стр. 94), такіе же сегменты на плечахъ и окаймленные рукава (поручи). Эти украшенія можно видѣть на фигурахъ фресокъ катакомбъ: Каллиста (b. II, taf. 110; 111; 237, $_1$;), Петра и Марцеллина (taf. 159, $_2$; 186, $_2$;), »Vigna Massima« (t. 183, $_1$;), Домитиллы (t. 43, 190; 249, $_2$;) »Coemeterium Maius« (t. 222, $_3$;), »Generosa« (t. 262;). Иногда: коймы украшены еще выступами (t. 183, $_1$;), туника посрединѣ украшена полосой (t. 110; 160, $_1$;), а въ позднихъ фрескахъ (t. 262;) плечевые сегменты и поручи богато разукрашены жемчугомъ и къ этому присоединяется еще оплечье. Цвѣтъ украшеній обычно — пурпурный (т. е. темно-красный или почти черноватый), но встрѣчаются и темно-синія зеленыя и желтыя (золотыя) украшенія. Женская одежда, обычно далматика, украшается такимъ же образомъ, какъ и мужская туника. Но чаще всего встрѣчаются широкія полосы, иногда богато орнаментированныя, м. б. и золотомъ. Врядъ ли можно называть эти полосы, хотя ихъ и двѣ, клавами; эта манера украшенія скорѣе напоминаетъ »patagium«. Такія же полосы украшаютъ и очень широкія рукава далматики. Изъ лексикона Гезихія мы узнаемъ, что „золотыя“ украшенія (κεχρυσωμένα) на женскихъ одеждахъ назывались λῆροι.[4] Наиболѣе интересный и богатый примѣръ украшенной женской далматики даетъ извѣстная фреска, изображающая оранту, въ катакомбѣ »Vigna Massima« (рис. 10).[5] Примѣромъ болѣе бѣдной, но аналогичной орнаментаціи одежды можетъ послужить изображеніе оранты на «grafitto« Ватиканской бібліотеки.[6] Подобную же орнаментацію ближе всего воспроизводитъ туника, найденная въ Ахмимѣ — нынѣ въ въ Кенсингтонскомъ музеѣ; по своимъ размѣрамъ (длина 4 ф. 3 д.) она также вполнѣ соотвѣтствуетъ изображеннымъ.[7] Затѣмъ слѣдуетъ еще отмѣтить мелкіе сегменты, собственно говоря знаки, на плащахъ (палліяхъ) и вообще верхнихъ одеждахъ. Они имѣютъ формы угловъ, параллельныхъ линій, крестовъ, (рѣдко) свастики (crux gammata) и буквъ (⅂ II + 卐 H I P T X Γ Z). Можетъ быть именно этотъ родъ украшеній носилъ названіе (и былъ ими по существу) печатей („σφραγῖδες .. τὰ τῶν ἱματίων σημεῖα“).[8] Иногда одежда имѣетъ нѣкоторыя особыя украшенія, которыя трудно включить въ какую нибудь изъ перечисленныхъ группъ. Такъ встрѣчаются полосы, идущія отъ плечъ до середины груди (t. 186, $_2$;) или еще ниже (t. 160, $_1$;), но не подходящія подъ рубрику клава, который

[1]) См. Catalogue of textiles from burying-grounds in Egypt, by A. F. Kendrick (Victoria and Albert Museum), t. I, pl. III, 8; XXII, 95, 96; XXIV, 176; XXVII, 12, 187, 188; XXVIII и др.

[2]) См.: Guimet, Les fouilles d'Antinoé, f. 75 и др.

[3]) Jos. Wilpert, Die Malereien der Katakomben, b. I, s. s. 93—96.

[4]) Hes. Al., lex., Λ, 900; t. III, p. 35.

[5]) Wilpert, o. c., b. II, taf. 174, $_2$; cp. E. Saglio, patagium, in D.-S., Dict., t. IV, 1, p. 340, f. 5518.

[6]) См. L. Perret: Les catacombes de Rome, t. V, pl. IX, n° 18.

[7]) Kendrick, Catalogue, t. I, pl. I, 1.

[8]) Hes. Al., lek., Σ, 2920; t. IV, 1, p. 116.

обычно идетъ ровной полосой отъ плеча до подола. Иногда спускающимся отъ плечъ полосамъ соотвѣтствуютъ поднимающіяся отъ подола, который въ свою очередь окаймленъ (t. 110, 249, $_2$;). Плечевыя полосы принимаютъ также и фигурную форму, заостряясь книзу и заканчиваясь кружкомъ. Примѣры такихъ полосъ можно видѣть на т. н. коптскихъ туникахъ, напр. Кенсингтонскаго музея.[1] Wilpert видитъ въ этихъ короткихъ полосахъ »lora«, т. е. подражаніе ремнямъ, которые, спускаясь съ плечъ, держали панцырь; поэтому то, по его мнѣнію, такое украшеніе могло быть только на мужскихъ туникахъ (стр. 94). Врядъ ли вторoе положеніе Wilpert'a правильно, даже если это украшеніе было сначала свойственно только мужской одеждѣ, оно очень легко и быстро могло перейти и на женскую. Примѣры такихъ украшеній можно видѣть на туникахъ Кенсингтонскаго музея.[2] Такъ же, повидимому, украшена и туника на дѣтской муміи музея Guimet (рис. 11), съ чѣмъ можно сопоставить дѣтскую тунику Кенсингтонскаго музея.[3] Предположеніе Wilpert'a о происхожденіи этого украшенія можетъ соотвѣтствовать дѣйствительности. Подтвержденіемъ этому служитъ свидѣтельство Діона Кассія Коккеянскаго, римскаго историка конца II и начала III вѣка, который сообщаетъ, что въ царствованіе Каракаллы во время войны съ пароянами панцыри, тяжесть которыхъ было трудно выносить благодаря зною, были замѣнены рукавными хитонами (χειριδωτοὺς χιτῶνας), сдѣланными по образцу и виду панцыря (ἐς θώρακος τρόπον τινὰ εἶδος πεποιημένους). Такой покрой и видъ хитоновъ нуженъ былъ для того, чтобы одежда производила на враговъ впечатлѣніе панцыря и чтобы носящій ее не пострадалъ отъ его отсутствія.[4] Весьма вѣроятно, что въ III вѣкѣ, когда подъ вліяніемъ постоянныхъ столкновеній съ пароянами, а затѣмъ персами, чтобы противостоять ихъ сильной и легкой конницѣ, у римлянъ возникла необходимость реформировать армію, увеличивъ количество кавалеріи. Съ этимъ было неразрывно связано измѣненіе военной формы и облегченіе вооруженія. Дѣйствительно врядъ ли было легко дѣйствовать въ конномъ строю въ тяжеломъ и удобномъ лишь для защиты, а не нападенія, панцырѣ. Тяжесть его также должна была вредно отражаться и на конскомъ составѣ. Этимъ, вѣроятно, и объясняются попытки найти болѣе легкую одежду, могущую замѣнить панцырь безъ особаго ущерба. Нужно еще указать, что панцырь служилъ кромѣ вооруженія и парадным мундиромъ. Его носили римскіе императоры во время тріумфовъ. Тріумфальный панцырь (triumphalis cataphractes) богато украшался; хорошо извѣстны статуи римскихъ императоровъ въ такихъ панцыряхъ. Въ III вѣкѣ дѣлаются попытки замѣнить панцырь болѣе легкимъ парадным мундиромъ, причемъ его заимствуютъ изъ числа восточныхъ разукрашенныхъ одеждъ. Отголоскомъ такой же замѣны являются слова Тертулліана, гдѣ говорится, что тріумфальный панцырь (triumphalem cata-

Рис. 10.
Фреска катакомбы »Vigna Massima« въ Римѣ.

[1]) Kendrick, Catalogue, t. III, pl. V, 622.
[2]) Idem, t. II, pl. XIII; t. III, frontispiece, pl. III, IV и др.
[3]) Guimet, o c. f. 66, u Catalogue, t. I, pl. I, 4.
[4]) Dionis Cassii Cocceiani, Historia romana, 78, 3; ed. Teubner, Lpzg. 1864, t. IV, p. 305.

phractem) былъ замѣненъ легкой — шелковой, но чуждой, заимствованной отъ враговъ (дословно плѣненной) сарабарой (captiva sarabara). Такимъ образомъ „мидійская (персидская) одежда побѣдила побѣдителя мидянъ (т. е. персовъ)“.[1] Въ VI вѣкѣ въ Византіи вопросъ объ этой замѣнѣ былъ уже разрѣшенъ, форма одежды во всемъ римскомъ (ромейскомъ) войскѣ была одна. Во время войны солдаты носили кольчугу (θώραξ κρικωτός), въ мирное время (ἐπ' εἰρήνης) — одежды, называемыя σάρακας.[2] Изображенія воиновъ, какъ въ кольчугахъ—панцыряхъ, такъ и въ украшенныхъ одеждахъ можно видѣть на извѣстныхъ серебряныхъ блюдахъ V-VI в. в., найденныхъ около Кериніи на о-вѣ Кипрѣ (рис. 12).[3]

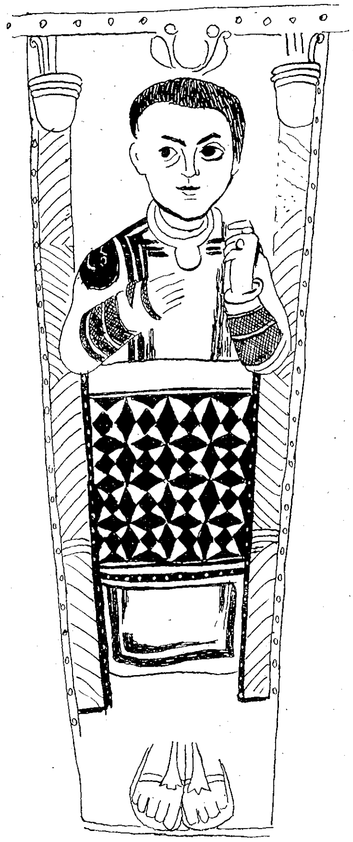


Рис. 11.
Дѣтская мумія изъ Антинои.

Другой одеждой, иногда замѣнявшей панцырь, а также съ теченіемъ времени ставшей парадным мундиромъ, была т. н. парагауда, вѣрнѣе одежда, украшенная парагаудой. Первыя упоминанія объ этой одеждѣ (paragauda) мы находимъ у т. н. scriptores historiae augustae, въ жизнеописаніяхъ римскихъ императоровъ III вѣка. Такъ въ письмѣ, приписываемомъ имп Валеріану, упоминаются двѣ »interulas paragaudias« — »chemises à paragaudes« по переводу Saglio.[4] Извѣстіе любопытное, т. к. указываетъ, что даже исподнее платье украшалось парагаудами. Далѣе въ жизнеописаніи имп. Авреліана говорится, что въ консульство Фурія Плацида льняныя парагауды (lineae paragaudae) были раздаваемы уборщикамъ коней въ циркѣ. Самъ Авреліанъ впервые раздаетъ солдатамъ »paragaudas vestes«, однимъ — »monolores«, другимъ — »dilores«, »trilores« и такъ до »pentelores«. Эти опредѣленія проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на характеръ самаго украшенія. Далѣе авторъ прибавляетъ, что солдатамъ прежде ихъ не давали, и что въ его время онѣ были льняныя (»quas hodie lineae sunt«).[5] На основаніи эпитетовъ dilores, trilores и т. д., Wilpert видитъ въ одеждѣ одной фигуры упомянутой уже фрески въ катакомбѣ Петра и Марцеллина (t. $160,_2$) именно такую triloris paragauda. Соглашаясь съ тѣмъ, что полосы, не доходящія до подола одежды, могли называться »lora«, я не вижу въ этой одеждѣ чертъ характерныхъ для парагауды (о нихъ рѣчь будетъ ниже). Скорѣе одежды двухъ другихъ фресокъ (taf. 110; $249,_2$) можно принять за парагауды,[6] и во второй изъ нихъ видѣть diloris paragauda, т. е. двойныя полосы и коймы, если только это не одна широкая кайма съ двумя бортиками другого цвѣта. Далѣе въ жизнеописаніи имп. Клавдія, въ приведенномъ

¹) Tertulliani, de pallio, in Migne, P. L., t. II, col. 1043.

²) Ἰωάννου Λυδοῦ· περὶ ἀρχῶν . . . , I, 12; ed. Bonn. p. 129—130.

³) Рис. 12 представляетъ нѣсколько фигуръ съ 2-хъ такихъ блюдъ; можно видѣть, что одежда сохраняетъ приборъ или украшеніе кольчуги; взяты рисунки изъ: O. M. Dalton, Byzantine plate and jewellery from Cyprus in Mr Morgan's collection, in Burlington Magazine, 1906, p. 355—62, pl. I—II.

⁴) Flavii Vopisci Probus, 4; ed. Teubner, Lpzg. 1884, t. II, p. 203; cp. E. Saglio, paragauda in D.-S., Dict., t. IV, 1. p. 322.

⁵) Fl. Vopisci Avrelianus, 15, p. 159; 46, 6, p. 182; принято считать, что жизнеописанія эти написаны между 290—330 по Р. Х., о чемъ см. M. Schwanz: Geschichte der römischen Litteratur, b. IV, 2, s. s. 47—48.

⁶) Ср. съ этимъ тунику Кенсингтонскаго музея, Catalogue, t. II, pl. XVI.

тамъ письмѣ имп. Галліена къ Клавдію — тогда еще только полководцу, упоминается при перечисленіи одеждъ—парагауда, бѣлая, полушелковая, вѣсящая 3 унціи. Вѣроятно вѣсъ относится не ко всей одеждѣ, а показываетъ количество галуна или каймы, пошедшихъ на нее.[1] Еще очень недавно галуны, въ особенности золотые и серебряные, продавались именно на вѣсъ. Въ эдиктѣ, изданномъ имп. Діоклетіаномъ въ 306 г. съ цѣлью нормировать цѣны на продукты, одежды и т. п., парагауда помѣщена въ отдѣлѣ одеждъ (περὶ ἐσθῆτος) среди рукавныхъ далматикъ (dalmatica manica). Указано, что цѣна Лаодикейской парагауды (παραγαῦδιν Λαδικηνόν) зависитъ отъ качества и цѣны пурпура и всего прочего.[2] Зная характеръ этого украшенія, становится по-

Рис. 12.
Воины на серебряныхъ блюдахъ съ Кипра.

нятнымъ, что цѣна его могла колебаться въ зависимости отъ количества галуна и гл. обр. матеріала, изъ котораго онъ былъ сдѣланъ. Примѣры далматикъ, украшенныхъ парагаудами, можно видѣть на изображеніяхъ стеклянныхъ донышекъ (fonti d'oro) Ватиканской библіотеки (рис. 13 и 14).[3] Въ IV вѣкѣ одежды, украшенныя парагаудами, получили всеобщее распространеніе, ихъ носятъ и мужчины и женщины. На одной Карѳагенской мозаикѣ, изображающей аллегорически мѣсяцъ апрѣль въ видѣ танцовщицы, можно видѣть парагауду въ ея характерной формѣ.[4] Не менѣе характерный примѣръ парагауды даетъ одежда на ангелахъ, изображенныхъ на одной изъ фресокъ Бауита (Египетъ) по сторонамъ Богоматери (рис. 15).[5] Одна изъ туникъ Кенсингтонскаго музея, реконструированная изъ кусковъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ представленію о парагаудѣ, создающемуся по изображеніямъ, и наиболѣе характерно передаетъ всѣ ея

[1]) Trebellii Pollionis Claudius, 17, p. 146: «albam subsericam paragaudem triuncem unam»; между комментаторами этого текста идетъ споръ, одни считаютъ paragaudem существительнымъ, а subsericam — прилагательнымъ, другіе наоборотъ; см. объ этомъ разсужденіе H. Blümner'а въ: Edictum Diocletiani, ed. Mommsen-Blümner (Berlin 1893), p. 152, n. 2.

[2]) Edictum Diocletiani, XIX, 29; ed. M.-B., p. 36; ср. комментарій H. Blümner'a, ibid., p. 152; см. также Saglio, o. c., p. 323. Лаодикея была центромъ торговли тканями, туда караваны привозили ткани съ Востока, см. объ этомъ M. Besnier, phrygio, in D. S., Dict., t. IV, 1, p. 446—450.

[3]) Garrucci, Storia dell'arte christiana. v. III, tav. 194, 3; 201, 1.

[4]) См. Saglio, v. c., fig. 5506.

[5]) См. Кондаковъ: Иконографія Богоматери, т. I, рис. 207, стр. 305.

черты (рис. 16).[1] Въ IV же вѣкѣ начинаются ограниченія правъ сначала выдѣлывать парагауды, а затѣмъ и носить ихъ. Въ 369 г. имп. Валентиніанъ и Валентъ издали спеціальный законъ, запрещающій выдѣлку частнымъ образомъ золотныхъ (auratas), шелковыхъ (sericas) и съ золотой нитью (auro intextas) парагаудъ, мужскихъ и женскихъ (tam viriles, quam muliebres), ограничивая ее лишь дворцовыми мастерскими (in gynaeceis). Другой законъ, изданный въ 382 г. имп. Өеодосіемъ вовсе запрещалъ имѣть золотныя парагауды (auratas paragaudas).[2] Эти запретительныя мѣры м. б. были вызваны тѣмъ, что на украшенную одежду начинали смотрѣть, какъ на отличіе, свойственное только узкому кругу лицъ и жалуемое самимъ царемъ. Въ дальнѣйшемъ

Рис. 13.
Изображеніе на „золотомъ“ донышкѣ.

Рис. 14.
Изображеніе на „золотомъ“ донышкѣ.

парагауда станетъ частью облаченія высшихъ чиновъ государства и даже самого императора. Изображенія императоровъ конца IV вѣка даютъ возможность считать, что на нихъ одѣты именно парагауды, или точнѣе длинные хитоны, украшенные парагаудами. Таковы изображенія имп. Өеодосія, Аркадія и Гонорія на извѣстномъ серебряномъ щитѣ, находящемся въ Мадридѣ (табл. XX),[3] таковы же изображенія императоровъ на золотыхъ медальонахъ; къ сожалѣнію о нижней части одежды нельзя судить, т. к. она закрыта хламидой, но верхняя — показываетъ характерную орнаментацію[4] (рис. 23).

Византійскія хроники сохранили намъ извѣстіе о весьма любопытномъ событіи, происшедшемъ въ 4-й годъ царствованія имп. Юстина, т. е. въ 522 г. Царь Лазовъ

---

[1]) Catalogue, t. III, pl. I.

[2]) Theodosiani libri XVI: X, 21, 1 et 2; ed. Mommsen-Meyer, Berlin 1905, t. I, 2, p. 565—6.

[3]) Публикуемая таблица исполнена съ электролитической копіи блюда въ Victoria and Albert Museum по фотографіи музея; считаю долгомъ принести здѣсь свою благодарность дирекціи музея за любезное разрѣшеніе воспроизвести указанную фотографію.

[4]) См. Arneth: Monumente das k. k. Münz und Antiken Cabinettes in Wien, taf, 15 (G. XIV), 12.; Kenner, Die Goldmedaillons der Röm. Kaiser, in Jahrbuch der k. k. Kunstsammlungen, b. XI a, Taf. IV., 356, — медальонъ имп. Валента.

Цаѳій (Τζάθιος — Chr. p.; Ζτάθιος — I. M.; Τζάθης — Ag. s.) послѣ смерти своего отца прибылъ въ Константинополь, гдѣ принялъ отъ Юстина знаки царскаго достоинства и призналъ надъ собою главенство римскаго императора. Вмѣстѣ съ этимъ онъ принялъ христіанство и получилъ въ жены дочь одного византійскаго патрикія. Для насъ имѣетъ интересъ то обстоятельство, что среди царскихъ отличій (παράσημα), ему данныхъ, былъ блестяще бѣлый стихарій-парагаудій, украшенный золотой вышивкой съ портретомъ Юстина (στιχάριον δὲ ἄσπρον παραγαύδιον, καὶ αὐτὸ ἔχον χρυσᾶ πλουμμία βασιλικά, ὡσαύτως ἔχοντα τὸν χαρακτῆρα τοῦ αὐτοῦ βασιλέως ['Ιουστίνου — chr. p.]).[1] Не говоря объ историческомъ значеніи этого факта, неоспоримо доказующаго наличіе обряда т. н. „инвеституры" и „вассальныхъ" отношеній въ VI в. въ Византіи, заимствованныхъ отъ Персіи (отецъ Цаѳія получилъ рукоположеніе отъ персидскаго царя Коада или Кавада), для насъ важно указаніе на орнаментацію одежды. Парагаудой украшенъ стихарій, т. е. длинная одежда, происходящая отъ далматики. Въ томъ видѣ, какъ онъ описанъ въ данномъ случаѣ, стихарій-парагаудій является непосредственнымъ предшественникомъ царскаго дивитисія — параднаго облаченія византійскаго императора, твердо установившагося въ качествѣ таковаго нѣсколько позднѣе.[2] Здѣсь же можно замѣтить, что слово πλουμμία указываетъ на вышивную технику, которою было выполнено украшеніе съ портретомъ императора. M. Besnier (въ вышеуказанной статьѣ) предполагаетъ, что назывались вышивки такъ потому, что м. б. находили нѣкоторую аналогію между расположеніемъ нитей при вышивкѣ и перьями. Прокопій указываетъ, что подъ πλουμμία имѣлись въ виду золотыя украшенія на шелковомъ хитонѣ.[3]

Рис. 15.
Ангелъ на фрескѣ Бауита.
Египетъ.

Но наиболѣе подробныя и интересныя свѣдѣнія даетъ намъ Іоаннъ Лидіецъ, византійскій писатель VI вѣка, котораго дѣйствительно можно назвать археологомъ. Въ своемъ сочиненіи о правителяхъ (собственно начальникахъ) римской имперіи, онъ описываетъ одежды своего времени, относя ихъ часто ко временамъ гораздо болѣе раннимъ и даже легендарнымъ. Слѣдовать за нимъ въ этомъ отношеніи конечно нельзя, но для времени, когда онъ жилъ, свѣдѣнія эти имѣютъ интересъ. Такъ мы узнаемъ, что парагауда составляла существенную часть облаченія самого императора,[4] а также важнѣйшихъ чиновниковъ, напр. епарха преторія[5] и патрикіевъ.[6] По покрою это были хитоны съ рукавами (περιχειρίδες

[1]) Joannis Malalae, Chronografia, XVII, ed. Bonn, p. 412—12; cp. Chronicon Paschale, IV. Ind. XV, ed. Bonn. p. 613—14; 'Αγαθιοῦ σκολαστικοῦ ἱστορίων III, 15, ed. Bonn. p. 171—72; Du Cange, Glossar. med. graec., s. v.; V. Chapot, o. c., p. 1174; Ebersolt, o. c., p. 40.

[2]) О дивитисіи см.: Д. Ѳ. Бѣляевъ: Byzantina II, стр. 50—7 (Зап. Русск. Археол. О-ва, н. с. т. VI) и его же: Облаченіе императора на керченскомъ щитѣ, въ Журн. Мин. Нар. Пр., т. 289 (1893) стр. 343—56.

[3]) Procopii Caesariensis, De aedificiis. III, 1, ed. Bonn. p. 247; см. также E. Chilmeadi, notae ad Joannen Malalam, 87.

[4]) 'I. Λυδοῦ. περί ἀρχῶν..., II. 4, p. 169.

[5]) idem, II, 13, p. 179.

[6]) id., I, 17, p. 134. Слѣдуетъ замѣтить. что во всѣхъ указанныхъ мѣстахъ слово имѣетъ значеніе существительнаго самостоятельнаго, а не эпитета при другомъ, въ формѣ (ἡ) παραγαύδα и (ὁ) παραγώδης.

ἔχοντες),[1] вѣроятно не очень длинные, т. к. слово ποδήρης нигдѣ не упомянуто; носили ихъ обычно съ поясомъ, такъ епархъ преторія подпоясывалъ его поясомъ изъ пурпурной кожи. Бывали они чисто-пурпурные (καταπόρφυρος) — у епарха преторія, яркаго пурпура (ἀκροπόρφυροι) и совершенно бѣлые (λευκοὶ διόλου) — у патрикіевъ; у императора они украшались золотомъ (αὐριγάμμοις). Характерныя для парагауды украшенія состояли именно въ полосахъ и углахъ въ видѣ буквы Г, вѣроятно нашивавшихся на хитонъ. Такъ парагауда императора была покрыта полосами, украшенными орнаментомъ въ видѣ буквы Г (χρυσοῖς γαμματίσκοις ἀναλελογχωμένοις), по низу же одежду украшали двѣ буквы гаммы (ἀπὸ τῆς περὶ τοῦ πόδας ὤας καὶ τελευτῆς τοῦ ἐσθήματος ἐξ ἑκατέρων τῶν πλαγίων εἰς γάμμα στοιχεῖον διαζωγραφοῦσι χρυσῷ τὸν χιτῶνα); все это было изъ золота, т. е. вѣроятно изъ золотной ткани. У патрикіевъ парагауды были украшены просто нашитыми полосами (χιτῶνες λογχωτοί).

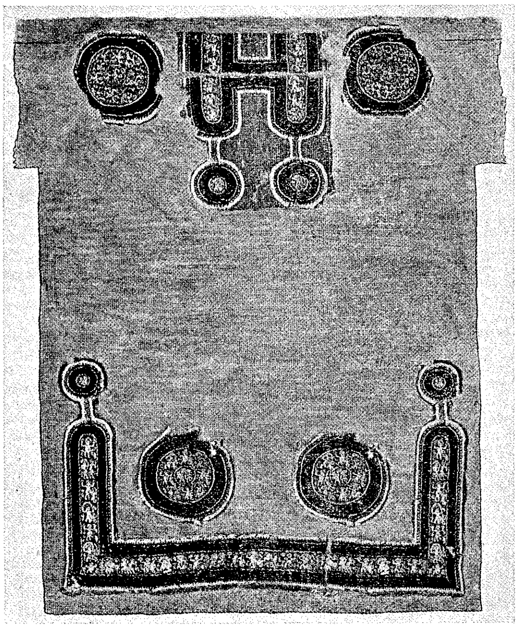


Рис. 16.
Туника Кенсингтонскаго музея.

Въ настоящее время почти нѣтъ разногласія въ томъ, что такое парагауда. Еще Du Cange указалъ, что это — украшеніе одежды и родъ одежды отъ этого происшедшій.[2] Большинство комментаторовъ текстовъ, гдѣ это названіе упоминается, сходятся на томъ, что сначала это обозначало только нашивныя полосы (lora) и коймы, украшавшія одежду, а затѣмъ и самую одежду.[3] Такое объясненіе принято также и большинствомъ представителей современной археологической науки, трактовавшихъ вопросъ.[4]

Такое толкованіе слова подтверждается еще однимъ любопытнымъ извѣстіемъ, относящимся къ 471 году и показывающимъ, что парагаудами украшались также и завѣсы (vela, βῆλα), игравшія, какъ извѣстно, большую роль въ византійскихъ дворцахъ. Въ дарственной грамотѣ одной изъ базиликъ (»Basilica Cornutiana« ок. Тиволи) въ спискѣ пожертвованныхъ тканей упомянуты: »vela blattea auroclava paragaudata 2« и далѣе »vela linea paragaudata persica clavatura leucorodina 2«.[5] Съ этимъ извѣстіемъ интересно сопоставить завѣсы, изображенныя во „дворцѣ Теодориха“ на извѣстной мозаикѣ въ

[1]) Возможно, что περιχέριδες, передаваемыя авторомъ какъ manicas — μάνικας, означаютъ не просто рукава, а „поручи“, т. е. узкіе рукава, окаймленные у запястья каймой или галуномъ. Ср. J. J. Reiske, Comm. ad C. P. de cerim. (ed. Bonn. t. II), p. 228.

[2]) Gloss. med., Graec., παραγαῦδις, Gloss. med. Lat. paragauda.

[3]) Notae: Ed. Chilmeadi ad Joann. Mal., 87; Salmasii ad Script. Hist. Aug.; Reiskii ad C. P., de cer., t. II, p. 228.

[4]) E. Saglio, o. c., in D.-S., Dict., t. IV, 1. p. 322—3; H. Blümner. in Ed. Diocl., p. 152—3; J. Ebersolt. Les arts somptuaires, p. 39—40; cp. Mélanges d'histoire et d'archéologie byzantines. p. 74, n. 1; Н. П. Кондаковъ, Иконографія Богоматери, I, стр. 305.

[5]) Charta donationis Cornutianensis, in Du-Cange, Gl. m. L., s. v. paragaudatus, ed. 1845 Paris Didot, t. V, p. 80—1; cp. L. Bréhier: Les Colonies d'Orientaux en Occident au commencement du moyen âge, in Byzantinische Zeitschrift, XII (1903), p. 28—9.

*

церкви Св. Аполлинарія Новаго въ Равеннѣ[1] (рис. 17), а также кусокъ ткани изъ Ахмима въ Кенсингтонскомъ музеѣ, воспроизводящій характерную для даннаго случая орнаментацію и по своимъ размѣрамъ (9 ф. 6 д. на 6 ф. 3 д.) вполнѣ соотвѣтствующій назначенію завѣсы (рис. 18).[2]

Что значитъ самое слово „парагауда“ мнѣ неизвѣстно. Обиліе различныхъ транскрипцій этого слова въ латинскомъ и греческомъ языкахъ м. б. является косвеннымъ

Рис. 17.
„Дворецъ Теодориха“ на мозаикѣ церкви Св. Аполлинарія Новаго въ Равеннѣ.

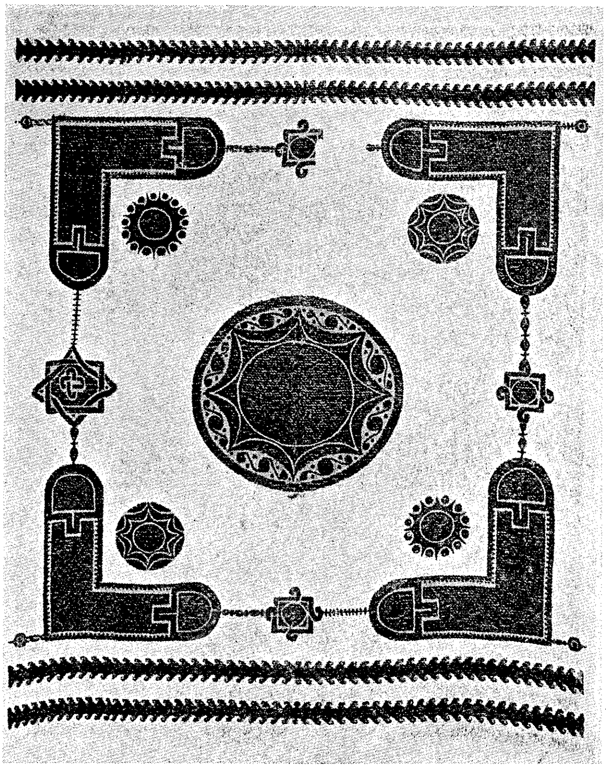


Рис. 18.
Ткань Кенсингтонскаго музея.

указаніемъ на его чуждое происхожденіе.[3] Почти несомнѣннымъ является то, что всѣ одежды, украшенныя нашивными коймами и т. п., суть подражанія какому то восточному образцу. Въ восточномъ происхожденіи модъ, принесшихъ такія одежды, тоже нельзя сомнѣваться. Вѣроятно и названіе пришло вмѣстѣ съ одеждой и подверглось затѣмъ искаженію. Писатели современники этихъ модъ подтверждаютъ это. Такъ Іоаннъ Лидіецъ говоритъ, что „ἀρχαῖος ὅμως χίτων ὁ παραγαύδης Πέρσαις καὶ Σαυρομάταις ἐπίσημος, ὡς Διογενιανῷ τῷ λεξικογράφῳ εἴρηται“, а Гезихій Александрійскій объясняетъ это слово (παραγώδας или παραγώγας) — χιτὼν παρὰ Πάρθοις.[4]

---

[1]) A. Colosanti, L'art byzantin en Italie, Milano s. a., pl. 24.

[2]) Catalogue, t. I, frontispiece, p. 42; cp. p. 38.

[3]) Комментаторъ лексикона Гезихія Александрійскаго M. Schmidt говоритъ (t. III, p. 270): haud scio an supra loco suo pro παραγάγγας (разумѣя здѣсь „парасангъ“) — μέτρου reponendum sit παραγαύδα — ἱματίου“. Waddington (Édit de Dioclétien, XIV, 14 p. 31) сдѣлалъ замѣчаніе о возможномъ семитическомъ происхожденіи слова (см. H. Blümmer, Ed. Diocl. p. 152, n. 1; изданіе Waddington'а мнѣ недоступно)

[4]) 'I Λ., περὶ ἀρχῶν..., I, 17, p. 134; Hes. Al., lex. Π, 481; t. III, p. 270; изъ письма самого Гезихія къ Евгенію, м. б. грамматику, извѣстно, что въ его лексиконъ вошли также и глоссы Діогеніана, жившаго. въ Гераклеѣ на Понтѣ въ царствованіе имп. Адріана (см. Christ, Gesch. d. grich. Lit., b. II, 2, s. 887); т. об. вполнѣ вѣроятно, что приведенныя извѣстія восходятъ ко II в. по Р. X.

Примѣръ одежды, наиболѣе соотвѣтствующей описанію Іоанна Лидійца и воспроизводящей всѣ характерныя черты ея орнаментаціи, можно видѣть на серебряномъ блюдѣ или щитѣ съ изображеніемъ императора верхомъ на конѣ, найденномъ въ Керчи и находящемся въ Эрмитажѣ (рис. 19).[1] Объ одеждѣ императора высказывались различныя предположенія; съ однимъ изъ нихъ (Стржиговскаго) о томъ, что на императорѣ—дивитисій, послѣ его обстоятельной критики Д. Θ. Бѣляевымъ (ук. ст. въ Ж. М. Н. П.), можно не считаться вовсе. Самъ Д. Θ. Бѣляевъ сопоставляетъ изображенную одежду съ богато разукрашенными золотомъ и жемчугами сверхпанцырными хитонами или иматіями (ἱμάτιον или χιτῶν ἐπιλώρικον χρυσοΰφαντον и т. д.), которые упомянуты въ сочиненіи Константина Порфиророднаго о царскихъ походахъ, при описаніи торжественныхъ въѣздовъ въ Константинополь императоровъ Θеофила и Василія Македонянина.[2] Несомнѣнно, что всѣ эти одежды были аналогичны (но не тождественны) и по характеру украшенія, и по своему назначенію параднаго военнаго костюма, одѣвавшагося на

Рис. 19.
Блюдо съ изображеніемъ византійскаго императора, найденное въ Керчи. Эрмитажъ.

[1]) Существуютъ разногласія о времени памятника. Покровскій и Стржиговскій (Матеріалы по археологіи Россіи, вып. VIII) относятъ его къ VI в. и считаютъ императора Юстиніаномъ. Д. Θ. Бѣляевъ (Журн. Мин. Нар. Просв., т. 289 (1893), стр. 322) считаетъ, что изображенный императоръ болѣе всего похожъ на имп. Θеодосія и его сыновей Мадридскаго блюда (табл. XX). Это дало Б. В. Фармаковскому (Извѣстія Русскаго Археолог. Института въ К-лѣ, т. VI, стр. 284) поводъ безоговорочно помѣстить блюдо въ число изображеній Θеодосія. J. Ebersolt (Les arts sompt., p. 44) видитъ здѣсь императора VI в. М. б. не слѣдуетъ раздѣлять такимъ большимъ промежуткомъ времени два памятника, имѣющіе много общаго и въ характерѣ, и въ техникѣ, и въ формѣ, каковы Керченское и Мадридское блюда. Впечатлѣніе Д. П. Бѣляева о сходствѣ мнѣ кажется соотвѣтствующимъ дѣйствительности, но, въ виду невозможности разрѣшить вопросъ о точной датѣ памятника, я предпочелъ бы считать это блюдо изображеніемъ одного изъ императоровъ конца IV или V вѣка. Здѣсь же можно замѣтить о любопытномъ упоминаніи Константиномъ Порфиророднымъ подобныхъ блюдъ (μινσούρια ἀνάγλυφα), находящихся въ царскомъ вестіаріи и носящихъ надпись Іордана, стратилата Востока при имп. Аркадіи. De thematibus, I, thema I (Migne, P. G., t. 113, col. 69); cp. Diehl, L'école artistique d'Antioche et l'argenterie syrienne, in Syria, t. II., p. 92 (note).

[2]) De Cerimoniis, Appendix ad libr. I, p. 500 et p. 505, ed. Bonn.

панцырь или вмѣсто него. Только для V или VI вѣковъ лучше пользоваться терминологіей того же времени, а вышеприведенное описаніе парагауды Іоанномъ Лидійцемъ вполнѣ это допускаетъ.[1] Любопытно замѣтить, что какъ стихарій-парагаудій явился какъ бы предшественникомъ царскаго „дивитисія“, такъ и „парагаудисъ“ (или парагауда) найдетъ своего замѣстителя въ „скарамангіи“ — ѣздовомъ кафтанѣ византійскихъ царей и знати, одеждѣ близкой по характеру упомянутымъ парадньмъ хитонамъ-иматіямъ, но другого происхожденія, и сначала болѣе обыденной, а затѣмъ вытѣснившей и замѣнившей и ихъ.[2] Одежда императора Керченскаго блюда — примѣръ очень богатой орнаментаціи одежды нашивками съ золотомъ и жемчугомъ, переданнымъ кружками и точками. Аналогичную орнаментацію одежды — хитона, иногда болѣе длиннаго, т. е. не приспособленнаго спеціально для верховой ѣзды, можно видѣть довольно часто на византійскихъ императорахъ VI в.. Юстиніанъ на извѣстной мозаикѣ церкви Св. Виталія въ Равеннѣ изображенъ именно въ такой одеждѣ. Такія же одежды носятъ и приближенные къ царю придворные и чиновники. Уже указывалось, что Іоаннъ Лидіецъ упоминаетъ парагауду въ числѣ облаченій епарха преторія и патрикіевъ. На Керченскомъ блюдѣ воинъ („доместикъ, протикторъ“), сопровождающій царя, изображенъ въ одеждѣ аналогичной съ царской, но менѣе богато убранной. Чины свиты Юстиніана на мозаикѣ Св. Виталія носятъ тотъ же костюмъ; у одного изъ военныхъ — нашивки золотыя.[3] Появленіе широкой каймы, загнутой съ двухъ сторонъ подъ прямымъ угломъ кверху, на подолѣ короткой одежды, удобной для верховой ѣзды, весьма характерно, ибо указываетъ на возможное происхожденіе такой манеры украшенія. Оригиналомъ такой одежды могли быть, окаймленные по подолу и его боковымъ разрѣзамъ, кафтаны кочевниковъ въ родѣ изображенныхъ на Чертомлыцкой вазѣ (р. 1).

Чтобы закончить обзоръ украшеній туники или хитона, ставшаго верхнимъ платьемъ, т. е. „иматіемъ“,[4] нужно упомянуть еще о наплечникахъ, т. е. круглыхъ или четырехугольныхъ сегментахъ, нашивавшихся на плечахъ, и объ окаймленіи воротника (вѣрнѣе шейнаго вырѣза), иногда очень широкомъ, образующемъ родъ оплечья и носившемъ названіе маніака (μανιάκης). Одежды императоровъ на вышеупомянутыхъ блюдахъ и мозаикахъ всегда украшены наплечниками, иногда достигающими очень крупныхъ размѣровъ. Съ этимъ интересно сопоставить хорошо извѣстное свидѣтельство Прокопія, гдѣ онъ съ негодованіемъ говоритъ о гуннскихъ модахъ, распространившихся въ Византіи. По гуннскому образцу дѣлались и штаны (ἀναξυρίδες), и обувь (ὑποδήματα), и также ἐπωμίδες. Слово это переводится иногда какъ верхнее платье[5] (такой переводъ хорошо отвѣчаетъ предшествующему тексту), хотя значитъ, собственно говоря, наплечники.[6] Нѣсколько выше тотъ же Прокопій объясняетъ въ чемъ выражалось подражаніе варварамъ. Одежды окаймлялись широкой каймой (εὐπάρυφοι), хитоны въ верхней своей части дѣлались необыкновенно широкими.

---

[1]) J. Ebersolt, o. c. p. 44 также называетъ эту одежду императора — парагаудіемъ, персидскимъ и савроматскимъ.

[2]) О скарамантіи см. статью Н. П. Кондакова «Les costumes orientaux à la Cour Byzantine», въ Byzantion, I, (1924), p. 7—49.

[3]) Репродукцію въ краскахъ см.: Wilpert: Die Römischen Mosaiken und Malereien, b. III, t. 109; по фотографіи Alinari см. у Ebersolt, les art sompt., fig. 7; ср. Рѣдинъ, Мозаики равеннскихъ церквей (Зап. Русск. Арх. О-ва, н. с. т. IX), стр. 205.

[4]) О двухъ значеніяхъ слова ἱμάτιον см. Heuzey, o. c. p., 85.

[5]) Ebersolt, o. c., p. 38 »blouse«; Толстой-Кондаковъ, Русск. др., III, стр. 3 „накидки“.

[6]) Procopii Caesariensis, Historia arcana, VII, 3; по латыни »humeralia«, ed. Bonn. p. 48—9; Isambert (ed. Didot 1856) перевелъ »épaulettes« — p. 81—3. Къ сожалѣнію глосса лексикона Гезихія (t. II, p. 180) „ἐπωμίδια · ὡς λέντιον ἱερατικὸν περιβόλαιον“ не разрѣшаетъ вопроса, даже если предположить, что наплечники могли составляться изъ расположенныхъ кругами лентъ — лентіевъ. Ср. ibidem λέντιον t. III, p. 25; см. также подпоясаніе на вышеприведенныхъ статуэткахъ слоновой кости (рис. 6 и 7).

Наконецъ, маніакъ (μανιάκης) представлялъ изъ себя украшеніе ворота (ὁ περιαυχένιος κόσμος, κολλάριον).[1] Слѣдуетъ указать, что маніакъ украшеніе весьма древнее, еще patagium римскихъ женщинъ обычно имъ украшался. Сдѣланный изъ ткани (шелка, пурпура, золотной ткани и т. п.) и нашитый на одежду онъ безъ сомнѣнія являлся подражаніемъ одноименному металлическому украшенію (κλοιός, περιτραχήλιος δεσμός, μανιάκης), называвшемуся впослѣдствіи у насъ „гривной", или ожерелью (περιδέραιον), столь распространенному въ др. Египтѣ. Ожерелья въ формѣ, очень близкой зубчатымъ египетскимъ, можно видѣть на рядѣ женскихъ фигуръ греческихъ и этрусскихъ.[2] Примѣры пышныхъ нашитыхъ маніаковъ въ древне-христіанскую эпоху даютъ женскія фигуры мозаикъ тріумфальной арки въ церкви S. Maria Maggiore въ Римѣ.[3] Рядъ памятниковъ эллинистическаго искусства (напр. египетскіе погребальные портреты, пальмирскіе рельефы и т. д.) указываютъ на широкое распространеніе подобныхъ шейныхъ обручей (иногда съ буллами), цѣпочекъ, ожерелій и т. п. Оплечье —маніакій — нашивное или металлическое, играло большую роль среди придворныхъ украшеній византійскаго двора, будучи отличіемъ (βραβεῖον) нѣсколькихъ военныхъ чиновъ.[4] То же украшеніе, перейдя къ намъ на Русь, стало однимъ изъ отличій великокняжескаго и царскаго „чина" — т. н. бармы.[5] Что тѣмъ же словомъ „маніакъ" обозначалось и нашивное украшеніе, видно изъ выраженія ἱμάτια μανιακάτα.[6] Выше уже упоминались, какъ примѣры различныхъ манеръ украшенія одеждъ, т. н. коптскія туники, добытыя изъ раскопокъ некрополей эллинистическихъ городовъ въ Египтѣ. На этихъ туникахъ или хитонахъ можно видѣть всѣ перечисленныя системы или манеры украшеній. Нѣкоторую хронологическую классификацію этихъ туникъ даетъ Gayet — французскій археологъ, раскопки котораго дали большое количество этого матеріала.[7] Въ схемѣ, составленной по рисункамъ Gayet, (рис. 20: a — III—IV в.; b — VI в.; c — VII в.) первую тунику (a) можно было бы назвать »paragaudata«, первыя двѣ (a, b) отнести къ разряду ἱμάτια μανιακάτα, а вторыя двѣ (b, c) — къ ἱμάτια λωρωτά. Классификаціи Gayet въ извѣстной мѣрѣ соотвѣтствуютъ и одежды, изображаемыя на миніатюрахъ, напр. на различныхъ персоннажахъ въ извѣстной рукописи Христіанской Топографіи Козьмы Индикоплова Ватиканской библіотеки, отно-

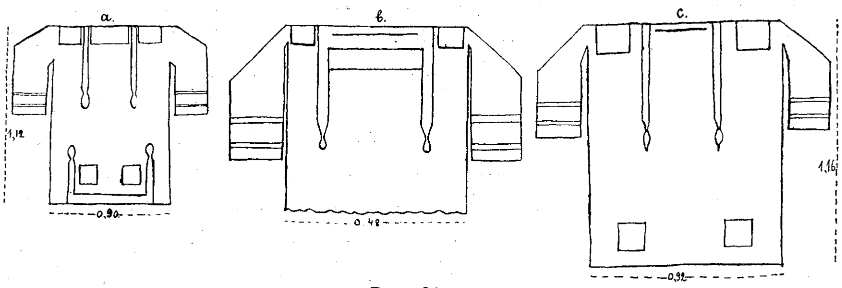


Рис. 20.
Схема украшеній туникъ по Gayet; a — III—IV в. в., b — VI в., c — VII в.

[1]) Suidae, Lexicon, s. v., ed. Bernhardy (1853), t. II, 1, p. 687; Hes. Al., lex. K, 3025; t. II, p. 494.

[2]) S. Reinach, Repertoire de la statuaire, t. 1, pl. 214III, 204bis No 789, 316bis No 794, 236bis No 792; t. II, p. 642, 2, 5 и др.

[3]) Репродукціи въ краскахъ см. Wilpert, Römische Mosaiken und Malereien, b. III, taf. 53—5, 57—8, 63—5, 66—8.

[4]) C. P., de cer., I, 59, p. 275; II, 52, p. 722; II, 40, p. 640 — протоспаѳарія; II, 52, p. 709 — спаѳарокандидата; I. 86, p. 392; II, 52, p. 708 — кандидата; II, 15, p. 584 — его носятъ катепанъ василиковъ и комитъ ставла. Дальнѣйшія указанія мѣстъ К. П. см. у J. Ebersolt, Melanges, in Revue de l'histoire des religions, t. 76, 1917, p. 72, n. 2.

[5]) См. Толстой-Кондаковъ, Русск. др., V, стр. 129—132; Кондаковъ, Русскіе клады, стр. 159—165.

[6]) C. P. de cer., Append. ad l. I, p. 469 и сл., 473; Н. П. Кондаковъ: Изображенія русской княжеской семьи, стр. 102, пр. 2.

[7]) Gayet, Le costume en Égypte, Exposition universelle, p.p. 16 (a), 31 (b), 49 (c).

симой обычно къ VII вѣку (рис. 21 и 22).[1] Здѣсь же нужно замѣтить, что подобныя одежды носились не только въ одномъ Египтѣ, но и во всей Византійской имперіи, и что продукты египетской мануфактуры были въ ходу и въ Константинополѣ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ упоминанія ἱμάτια αἰγύπτικα у Константина Порфиророднаго.[2]

Для женской одежды интересный матеріалъ даетъ мозаика церкви Св. Виталія въ Равеннѣ, гдѣ на богатыхъ одеждахъ женщинъ, сопровождающихъ Өеодору, мы видимъ 3 манеры украшенія одежды: 1. длинными золотными полосами по сторонамъ, на подобіе костюма оранты катакомбы »Vigna Massima«, 2. круглыми сегментами ниже колѣнъ, и 3. четырехугольными сегментами тамъ же и широкой каймой по подолу.[3]

Рис. 21. Миніатюра Христіанской Топографіи Козьмы Индикоплова (по Garrucci).

Рис. 22. Миніатюра Христіанской Топографіи Козьмы Индикоплова (по Garrucci).

Неоднократно уже упоминавшійся писатель VI в. Іоаннъ Лидіецъ описываетъ и другія одежды съ украшеніями. Такъ при описаніи царскаго облаченія онъ говоритъ о длинныхъ (ποδήρεις) пурпурныхъ тривонахъ (τρίβωνες), украшенныхъ меандрами (μαιανδρίαις γραμμαῖς) и на плечахъ — золотыми туваламентами (ἐπὶ τῶν ὤμων χρυσοῖς τουβαλαμέντοις), т. е. тканными полосами (с. г. трубами — σωληνωτοῖς ὑφάσμασι).[4] Лексиконъ Гезихія сообщаетъ, что τρίβων это облаченіе (στολή), украшенное сегментами на подобіе гаммъ (ἔχουσα σημεῖα ὡς γάμμα).[5] Въ древности тривономъ назывался ежедневно носимый гиматій (называю такъ въ отличіе отъ иматія).[6] Позднѣе ἱμάτιον потеряло, какъ уже указывалось, свое спеціальное значеніе большого четырехугольнаго драпировавшагося плата — верхней одежды древнихъ грековъ; появились хитоны-иматіи. Несомнѣнно, что и τρίβων въ VI в. не могъ означать древняго гиматія, вѣроятно это была одежда похожая на уже упоминавшійся стихарій-парагаудій, м. б. нѣсколько иначе украшенная. Тотъ же писатель сообщаетъ, что отличіемъ ипатовъ (консуловъ) были бѣлыя фенолы (φαινόλαι, пенулы, фелони) и коловіи (κολοβοί) съ пурпурными украшеніями (πλατύσημοι, πορφύρα διάσημος ἐξ ἑκατέρων τῶν ὤμων) на плечахъ, причемъ на фенолахъ украшенія были только спе-

[1]) Diehl: Manuel, t. I, p. 240—5; рисунки взяты изъ Garruci, Storia dell'arte christiana, III, t.t. 143, 1; 152, 1.

[2]) De cer., App. ad l. I, p. 473: въ сагмаріяхъ (вьюкахъ) идика (собственной царской придворной части) упоминаются: ἱμάτια . . . λωρωτὰ μεταξωτὰ αἰγύπτικα и ἱμάτια . . . ἐῤῥαμένα δίσχιστα μανιακάτα . . . λωρωτὰ μεταξωτὰ αἰγύπτικα; тамъ же l. II, 45, p. 678, говорится, что въ походъ на Критъ въ 949 г. идикъ бралъ: ἱμάτια λωρωτὰ Αἰγύπτικα ἐῤῥαμένα ρ. См. также Ebersolt, les arts sompt., p. 13.

[3]) Въ краскахъ см. Wilpert, Römische Mosaiken, b. III, t. 110, по фотографіи Ebersolt, o. c., f. 9

[4]) 'I. Λ., π. ἀρχ., II, 4, p. 129; τουβαλαμέντοις вѣроятно передаетъ латинское слово отъ tuba, tubulus, образованное м. б. по аналогіи съ velum, velamentum.

[5]) Hes. Al. lex. T, 1355; t. IV, 1, p. 173.

[6]) Heuzey, Hist., p. 86.

Блюдо императора Θеодосія Великаго.
(по Электротипіи Кенсингтонскаго музея.)

реди (πρόσθεν), на коловіяхъ же и сзади (καὶ ἐξόπισθεν).[1] Пурпурною полосой украшались хламиды патрикіевъ, называвшіяся поэтому ширококлавными (λατικλαβίας).[2] Украшеніе царской хламиды было очень богато. Была она пурпурной и по низу украшена золотыми четырехугольниками, называемыми сегментами (σηγμέντα), а въ просторѣчьи украшенія обычныхъ хламидъ назывались σημέντα. Кромѣ того царская хламида украшалась гаммами, золотыми бляшками, полосками, листочками, драгоцѣнными камнями и прочими отличіями царскаго достоинства.[3] Хламида, служившая отличіемъ епарху преторія (называлась она ὁ μανδύης, а въ просторѣчьи τὸ μαντίον, откуда наша „мантія“), не украшалась сегментами, но на нее нашивались тавліи (ταυλιῶν) или птихіи (πτυχίων).[4] Оба названія этого украшенія (ταύλιον, tablium, tabula и πτυχή, πτύξ) явно указываютъ на сходство съ дощечкой.[5] Украшеніе это имѣло большое значеніе, т. к. по словамъ Іоанна Лидійца (р. 178) хламиду съ тавліями могъ носить только кесарь, епарху же преторія давалась она, чтобы подчеркнуть важное значеніе этого чина и возвеличить его въ глазахъ окружающихъ. Любопытное извѣстіе о введеніи хламидъ съ тавліями, буквально въ качествѣ форменной одежды, сохранили византійскія хроники. Относя это событіе ко временамъ Нумы Помпилія, онѣ все же несомнѣнно воспроизводятъ византійскую дѣйствительность. Интересно, что побудительнымъ мотивомъ для этого распоряженія выставляется пріемъ Нумой Помпиліемъ пословъ отъ Пеласговъ, носившихъ хламиды съ красными (ῥούσεα) тавліями на подобіе тѣхъ, что носили въ землѣ Исавровъ. И здѣсь традиція подчеркивала восточное происхожденіе украшенія. Далѣе говорится, что царская хламида была пурпурная съ золотыми тавліями. Хламиды же синклитиковъ и другихъ чиновъ были украшены пурпурными тавліями, причемъ они служили для чиновниковъ — царскими отличіями, и по нимъ дворцовая стража распознавала, кого безпрепятственно пускать во дворецъ.[6] Царю подчиненнаго государства, напр. упоминавшемуся уже Цаѳію Лазскому, была дана бѣлая хламида съ царскимъ золотымъ тавліемъ, на которомъ было изображеніе имп. Юстина, пожаловавшаго ему царскія отличія.[7] Въ IX—X в. в. хламиды съ тавліями были также въ большомъ ходу; придворный уставъ Константина Порфиророднаго даетъ цѣлый рядъ указаній по этому поводу.[8] Рядъ памятниковъ изобразительнаго искусства можетъ иллюстрировать при-

Рис. 23.
Имп. Гонорій
на Мадридскомъ блюдѣ.

---

1) 'I. Λ, π. ἀρχ., I, 32, p. 144—5.

2) idem, I, 17, p. 134; см. выше.

3) 'I. Λ, π. ἀρχ., II, 4, p. 169—70; можно указать, что нашивныя металлическія украшенія назывались, »crusta«, см. Chapot, segmentum, in D.-S., Dict., IV, 2. p. 1175.

4) id., II, 13, p. 178—9; по объясненію Гезихія μανδύας это εἶδος ἱματίου Περσῶν πολεμικόν (Lex. M., 231, t. III, p. 70); ср. сообщеніе Діона Кассія (78, 3; ed. Teubner, t. IV, p. 306) о введеніи въ войскахъ одежды на подобіе мандія.

5) G. Lafaye, tabula V, in D. S., Dict., t. V, p. 13.

6) Joannis Malalae, Chronographia, l. II (Migne, P. G., t. 97. col. 101. 104); Chronicon Paschale p. 217, ed. Bonn.

7) Chr. Pasch., p. 613—14 (ed. Bonn.); Joann. Mal., Chronogr. l. XVII (Migne P. Gr. col. 609—612).

8) Д. Ѳ. Бѣляевъ, Byzantina, II (въ Зап. Русск. Арх. О-ва, н. с., т. VI) стр. 42, 43, пр. I; 44, пр. 1. J. Ebersolt, Mélanges, p. 55, note 13.

веденныя свидѣтельства писателей. Когда вошелъ въ употребленіе обычай украшать хламиду тавліями, съ увѣренностью сказать нельзя. Двѣ статуи византійскихъ чиновниковъ Оттоманскаго музея, относящіяся къ IV вѣку, даютъ характерный примѣръ хламиды, но безъ тавлія.[1] Wilpert указываетъ, что 1-ый примѣръ хламиды съ тавліемъ во фрескахъ катакомбъ относится къ 1-ой половинѣ IV в. (впрочемъ онъ же самъ считаетъ его сомнительнымъ), 2-ой — къ концу V вѣка.[2] Для V вѣка можно указать цѣлый рядъ примѣровъ и на миніатюрахъ (напр. Вѣнской книги Бытія) и на мозаикахъ (для IV в. см. мозаику папы Либерія (352—366) въ S. Maria Maggiore (Wilp. Röm. Mos. III, t. 16), гдѣ молодой Моисей, передъ дочерью Фараона, изображенъ въ хламидѣ съ золотымъ тавліемъ).

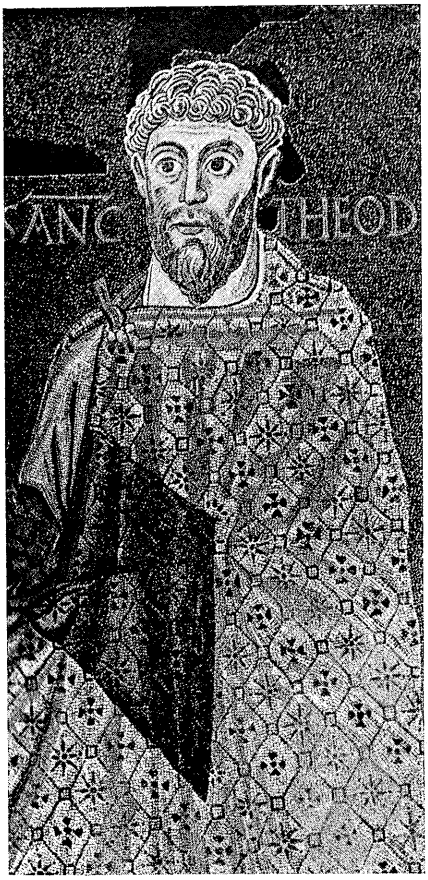


Рис. 24.
Св. Θеодоръ. Мозаика
ц. Свв. Козьмы и Даміана въ Римѣ.

Хламиды на Θеодосіи Великомъ и его сыновьяхъ (на Мадридскомъ блюдѣ) въ точности передаютъ описанную Іоанномъ Лидійцемъ манеру украшать хламиду по низу четырехугольными сегментами (рис. 23 и табл. XX.). Такое же украшеніе хламиды можно видѣть и на имп. Валентѣ, на одномъ изъ его золотыхъ медальоновъ.[3] Весьма любопытное украшеніе сегментами представляетъ хламида чиновника, подходящаго къ Θеодосію, на Мадридскомъ блюдѣ (таб. XX.). Въ VI в. хламиды императоровъ, ихъ приближенныхъ и т. п. всегда снабжены тавліями; у Юстиніана Равеннской мозаики золотой тавлій на пурпурной хламидѣ, у сопровождающихъ его — пурпурные тавліи на бѣлыхъ хламидахъ. Въ пышной хламидѣ изъ великолѣпной золотной ткани съ пурпурнымъ тавліемъ изображенъ Св. Θеодоръ на мозаикѣ апсиды римской церкви Св. Св. Козьмы и Даміана (рис. 24). Особенность представляетъ хламида императрицы Θеодоры на Равеннской мозаикѣ; она не имѣетъ тавлія, но украшена по низу широкой полосой съ изображеніемъ сцены Поклоненія волхвовъ.[4] Хламида другой императрицы, изображенной на диптихѣ изъ слоновой кости національнаго музея во Флоренціи, украшена тавліемъ съ погруднымъ изображеніемъ императора[5] — любопытная параллель къ описанію тавлія на хламидѣ Цаθія.

Подводя итоги изложенному, можно замѣтить, что большинство украшеній позднеантичной и византійской одежды находятся въ зависимости отъ образцовъ, шедшихъ

---

[1]) G. Mendel, Musées impériaux ottomans, Catalogue des sculptures, t. II, (C-le 1914) p. 203, n° 507; p. 205, n° 508. Найдены обѣ въ Афродизіи, въ вост. галлереѣ термъ, вмѣстѣ со статуей имп. Валентиніана II (375—392), n°506 того же музея.

[2]) J. Wilpert, Malereien der Katakomben, Bd. I, s. 95.

[3]) Рис. у Hampel, Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn, t. III (atlas), t. 18.

[4]) Репродукціи въ краскахъ Равеннскихъ мозаикъ у Wilpert'a, Römische Mosaiken, b. III, taf. 109 (Юстиніанъ) и taf. 110 (Θеодора); тамъ же taf. 106—7 — мозаика церкви Св. Св. Козьмы и Даміана въ Римѣ.

[5]) Репродукцію см. у Ebersolt, Les arts sompt., f. 11.

въ римскую имперію съ Востока. Для украшенія одежды широкой полосой по переду можно найти персидскіе и финикійскіе образцы въ описаніяхъ, названіяхъ и изображеніяхъ одеждъ. Другимъ украшеніямъ, напр. парагаудѣ или тавлію, традиція приписывала восточное происхожденіе. Въ античномъ (городскомъ) костюмѣ, какъ мы видѣли, украшенія въ нѣкоторыхъ своихъ формахъ существовали, но существеннаго значенія не имѣли и на характеръ одежды (драпировки) вліянія не оказывали. Напротивъ того въ одеждѣ „варварской", т. е. не греческой — персидской и сѣверо-восточныхъ кочевниковъ — украшенія являлись органической частью костюма, вполнѣ соотвѣтствующей всему его характеру. Моды на варварскія одежды и украшенія начинаютъ проникать и распространяться въ римской имперіи вслѣдъ за проникновеніемъ и распространеніемъ всей культуры эллинизированныхъ варварскихъ центровъ. Такими центрами, игравшими извѣстную роль въ распространеніи, а также, вѣроятно, и изготовленіи украшенныхъ по новой модѣ одеждъ, были, напримѣръ, города Сиріи и Малой Азіи, черезъ которые шла тогдашняя торговля тканями. Относительно Лаодикеи и Пальмиры есть даже прямыя указанія. Большую роль должна была также играть и мануфактура Александріи. Ея производству слѣдуетъ приписать многое изъ матеріала добытаго изъ раскопокъ въ Египтѣ. Наконецъ для Византіи извѣстное значеніе могла имѣть также связь съ городами Черноморскаго побережья, откуда тоже могли приходить „варварскіе" образцы модъ. Въ позднее эллинистическо-римское время можно видѣть наибольшій наплывъ и распространеніе всевозможныхъ украшеній одеждъ. При этомъ нужно замѣтить, что украшенія могли вліять на покрой одежды и въ корнѣ измѣнили самый характеръ ея, совершенно не поддаваясь драпировкѣ и требуя гладкихъ поверхностей. Будучи восприняты въ Византіи, украшенія одеждъ подверглись тамъ строгой регламентаціи, ставъ мало по малу отличіями различныхъ чиновъ, должностей и сановъ, начиная съ самого императора. Для VI в. на основаніи вышеприведенныхъ источниковъ можно было предложить слѣдующую краткую схему распредѣленія по чинамъ украшенныхъ облаченій:

Императоръ: пурпурный длинный тривонъ или хитонъ-парагаудисъ съ золотыми украшеніями; пурпурная хламида съ золотыми сегментами и другими украшеніями или золотымъ тавліемъ.

Царь подчиненнаго государства: стихарій-парагаудій; бѣлая хламида съ золотымъ тавліемъ; и та и другая одежды украшались портретомъ императора.

Епархъ преторія: хитонъ-парагаудисъ; мандій съ тавліями; поясъ пурпурной кожи съ украшеніями.

Патрикіи: хитонъ-парагаудисъ, хламида цвѣта сухого винограда (или темно-малиновая) съ пурпурнымъ украшеніемъ посрединѣ.

Ипаты: бѣлые коловіи и фенолы съ пурпурными украшеніями.

Синклитики и прочія должностныя лица гражданскія и военныя: хламида съ пурпурнымъ тавліемъ.

Войско: въ военное время: кольчуга, бронзовый шлемъ и т. д.
въ мирное время: одежда, называвшаяся „сарака".

Эта схема не оставалась неизмѣнной, и царское облаченіе съ теченіемъ времени существенно измѣнилось, и въ отличіяхъ чиновъ произошли большія перемѣны. Я уже указывалъ, какъ и чѣмъ были замѣнены царскія одежды, носившіяся въ VI в. Не имѣя возможности подробно останавливаться на обильномъ и весьма интересномъ матеріалѣ, даваемомъ для исторіи одежды придворнымъ уставомъ Константина Порфиророднаго, я приведу изъ него только нѣсколько фактовъ, поясняющихъ высказанную мысль. Первый изъ нихъ касается парагауды, столь распространенной и почетной въ VI вѣкѣ. Въ IX—X в. в. парагавдій (παραγάβδιον или παραγαύδιον) служитъ отличіемъ (βραβεῖον) кувикуларію и кувикуларіи, т. е. придворному или придворной, сопровождающимъ царя

*

или царицу.[1] Кромѣ нихъ парагавдіи носятъ еще остіаріи (нѣкоторые, но не всѣ), т. е. чины, вводящіе на царскій пріемъ придворныхъ, своего рода привратники или швейцары.[2] Другой примѣръ касается сегментовъ, непремѣннаго украшенія парадной одежды въ VI вѣкѣ. Съ распространеніемъ богато разукрашенныхъ тканей характера парчи значеніе ихъ естественно должно было умалиться. Придворный уставъ сообщаетъ намъ, что на царскихъ званныхъ пирахъ съ плясками (εἰς τὸ σάξιμον, ἤγουν εἰς τὸ κλητώριον), пляшущіе трибуны и викаріи димовъ (партій) одѣваютъ короткорукавныя одежды съ золотыми сегментами (τὰ χρυσοσήμεντα διακοπτὰ κοντομάνικα), одни (партіи Голубыхъ) — голубыя и бѣлыя, другія (партіи Зеленыхъ) — зеленыя и красныя.[3] Вечеромъ же наканунѣ 11 мая, т. е. дня основанія Константинополя, въ который на ипподромѣ происходило большое и торжественное ристаніе съ раздачей овощей и другихъ яствъ народу, димоты обѣихъ партій приводили лошадей, покрытыхъ χρυσοσήμεντα σαγίσματα, т. е. попонами, украшенными золотыми сегментами.[4]

Н. М. Бѣляевъ.

Прага 1926.

---

[1]) Const. Porph., de cerim., II, 24, p. 624; II, 25, p. 626; II, 52, p. 721; cp. Ebersolt, Mélanges, p. 74, n. 1.
[2]) C. P., de cer., I, 25, p. 142; II, 2, p. 523; II, 15, p. 574.
[3]) De cer., I, 65, p. 294, 296.
[4]) De cer. I, 70, p. 341.

САРМАТСКІЯ И ИНДО-СКИѲСКІЯ ДРЕВНОСТИ

Древности Сарматскаго періода на югѣ Россіи, о которыхъ я говорилъ повторно въ послѣднее время въ своихъ книгахъ и статьяхъ и которыя я впервые выдѣлилъ въ особую группу, имѣютъ огромное значеніе для исторіи европейскаго искусства въ поздне-римское время и въ эпоху ранняго Средневѣковья[1]. Я думаю, что въ указанныхъ книгахъ и статьяхъ я доказалъ, что эта группа въ ея варіаціяхъ — сѣверная, вѣроятно, болѣе поздняя съ преобладаніемъ звѣринаго стиля, и южная, вѣроятно, болѣе ранняя по преимуществу полихромная — создала тѣ основы провинціальнаго поздне-римскаго стиля и позднѣе т. н. готскаго или меровингскаго, которыя затѣмъ такъ пышно развились въ прикладномъ искусствѣ средневѣковой Европы. Вліяніе нашей группы на ранне-византійское и ранне-русское искусство никогда не было должнымъ образомъ разсмотрѣно. Отмѣчу по отношенію къ Западной Европѣ, что такія типичныя явленія въ прикладномъ искусствѣ меровингскаго періода какъ круглыя фибулы или брошки, украшенныя геометрическимъ и цвѣточнымъ орнаментомъ съ изобиліемъ самоцвѣтныхъ камней, крупныя фибулы обычныхъ типовъ съ тѣмъ же орнаментомъ, стекляные сосуды въ золотыхъ оправахъ, украшенныхъ самоцвѣтными камнями, которыхъ такъ много въ церковныхъ хранилищахъ Италіи и другихъ католическихъ странъ, діадемы съ тѣми же украшеніями изъ золота и камней, какъ напр. знаменитыя діадемы изъ Гвараццара всѣ находятъ себѣ предковъ въ сарматскихъ древностяхъ и т о л ь к о в ъ н и х ъ. Сопоставленіе сарматскихъ и сарматоготскихъ древностей съ ранними древностями Англіи (обѣ серіи въ Британскомъ Музеѣ), сдѣланное недавно Dalton'омъ, въ высокой степени показательно[2].

Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы точнѣе опредѣлить мою точку зрѣнія на происхожденіе полихромнаго сарматскаго стиля. Я не разъ указывалъ на то, что онъ взятъ Сарматами (къ той же группѣ въ общемъ относятся и саки Туркестана, и индо скиѳы, и парѳяне, и саки Дрангіаны и наконецъ, можетъ быть, юе-чи китайскихъ источниковъ, послѣдняя волна иранцевъ или первая — тюрковъ, накатившаяся на Индію и южную Россію почти одновременно) изъ персидскаго искусства, но переработанъ подъ вліяніемъ старыхъ формъ того же стиля, искони знакомыхъ иранцамъ. Въ этомъ видѣ онъ пришелъ на югъ Россіи и оттуда въ Западную Европу. Въ немъ поэтому сочетается какъ тонкая техника египетскаго и сирійскаго ювелирнаго дѣла, всегда бывшаго полихромнымъ, въ нѣсколько огрубѣвшей формѣ, такъ и элементы мѣстной ювелирной полихроміи, съ которыми мы знакомимся въ вещахъ Келермесской находки. Происхожденіе перегородчатой инкрустаціи келермескихъ вещей, такой типичной и такой богатой, отнюдь не примитивной, точному опредѣленію не поддается. Но надо помнить, что инкрустація металловъ металлами же и камнями такъ же древня въ Месопотаміи, какъ и въ Египтѣ. Родилась ли она въ Месопотаміи или пришла туда извнѣ когда то до III-го тысячелѣтія до Р. Хр., это вопросъ невыяснимый. Египетъ по всей вѣроятности создалъ свой полихромный

[1] M. R o s t o v t z e f f: Iranians and Greeks in S. Russia, 1922, стр. 113 слл., ср. библіографію на стр. 231 слл.; *id.* Une trouvaille greco-sarmate de Kertch въ Mon. et Mém. Piot, 26, 1923; *id.* L'art greco-sarmate et l'art chinois de l'Epoque des Han въ Arethuse fasc. 3, 1924, стр. 81 слл.; *id.* L'art Chinois de l'Epoque des Han въ Revue des Arts Asiatiques, 1, 1924, стр. 10 слл.; *id.* Скиѳія и Боспоръ, 1925, стр. 545 слл.

[2] O. M. D a l t o n: Sarmatian ornaments from Kerch въ The Antiquaries Journal, 4, 1924, стр. 259 слл. и табл. XXXVII и XXXVIII (тѣ-же таблицы въ краскахъ въ Illustrated London News, 1924, 16 февр.).

стиль совершенно самостоятельно. Во всякомъ случаѣ Келермесскія вещи VI—V в. до Р. Хр. вопросъ этотъ подвинуть не могутъ. Онѣ сработаны въ передне-азіатской техникѣ, общей въ то время всему культурному міру[1]. Для исторіи древнѣйшей стадіи полихромнаго сарматскаго стиля на югѣ Россіи огромное значеніе имѣетъ группа кургановъ на югѣ Россіи конца IV-го и начала III в. до Р. Хр. Ея типичныхъ представителей я перечислилъ въ своей книгѣ „Скиѳія и Боспоръ"[2]. Въ высокой степени поучительна находка въ курганѣ около ст. Зеленской (Тамань) точно датированная. Наиболѣе интересный предметъ этой находки это круглая фибула — прародитель круглыхъ и овальныхъ сарматскихъ фибулъ — украшенная тонкими геометрическими (меандръ) и растительными (пальметки) орнаментами съ голубою персидскою эмалью заполняющей меандръ, съ синими и красными камнями, украшающими пальметки и съ сирійскимъ гранатомъ — голова Сатира въ золотомъ вѣнкѣ — въ центрѣ[3]. Эта вещь несомнѣнно, пришла на югъ Россіи изъ мѣстностей Евфрата, гдѣ персидское и сирійское ювелирное дѣло дали такіе великолѣпные образчики ювелирнаго дѣла, какъ тѣ, которые мы видимъ на женщинахъ эллинистическихъ фресокъ Дуры и на наиболѣе раннихъ бюстахъ Пальмиры римскаго времени. На послѣднихъ круглая брошка-фибула явленіе вполнѣ обычное[4]. Стиль Зеленской фибулы и ея орнаменты идентичны съ извѣстной ажурной золотой оправой стеклянаго ритона изъ Бесленѣевской станицы[5].

Къ сожалѣнію, изслѣдованіе и группировка вещей сарматскихъ погребеній на югѣ Россіи затрудняется тѣмъ, что почти всѣ находки вещей этого стиля относятся къ категоріи случайныхъ. Ни одно богатое погребеніе этого періода не было разрыто учеными и тщательно и точно описано. „Счастливчиками" найденъ т. наз. Но-

---

[1]) Настаиваю на этомъ, такъ какъ Strzygowski въ своихъ послѣднихъ книгахъ (Altai-Iran и The origin of Christian Church Art) построилъ на Келермесскихъ вещахъ невозможную теорію объ иранскомъ происхожденіи техническихъ пріемовъ несуществующаго „тевтонскаго" искусства, яко бы родственнаго искусству кочевниковъ Средней Азіи. Противъ него высказался Dalton (l. l., стр. 261, прим. 2). Вся Келермесская находка показываетъ, что мастеръ, сработавшій вещи частью въ скиѳскомъ звѣриномъ стилѣ, частью въ стилѣ искусства Передней Азіи начала I-го тысячелѣтія до Р. Хр. (къ которому принадлежатъ и инкрустированныя камнями въ той же техникѣ, что и вещи Келермеса, подѣлки изъ слоновой кости Нимруда) вышелъ изъ школы мастеровъ Передней Азіи и технически вполнѣ зависимъ отъ нея. Такъ какъ онъ работалъ для скиѳовъ и знакомъ былъ съ любимыми художественными мотивами скиѳскаго искусства (какъ греки Пантикапея позднѣе), то онъ трактовалъ въ своей техникѣ мотивы скиѳскаго звѣринаго стиля. Что принесло съ собой и привнесло ли что-нибудь тевтонское искусство (кромѣ нѣкоторыхъ формъ оружія) въ сарматскій полихромный стиль, это вопросъ трудный, на который я склоненъ былъ бы отвѣтить отрицательно. Объ инкрустаціи и полихромныхъ орнаментахъ и фигурахъ въ Сумерѣ см. L. Heuzey Decouvertes en Chaldée, стр. 293 слл.; Nouvelles Fouilles de Tello, стр. 29 слл., табл. II, 3; Catalogue des Ant. Chald., стр. 121; Mon. et Mém. Piot VI, стр. 10, рис. 1; Strena Helbigiana, стр. 132 слл. Та же техника очень рано перешла и въ М. Азію J. Myres въ Journ. of Anthrop. Institute, 6, 1903, табл. XXXIX, 2 (инкрустированная фигура быка или коровы, ср. телятъ на вазѣ Энтемены Dec. en Ch., табл. 43 bis и подставку Ур-Нина ibid., табл. 5 bis, 2). Ср. новыя находки древнѣйшаго сумерійскаго времени въ Tell el Obeid, L. Woolley въ The Antiquaries Journal 4, 1924, стр. 329 слл., особенно колонны инкрустированныя разноцвѣтными камнями (табл. XLI, a, ср. Del. scient. en Perse vol. VIII, p. 78 слл., рис. 106), искусственныя цвѣты той же техники (табл. XLIV a) и особенно фризы на фонѣ горной смолы изъ раковинъ или бѣлаго камня (табл. XLII, a и b). Такіе же фризы найдены были Langdon'омъ въ Кишѣ (S. Langdon Excavations at Kish, 1925). О происхожденіи перегородчатой эмали вообще см. только что вышедшую книгу O. M. Dalton, East Christian Art, 1925, стр. 321 слл.

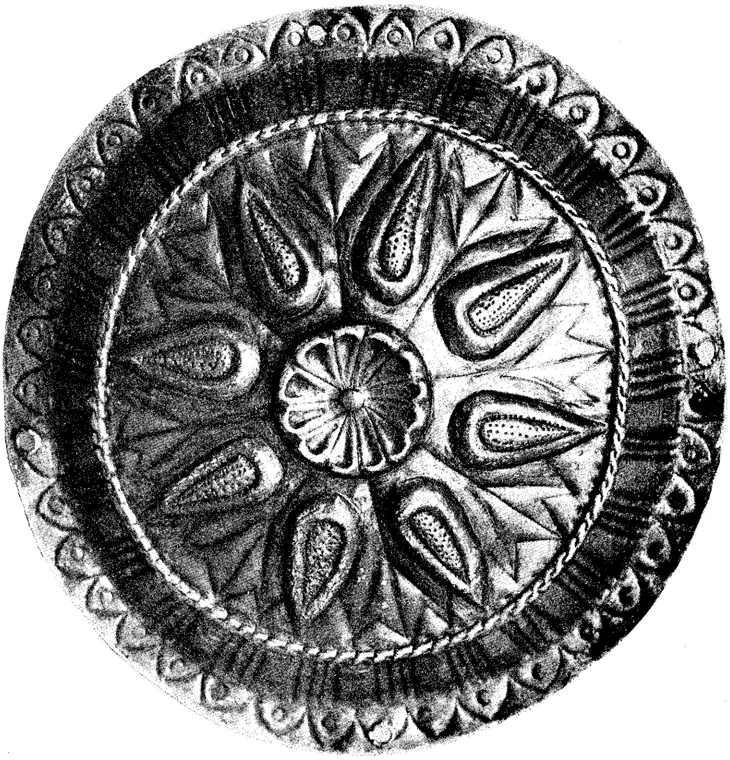
[2]) М. Ростовцевъ, Скиѳія и Боспоръ, стр. 198 слл. (Пантикапей), 272 слл. (Тамань), 296 слл. (Анапа).

[3]) О курганѣ и находкахъ въ немъ см. вышеуказанную мою книгу стр. 290 слл. Фибула изображена въ отчетѣ Шкорпила Изв. Арх. Комм., 60, рис. 8 и Фармаковскимъ въ Arch. Anz. 28, 1913, стр. 178 слл.

[4]) Такой же круглой фибулой застегнутъ плащъ на груди Миѳры и на груди ахеменидскаго предка Антіоха I Коммагенскаго на рельефѣ Нимруда-Дага въ Коммагенѣ (ранній I в. по Р. Хр.), см. F. Sarre. Die Kunst des alten Persien, 1923, табл. 56 и 57.

[5]) E. H. Minns. Scythians and Greeks, стр. 58, рис. 11; ОАК., 1895, стр. 28, рис. 43.

Таб. 1. Фалары и пряжки изъ Александропольскаго кургана.



Таб. 2. Фалары изъ Галиче. (Болгарія.)

вочеркасскій кладъ, счастливчикъ же нашелъ и новѣйшее столь же богатое погребеніе около Ольвіи (на участкѣ Филиппова), которое теперь находится въ Гаагѣ у торговца древностями Бахтицза. Счастливчиками раскопанъ и третій богатѣйшій центръ интересующихъ насъ находокъ — некрополь Бори и Усахело на Кавказѣ. Кубанскіе курганы интересующаго насъ типа, разслѣдованные систематически и научно, къ сожалѣнію очень бѣдны и большинство изъ нихъ найдено разграбленными. Все это чрезвычайно затрудняетъ группировку и датировку отдѣльныхъ находокъ, но не препятствуетъ, конечно, научному изслѣдованію различныхъ группъ предметовъ, характерныхъ для сарматскихъ погребеній.

Въ предлагаемой статьѣ я хотѣлъ отмѣтить нѣкоторыя параллели къ очень характернымъ группамъ предметовъ изъ сарматскихъ погребеній, до сихъ поръ ни мною, ни кѣмъ либо другимъ не указанныя. Только орлиный взглядъ Н. П. Кондакова и его достойнѣйшаго ученика также покойнаго Я. И. Смирнова и ихъ превосходная освѣдомленность въ области восточнаго искусства, включая и Индію, и Китай, въ свое время попутно указали на тѣ связи, которыя мнѣ хотѣлось бы прослѣдить по мѣрѣ силъ въ данной статьѣ.

Какъ я уже неоднократно указывалъ, новыя вліянія на югѣ Россіи начинаютъ чувствоваться впервые въ концѣ IV-го и въ началѣ III в. до Р. Хр., какъ въ полугреческихъ погребеніяхъ Тамани, такъ и въ большихъ скиѳскихъ курганахъ Приднѣпровья. О первыхъ я говорилъ достаточно подробно въ своей книгѣ Скиѳія и Боспоръ. О вторыхъ позволю себѣ поговорить здѣсь. Оставляю въ сторонѣ интересную, но очень трудную и сложную группу погребеній т. наз. Бобрицкаго типа[1] и займусь здѣсь великолѣпнымъ Александропольскимъ курганомъ, дата котораго — начало III в. до Р. Хр. — установлена незыблемо[2]. Типъ погребенія и погребальнаго инвентаря нѣсколькихъ погребеній Александропольскаго кургана ничѣмъ не разнится отъ большихъ погребеній того же или нѣсколько болѣе ранняго времени Приднѣпровья, Придонья и Прикубанья. Іонійско-скиѳскій звѣриный стиль и здѣсь въ упадкѣ. Онъ становится сухимъ, схематичнымъ и безжизненнымъ, какъ и въ Солохѣ, и въ Чертомлыкѣ, и въ Куль-Обѣ. Но на ряду съ этимъ умираніемъ и съ грубыми попытками мѣстныхъ негреческихъ мастеровъ воплотить мѣстныя религіозныя идеи въ пластическихъ образахъ (навершіе съ великой богиней, та-же богиня какъ часть обивки колесницы (?), имѣются и интересныя новшества, частью уже мною отмѣченныя. Конскій уборъ перестаетъ воспроизводить традиціонные скиѳскіе оригиналы. Вмѣсто нихъ круглыя бляхи, типичныя для ассирійскаго и персидскаго коннаго убора и оттуда заимствованныя греками ранне-эллинистическаго періода, начинаютъ играть руководящую роль. Среди нихъ выдѣляются оригинальнымъ стилемъ и своими негреческими формами животныхъ, равно какъ и техническими особенностями и религіозными идеями, лежащими въ основѣ нѣкоторыхъ сочетаній животныхъ, золотыя бляхи набора конской сбруи не разъ воспроизведенныя, но здѣсь впервые воспроизводимыя съ фотографій (табл. 1). Всѣ они сдѣланы въ стилѣ repoussé и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пройдены рѣзцомъ. На одной мы имѣемъ крылатаго гиппокампа и рыбу въ рамкѣ изъ простыхъ восьмерокъ, которыя призваны играть та-

---

[1]) Укажу на то, что фалары кургана № 63 Бобрицкой группы (Скиѳія и Боспоръ, стр. 494), изданные Ханенкомъ и Бобринскимъ, несомнѣнно, входятъ въ серію, о которой я буду говорить ниже. Система орнаментаціи лиственнымъ орнаментомъ та же, хотя форма бляхъ, способъ ихъ прикрѣпленія и кое какіе техническіе пріемы иные. Ясно, что мы имѣемъ дѣло съ наиболѣе раннимъ представителемъ новаго быта и новаго теченія, одновременнымъ съ вещами Александропольскаго кургана и погребеній Васюринской горы. См. воспроизведеніе наиболѣе характерныхъ фаларовъ въ Др. Придн. III, табл. XLII р. Форма лиственныхъ розетокъ этой серіи очень близка къ подобнымъ же розеткамъ Ахтанизовской находки (Спицынъ въ ИАК. 29, 1909, стр. 33, рис. 21 и 23, ср. рис. 14, 15 и 17).

[2]) Объ Александропольскомъ курганѣ см. С. и Б., стр. 428 слл.

кую крупную роль въ орнаментаціи сарматскаго ювелирнаго дѣла. Гиппокампъ близко напоминаетъ по стилю лошадей капители колонны Асоки въ Индіи и, пришедшаго оттуда въ Китай, Пегаса ременнаго наконечника Метрополитанскаго Музея.[1] Въ тѣ-же области ведетъ и орелъ второй бляхи въ рамкѣ изъ стилизованнаго киматія и побѣговъ, поражающей своимъ родствомъ съ такъ называемымъ орнаментомъ „облаковъ“ китайскаго искусства эпохи Ханъ. Левъ держащій въ пасти орла въ рамкѣ изъ восьмерокъ и деформированныхъ пальметокъ третьей бляхи сдѣланъ въ томъ же стилѣ. Но особенно интересенъ быкъ четвертой бляхи, окруженный тѣмъ же орнаментомъ. Обращаю вмиманіе на точечный орнаментъ, которымъ покрыта его шея. Мы еще къ нему вернемся. Не менѣе типична вторая серія изъ четырехъ бляхъ: на одной парѣ — голова en face, трактованная совершенно въ духѣ скульптуры Гандары и дающая тотъ же этнографическій типъ, окруженная шестью головами быковъ; на другой — розетка окруженная четырьмя головами кабановъ въ рамкѣ веревочнаго орнамента; и на третьей — схематизованная розетка въ такомъ же веревочномъ обрамленіи.[2]

Впервые въ Александропольскомъ курганѣ появляется и новая форма поясной пряжки: крючокъ въ формѣ головы грифона-орла и плоская часть для пропуска ремня въ формѣ прыгающаго или лежащаго оленя. Эта пряжка типична для центральной Азіи, оттуда переходитъ въ Китай, гдѣ становится одной изъ господствующихъ формъ со времени эпохи Ханъ, и широко распространяется на югѣ и сѣверѣ Россіи и въ Сибири въ Сарматскую эпоху.[3] Отмѣчу еще золотую фигуру кабана — ручку деревяннаго сосуда

---

[1]) Sir John Marshal въ Cambridge History of India I, 1922, табл. XII, 28. Фигуры крылатыхъ лошадей обычны въ болѣе позднемъ индійскомъ искусствѣ. Пряжка пояса изъ Китая (эпоха Ханъ) съ фигурой Пегаса S. C. Bosh-Reitz въ Bulletin of the Metropolitan Museum of Art, 1924, стр. 298, рис. Совершенно аналогичный наконечникъ ремня изъ сарматской гробницы около Ольвіи (хуторъ Филиппова) B. Farmakovski въ Arch. Anz. 29, 1914, стр. 254 слл. Отсюда украшенія наконечниковъ ремней того же характера перешли, какъ извѣстно, въ Венгрію.

[2]) Весь наборъ бляхъ Александропольскаго кургана находитъ себѣ превосходную параллель въ наборѣ круглыхъ золотыхъ бляхъ Аму-Дарьинскаго клада. Особенно интересна бляха O. M. Dalton, The Treasure of the Oxus, № 25, табл. X, 1 того же греко-персидскаго стиля, что и бляхи Александропольскаго кургана. Dalton правильно предполагаетъ, что бляха служила конскимъ налобникомъ. Того же стиля и характера и такъ же близка Александропольскимъ бляхамъ бляха того же Аму-Дарьинскаго клада Dalton, l. l. табл. XI. Нѣкоторыя изъ нихъ сработаны ажурно. Не могу не указать на то, что подборъ бляхъ съ животными въ Александропольскомъ курганѣ продиктованъ религіозными соображеніями. Я менѣе кого либо склоненъ искать религіозную символику въ безразличныхъ орнаментальныхъ мотивахъ. Въ данномъ случаѣ, однако, совершенно очевидно, что четыре животныхъ символизуютъ четыре элемента: воду — гиппокампъ и рыба, землю — быкъ, воздухъ — орелъ, огонь — левъ съ орломъ въ пасти. Ту-же символику находимъ въ различныхъ версіяхъ иранской религіи, напр. Миѳраизмѣ. Несомнѣнно, что и на капители Асоки изъ Sarnath мы имѣемъ тѣ-же идеи, на этотъ разъ не чисто иранскія. Ея львы, ея четыре животныхъ на абакѣ — слонъ, левъ, лошадь, быкъ, и четыре розетки-колеса несомнѣнно не чисто орнаментальны. Лучшее описаніе D. R. Sahni and J. Ph. Vogel, Catalogue of the Museum of Archaeology at Sarnath, 1914, стр. 2, A 1. Для головъ Александропольскихъ бляхъ см. A. Foucher, L'art greco-bouddhique du Gandhâra, II, 1918, стр. 97, ср. головы на стѣнахъ Парѳянскаго дворца Гатры въ Месопотаміи, F. Sarre, Die Kunst des alten Persien, табл. 60, 61. По композиціи и стилю (ср. также рамку изъ веревочнаго орнамента) Александропольскія бляхи близки къ бронзовой позолоченной бляхѣ Метрополитанскаго Музея изъ Китая эпохи Ханъ: въ центрѣ медвѣдь впрямь держащій въ лапахъ двухъ барановъ цѣликомъ его обрамляющихъ см. Bulletin of the Metr. Mus. 1924, стр. 297. Головы козловъ или другихъ животныхъ составляющія солнечный кругъ обычны въ конскомъ уборѣ поздне-скиѳскаго періода, но не какъ украшеніе фаларовъ, см. Rostovtzeff, Iranians and Greeks, стр. 194, рис. 210. Схема композиціи подобныхъ бляхъ обычна въ искусствѣ Ахеменидской Персіи N. Kondakoff et I. Tolstoi, Ant. de la Russie Mér., p. 178, fig. 252; O. M. Dalton, The treasure of the Oxus, табл. IX.

[3]) Кромѣ Александропольскаго кургана пряжка того же типа найдена въ курганѣ того же времени около с. Мастюгина Воронежской губ., см. О. А. К. 1905, стр. 96, рис. 121 (золото) и 122 (мѣдь) и 1906, стр. 109. Находка около Мастюгина вообще ближайшая параллель къ Александропольскому кургану. Ср. также аналогичную бронзовую пряжку, найденную въ Ольвіи О. А. К., 1901, стр. 19, рис. 42. Для

и навершіе въ формѣ трезубца полумѣсяца съ воронами, два изъ которыхъ держатъ въ клювахъ колокольчики.[1] Ясно, что Александропольскій курганъ закрываетъ старую скиѳскую серію и открываютъ новую, съ новымъ притокомъ восточныхъ элементовъ иного типа чѣмъ тѣ, которые господствовали на югѣ Россіи въ скиѳскій періодъ.

Въ тѣснѣйшей связи съ Александропольскимъ курганомъ съ одной стороны и съ находками II в. до Р. Хр. и послѣдующихъ временъ съ другой стоитъ одна недавняя находка въ Болгаріи въ с. Галиче (Орѣховско). Прежде чѣмъ заняться ею, позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о находкахъ интересующаго насъ періода (скиѳскаго и ранне Сарматскаго для юга Россіи) въ Болгаріи вообще, въ дополненіе и исправленіе того, что я сказалъ о нихъ въ своей англійской и русской книгахъ.[2] Архаическимъ скиѳскимъ курганамъ на югѣ Россіи (Келермесъ и родственные курганы Прикубанья, Мельгуновскій кург. и курганъ около хутора Шумейко въ Приднѣпровьи, а также Семибратніе и Нимфейскіе курганы V в. до Р. Хр.) соотвѣтствуетъ недавно расхищенный курганъ „Кукува Могила“ около с. Дуванлий, вещи котораго по большей части попали въ Софійскій Музей. Въ инвентарѣ погребенія преобладаютъ вещи греческія, іонійскія (напр. прелестная серебряная амфора, золотыя серьги, золотыя ушныя украшенія, столь типичныя для кургановъ Тамани V в., бронзовая и глиняная посуда). Рядомъ съ ними имѣются вещи іонійскаго, но огрубѣвшаго стиля (напр. золотая гривна, кончающаяся головами змѣй и золотая коробочка съ Дунайскими спиралями и іонійскими розетками), вѣроятно, мѣстного производства. И, наконецъ, неорганически связанныя съ ними вещи персидскаго дѣла, механически соединенныя съ іонійскими (персидскія ручки, придѣланныя къ іонійскому сосуду). Единственный предметъ, который говоритъ о скиѳскомъ Востокѣ — это рыба — лошадиный налобникъ, такая же какъ въ Феттерсфельдѣ, Солохѣ и въ Приднѣпровскихъ курганахъ. Къ сожалѣнію курганъ не дослѣдованъ и потому неизвѣстно, каковы были остальныя части конскаго убора, очевидно погребенныя въ насыпи кургана. Картина погребенія та-же, что и на югѣ Россіи въ V в., когда вещи восточнаго дѣла (т. наз. финикійскаго) и вещи смѣшаннаго скиѳо-финикійскаго характера, типичныя для VI в., уступили свое мѣсто греческому, гл. обр., іонійскому импорту. Такъ какъ въ находкѣ нѣтъ предметовъ вооруженія и только одна часть конскаго убора, то нельзя сказать, принадлежало ли погребеніе скиѳскому царьку (какъ въ Феттерсфельде) или мѣстному ѳракійскому династу.[3]

Слѣдующимъ по времени (IV в. до Р. Хр.) является богатое погребеніе около Панагюрище. И здѣсь преобладаютъ вещи іонійскаго стиля но мѣстной Амфипольской фабрикаціи (Амфиполь на ѳракійскомъ побережьи очевидно игралъ ту же роль, что Ольвія и затѣмъ Боспоръ на скиѳскомъ). Конскій уборъ очень напоминаетъ Феттерсфельде. Рядомъ съ типичными скиѳскими частями его имѣется, какъ въ Феттерсфельде, наборъ бляхъ (фаларъ) восточнаго типа, украшенный въ іонійскомъ, значительно огрубѣвшемъ стилѣ, и интереснѣйшій налобникъ мѣстнаго вѣроятно не греческаго дѣла съ огрубѣвшими греческими миѳологическими фигурами и грубымъ мѣстнымъ орнаментомъ. Фи-

---

Центральной Россіи А. М. Tallgren, L'époque dite d'Ananino, 1919, стр. 151; T. Arné, Nationalmusei Vanners, 10 — Årsfestskrift, стр. 165 слл.; для Сибири О. А. К. 1909 — 1910, стр. 231 (Теремшино, Кузнецкаго у. Томской губ.). О китайскихъ пряжкахъ этого типа я буду говорить подробно въ другомъ мѣстѣ.

1) Характерная аналогія этимъ воронамъ — бляшки въ формѣ ворона изъ сарматской гробницы около Ольвіи B. Farmakovski, Arch. Anz. 29, 1914, стр. 254 слл. Вороны эти держатъ въ клювѣ и лапахъ руки людей — мотивъ Сумерійскаго искусства такъ великолѣпно представленный на „стелѣ Коршуновъ“ изъ Лагаша.

2) Rostovtzeff, Iranians and Greeks, стр. 138 и 233; С. и Б., стр. 545.

3) Б. Дяковичъ въ Известия на Българския Археологически Институтъ 3, 1925, стр. 111 слл., ср. стр. 233 слл. ср. находку въ Панноніи въ Вене (бронзовая іонійская гидрія) A. Hekler въ Strena Buliciana, 1924, стр. 107 слл. Гидрія, какъ думаетъ Геклеръ, занесена сюда скиѳами.

гуры (Гермесъ психопомпъ и Керберъ, грифоны и Сирена) очевидно связаны съ мѣстной сильно эллинизованной религіей. Скиѳское вліяніе въ этой гробницѣ ничтожно и погребенъ былъ въ ней очевидно ѳракійскій эллинизованный царекъ.

Гораздо сильнѣе скиѳскій элементъ въ погребеніи около Брѣзово. Кольцо съ иранской сценой пріобщенія царя даетъ ту-же композицію, что и религіозныя сцены изъ Карагодеуашха, Мерджанъ и другія, мною сопоставленныя. Серебрянный уздечный наборъ — чисто скиѳскій, тотъ же, что и въ Чертомлыкѣ, Александропольскомъ и другихъ курганахъ IV и III в. до Р. Хр. Все говоритъ за то, что погребенный былъ либо скиѳомъ либо вассаломъ скиѳскаго царя. То-же надо сказать о болѣе бѣдныхъ или болѣе разграбленныхъ погребеніяхъ около Бѣдняково и Радювене.[1]

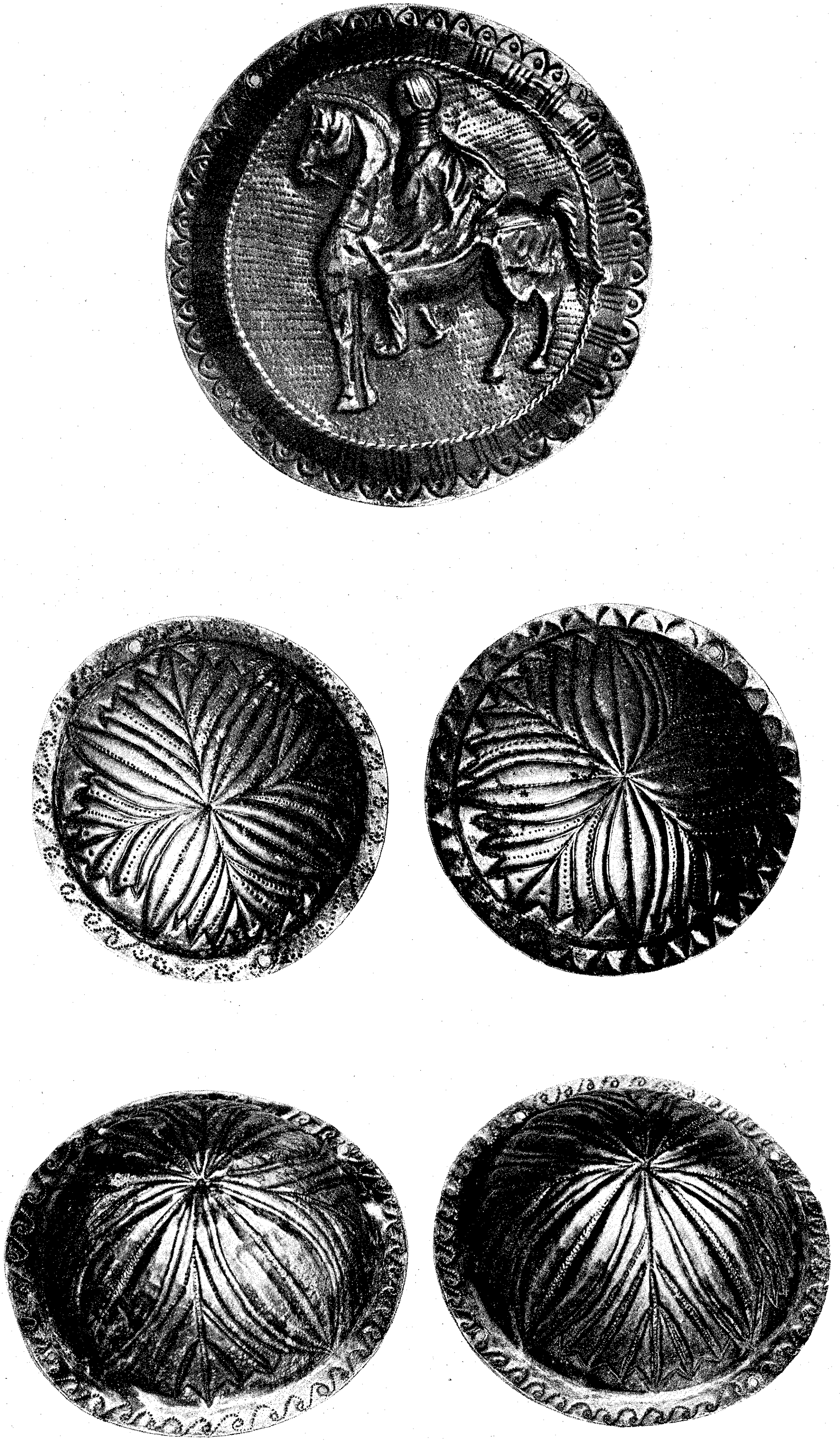
Совершенно иной характеръ имѣетъ находка около с. Галиче.[2] Она состоитъ, какъ и рядъ находокъ на югѣ Россіи, о которыхъ рѣчь будетъ ниже, изъ набора (14 штукъ) серебряныхъ золоченыхъ фаларовъ, глубокихъ, щитообразныхъ, когда то набитыхъ на бронзу и затѣмъ на матерію: части конскаго убора, скорѣе чѣмъ украшенія панцыря. Наиболѣе крупная изъ этихъ бляхъ (діам. 183 милл.) включена въ рамку изъ трехъ частей (табл. 2): загнутый край, орнаментованный грубой имитаціей лиственнаго орнамента т. наз. ововъ; ободокъ, орнаментованный рядомъ группъ изъ четырехъ или пяти параллельныхъ прямыхъ линій, очевидно грубая имитація листьевъ лотоса; наконецъ веревочное обрамленіе центральнаго медальона. Центральный медальонъ, фонъ котораго покрытъ параллельными линіями изъ точекъ, занятъ женскимъ пояснымъ бюстомъ впрямь. Богатая шевелюра (завитая) покрываетъ голову; спереди на грудь спускаются двѣ плетеныя косы. На шеѣ золотая массивная гривна въ восемь рядовъ. На рукахъ у плечей такіе же браслеты изъ пяти колецъ, обрамленные двумя рядами треугольниковъ (сдѣланы пунктиромъ; татуировка или часть браслетовъ?). На открытой груди подъ гривной двѣ параллельныя линіи пунктира (вѣроятно золотая цѣпь, обычная въ скиѳскихъ курганахъ юга Россіи). Одѣта женщина въ шерстяную одежду, ниспадающую волнистыми складками. Оторочена эта безрукавная туника прошивкой (кожа?) съ тисненнымъ или вышитымъ узоромъ (киматій). Между грудями идетъ внизъ жгутъ (золотой?). По обѣ стороны бюста по птицѣ (голуби?), обращенной къ женщинѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что передъ нами та-же великая богиня, которая такъ часто появляется на золотыхъ и серебряныхъ предметахъ, находимыхъ въ курганахъ IV-го и III в. на югѣ Россіи, та, которую греки отожествили съ Афродитой и которая была великой покровительницей мѣстнаго населенія и слилась съ великой богиней иранскаго пантеона скиѳовъ.

Вторая бляха (діам. 155 милл.) — точный pendant первой (табл. 3). Та-же рамка, тотъ же фонъ. Вмѣсто бюста богини поле занято фигурой всадника влѣво. Всадникъ простоволосъ, остриженъ въ скобку. Одѣтъ въ мягкіе, спадающіе складками штаны и мягкіе кожаные башмаки. На длинной шеѣ — пятичленная гривна. Наплечахъ — тяжелый плащъ. Подъ нимъ я вижу очертанія меча или горита. Лѣвой рукой всадникъ натянулъ повода и остановилъ своего кровнаго скакуна. Правую руку онъ поднялъ въ жестѣ адораціи.

---

[1]) Всѣ эти находки изданы Б. Филовымъ въ Изв. на Българското Арх. Дружество 6, 1916—1918, стр. 1 слл., ср. онъ же въ Röm. Mitth. 32, 1917, стр. 1 слл. Бляхи изъ Панагюрища (табл. III, 2—4) чрезвычайно близки бляхамъ изъ Феттерсфельде и бляхамъ Александропольскаго кургана и параллелямъ къ нимъ, указаннымъ на стр. 242 прим. 2 этой статьи. Возможно, что общимъ оригиналомъ для персидскихъ и отъ нихъ идущихъ южно-русскихъ бляхъ являются подобныя іонійскія бляхи, но возможно и обратное, т. е. что іонійское искусство и форму и орнаментацію заимствовало изъ восточнаго искусства I-го тысячелѣтія до Р. Хр. Общимъ оригиналомъ были вѣроятно блюда и другіе сосуды т. наз. финикійскаго искусства, о которыхъ см. Fr. W. von Bissing въ Jahrb. d. d. Arch. Inst. 38—39, 1924, стр. 180 слл.

[2]) Изданы въ Изв. на Българското Арх. Др. 7, 1919—1920, стр. 142 сл. Любезности проф. Б. Кацарова я обязанъ публикуемымъ здѣсь полнымъ наборомъ этихъ бляхъ, описаніе и размѣры которыхъ любезно сообщены мнѣ Ив. Велковымъ.



Таб. 3. Фалары изъ Галиче. (Болгарія.)

Бляха изъ Истяцкихъ Юртъ на р. Тоболѣ.

Золотая бляха Сиверской станицы.
(Историческій Музей.)

Фаларъ изъ Янчокракскаго клада.

Бляха неизвѣстнаго происхожденія.

Таб. 4.

Обѣ бляхи несомнѣнно составляютъ одно цѣлое. Главное лицо — богиня. Ее адорируетъ смертный, царь или царекъ, которому принадлежалъ наборъ. Словомъ, та-же сцена, что въ Брѣзово и та-же, которая такъ типична для эллинистическихъ памятниковъ юга Россіи. Иранское происхожденіе ея несомнѣнно. Мостъ между южно-русскими памятниками эллинистическаго періода и боспорскими монетами II — III в. по Р. Хр., а также сасанидскими памятниками, которые всѣ разобраны въ рядѣ моихъ статей, составляютъ индо-скиѳскіе монеты царей Азы I и II, Гондофарна, Вонона и др., всѣ I в. по Р. Хр., дающія тотъ же типъ всадника, что и памятники Юга Россіи и Болгаріи и особенно близкія къ фалару изъ Галиче. Я имѣю въ виду всадника дѣлающаго правой рукой жестъ адораціи.[1]

Остальные фалары чисто орнаментальны (табл. 2 и 3). Одинъ (діам. 125 милл.), обрамленный въ такую же рамку, что и фигурные фалары, заполненъ сложной схематичной розеткой. Въ центрѣ — чашка цвѣтка изъ 12 лепестковъ. Изъ нея выростаютъ остроконечные листья съ восемью типичными бутонами, центръ которыхъ заполненъ точечнымъ орнаментомъ. Пять фаларовъ (діам. 150 милл.) украшены по ободку орнаментомъ киматія изъ точечныхъ линій и заполнены розеткой изъ четырехъ остроконечныхъ и четырехъ овальныхъ листьевъ. Структура листьевъ намѣчена точечными линіями. Послѣдніе шесть имѣютъ тотъ же орнаментъ (на одномъ на ободкѣ киматій, на пяти т. наз. овы), но меньшихъ размѣровъ (90—100 милл.).

Фигуры богини и царя сближаютъ наши фалары съ курганами юга Россіи IV—III в. и съ курганомъ около Брѣзово, точечный орнаментъ ведетъ къ бляхамъ Александропольскаго кургана, но какъ самый составъ набора и формы фаларовъ, такъ и растительные орнаменты вводятъ болгарскіе фалары въ хорошо извѣстную серію фаларовъ юга Россіи, составляющихъ типичную особенность многихъ Сарматскихъ погребеній южнорусскихъ степей. Фалары эти были сопоставлены и посильно разобраны А. А. Спицынымъ. Новыхъ съ тѣхъ поръ, насколько мнѣ извѣстно, найдено не было. О ихъ стилѣ я сказалъ нѣсколько словъ въ своихъ книгахъ — англійской и русской — и сопоставилъ ихъ съ близкими имъ по стилю т. н. кельтоскиѳскими фаларами Cabinet des Médailles въ Парижѣ и музея въ Лейденѣ, а также съ Гундеструповскимъ котломъ и патерой клада Петроасы.[2]

Позволю себѣ вернуться къ нимъ еще разъ и заняться ими болѣе подробно. Изъ кладовъ и находокъ, перечисленныхъ Спицынымъ въ пестромъ безпорядкѣ, надо прежде всего выдѣлить Федуловскій кладъ, который несомнѣнно принадлежитъ погребенію, близкому по датѣ и характеру поздне-скиѳскимъ погребеніямъ. Наиболѣе близки Федуловскому погребенію погребенія Александропольскаго и Краснокутскаго кургановъ.

[1] Монеты изданы неоднократно см. Cambr. Hist. of India I, 1922, стр. 590 и табл. VIII, 29—34, ср. A. Foucher, L'art greco-bouddhique de Gandhâra II, 1918, табл. IV, 11—12; 15—16; 19—20. На нѣкоторыхъ изъ этихъ монетъ типъ обратной стороны — Діоскуры. Не можетъ быть сомнѣнія, что та-же великая богиня въ сочетаніи съ двумя всадниками Діоскурами-Миѳрами укрѣпилась во Ѳракіи и здѣсь составила ту ѳракійско-персидскую тріаду, о которой я говорилъ неоднократно см. мою статью Une tablette votive Thraco-Mithriaque du Louvre въ Mém. prés. par divers savants à l'Ac. d. Inscr. 13, 1923, 1 слл. Мостъ отъ этихъ позднѣйшихъ памятниковъ къ памятникамъ юга Россіи, серія которыхъ начинается въ IV в. до Р. Хр., составляютъ фалары изъ Галиче и указанныя парѳяно-индійскія и скиѳо-индійскія монеты. Для Ѳракіи (подобные памятники изъ М. Азіи были извѣстны и раньше) переходную ступень составляютъ недавно найденныя въ Разградѣ иконки того же характера В. Kazarow въ Arch. Anz. 1922, стр. 183 слл.

[2] А. Спицынъ, Фалары Южной Россіи въ И. А. К., 29, 1909, стр. 18 слл.; Rostovtzeff, Iranians and Greeks, стр. 136 и 232, табл. XXVII; С. и Б., стр. 551 слл. и 587 слл. Патера клада Петроасы нуждается въ точномъ стилистическомъ анализѣ. Вся находка состоитъ изъ вещей разнаго времени. Изъ нихъ патера, вѣроятно, самая ранняя. Связь изображенныхъ на ней боговъ съ богами германскаго Пантеона болѣе чѣмъ сомнительна. Рекомендую иранистамъ и индіанистамъ ихъ анализъ съ точки зрѣнія иранской и индійской миѳологіи

Обращаю вниманіе на ажурные налобники, или набивныя бляхи, родственныя ажурнымъ золотымъ набивнымъ бляхамъ Александропольскаго кургана; на поздне-классическіе медальоны съ головой Солнца и съ Аѳиной, поражающей гиганта, близкіе къ медальонамъ того же Александропольскаго кургана, на наборъ бляхъ со всадникомъ (Александропольскій и Томаковскій); наконецъ на наборъ бляхъ — солнечныхъ колесъ изъ пяти головъ лошадей, столь близкій къ подобнымъ же частямъ конской сбруи изъ Краснокутскаго кургана и изъ кургана Елисаветинской ст. на Кубани, а также къ частямъ конскаго убора изъ Брѣзово и Панагюрище. Большія бляхи съ головой льва, держащаго копье, воспроизводятъ отличный эллинистическій оригиналъ III в. до Р. Хр. Въ интересующей насъ связи Федуловскій кладъ интересенъ какъ одно изъ рѣдкихъ погребеній поздне-скиѳскаго періода, еще болѣе позднее чѣмъ погребеніе Александропольскаго кургана. Въ немъ рядомъ со скиѳскимъ фономъ появляются новыя формы и мотивы, въ большинствѣ здѣсь греческіе, въ отличіе отъ Александропольскаго кургана. Я уже отмѣтилъ, что поя_леніе большого количества круглыхъ плоскихъ бляхъ въ конскомъ уборѣ принадлежитъ къ эллинистическимъ особенностямъ, правда унаслѣдованнымъ эллинизмомъ съ Востока.[1]

Позднѣе инвентарь погребенія около Ахтанизовской станицы. Его дата точно не установлена, но переходный его характеръ несомнѣненъ. Ахтанизовскія вещи значительно ближе къ типичнымъ Сарматскимъ гробницамъ, чѣмъ Александропольскія и Федуловскія. Отмѣчу шейныя гривны и браслеты въ 10 : 6 и 4 оборота, столь характерные для всѣхъ погребеній переходнаго періода, оригиналы гривенъ и браслетовъ богини и царя фаларовъ изъ Галиче. И здѣсь въ большомъ ходу плоскія нашивныя или набивныя бляхи конскаго убора разныхъ размѣровъ. Крупная серебряная бляха съ головой Медузы, обрамленная типичнымъ эллинистическимъ вѣнкомъ, м. б. была конскимъ налобникомъ; болѣе мелкія бляхи съ головой Гермеса, лиственнымъ орнаментомъ, розетками и звѣздами были вѣроятно набиты на ремни уздечки. Характеръ лиственнаго орнамента типиченъ. Въ немъ ясны не греческіе или полугреческіе мотивы поздне персидскаго искусства. Форма и техника стекляныхъ сосудовъ, найденныхъ здѣсь, и весь характеръ вещей говорятъ за одновременность Сѣверской находки, т. е. за II в. до Р. Хр.[2]

Богатый составъ Сѣверской находки либо одновремененъ, либо только десяткомъ другимъ лѣтъ позднѣе Ахтанизовскихъ вещей. Находка точно датирована двумя монетами одного изъ послѣднихъ Перисадовъ. Такъ какъ эти монеты врядъ ли были въ ходу при Миѳрадатѣ, то погребеніе Сѣверской станицы не можетъ быть многимъ позже

[1]) А. Спицынъ, l. l., стр. 23 слл. Онъ же указалъ и на параллели съ находками въ курганахъ IV и III в. до Р. Хр. Интересный шлемъ изъ Ахтанизовки надо сравнить съ шлемомъ сарматскаго погребенія изъ ст. Ладожской, О. А. К., 1902, стр. 74, рис. 158. Приблизительно ту же форму шлема, но иной техники мы находимъ на Пантикапейскихъ фрескахъ, изображающихъ конныхъ боспорскихъ рыцарей, и на монетахъ кушанскихъ царей сѣверной Индіи.

[2]) А. Спицынъ, l. l., стр. 19 слл.; С. и Б., стр. 555 слл. Бляхи съ лиственнымъ орнаментомъ восходятъ несомнѣнно къ тѣмъ же прототипамъ, что и бляхи поздне-скиѳскихъ погребеній юга Россіи и бляхи Панагюрище. Эти прототипы — поздне-персидскіе серебряные и бронзовые сосуды. Ихъ извѣстно въ данное время очень много, но они никогда сопоставлены и разобраны не были. Я. И. Смирновъ, собравшій обширный матеріалъ по этому вопросу, обѣщалъ написать объ этомъ экскурсъ къ моей статьѣ объ Оренбургскихъ находкахъ, но былъ уморенъ голодомъ большевиками, прежде чѣмъ собрался это сдѣлать. Укажу на нѣсколько находокъ: Сусса въ Персіи—Jéquier въ Dél. Sc. en Perse, Mém. VII, 41, рис. 54; М. Азія—C. L. Woolley, A north-Syrian cemetery of the Persian period въ Liverpool Annals of Arch. 7, 1914—1916, стр. 115 слл., особ. табл. XXI; Оренбургскія степи — М. Ростовцевъ, Мат. по арх. Россіи, 37, 1918, табл. I.; Iranians and Greeks, табл. XXIV; Аму Дарья — О. M. Dalton, The treasure of the Oxus pl. V, 19 и VII, 18; Арменія id., ibid. pl. XXIII, 180. Весьма вѣроятно, что главнымъ источникомъ орнаментальныхъ мотивовъ и однимъ изъ главныхъ мѣстъ фабрикаціи этого типа патеръ и бляхъ, какъ и для патеръ и сосудовъ, украшенныхъ звѣрями, былъ Египетъ Саитскаго и болѣе позднихъ періодовъ, съ новымъ расцвѣтамъ въ эллинистическую эпоху. На югъ Россіи въ Сарматскую эпоху вещи и орнаментальные мотивы пришли, конечно, не изъ Египта.

конца II в. до Р. Хр. Характеръ его вещей чисто Сарматскій. Полихромный стиль представленъ богаче чѣмъ гдѣ бы то ни было. Для насъ наиболѣе интересна, однако, большая золотая бляха. Тремя ушками на оборотѣ фаларъ прикрѣпленъ былъ къ ремню или ремнямъ уздечки. Фаларъ не разъ былъ опубликованъ и описанъ. На немъ въ техникѣ repoussé изображены двѣ сцены изъ борьбы боговъ съ гигантами: побѣды Діониса и Аѳины (табл. 4). Особенно важно для насъ, что весь фонъ бляхи покрытъ набивнымъ пунктиромъ и что набивными точками мастеръ часто пользовался для орнаментальныхъ цѣлей. Я не сомнѣваюсь, что бляха, найденная внѣ погребенія, принадлежала къ полному уздечному набору, остальныя части котораго не найдены. Къ стилю и сюжету бляхи мы еще вернемся.[1]

Полную аналогію находкѣ въ Галиче даютъ три находки на югѣ Россіи: Янчокракскій кладъ (Мелитопольскій уѣздъ), Старобѣльскій кладъ (Харьковской губ.) и Таганрогскій кладъ. Янчокракскій кладъ (найденъ въ 1906 году) никогда полностью опубликованъ не былъ. Всѣхъ вещей его мнѣ видѣть не удалось. Главная его часть состоитъ изъ такого же набора сильно выпуклыхъ частью полусферическихъ серебряныхъ золоченыхъ фаларовъ, прикрѣпленныхъ гвоздями къ фону, какъ и кладъ изъ Галиче. И здѣсь два главные фалара болѣе плоски и заняты фигурными изображеніями. Изъ нихъ одинъ побольше (180 милл.), другой поменьше (130 милл.). И здѣсь весь фонъ крупныхъ фаларъ покрытъ точечнымъ орнаментомъ. И здѣсь наконецъ всѣхъ частей уздечнаго набора было болѣе десятка. Всѣ фалары къ сожалѣнію сильно помяты и частью изломаны.

Наиболѣе крупный фаларъ включенъ въ рамку, почти тожественную съ рамками двухъ фигурныхъ фаларъ изъ Галиче (табл. 4). За ободкомъ изъ полукружій съ точками (упрощенныя т. наз. овы) идетъ фризъ изъ упрощеннаго лиственнаго орнамента (треугольники), за нимъ два ряда выпуклаго веревочнаго орнамента. Центръ фалара занятъ изображеніемъ верхней части фигуры божества безбородаго, впрямь. Имѣемъ ли мы дѣло съ женщиной или мущиной, сказать трудно. На головѣ — вѣнокъ изъ вѣтки дерева, не плюща и не винограда. Надъ лбомъ цвѣтокъ или розетка. На шеѣ — тройная гривна. За плечами — крылья, восточнаго типа, загнутыя внутрь. Одежда очень напоминаетъ одежду богини изъ Галиче. Такой же безрукавный хитонъ, ниспадающій волнистыми складками и оставляющій грудь и руки открытыми. На кистяхъ рукъ и выше локтей массивные браслеты въ нѣсколько оборотовъ. Хитонъ охваченъ широкимъ тройнымъ поясомъ, съ котораго свѣшиваются кисти бахромы съ металлическими привѣсками. Ниже хитонъ украшенъ орнаментомъ т. наз. киматія (вышивка?). Въ правой поднятой рукѣ плоскій кругъ съ восьмилистной розеткой, врядъ ли патера. Въ лѣвой, передъ грудью коническій предметъ (не еловая шишка!), такой же вѣроятно символъ, какъ и кругъ съ розеткой. Налѣво въ полѣ — птица (орелъ) влѣво. Стиль абсолютно тотъ же, что на бляхахъ Галиче и на Сѣверскомъ фаларѣ.

Изображеніе на второмъ фигурномъ фаларѣ включено въ абсолютно тожественную рамку. Фонъ такой же, точечный. Сильно помятъ, но сюжетъ ясенъ. Изображено священное животное описаннаго выше божества — грифонъ вправо, съ типичными загнутыми внутрь крыльями, орлиной головой, ушами и завиткомъ. Передъ нимъ неясный для меня предметъ — щитъ или блюдо, украшенное снаружи или внутри вѣнкомъ и въ центрѣ бюстомъ. Сочетаніе грифона съ солнечными символами божества, орломъ или лавровымъ (?) вѣнкомъ говоритъ за то, что мастеръ болѣе или менѣе отожествлялъ божество съ Аполлономъ.

Кромѣ этихъ двухъ фигурныхъ фаларовъ въ составъ находки входили еще „четыре фалара полусферической формы съ чеканнымъ лиственнымъ орнаментомъ“, т. е., несомнѣнно глубокіе фалары того же типа, что въ Галиче и въ Старобѣльскомъ и Та-

[1]) Спицынъ, l. l., стр. 24 слл.; Rostovtzeff, Iranians and Greeks, табл. XXVII, 4; С. и Б., стр. 551 слл.

ганрогскомъ кладахъ (см. ниже), и „нѣсколько фаларовъ малой величины съ изображеніемъ розетокъ, окруженныхъ веревочнымъ ободкомъ, по 16 лепестковъ; слѣды гвоздей.“ Къ сожалѣнію, я этихъ вещей не видалъ и фотографій съ нихъ получить не могъ.[1]

Совершенно того же состава находка, сдѣланная около Таганрога, до большевиковъ находившаяся въ частной коллекціи Романовича въ Ростовѣ на Дону. И здѣсь основу составляютъ двѣ крупныя, фигурныя, сравнительно плоскія бляхи, прикрѣпленныя къ фону гвоздями. Изъ остальныхъ четырехъ одна — сравнительно плоская, другія три выпуклыя, почти полушарія. На всѣхъ фонъ заполненъ пунктиромъ. Изъ фигурныхъ бляхъ главная сохранилась только на половину. Рамка состоитъ изъ ободка съ т. наз. киматіемъ и обрамленія изъ ряда выпуклыхъ т. наз. астрагаловъ и веревочной полосы. Центръ заполненъ изображеніемъ пантеры влѣво. Сзади нея (не верхомъ на ней) фигура Діониса впрямь и влѣво съ тирсомъ (!) въ правой рукѣ. Обрамленіе второй фигурной бляхи состоитъ изъ ободка, орнаментованнаго треугольниками, и двухъ выпуклыхъ веревочныхъ полосъ. Центръ занимаетъ бюстъ лошади влѣво въ полномъ уздечномъ наборѣ. Нагрудный ремень украшенъ полукруглыми подвѣсками или бахромой изъ полукружій.

Орнаментальные фалары трехъ типовъ: 1) плоскій фаларъ съ семилепестковой розеткой въ рамкѣ изъ двухъ веревочныхъ полосъ съ ободкомъ покрытымъ полукружіями; 2) два полукруглыхъ фалара; внѣшній ободокъ не сохранился; на выпуклой части рамки на одной т. н. киматій, на другой побѣги плюща; одиночная веревочная полоса; въ центрѣ — лиственная розетка съ четырьмя острыми листьями ложечнаго типа и четырьмя листьями съ тремя зубцами; буквально та-же форма, что и въ Галиче; 3) ободокъ — т. наз. овы; выпуклая часть — листья; веревочная полоса; розетка изъ четырехъ листьевъ аканѳа.[2]

Послѣдняя находка того же характера сдѣлана была случайно въ 1892 г. около города Старобѣльска. Найденъ былъ богатый конскій наборъ болѣе чѣмъ изъ ста предметовъ. Основу составляютъ четыре большіе серебряные золоченые фалара, набитые гвоздями на фонъ. Всѣ четыре глубокіе, почти полусферическіе. На одномъ (табл. 5) ободокъ покрытъ гравированнымъ т. наз. киматіемъ внутри заполненнымъ точками. Затѣмъ веревочная выпуклая полоса. На выпукломъ фризѣ по двѣ пары животныхъ (repoussé, пройденное рѣзцомъ): барсъ аттакующій быка, бросающагося на него, и другой хищникъ, стоящій противъ кабана. Верхъ фалара заполненъ схематической геометризованной двѣнадцатилепестковой розеткой съ гравированнымъ орнаментомъ въ веревочной рамкѣ (табл. 1). Вторая бляха: ободокъ съ гравированнымъ киматіемъ, веревочная полоса, розетка изъ четырехъ ложечныхъ и четырехъ зубчатыхъ листьевъ съ такой же розеткой въ центрѣ; четыре симметрично расположенныхъ головки гвоздей. Третья: киматій и точечный орнаментъ, гирлянда изъ лавровыхъ листьевъ, фонъ точечный, розетка, какъ на второй, въ веревочной рамкѣ (центръ — четырехлепестковая розетка). Четвертая: киматій и точки; фризъ изъ широкихъ ложечныхъ листьевъ; пятилепестковая розетка въ веревочной рамкѣ (табл. 6). Кромѣ того рядъ мелкихъ плоскихъ бляхъ: круглыхъ, въ видѣ полумѣсяца, продолговатыхъ очень простыхъ и примитивныхъ, но съ тѣми же орнаментами.[3]

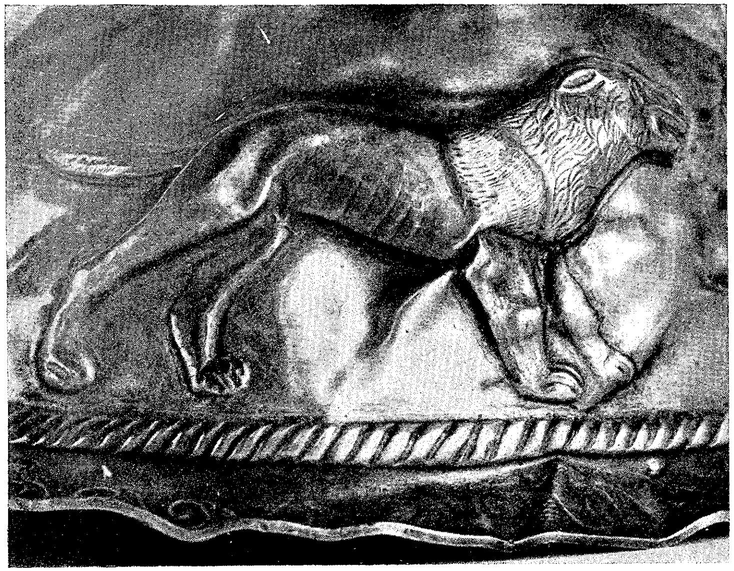
Нѣтъ никакого сомнѣнія, что всѣ вышеописанныя вещи съ ихъ типичнымъ повторяющимся подборомъ, съ ихъ оригинальнымъ грубымъ стилемъ, съ ихъ особенной техникой составляютъ одну одновременную группу. Прецедентовъ имъ, за исключеніемъ бляхъ Александропольскаго кургана, нѣтъ. Къ этой группѣ примыкаютъ и нѣкоторыя disiecta membra такихъ же или подобныхъ наборовъ.

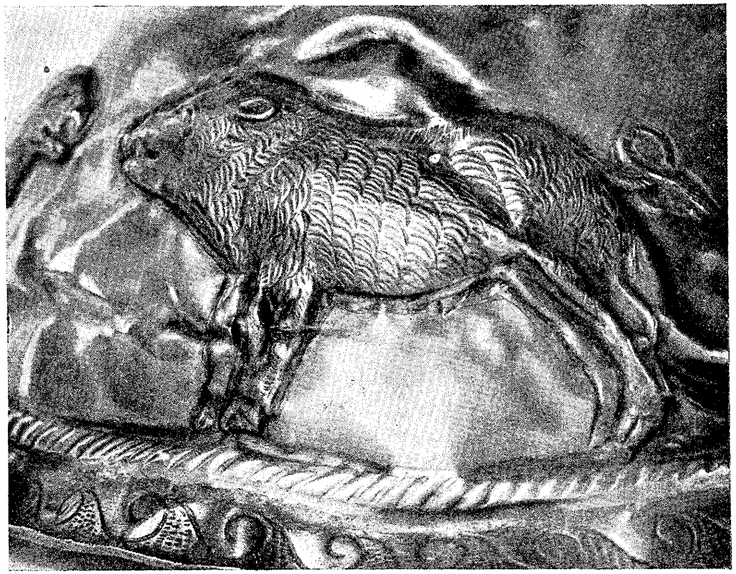
---

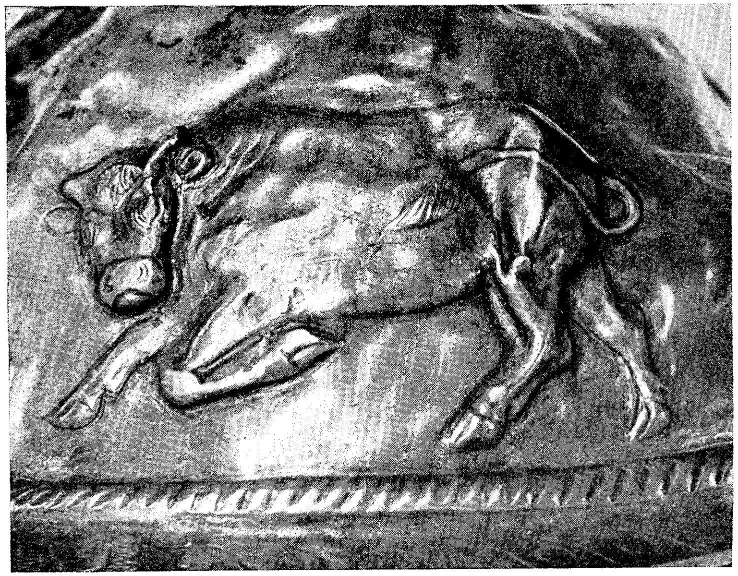
[1]) Спицынъ, l. l., стр. 28; С. и Б., стр. 588.

[2]) Спицынъ, l. l., стр. 27. Это — единственное изданіе находки. Къ сожалѣнію клише Спицына, хотя и сдѣланныя съ хорошихъ фотографій, довольно темны.

[3]) Спицынъ, l. l., стр. 27; С. и Б., стр. 587; Iranians and Greeks, стр. 137, рис. 20.







Таб. 5. Фигуры животныхъ изъ фриза Старобѣльскаго фалара (увелич).

Таб. 6. Фалары изъ Старобѣльскаго клада.

1) Три бляхи Тифлисскаго музея, найденныя около ст. Успенской Кубанской обл. Двѣ (серебряныя, золоченыя, очень глубокія) орнаментальныя, менѣе грубаго стиля, чѣмъ вышеописанныя: ободокъ — гравированный лиственный орнаментъ, выпуклый фризъ — рядъ параллельныхъ выпуклыхъ спиралей, центръ — восьмилепестковая розетка съ цвѣточными завитками между листьями и съ восьмилепестковой розеткой въ центрѣ, окруженная выпуклой гирляндой типично эллинистической. Къ той же находкѣ относится бляха въ веревочной рамкѣ съ бюстомъ быка вправо того же стиля, что быкъ Александропольской бляхи и быкъ Старобѣльскаго фалара.[1]

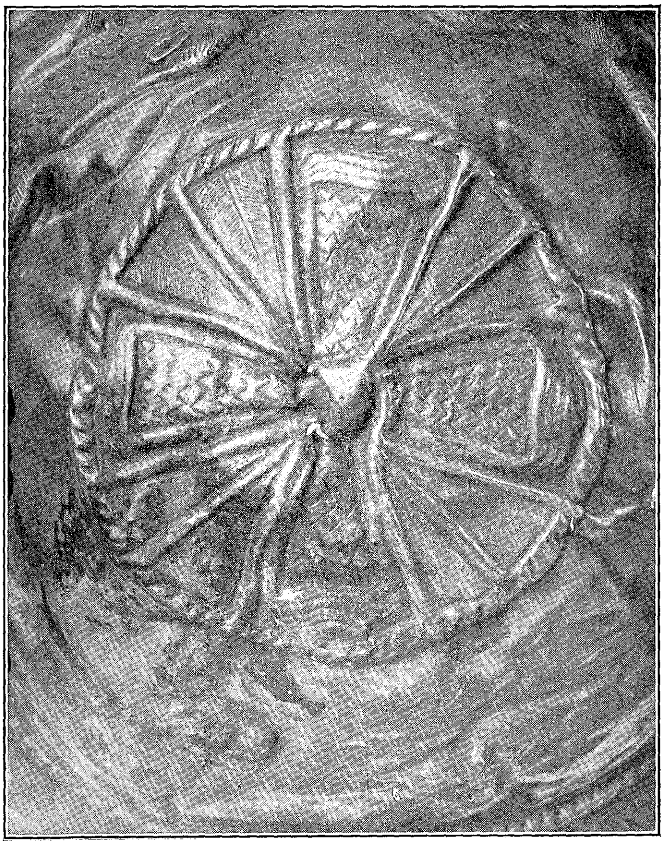


Рис. 1.
Верхъ Старобѣльскаго фалара.

2) Пара бляхъ изъ Новоузенска, Самарской губ. Ободокъ — рѣзной киматій, дырки для гвоздей; центръ заполненъ грифономъ, тѣло котораго вытянуто и образуетъ кругъ. Я. И. Смирновъ, опубликовавшій этотъ фаларъ, указалъ на повтореніе того же мотива въ Китайскомъ искусствѣ.[2]

3) Бляха, или скорѣе фрагментъ бляхи (только центральный медальонъ), найденная въ Истецкихъ юртахъ по р. Тоболу (табл. 4). Поясной бюстъ Діаны впрямь. Волосы спадаютъ двумя прядями по плечамъ. Правая грудь открыта. Хитонъ спадаетъ богатымис кладками, сверху отороченъ лентой съ гравированнымъ киматіемъ и точками. На кистяхъ рукъ широкіе браслеты съ гравированными геометрическими орнаментами. За правымъ плечомъ колчанъ, подвѣшенный на ремнѣ, украшенномъ гравированнымъ киматіемъ и точками. Правой рукой достаетъ стрѣлу изъ колчана, въ лѣвой — лукъ.[3]

4) Бляха неизвѣстнаго происхожденія. Бюстъ богини въ калаѳѣ съ восточными загнутыми внутрь крыльями впрямь. Волосы спадаютъ двумя прядями на плечи. Одѣта въ гиматій. Въ правой рукѣ — гранатовое яблоко (табл. 4).[4]

Стилистическое родство двухъ послѣднихъ бляхъ съ бляхой изъ Галиче, съ Сѣверскимъ и Янчокракскими фаларами не подлежатъ сомнѣнію.

Какова дата находокъ юга Россіи? Я уже говорилъ, что точно датирована Сѣверская бляха; она — поздне-эллинистическаго времени, не позже конца II в. до Р. Хр.

[1]) Kondakoff—Tolstoi, Ant. de la Russie mér., стр. 452, рис. 395; Спицынъ, l. l., стр. 53. Форма Успенскихъ фаларъ абсолютно тожественна вышеописаннымъ. Для быка Кондаковъ указалъ на Сасанидскія параллели.

[2]) Спицынъ, l. l., стр. 29; Я. Смирновъ, Восточное Серебро, таб. CXXIV.

[3]) Смирновъ, Вост. Сер., табл. XIII., рис. 2.

[4]) Museum Petropolitanum II, 1 стр. 200, 23.

Совпаденіе въ техникѣ и стилѣ съ находкой въ Галиче и полная одновременность этой послѣдней съ находками въ Таганрогѣ, Янчокракѣ и Старобѣльскѣ, а также тотъ фактъ, что религіозная идея, выраженная въ фаларахъ Галиче, соединяетъ ихъ съ находками въ Болгаріи и на югѣ Россіи, которыя не могутъ быть позже III в. до Р. Хр., позволяетъ думать, что и серія фаларовъ изъ Галиче и изъ южно-русскихъ находокъ относится къ тому же поздне-эллинистическому времени, а не къ поздне-римскому, какъ думалъ Фармаковскій. Эта же дата подсказывается полнымъ стилистическимъ сходствомъ нашихъ бляхъ и спеціально бляхъ изъ Старобѣльска съ двумя бляхами понтійскаго происхожденія изъ Cabinet des Médailles. Если надпись на одной изъ нихъ не поддѣлка, то эти бляхи должны быть датированы временемъ Миѳрадата Евпатора. Въ тоже время ведетъ и изображеніе головы слона на одной изъ нихъ. Слонъ въ эллинистической орнаментикѣ явленіе исключительное. Вполнѣ обыченъ онъ въ памятникахъ ранняго и поздняго эллинизма Бактріи и Индо-Скиѳіи.[1] Напомню, что находка въ Россіи или въ З. Сибири двухъ бляхъ съ изображеніемъ боевого слона, съ котораго сражается воинъ въ типичномъ македоно-бактрійскомъ шлемѣ, дѣлаетъ несомнѣннымъ связи Россіи съ Бактріей и Индо-Скиѳіей. Такія же связи Миѳрадата и Понтійскаго царства вообще также не подлежатъ сомнѣнію.[2]

Откуда же появилась на югѣ Россіи эта мода пользоваться наборами серебряныхъ бляхъ, сработанныхъ въ особомъ не чисто грeческомъ стилѣ? Назначеніе этихъ бляхъ можетъ быть установлено съ точностью. Если бляхи Александропольскаго кургана, Федуловской находки и Ахтанизовки можно было предположительно связать съ конскимъ уборомъ эллинистического времени, то такая связь съ эллинизмомъ для крупныхъ, тяжелыхъ, грубо орнаментованныхъ бляхъ болѣе поздняго времени весьма мало вѣроятна. Единственную аналогію и притомъ поразительно близкую даютъ конскіе уборы ранне-сасанидскаго времени. Достаточно взглянуть на наборъ бляхъ украшающихъ ремни сбруи лошадей Ормузда и Сапора I (242—272 по Р. Хр.) на знаменитомъ рельефѣ Накшъ-и-Редгеба или на его же рельефѣ въ Накшъ-и-Рустемѣ и Ширазѣ, чтобы убѣдиться, что лошадиный уборъ, гдѣ десятки огромныхъ бляхъ украшаютъ ремни нагрудника и накрупника лошадиной сбруи и огромная бляха въ видѣ розетки (см. особенно находку ст. Успенской) посажена на шею лошади, есть уборъ персидскій, вѣроятно унаслѣдованный Сасанидами отъ Парѳянъ, а ими отъ Ахеменидскихъ персовъ. Тотъ же уборъ изъ круглыхъ бляхъ, какъ извѣстно, типиченъ и для ассирійскаго конскаго убора, хотя бляхи этого набора не такъ массивны и тяжелы, какъ среди иранскихъ конныхъ рыцарей. Эллинистическіе всадники взяли свой аналогичный уборъ въ значительно смягченномъ видѣ оттуда же.[3]

---

[1]) Особенно показательны монеты. Помимо извѣстнаго изображенія Деметрія въ шлемѣ изъ шкуры головы слона (прототипъ фигуръ Александріи и Африки въ поздне-эллинистическомъ и римскомъ искусствѣ), составляющаго индійскій pendant къ головѣ Александра въ шлемѣ изъ шкуры льва, укажу на монету Менандра съ двуязычной надписью, мѣстной квадратной формы съ головой слона (на шеѣ колокольчикъ) вправо (A. Foucher, l. l., табл. III, 15) и на монету индо-скиѳа Maues, подражаніе монетамъ Деметрія съ такой же головой слона (A. Foucher, l. l., табл. IV, 1). Извѣстно, какую роль играютъ слоны въ религіозномъ буддійскомъ искусствѣ Индіи, начиная со временъ Асоки.

[2]) Kondakoff—Tolstoi, l. l., стр. 427, рис. 382; Спицынъ, l. l., стр. 29; Смирновъ, Вост. Сер., табл. CXX.

[3]) F. Sarre, Die Kunst des alten Persien, табл. 71, 73, 74, 75, 78, 79, 83. Ср. рѣзной камень Артана C. Huart, La Perse Antique, 1925, стр. 174, рис. 26. Изображенія осѣдланныхъ лошадей въ Индіи рѣдки. См. однако A. Foucher, l. l., II, стр. 9, рис. 301, ср. I, стр. 367 сл., гдѣ на скрещеніи нагрудного ремня съ сѣдельнымъ изображенъ огромный фаларъ. Ср. также лошадей на пилястрѣ изъ Barhut'a (II в. до Р. Хр.), St. Kramrisch, Grundzüge der Indischen Kunst 1925, табл. 15; на капители изъ Sarnath I в. до Р. Хр. D. R. Sahni and J. Ph. Vogel, Catal. of the Mus. of Arch. at Sarnath, 1914, стр. 246, табл. V — бляхи-

Въ иранскія мѣстности ведетъ насъ и анализъ сюжетовъ, стиля и орнаментаціи фаларовъ. Въ моей послѣдней статьѣ о сарматскомъ искусствѣ я указалъ на ближайшее родство ювелирныхъ вещей Сарматскихъ погребеній и такихъ же вещей изъ руинъ одной изъ греко-, а затѣмъ ирано-индійскихъ столицъ — Таксилы.[1] Особенно интересно сравнить вещи находки 1912—1913 г. въ Таксилѣ, датированныя I в. по Р. Хр., съ ювелирными издѣліями, найденными въ некрополѣ Бори на Кавказѣ, столь типичными для сарматскаго ювелирнаго искусства. Интересно отмѣтить, что въ Бори съ вещами найдены были монеты, изъ которыхъ часть оказалась индо-скиѳскими, часть парѳянскими (Готарзъ I 40—51 по Р. Хр.; Фраатъ IV 37—90 до Р. Хр.), часть римскими (гл. обр. Августъ). Отмѣчу въ Бори ожерелье изъ золотыхъ узловъ съ камнями ср. браслеты съ такими же узлами въ Таксилѣ; шейную гривну и пару серегъ съ колокольцеобразными подвѣсками ср. серьги изъ Таксилы съ такими же подвѣсками (форма ихъ живо напоминаетъ одну изъ вещей знаменитаго Сибирскаго клада, изданную Витзеномъ и потомъ исчезнувшую); серьги въ видѣ виноградной грозди встрѣчаются и тамъ и здѣсь; то-же ожерелье изъ мелкихъ круглыхъ бляшекъ; боченкообразная привѣска изъ Бори находитъ себѣ аналогію въ ожерельи изъ такихъ же подвѣсокъ въ Таксилѣ.[2] Наконецъ браслеты изъ Бори, такіе типичные для сарматскихъ гробницъ, ажурной и полихромной техники (Придикъ, табл. I, 8—10) необычайно близки браслету найденному въ Сиркапѣ (Ann. Rep. 1917—1918, табл. IV, a), равно какъ и обкладка рукоятки кинжала (Придикъ, табл. I, ср. Guide to Taxila табл. XVI, 10). Укажу и на то, что серебрянныя обивки ножекъ какихъ то предметовъ и серебрянные сосуды изъ Бори могутъ быть сравнены только съ предметами сасанидскаго искусства, идущими несомнѣнно отъ парѳянскаго и греко-индо-иранского искусства.[3]

Характерно, что многіе изъ перечисленныхъ вещей принадлежатъ къ числу наиболѣе типичныхъ вещей сарматскихъ погребеній, напримѣръ ажурныя боченкообразныя подвѣски украшенныя восьмерками и розетками попадаются почти въ каждомъ богатомъ сарматскомъ погребеніи: напр. Тифлисская стан. ОАК., 1900, стр. 103, рис. 187; Казанская, ibid. 1901, стр. 75, рис. 149; Бесленѣевская — ibid. 1895, стр. 67, рис. 144; Ярославская — ibid. 1896, стр. 58, рис. 286; Цвѣтна — ibid. 1896 стр. 89 рис. 256; Херсонесъ — ibid. 1894, стр. 61, рис, 85; Ольвія (хут. Филиппова) Arch. Anz. 24, 1914, стр. 254 сл., рис. 78—80. Раструбчатые браслеты, найденные въ большомъ количествѣ въ Таксилѣ[4], обычны въ Сарматскихъ погребеніяхъ (напр. браслетъ изъ кургана близъ Ольвіи — хут. Филиппова — Фармаковскій въ Arch. Anz. 29, 1914, стр. 254, рис. 78). Я уже упомянулъ, какъ обычны ажурные, украшенные камнями браслеты въ сарматскихъ погребеніяхъ. Имѣется и рядъ другихъ интересныхъ параллелей между Таксилой и сарматскимъ югомъ Россіи. Кинжалъ изъ Таксилы[5] идентиченъ съ кинжаломъ изъ Прохоровки Оренб. губ. (МАР., 37, 1918, табл. IV, № 10, ср. табл. V № 11). Парѳянская фигура изъ слоновой кости найденная въ Таксилѣ,[6] несомнѣнно принадле-

---

розетки на щекѣ и на груди; въ Amaravati — Arch. Survey of India, Ann. Rep. 1907—8, стр. 88 сл., табл. XXX В (такія же бляхи-розетки). Эта мода, конечно, пришла въ Индію изъ Персіи.

[1]) M. Rostovtzeff, Mon. et Mém. Piot, 26, 1923, стр. 47, прим. 2.

[2]) См. Е. Придикъ, Мат. для Арх. Россіи, 34, 1914, табл. II и Sir John Marshall, Arch. Survey of India, Ann. Rep. 1912—1913 (Calcutta 1916) табл. XXI b, и табл. XXII; A Guide to Taxila, Calcutta 1918 табл. XVI и XVII.

[3]) Е. Придикъ, l. l., табл. IV.

[4]) Sir John Marshall, Ann. Rep. 1912—1913, табл. XXI, a, ср. знаменитый реликварій Канишки изъ Пешавара, гдѣ божество Луны преподноситъ такую же раструбчатую гривну или браслетъ царю, A. Foucher, l. l. II, 2, табл. VI.

[5]) Sir John Marshall, Ann. Rep. 1915—1916, табл. VII, рис. 14.

[6]) Sir John Marshall, l. l. табл. IX, рис. 2.

*

жала къ набору, рядъ частей котораго найденъ былъ въ Ольвіи (Arch. Anz. 22, 1907, стр. 148 слл., рис. 15—28). Очень интересно появленіе въ одномъ изъ погребеній ст. Тифлисской (ОАК. 1902, стр. 66 слл., рис. 137 и 138) предметовъ изъ золота и серебра, очевидно религіозныхъ символовъ, въ формѣ трезубца и якоря, живо напоминающихъ извѣстный буддійскій „символъ изъ трезубца, колесъ или колеса и полумѣсяца т. наз. triśūla, составныя части котораго вѣроятно старше буддизма.[1]

Связь между югомъ Россіи и мѣстностями, гдѣ столкнулись греческая, индійская и иранская художественныя традиціи, такимъ образомъ, несомнѣнна. Я уже указывалъ на нее когда говорилъ, въ своей книгѣ о Декоративной живописи, о стилѣ расписныхъ гробницъ Керчи II-го в. по Р. Хр. Въ особенностяхъ этого искусства найдутъ себѣ объясненіе и типичныя черты стиля и орнаментаціи южно-русскихъ фаларовъ. Начну съ орнаментовъ. Сочные, грубые, рѣзко вырѣзанные листья аканѳа и лотоса, схематическія лиственныя розетки въ соединеніи съ греческими деформированными орнаментами (овы, киматій, веревочный орнаментъ) составляютъ — первые — особенность поздне-персидскаго искусства, особенно сасанидскаго,[2] второе — въ соединеніи съ первымъ — особенность греко-индійскаго искусства вообще и спеціально ряда предметовъ изъ Таксилы, напоминающихъ по формѣ и орнаментикѣ, если не по назначенію наши фалары. Я имѣю въ виду рядъ каменныхъ круговъ и реликваріевъ изъ Таксилы, которые всѣ украшены этимъ лиственнымъ орнаментомъ, въ соединеніи съ овами, киматіемъ и т. д., и фигурными изображеніями греко-персидскаго стиля.[3] Греко-персидскій ихъ характеръ особенно ясенъ изъ сравненія одного изъ этихъ круговъ, въ которомъ въ веревочной или скорѣе грубомъ подражаніи плетеной рамкѣ изображенъ

[1]) Ann. Rep., табл. XVI a и c; ср. Ann. Rep. 1907—1908, стр. 57 рис 5.

[2]) Въ эллинистической торевтикѣ эти аканѳы и лотосы, крупные и сочные составляютъ не правило а исключеніе. Правило — разнаго рода побѣги, вѣтки и вѣнки натуралистическаго характера въ особой необычайно привлекательной стилизаціи. Среди эллинистическихъ сосудовъ юга Россіи орнаментація листьями аканѳа и лотоса (вѣроятно, египетскаго происхожденія) представлена канѳаромъ Артюховскаго кургана, который К. В. Треверъ, Ольвійская полихромная амфора 1901 г., Мат. по Арх. Россіи, 36, 1918 стр. 6 слл. правильно сравниваетъ съ рядомъ египетскихъ вазъ изъ колл. Mc Gregor и съ серебряными сосудами изъ Итаки и Беотіи. Тѣмъ пышнѣе эта орнаментація расцвѣла на Востокѣ. Для сасанидской Персіи см. F. Sarre, Die Kunst des alten Persien табл. 90, 92, 93. Гораздо болѣе ранніе примѣры легко можно указать въ эллинистическомъ искусствѣ Индіи и болѣе ранняго, и болѣе поздняго періода. Кромѣ ритуальныхъ каменныхъ патеръ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже, см. всю серію памятниковъ, опубликованныхъ и разобранныхъ A. Foucher, l. l. I, стр. 218 сл. (La flore ornementale). Извѣстно, какую огромную роль игралъ въ архитектурѣ эллинистической Индіи коринѳскій стиль и какъ своеобразно трактовали греко-индійскіе мастера аканѳъ этого стиля. Отсюда, если не изъ Парѳіи, этотъ лиственный орнаментъ унаслѣдованъ былъ Сассанидской Персіей.

[3]) Серія этихъ каменныхъ круговъ м. б. орнаментальнаго, м. б. сакральнаго назначенія опубликована Sir John Marshall, l. l., Ann. Rep. 1912—1913 табл. XXIX, a, b, e; XXIX, a, b; 1915—1916 табл. V, b и VIII, g. Эллинистически-персидское происхожденіе ихъ несомнѣнно. Фигурные сюжеты ничѣмъ съ Индіей не связаны. Это — левъ-грифонъ, крылатый драконъ, бюсты мужчины и женщины съ чашей (Діонисъ и Аріадна?), три пляшущія фигуры (вакханалія?), тритонъ и драконъ. Орнаментика вся сплошь та-же, что и на фаларахъ юга Россіи: сочные листья лотоса и розетки. Укажу, попутно, на одно недоразумѣніе индійской археологіи. Типичная фигура ушастаго и зубастаго дракона съ вздернутой завиткомъ верхней губой, вавилонское происхожденіе которой несомнѣнно и которая такъ популярна на югѣ Россіи, перейдя сюда изъ Персидскаго искусства (напр., бляха Семибратнихъ кургановъ, Iranians and Greeks табл. XIII D), почему то упорно называется археологами, занимающимися индійскими древностями, крокодиломъ. Типичный примѣръ даетъ ранній косякъ двери изъ Mathura J. P. Vogel, Catal. of the Arch. Mus. at Mathura 1910, стр. 162, табл. XXV, M, 2 ср. A. Foucher, l. l. I, стр. 242 слл., рис. 124; Ann. Rep. 1909—1910, табл. XXVII c, ср. другой фрагментъ ibid. стр. 75 рис. 6. Отмѣчу, что на первомъ фрагментѣ драконъ изображенъ рядомъ съ фигурой столь типичной для іонійско-персидскаго искусства юга Россіи; я имѣю въ виду богиню съ змѣиными ногами кончающимися головами персидскихъ грифоновъ (напр. Iranians and Greeks табл. XVIII, 4); въ Mathura вмѣсто грифоновъ появляется другое восточное фантастическое животное — драконъ. Отъ индіанистовъ „крокодила“ заимствовали и синологи.

Таб. 7. Серебряные фалары изъ Пунджаба. (Брит. Музей.)

въ верхней половинѣ крылатый левъ-грифонъ, а въ нижней линіями намѣченъ пучекъ листьевъ, съ такимъ же дискомъ изъ Пунджаба въ Британскомъ Музеѣ. Здѣсь, также въ рамкѣ изъ т. наз. киматіевъ изображенъ въ верхней части всадникъ, ѣдущій на орлѣ-грифонѣ съ туловищемъ льва и хвостомъ рыбы. Нижняя часть заполнена такимъ же рядомъ линій, схематически передающихъ пучокъ расходящихся въ стороны листьевъ.[1]

Въ томъ же стилѣ сработаны и два серебряныхъ блюда, найденныхъ въ Сиркапѣ въ 1919—1920 г. Гирлянда, окружающая центральною розетку изъ листьевъ, живо напоминаетъ гирлянду двухъ фаларовъ съ боевыми слонами и гирлянду фалара съ головой Медузы изъ Ахтанизовки, о которыхъ рѣчь была выше.[2]

Единственныя параллели стилю фигурныхъ изображеній нашихъ фаларовъ я нахожу также, какъ на это уже указалъ Н. П. Кондаковъ,[3] только въ этой греко-ирано-индій-ской сферѣ, особенно для фаларовъ Сѣверской станицы и Янчокрака. Въ Сѣверскомъ фаларѣ (табл. 4) надо отмѣтить прежде всего, помимо деталей костюма: гривна на шеѣ, поясъ изъ металлическихъ бляшекъ, мягкіе сапоги Діониса, ножные и ручные браслеты гиганта, столь типичную для эллинистически-индійскихъ скульптуръ (сидящія и пляшущія фигуры) позу гиганта, находящую себѣ ближайшую параллель въ фигурахъ атлантовъ, столь популярныхъ въ греко-индійскомъ искусствѣ (A. Foucher, l. l., I, стр., 209, 226, рис. 104 и чаще). Сцены гигантомахіи (т. е. мотивы, заимствованные изъ греческихъ гигантомахій) также обычны въ греко-индійскомъ искусствѣ A. Foucher, l. l., I, стр. 245, рис. 125, ср. Ann. Rep. 1912—1918, таб. XIV в. изъ Nalanda: богъ, поражающій поверженную фигуру, шею которой обвила змѣя. Характерно, что на уже разобранномъ (стр. 252, прим. 3) рельефѣ изъ Mathura тѣло змѣи орнаментовано тѣмъ же точечнымъ орнаментомъ, что и тѣло змѣи, помогающей Аѳинѣ, на Сѣверской station бляхѣ. Стиль Сѣверской бляхи находитъ себѣ превосходную параллель въ болѣе эллинистической, но все же сильно индо-скиѳской, патерѣ изъ Бадакшана (рис. 2) Британскаго музея, съ изображеніемъ тріумфальнаго шествія Діониса.[4] Съ нимъ стилистически связано уже горазно болѣе индійское блюдо съ изображеніемъ Діониса, найденное въ Tank Dehra Ismail Khan, въ Пунджабѣ (табл. 7). Блюдо это по своей композиціи живо напоминаетъ фаларъ изъ стан. Успенской.[5] Еще болѣе характерны три серебряныя бляхи, вѣроятно, фалары, изъ Пунджаба, недавно поступившія въ Британскій музей (табл. 7). Характерны прежде всего обрамленія: т. н. овы, т. е. фризъ лиственнаго орнамента и веревочная полоса. Изображены на фаларахъ слоны, везущіе раджу или брамана, и богиня (или богъ?), сидящая на роскошномъ креслѣ съ двумя адорантами передъ ней, держащая въ правой рукѣ большую кисть винограда. По обѣ

[1]) Kondakoff — Tolstoi, Ant. de la Russie Mer., стр. 350, рис. 308; O. M. Dalton, The treasure of the Oxus, табл. XXIX, № 193. Рисунокъ Кондакова сдѣланъ съ фальшивой золотой бляхи воспроизводящей каменный дискъ. Отмѣчу, что въ Британскомъ Музеѣ имѣется подобный же дискъ изъ мрамора оттуда же (Akra въ Пунджабѣ) съ изображеніемъ Діаны и Актеона въ стилѣ близкомъ къ Сѣверской бляхѣ, O. M. Dalton, l. l., стр. 129.

[2]) Sir John Marshall, Ann. Rep. 1919—1920 (Calcutta 1922), табл. VIII, 5. Эта пара патеръ входитъ въ серію тѣхъ, которыя я цитировалъ на стр. 246, прим. 2. Характерно, что ложечки въ центрѣ патеры заполнены были цвѣтной массой въ той же техникѣ, которую я констатировалъ для обкладки ноженъ мечей Буеровой могилы и Прохоровки (Оренб. губ.) и которая, несомнѣнно, Персидскаго происхожденія, Мат. по Арх. Россіи 37, 1918, табл. III, ср. персидско-іонійскія патеры съ арамейскими надписями изъ Прохоровки ibid. табл. I.

[3]) Kondakoff — Tolstoi, l. l., стр. 450 слл. Н. П. Кондаковъ преимущественно указываетъ на парѳянскій характеръ фалара и датируетъ его слишкомъ позднимъ временемъ.

[4]) Часто издана, въ послѣдній разъ Sir George Birdwood, Industrial Art of India, стр. 148, табл. II.

[5]) Archaeologia, 55, 1897, стр. 534; A. Foucher, l. l. II, стр. 148 и рис. 390 на стр. 171. Фуше называетъ божество — le génie à la coupe. Прародитель этого генія конечно Діонисъ. Геній пьетъ изъ ритона и держитъ на животѣ мѣхъ полный вина. Сцены „вакханалій“ въ индо-греческомъ искусствѣ обычны A. Foucher l. l. I, стр. 251 и 253, ср. I. Ph. Vogel, Catal. of the Arch. Mus. at Mathura, стр. 83, табл. XIII C, 2.

стороны кресла по птицѣ. Отмѣчу чисто греческіе орнаменты на коврѣ, покрывающемъ слона и употребленіе точечнаго орнамента для передачи украшеній спинки кресла.[1]

Божество на Янчокракскомъ фаларѣ также находитъ себѣ ближайшія параллели въ греко-индійскомъ искусствѣ. Укажу, прежде всего, на фигуру Suparna (крылатый геній) изъ Таксилы, служившую подсвѣчникомъ для факеловъ одной изъ stupa Таксилы (A. Foucher, l. l., стр. 213, рис. 89). Типъ головы, крыльевъ, одежды живо напоминаетъ бога Янчокракскаго фалара. Еще интереснѣе сближеніе съ знаменитой пиксидой, въ которой Канишка помѣстилъ реликварій, погребенный въ одной изъ его ступъ въ Пешаварѣ. На этомъ реликваріи изображена фигура Канишки въ царскомъ одѣяніи между богами Мѣсяцемъ и Солнцемъ. Мѣсяцъ даетъ ему знакъ власти — типичный torques съ утолщенными концами уже упомянутый, Солнце вѣнчаетъ его. На шеѣ Солнца — ожерелье, центръ котораго составляетъ большая розетка. Стиль всѣхъ фигуръ реликварія живо напоминаетъ стиль бляхъ Сѣверской и Янчокракской, но, пожалуй, еще грубѣе. Тѣ-же боги изображаются на многочисленныхъ монетахъ Канишки.[2] Имя бога Солнца — Miiro

Рис. 2.
Индо-скиѳская тапета эмира Бадакшана (Британ. Муз.).

---

[1]) Насколько мнѣ извѣстно, бляхи эти не изданы. Разрѣшеніемъ опубликовать ихъ я обязанъ любезности O. M. Dalton'а. Датировать ихъ я не берусь. Но чисто греческій характеръ рамки, а также типичные стѣнные зубцы на бордюрѣ ковра, столь характерные для эллинистическихъ ковровъ, воспроизводимыхъ и въ живописи, и въ мозаикѣ, говоритъ за сравнительно раннюю дату. Не берусь и за задачу назвать по имени божество (или царя?) одной изъ бляхъ. Не имѣемъ ли мы дѣло съ богиней Изобилія, какъ на кушанскихъ монетахъ A. Foucher, l. l., табл. V, 20. Оригиналомъ послужили, конечно, монеты съ Зевсомъ на тронѣ индо-греческихъ царей. Изобиліе украшеній, спиральные браслеты на рукахъ позволяютъ думать о датѣ около Рождества Христова. Позволилъ бы себѣ еще указать на терракотту изъ Pataliputra болѣе ранняго времени, Ann. Rep 1917—1918, табл. XVI, рис. 3. Не могу не обратить вниманія и на близость бляхъ со слонами съ фигурой слона съ двумя корнаками уже цитированной капители пилястра изъ Sarnatha съ персо-іонійскими волютами и розетками, близкими къ розеткѣ на коврѣ одного изъ нашихъ слоновъ. Поза стараго mahaut со знаменемъ идентична позамъ слугъ, сидящихъ на крупахъ слоновъ нашихъ бляхъ. Еще болѣе интересенъ медальонъ изъ Gayati Tila, Mathura (Ann. Rep. 1919—1920, табл. XVII d.). Медальонъ этотъ въ сущности большая розетка изъ типичныхъ листьевъ лотоса. На ней фигура слона съ поводырями. Можно думать, что художникъ имѣлъ передъ глазами большую бляху съ центральнымъ изображеніемъ, подобнымъ изображеніямъ на нашихъ бляхахъ.

[2]) Пиксида Канишки издана въ Ann. Rep. 1908—1909, стр. 50 слл., табл. XII и XIII. О надписяхъ Ann.

или Miaro (т. е. Mihira, одна изъ формъ имени Миѳра?), бога Мѣсяца — Мао. На монетахъ, кромѣ того, имѣется рядъ другихъ боговъ и богинь, настоящій Пантеонъ кушанской религіи. Интересно было бы сравнить фигуры этихъ боговъ съ богами фіалы изъ Петроаскаго клада.[1]

Всетаки Янчокракскій фаларъ древнѣе Канишки. Богъ еще носитъ явныя черты Аполлона, онъ болѣе греческій чѣмъ боги Канишки. Въ какой мѣрѣ мы вправѣ сближать розетку въ его правой рукѣ съ буддійскимъ колесомъ, я не знаю. Формально колесо буддійства очень часто ничѣмъ отъ розетки Янчокрака не отличается. Каковъ второй аттрибутъ въ лѣвой рукѣ, я судить не берусь. Отмѣчу, что на рельефахъ ступы Barhut'a среди религіозныхъ символовъ, которыми украшенъ фризъ ограды, рядомъ съ розетками имѣются плоды манго, очень напоминающіе предметъ въ лѣвой рукѣ Янчокракскаго бога. Попутно отмѣчу на томъ же фризѣ головы молящихся около саркофага, одна изъ которыхъ чрезвычайно близка головѣ на камнѣ Сѣверской бляхи.[2]

Во всякомъ случаѣ, я думаю, что изображенъ на Янчокракскомъ фаларѣ Миѳра въ видѣ иранизованнаго Аполлона. Солнечная розетка изображена подъ ногами Миѳры, какъ его аттрибутъ, на знаменитомъ рельефѣ Такъ-и-Бустана, изображающемъ инвеституру царя Ардашира II-го (379—384 по Р. Хр.) Ормуздомъ и Миѳрой.[3] Напомню еще одинъ изъ рельефовъ Гатры, гдѣ по обѣ стороны головы Солнца имѣются два орла и рядомъ крылатый грифонъ.[4] Не случайнымъ я считаю и сходство головы Миѳры — Апполона Янчокрака съ головами двухъ Побѣдъ рельефа Хозрова (590—629 по Р. Хр.). Искусство Востока очень консервативно и нѣкоторые типы его держатся чрезвычайно цѣпко.[5]

Изображенія животныхъ на фаларахъ Старобѣльска, родственныя животнымъ фаларовъ Александропольскаго кургана, находятъ себѣ ближайшую параллель только въ животныхъ Стасовской катакомбы въ Керчи и родственныхъ памятникахъ, на которые я указалъ въ своей книгѣ о декоративной живописи на югѣ Россіи.

Что касается до содержанія изображеній на фаларахъ, то ясно, что греческое здѣсь наносное и чисто формальное. Суть — иранская: великая иранская богиня — Анагита, Миѳра и другіе боги иранскаго Пантеона.

Подведемъ итоги. Въ археологіи юга Россіи съ III в. начинаетъ сказываться вліяніе какого то новаго искусства, чуждаго болѣе ранимъ чисто скиѳскимъ погребеніямъ. Это искусство — поздне иранское, сложившееся подъ вліяніемъ ахеменидскаго искусства въ ранне эллинистическую эпоху на границѣ между скиѳскимъ или сакскимъ Туркестаномъ, Персіей и Индіей. Оттуда идетъ и прямой импортъ (находки въ Оренбургской губ. и фалары со слонами) и художественное вліяніе, раньше всего сказавшееся въ Александропольскомъ курганѣ. Можно думать, что это связано съ завоеваніями Александра, владычествомъ Селевкидовъ и славными временами Бактрійскаго царства. Отсюда пришелъ на югъ Россіи полихромный стиль, начинающій господствовать въ ювелирномъ дѣлѣ юга Россіи съ III в. до Р. Хр.

Rep. 1909—1910, стр. 135 слл. табл. LII. Ср. A. Foucher, l. l. II, 2, табл. VI. Медальонъ на груди Солнца надо сравнить съ такимъ же медальономъ на одномъ торсѣ изъ Mathura, Ann. Rep. 1909—1910, табл. XXIV, a: розетка и треугольныя подвѣски, какъ на серьгахъ Таксилы, стр. 251, прим. 2.

[1]) V. A. Smith, Catalogue of the Coins in the Indian Museum Calcutta, 1906, стр. 69 слл., табл. XI слл. Ср. рельефъ изъ Mathura Кушанскаго періода съ греко-кушанской фигурой бога Солнца A. K. Coomaraswancy, Introduction to Indian Art, 1923, табл. IV, 11.

[2]) St. Kramrisch, Grundzüge der Indischen Kunst, табл. I, b.

[3]) F. Sarre, Die Kunst alten Persien, стр. 44, рис. 11.

[4]) F. Sarre, ibid., табл. 62

[5]) F. Sarre, ibid., табл. 91.

Новая болѣе сильная волна тѣхъ же вліяній нахлынула на югъ Россіи столѣтіемъ позже, во II в. до Р. Хр. Это нельзя не поставить въ связь съ гибелью Бактрійскаго царства, усиленіемъ Пароіи, образованіемъ въ Индіи индо-скиѳскихъ или индо-сакскихъ царствъ. Всѣ эти явленія давно уже поставлены въ связь съ движеніемъ Юе-чи подъ напоромъ Гунновъ отъ границъ Китая къ западу и къ юго западу. Одна волна иранскихъ, сарматскихъ, какъ ихъ называли греки и особенно римляне, кочевниковъ за другой докатилась и до степей юга Россіи и разлилась здѣсь до южнаго Кавказа и до Днѣпра. Эта волна, т. е. новая волна Саковъ, укрѣпила полихромный стиль въ степяхъ юга Россіи, проникла въ греческіе города Боспорскаго царства и принесла съ собой тѣ конскіе наборы греко-ирано-индійскаго стиля, которые составляютъ предметъ этой статьи.[1]

Еще позже сами Юе-чи или другіе болѣе сѣверныя иранскія племена подъ напоромъ Юе-чи и Гунновъ дошли до степей Туркестана и западной Сибири. Отсюда они постепенно проникли и на югъ Россіи и съ ними новая волна звѣринаго стиля, о которой свидѣтельствуетъ Майкопскій поясъ, наиболѣе раннее проявленіе его, вещи Новочеркасскаго клада и Сибирскія массивныя бляхи. Объ этомъ новомъ аспектѣ сарматскаго искусства буду говорить болѣе подробно въ другомъ мѣстѣ. Отмѣчу, что вещи этого стиля проникли и въ Индію, гдѣ они, однако, попадаются спорадически и рѣдко, что говоритъ за то, что не сами, м. б. тюркскіе Юе-чи, кушаны, какъ ихъ называли въ Индіи, были его носителями.[2]

Для исторіи искусства факты, которые я вывелъ изъ анализа фаларовъ Болгаріи и юга Россіи имѣютъ большое значеніе. Искусство саковъ, или сарматовъ, какъ уже показалъ Стржиговскій,[3] какъ и древнѣйшее скиѳское искусство, было преимущественно орнаментальнымъ. Въ этомъ искусствѣ въ его южномъ аспектѣ преобладаютъ растительный и геометрическій орнаментъ и любовь къ краскамъ, къ рѣзкому сочетанію цвѣтовъ, къ красочнымъ симфоніямъ. Послѣднее свойственно восточному искусству вообще. Технически и въ разработкѣ орнаментальныхъ мотивовъ сакское или южно-сарматское искусство несамостоятельно. Оно всецѣло зависитъ отъ искусства Персіи, сильно проникнутаго греческими іонійскими элементами. Новыхъ орнаментовъ оно не создало. Старые оно сдѣлало болѣе грубыми и болѣе примитивными. Огрубѣла и раффинированная египетско-месопотамская техника. Настоящая скань и филигрань замѣнились псевдо-сканью и псевдо-филигранью. Полихромія стала болѣе рѣзкою и болѣе варварскою, какою она была и въ ранне-скиѳскомъ искусствѣ (Майкопъ). Фигурный стиль, умѣнье создавать живыя и хорошо спланированныя сцены туго прививались въ южно-сарматскомъ искусствѣ. Какой контрастъ къ пышному расцвѣту фигурнаго стиля въ ранне-буддійскомъ искусствѣ Индіи! Попытки ввести фигурный стиль, какъ показываютъ фалары и монеты индо-скиѳскаго и кушанскаго періода въ Индіи и монеты парѳянскія, были сдѣланы, но далѣе грубаго подражанія Греціи иранцы не пошли, и своего, новаго въ этомъ направленіи не дали. Новое внесли позже Сасанидскіе Персы.

Сѣверно-сарматское искусство, испытавшее также вліяніе греческаго іонійскаго искусства и связанное съ искусствомъ южно-сарматскимъ, проявило больше творчества. Оно продолжало разрабатывать искони иранскій звѣриный стиль. Новшествомъ сравнительно со скиѳскимъ звѣриннымъ стилемъ было болѣе широкое и по духу новое использованіе синтетической группы, въ которую эти сѣверяне внесли трагизмъ и пате-

---

[1]) Съ исторической точки зрѣнія интересно отмѣтить, что бляха сарматскаго типа проникла въ римскую армію, сначала на Дунай, а затѣмъ и на Рейнъ, вмѣстѣ съ сарматскими вспомогательными когортами и алами. На это указалъ и сопоставилъ матеріалы F. Drexel, Römische Paraderüstung въ Strena Buliciana, стр. 56 слл.

[2]) Ann. Rep. 1919—1920, табл. XXIV b. c.

[3]) Стр. 240, прим. 1.

тизмъ, удержавъ однако чисто орнаментальныя тенденціи звѣринаго стиля Проникла въ Сарматскій звѣриный стиль и тенденція изображать сцены быта въ пейзажѣ, но не укрѣпилась. Новшествомъ было и сочетаніе звѣринаго стиля съ полихромнымъ, давшее интересныя произведенія искусства, какъ напримѣръ Майкопскій поясъ, сибирскія бляхи, вещи Новочеркасскаго клада. Однимъ изъ центровъ развитія этого сѣверно-сарматскаго звѣринаго стиля былъ Тибетъ и Алтай, гдѣ только и водятся яки, играющіе крупную роль въ симплегмахъ животныхъ сибирскихъ бляхъ.

М. Ростовцевъ.

APPENDICE

ОТЧЕТЪ

О РАБОТАХЪ СЕМИНАРІЯ ИМЕНИ Н. П. КОНДАКОВА (SEMINARIUM KONDAKOVIANUM)

въ Прагѣ

за первый годъ его существованія (по 17 февраля 1926 г.).

Н. П. Кондаковъ, глубокій ученый, оказавшій своими работами длительное вліяніе на развитіе археологической науки не только русской, но и всемірной, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ незамѣнимымъ учителемъ для болѣе узкаго круга учениковъ и послѣдователей, которыхъ онъ захватывалъ и воодушевлялъ своимъ научнымъ энтузіазмомъ.

За всю долголѣтнюю преподавательскую дѣятельность Н. П. Кондакова и въ Одессѣ и въ Петроградѣ вокругъ него постоянно сосредотачивались люди, привлеченные имъ къ научному дѣланію. Многихъ изъ нихъ уже нѣтъ въ живыхъ, другіе продолжаютъ работать во славу русской науки.

Точно также за послѣдніе годы жизни Н. П. Кондакова, въ связи съ преподаваніемъ его въ Карловомъ университетѣ въ Прагѣ, вокругъ него образовался кружокъ учениковъ, стремившихся ближе и детальнѣе разрабатывать подъ руководствомъ учителя тѣ вопросы, которые затрагивались имъ на его лекціяхъ.

Н. П. Кондаковъ читалъ курсъ въ Карловомъ университетѣ въ Прагѣ — доступный фактически всѣмъ желающимъ слушать; кромѣ того онъ руководилъ занятіями студенческаго семинарія въ Карловомъ же университетѣ; затѣмъ на дому у Н. П. Кондакова образовался какъ бы особый семинарій privatissima — нѣкоторые изъ тѣхъ же слушателей его курса или участниковъ семинарія постоянно посѣщали Н. П. Кондакова, вмѣстѣ или порознь, вновь и вновь поучаясь, въ бесѣдахъ съ Никодимомъ Павловичемъ.

Никодимъ Павловичъ всегда охотно раскрывалъ сокровищницу своего ума, таланта и знанія, увлекаясь самъ работами и планами работъ своими и своихъ учениковъ.

Для этого ближайшаго тѣснаго кружка Никодимъ Павловичъ былъ средоточіемъ духовной жизни, учителемъ, съ которымъ можно было говорить обо всемъ, не боясь своего незнанія, живою совѣстью, передъ лицомъ которой нельзя было кривить душою.

Послѣ смерти Н. П. Кондакова участники всего кружка поняли, что они не могутъ такъ сразу разойтись и разстаться другъ съ другомъ въ дальнѣйшей научной работѣ, ибо такой разбродъ ихъ означалъ бы измѣну памяти Н. П. Кондакова, который объединилъ ихъ въ творческой научной работѣ.

Участники кружка почувствовали свою нравственную обязанность передъ памятью Н. П. Кондакова — не прекращать своего научнаго общенія, а наоборотъ — усилить свои труды и обострить свои исканія.

Такъ возникло дружеско-научное объединеніе — „Семинарій имени Н. П. Кондакова" (Seminarium Kondakovianum).

Въ составъ этого семинарія вошли слѣд. лица (въ алфавитномъ порядкѣ): Андреева М. А., Бѣляевъ Н. М., Вернадскій Г. В., Калитинскій А. П., Кондарацкая Л. П., Лосскій В. Н., Родзянко Т. Н., Рассовскій Д. А., Толль Н. В., Толль Н. П., Яшвиль (княгиня Н. Г.).

Руководителями занятій семинарія являются профф. Г. В. Вернадскій и А. П. Калитинскій.

Кромѣ перечисленныхъ выше участниковъ Семинарія, на нѣкоторыхъ собраніяхъ участвовали въ качествѣ гостей: С. К. Терещенко, проф. А. В. Флоровскій, д-ръ Ф. Феттихъ (хранитель Будапештскаго Музея).

Собранія семинарія начались въ апрѣлѣ 1925 г., прекращались въ теченіе лѣта (іюль — сентябрь 1925 г.) за разъѣздомъ большинства участниковъ и возобновились вновь съ 30 окт. 1925 г. На собраніяхъ Семинарія выслушивались и обсуждались доклады двухъ родовъ: 1. изложеніе вопросовъ связанныхъ съ научной работою членовъ Семинарія, 2. ознакомленіе членовъ Семинарія съ новостями научной литературы. Предметомъ работы Семинарія являются главнымъ образомъ археологія (въ широкомъ смыслѣ этого слова) и византиновѣдѣніе. Въ теченіе отчетнаго года состоялось 15 засѣданій Се-

минарія (4 весной 1925-го года и 11 — начиная съ конца октября 1925), на которыхъ прочитаны и обсуждены были слѣдующіе доклады и сдѣланы слѣдующія библіографическія сообщенія:

I. Доклады (въ алфавитномъ порядкѣ авторовъ):

Андреева М. А. 1. „О церемоніалѣ ромейскаго двора въ XIII в.“ (4 іюня 1925). 2. „Пріемъ татарскихъ пословъ при Никейскомъ дворѣ“ (18 дек. 25). — См. настоящій Сборникъ, стр. 187—200.

Бѣляевъ Н. М. 1. „О Фибулѣ въ Византіи“ (6 мая 1925). 2. „Украшенія поздне-античной и ранне-византійской одежды“ (11 дек. 25). — См. настоящій Сборникъ стр. 201—228.

Вернадскій Г. В.: „Византійскія ученія о власти царя и патріарха“ (30 окт. 25). — См. наст. Сборникъ стр. 143—154.

Калитинскій А. П.: 1. „О дуговыхъ фибулахъ Кавказа“ (14 мая 25). 2. „О чашѣ Казбекскаго клада“ (1 дек. 25). 3. „О надписи на чашѣ Казбекскаго клада“ (дополнительное сообщеніе въ связи съ письмомъ проф. Chabot автору) — 11 дек. 25. — См. наст. Сборникъ стр. 39—64.

Лосскій В. Н. „О властяхъ церковной и свѣтской по трактату Данте de Monarchia“ (6 ноября 25).

Рассовскій Д. А. „Черные клобуки въ древней Руси“ (два доклада — 29 янв. и 5 февр. 1926 г.)

Толль Н. П. 1. „О классификаціи ранне-средневѣковыхъ тканей“ (22 апр. 25). 2. „Объ изображеніи Хозроя на одной сасанидо-египетской ткани“ (20 ноября 25). — См. наст. Сборникъ стр. 93—100.

Феттихъ (д-ръ Фердинандъ) — „Древности Венгріи въ эпоху переселенія народовъ по новымъ находкамъ“ (15 янв. 1926).

II Библіографическія сообщенія (въ алфавитномъ порядкѣ — латинскаго алфавита — авторовъ сочиненій, которыя были предметомъ сообщенія):

Бенешевичъ, Памятники Синая, Изд. Росс. Акад. Наукъ, Petropoli 1925. (Сообщеніе Г. В. Вернадскаго 15 дек. 25).

Buličev Zbornik (Strena Buliciana), Zagreb—Split 1924 (сообщеніе Г. В. Вернадскаго 1 дек. 1925).

Дяковичъ Б. Антична гробница въ „Кукува могила“ при с. Дуванлий. Известия на Българския Арх. Инст. III, 1925, София (сообщеніе Н. П. Толля 12 февр. 1926).

Ebersolt J. Les arts somptuaires de Byzance. Paris 1923. (сообщеніе Н. М. Бѣляева 6 ноября 1925) — Ebersolt J. Constantinople byzantine et les voyageurs du Levant. Paris 1919. (Сообщ. Н. М. Бѣляева 12 февр. 25).

Moszyński Kaz. Badania nad pochodzeniem i pierwotną kulturą słowian. (Rozprawy Polsk. Akad. um., Wydz. Filol. t. LXII, N 2.) Krak. 1925. (Сообщеніе Н. П. Толля 15 дек. 25).

Takács, Zoltan v. Chinesisch-hunnische Kunstformen. Известия на Българския Арх. Инст. III, 1925, София. (Сообщ. Н. П. Толля 12 февр. 26).

*

Кромѣ вышеотмѣченной работы, въ Семинаріи производятся (и отчасти уже подготовляются къ печати) изслѣдованія по слѣдующимъ вопросамъ: 1) „Исторія Фибулы въ Россіи“ (А. П. Калитинскій); 2) Придворный Уставъ Константина Порфиророднаго (Г. В. Вернадскій, Н. М. Бѣляевъ, Н. П. Толль)[1]; 3) »De officiis« Кодина (М. А. Андреева); 4) Средневѣковыя ткани (Н. П. Толль); 5) Половцы (Д. А. Рассовскій).

Въ предстоящемъ академическомъ году наряду съ продолженіемъ названныхъ работъ поставлена задача приступить къ обработкѣ матеріала по исторіи торевтики въ Византіи и на Ближнемъ Востокѣ (Н. М. Бѣляевъ, А. П. Калитинскій) и къ изученію исторіи М. Пселла (Г. В. Вернадскій).

*

Въ связи съ намѣченнымъ планомъ дальнѣйшихъ работъ Семинарія требуется устройство при Семинаріи хотя бы незначительныхъ размѣровъ библіотеки и музея по археологіи и византиновѣдѣнію, а также организація археологическихъ экскурсій и развѣдокъ.

Скромныя личныя средства членовъ кружка — бѣженцевъ лишаютъ ихъ возможности организовать работу Семинарія должнымъ образомъ на свой счетъ.

Руководители Семинарія обращаются поэтому съ покорнѣйшей просьбою ко всѣмъ, кому представляется цѣннымъ дѣло „Семинарія имени Н. П. Кондакова“ оказать Семинарію моральную и матеріальную поддержку. Всѣ пожертвованія, хотя бы самыя скромныя, будутъ приняты съ благодарностью, и о нихъ будетъ сообщаться въ годовыхъ отчетахъ Семинарія съ точнымъ указаніемъ ихъ использованія.[2]

Руководители семинарія:

Проф. Г. В. Вернадскій,
Проф. А. П. Калитинскій.

---

[1]) Работа эта была начата подъ руководствомъ Н. П. Кондакова.

[2]) Пожертвованія могутъ быть направляемы по адресу княгини Н. Г. Яшвиль, N. Yaschwill, Střešovice 409, Prague, Tchécoslovaquie.

TABLE DES MATIÈRES

Pages

PORTRAIT DE N. P. KONDAKOV. Peint par la Princesse N. YASCHWILL

AVANT-PROPOS V

LISTE DES COLLABORATEURS VII

NIKODIM PAVLOVIČ KONDAKOV. Par G. V. VERNADSKIJ IX

BIBLIOGRAPHIE DE N. P. KONDAKOV XXXIV

В. А. ФРАНЦЕВЪ. Изъ воспоминаній о Н. П. Кондаковѣ XLI
V. FRANCEV. Souvenirs détachés: N. P. Kondakov.

С. А. ЖЕБЕЛЕВЪ. Иконографическія схемы Вознесенія Христова и источники ихъ возникновенія 1
S. ŽEBELEV. Les types iconographiques de l'Ascension de Jésus-Christ et les sources de leurs origines (2 fig.).

В. Н. ЗЛАТАРСКІЙ. Первый походъ болгарскаго царя Симеона на Константинополь 19
V. ZLATARSKI. Première campagne du Tsar Symeon de Bulgarie contre Constantinople.

N. JORGA. Les variations du type de la Dormition de la Vierge dans le vieil art roumain (2 fig., pl. I—III) 29

L. NIEDERLE. Keramika západních skythských mohyl 35
L. NIEDERLE. La céramique des sépultures scythes occidentales (2 fig.).

А. П. КАЛИТИНСКІЙ. Изъ исторіи фибулы на Кавказѣ 39
A. KALITINSKIJ. Contributions à l'histoire de la fibule au Caucase. 13 fig., pl. IV—VIII. (Résumé français). 62

TH. HOPFNER. Die Kindermedien in den griechisch-ägyptischen Zauberpapyri . . . 65

N. BĂNESCU. Un fragment inédit du „Poème à Spanéas“ (Cod. Marc. VII 51) 75

F. FETTICH. Die Tierkampfscene in der Nomadenkunst (10 fig., pl. IX—XIV) 81

Н. П. ТОЛЛЬ. Сасанидо-египетская ткань изъ Антинои 93
N. TOLL. Un tissu sassanido-égyptien d'Antinoé (2 fig., pl. XV).

A. PROTITCH. Un modèle des maîtres bulgares du XVe et du XVIe siècle (9 fig., pl. XVI—XVIII) 101

Г. А. ОСТРОГОРСКІЙ. Византійскій податной уставъ 109
G. OSTROGORSKIJ. Un traité byzantin sur la perception des impôts.

Γ. Α. ΣΩΤΗΡΙΟΥ. Βυζαντιναὶ ἀνάγλυφοι εἰκόνες 125
G. SOTÉRIOU. Les icones sculptées en Byzance (9 fig.).

A. MUÑOZ. Le ΕΚΦΡΑΣΕΙΣ nella letteratura bizantina e i loro rapporti con l'arte figurata (pl. XIX) 139

Г. В. ВЕРНАДСКІЙ. Византійскія ученія о власти царя и патріарха 143
G. VERNADSKIJ. Les doctrines byzantines concernant le pouvoir du Basileus et du Patriarche.

Н. Т. БѢЛЯЕВЪ. О Булатѣ и Харалугѣ 155
N. BELAIEW. „Bulat“ et „Karalugh“. Essai sur l'histoire de l'acier en Russie (14 fig.).

М. А. АНДРЕЕВА. Пріемъ татарскихъ пословъ при Никейскомъ дворѣ 187
M. ANDREJEVA. Une ambassade tartare à la cour de Nicée (2 fig.).

*

Н М. БѢЛЯЕВЪ. Украшенія поздне-античной и ранне-византійской одежды . . . 201
N. BÊLAEV. Les ornements du costume au Bas-Empire et en Byzance (25 fig., pl. XX).
J. CIBULKA. Iluminatoři rukopisu Velkých Kronik Francie 229
J. CIBULKA. Les enluminateurs des Grandes Chroniques de France. — Bibliothèque Nationale, Ms. Fr. 2813. 7 fig., pl. XXI. (Résumé français). 237
М. И. РОСТОВЦЕВЪ. Сарматскія и индоскиѳскія древности 239
M. ROSTOVTZEFF. Les antiquités sarmates et les antiquités indoscythes. 2 fig., pl. XXII—XXVIII. (Résumé français.) 257
TH. WHITTEMORE. A statuette of Akhenaten (pl. XXIX) 259
J. PUIG I CADAFALCH. La transmission de la coupole orientale à la basilique romane du XIe siècle (15 fig.) 263
O. M. DALTON. An enamelled gold reliquary (1 fig., pl. XXX) 275
G. MILLET. Les noms des auriges dans les acclamations de l'hippodrome (Étude critique sur le Livre des Cérémonies) 279
APPENDICE. Compte-rendu du „Seminarium Kondakovianum" pour l'année 1925—1926 (en russe) 297
Table des matières 299